

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

Человек должен числиться пропавшим без вести сорок
восемь часов, прежде чем к поискам подключится
уголовная полиция

СМЕРТЬ С УВЕДОМЛЕНИЕМ

ЧЕМ СИЛЬНЕЕ ПРЕСТУПНИК ПЫТАЕТСЯ ЗАПУТАТЬ
СЛЕДЫ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПОДСКАЗОК ОСТАВЛЯЕТ

Annotation

«Если в течение сорока восьми часов вы выясните, почему я похитил эту женщину, она останется в живых, если нет – умрет». С этого сообщения начинается извращенная игра серийного убийцы. Он морит своих жертв голодом, топит в чернилах, заживо заливает бетоном. Комиссар мюнхенской полиции Сабина Немез в отчаянии ищет какое-нибудь объяснение, мотив. Вместе с голландским коллегой ей удастся понять, по какому шаблону действует убийца: на жестокие преступления его вдохновляет старая детская книжка! Самое страшное, что еще не все идеи исчерпаны...

- [Андреас Грубер](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7. Вводная беседа](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13. Четвертый сеанс психотерапии](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20. Пятый сеанс психотерапии](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [Часть третья](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29. Восьмой сеанс психотерапии](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39. Последний сеанс психотерапии](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
-

Андреас Грубер

Смерть с уведомлением

*Посвящается
Хайдемари,
Веронике и
Гюнтеру.
Спасибо, мои
любимые*

Copyright © 2012 by RM Buch und Medien Vertrieb GmbH «Смерть
с уведомлением»

© «Центрполиграф», 2017

Пролог

Лифт с размеренным гулом проскользил вниз. Двери плавно разъехались, и в кабину проник бледный неоновый свет.

Кармен заторопилась по пустынному подземному гаражу. Как же она ненавидела этот серый бетон и стерильный свет! Каждый раз, когда ее ночная смена заканчивалась в пять утра в понедельник, на минус втором этаже царила тягостная тишина. Автомобили напоминали затаившихся в тени колонн существ – виднелись только капоты. Вокруг ни души. Иногда в подвале Института патологической анатомии Венского университета околачивались разные психопаты. Она задавалась вопросом, станут ли они нападать на сорокасемилетнюю женщину. Увеличивается или уменьшается с возрастом вероятность того, что ее не тронут?

Кармен озябла в своей белой униформе медсестры, пока шла к машине. Парковочное место U2-P58. Уже три года один и тот же номер. И так еле мерцающая лампа в этом углу окончательно перегорела, а камеру видеонаблюдения снова загораживал мешок с мусором, оставшимся после ремонта. Все отделочные работы обещали завершить к прошлому Рождеству – а сейчас почти конец марта. У больницы что, закончились субсидии?

Кармен дошла до своего «фольксвагена-гольфа» и нажала на кнопку центральной блокировки замка. Фары два раза мигнули желтым светом. В этот момент краем глаза она заметила какую-то высокую тень. Из-за колонны неожиданно выскочил парень. Не успела Кармен обернуться и поднять руку в оборонительном жесте, как почувствовала резкий укол сзади в шею.

Когда Кармен открыла глаза, вокруг было темно. Она находилась не в своей спальне, и даже не у себя в квартире. Не хватало тиканья часов, запаха свежего постельного белья и красного мигающего огонька видеорекордера. Вместо этого пахло сыростью, деревом и цементом.

Строительная площадка?

Инстинктивно Кармен понимала, что не лежит, а стоит. Откуда? Она понятия не имела. Может, потому, что слеза скатилась по щеке

вниз. Ей захотелось машинально вытереть лицо, но руки, тяжелые как свинец, остались неподвижными. Кармен охватила паника.

Что со мной произошло?

Она хотела пошевелиться, повернуть голову, но тело, казалось, окаменело. Ноги не слушались. Она даже не могла согнуть большой палец на ноге, как будто конечностей больше не было.

– Эй? Кто-нибудь? – прохрипела Кармен.

Ее голос, эхом отразившийся от стен, прозвучал, как в склепе. И все равно казался странно приглушенным, словно его перекрывал шум бурлящей в голове крови. Как летом на море в Хорватии, когда она, еще маленькая девочка, прижала к уху раковину, чтобы послушать гул прибоя.

Кармен закрыла глаза. Этот странный запах!

К спертому земляному духу примешивалась нотка ладана. Что за ерунда!

Кармен облизнула губы – какая-то крупчатая пыль. Она сглотнула. Кисловатый привкус! Неожиданно почувствовала приступ тошноты. Чуть не подавилась и сплюнула горькую желчь, которая потекла у нее по подбородку.

Что же случилось?

Кармен не могла по-настоящему плюнуть и повернуть или наклонить голову. Ее лицо упиралось во что-то жесткое и острое. Дыхание тоже давалось с трудом, словно грудь сдавливал тугой металлический корсет.

– Эй?

Проклятье! Хоть бы это был просто ночной кошмар. Как часто по ночам она подбегала к кроваткам своих плачущих детей, чтобы успокоить их? *Спи, малыш, это просто дурной сон! Мамочка здесь.* Между тем она живет в квартире уже одна...

Но сейчас все происходило на самом деле. Слишком реальными были привкус во рту и першение в горле. Слишком явственно стучала боль в висках – все сильнее и нестерпимее с каждой попыткой Кармен пошевелиться.

Какой сегодня день?

Она хотела помассировать себе виски. Обычно это помогало думать. Почему она не может пошевелить руками? Ее пальцы онемели, как будто кто-то перерезал ей все нервы.

Сконцентрируйся! Что последнее ты помнишь? Неожиданно всплыло воспоминание. *Подземный гараж! Парень за колонной! Укол сзади в шею!* На этом месте все расплывалось.

– Помогите! – С колотящимся сердцем Кармен заметила, что не просто кричит, а зовет на помощь. Все громче и громче, пока совсем не выдохлась: давление на грудь позволяло дышать лишь поверхностно.

Наконец ее кто-то услышал.

Совсем рядом, под дверью, показался свет. Но он был слишком слаб, чтобы рассмотреть что-либо в помещении. Послышались приближающиеся к двери шаги. Неторопливые и безразличные. Как будто кто-то спускался по лестнице.

Кармен считала шаги. Шестнадцать ступеней. Значит, это помещение этажом ниже.

Ниже чего?

– Помогите! – снова закричала она.

Тут послышался металлический лязг ключа в замке. Звякнула цепочка.

Пожалуй, это была не слишком хорошая идея: звать на помощь именно сейчас. Ей стоило подождать, пока не пройдет паралич. Тогда она могла бы осмотреть помещение и попытаться выбраться отсюда или, по крайней мере, найти какое-нибудь оружие. Сердце Кармен колотилось. Наверняка это тот мерзавец, который сделал ей инъекцию!

Массивная дверь тяжело открылась. Яркий луч света проник в комнату и на мгновение ослепил Кармен. Она прищурилась, видела только стройное тело от бедра и ниже в серых штанах и рабочих ботинках. Это вообще мужчина?

– Кто вы? – прохрипела она.

И в то же мгновение подумала: какой глупый вопрос! Мерзавец все равно не ответит. Он направился к ней. Мусор и гравий заскрипели под подошвами. Кармен невольно подумала о запахе строительной площадки. Они в подвале какого-то недостроенного здания? Или все еще в подземном гараже Института патологической анатомии? Нет, это точно не больница. Там Кармен еще никогда не замечала запаха ладана.

– Чего вы от меня хотите?

Снова никакого ответа. Когда-то она все равно это узнает. Не будет же он держать ее здесь вечно. Скоро она сможет двигать руками и ногами, и тогда горе ему. Что бы он ни задумал – ничего не выйдет. Одна лишь мысль, что он трусливо напал на нее сзади со шприцем, приводила Кармен в такую ярость, что она была готова ударить его по голове первым попавшимся под руку предметом.

Тут похититель открыл рот. Его голос звучал искаженно, как будто у парня был дефект гортани или разрезана трахея.

– Я ввел тебе анестетик...

Парень, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю, как только ты повернешься ко мне спиной. Не на ту напал...

– ...и миорелаксант.

На этом объяснения закончились. За ненадобностью. По одежде Кармен он знал, что она медсестра. Бедж на блузе подтверждал, что Кармен сотрудница гинекологического отделения Института патологической анатомии.

– Правда, я отказался от анальгетика. – Никаких эмоций, словно объяснения навевали на него скуку. Налобный фонарь снова ослепил Кармен. На этот раз она чуть дольше оставалась в пятне света. Вероятно, незнакомец наблюдал за ее реакцией.

Из десятков вопросов, которые одновременно вертелись у Кармен в голове, один особенно ее волновал: почему этот человек скрывает от нее свое лицо? Она его знает? Возможно, он не собирается ее убивать. Эта мысль немного успокаивала. Но ведь что-то он задумал. Что бы то ни было, Кармен воспользуется первой возможностью и убьет его, прежде чем он успеет что-либо с ней сделать. А она на это вообще способна? Кармен ни секунды не сомневалась. Ассистировать главврачу при вскрытии и разрезать скальпелем труп от грудины до пупка или всадить этому парню гвоздь или тупой карандаш в почку или легкое... в чем разница? Когда он, хрипя, скорчится, Кармен не почувствует ни малейших угрызений совести.

Не на ту напал! Я тебе не какая-нибудь блондинка из секретариата.

– Ты меня слушаешь? – Жестяной голос звучал надменно, что еще сильнее раздражало Кармен.

Она не ответила. Конечно, она слушала. Поняла каждое его проклятое слово. Анестетик, миорелаксант и анальгетик обычно

использовались перед операцией, чтобы ввести пациента в бессознательное состояние, обездвижить и лишить болевой чувствительности. В большинстве случаев требовалась дополнительная дозировка анальгетика – но мерзавец утверждал, что отказался от этого. В любом случае, за исключением ужасной мигрени, никакой боли не было. Что, черт возьми, он собирается с ней сделать?

Словно угадав вопрос, парень шагнул к Кармен. Яркий свет ослепил ее.

– Жертвы пожара чаще всего умирают, потому что прекращается клеточное дыхание, если кожа поражена больше чем на две трети. Чтобы с тобой такого не случилось, я обмотал твои руки и ноги мусорными мешками. На тебе дождевик и старые яхтенные штаны.

В голове у Кармен замерли все мысли. Мгновенно ее внимание было приковано к незнакомцу.

– Одежда хотя и не дышащая, но, по крайней мере, водоотталкивающая. Это предотвратит повреждение кожи цементом. – Он сделал паузу. – Во всяком случае, в самых важных местах.

О чем он говорит, черт побери? Кармен попыталась пошевелить пальцами руки, повернуть и запрокинуть голову, но безуспешно.

– Правда, спустя какое-то время начнется зуд, когда будет собираться пот и появятся грибок и паразиты. Надеюсь, у тебя крепкая иммунная система и ты не принимаешь регулярно лекарства – потому что здесь внизу ты их не получишь. У тебя больше нет свободного венозного доступа.

Кармен ежедневно принимала таблетки, понижающие давление, больше ничего. Она сглотнула неприятную горечь и заметила, как ее грудь заметно сдавило.

– Что?.. – прохрипела она.

– Наконец-то я вызвал у тебя интерес? – прозвучал бесчувственный голос незнакомца.

Кармен не ответила. Все это не имело никакого смысла. Но парень не дал ей времени собраться с мыслями.

– Я позабочусь, чтобы ты не умерла от почечной недостаточности.

Почему она должна умереть от почечной недостаточности? Парень произносил термины, которые обычно использовали только врачи или санитары. Может, она знает его по Институту патологической анатомии или другому медицинскому учреждению?

Всегда существуют контакты с другими отделениями. Возможно, он один из почти десяти тысяч сотрудников Венской многопрофильной больницы, и они там встречались.

Сколько времени прошло с момента, когда он ввел ей анестетик? Восемь часов? Наверняка в больнице ее уже ищут.

– Видишь... – Он сделал еще один шаг к ней и наклонился ближе. Свет упал на пол. – Обе эти трубки для того, чтобы предотвратить у тебя венозный застой. Через день я буду приносить тебе еду и воду.

У Кармен замерло сердце. Она хотела наклонить голову, но ничего не получилось. Краем глаза ей удалось заметить, как он выпустил из рук тонкую гибкую трубку, и ее конец упал в металлическое ведро.

– Но от боли я не могу тебя избавить. – Он глубоко вздохнул. Кармен услышала в его голосе возбуждение, как будто он давно ждал этого момента. – Я не знаю, когда наступит анкилоз, но, думаю, уже скоро твои суставы потеряют подвижность. Позвоночник окостенеет, а ногти начнут расти в обратную сторону. Но ты всего этого не узнаешь. – По голосу казалось, что парень улыбается. – Клаустрофобия и психическое напряжение сведут тебя с ума еще раньше.

Кармен не произнесла ни слова. Ее надежда убить похитителя словно испарилась. Парень был опасен и не в себе. Постепенно ею овладевала паника. Может, все это только ночной кошмар, подумала Кармен. Один из тех, когда, проснувшись, ты благодаришь Бога, что это был всего лишь сон.

– Я хочу пить, – прохрипела она. Во рту у нее пересохло.

– Завтра, – ответил голос.

– Что вы собираетесь со мной сделать?

Он стоял перед ней и рассматривал ее лицо. Кармен чувствовала его дыхание.

– Ты все еще не поняла?

Он отошел на несколько шагов и потянулся рукой куда-то вверх. Кармен не видела, что он достал, услышала лишь звон цепи. Видимо, дернул за какое-то подъемное устройство.

– Строительный раствор застыл лишь спустя восемь часов. Затем я установил этот полиспаг.

Он отпустил цепь и встал у Кармен за спиной. Свет от его налобного фонаря упал на зеркало, которое болталось на конце цепи,

отразился и затанцевал по стенам. Красный кирпич. Без отделки. Невысокий свод – как в маленьком винном погребе. Кармен показалось, что она разглядела крюки на каменном потолке.

– Надеюсь, твой вид не приведет тебя в ужас. Не забывай: твоя грудная клетка сдавлена. Ты можешь дышать только поверхностно! Чем спокойнее будешь реагировать, тем лучше. Как только начнешь паниковать, задохнешься.

Зеркало повернулось, так что на одно мгновение Кармен могла увидеть свое лицо.

И она увидела... *только свое лицо!*

Страх, паника и смятение одновременно овладели ею.

– Нет! – закричала она. – Нет, пожалуйста... Господи, нет!

В голове Кармен одна за другой лихорадочно менялись мысли. Неожиданно все начало обретать смысл. Его объяснения о коже, почках, позвоночнике, клаустрофобии и венозном доступе. Последнего у нее действительно больше не было.

В раскачивающемся перед собой зеркале она увидела бетонную колонну – примерно два метра высотой и шестьдесят сантиметров шириной – в наполовину отбитой деревянной опалубке. Из серого блока выступало только ее лицо, от подбородка до лба... и на уровне бедра торчали два катетера.

– Нет! – выкрикнула она. – Пожалуйста, нет!

Кармен заплакала. Непроизвольно ее мышцы напряглись, словно она могла разорвать бетонные оковы, но чем сильнее она пыталась пошевелиться, тем больше задыхалась. Она не могла расширить грудную клетку.

Пожалуйста, помогите мне!

Кто-нибудь должен прийти и разбить этот бетонный блок прежде, чем она сойдет с ума.

– На помощь! – закричала она как можно громче и, задохнувшись, начала жадно глотать воздух ртом. – Пожалуйста, отпустите меня, – взмолилась она. – Пожалуйста!

Она ничего ему не сделает. Кармен обещала, если он сейчас освободит ее из бетона, она даже не заявит на него в полицию. Все простит и забудет.

– Пожалуйста!

Он снова вышел вперед. По движению налобного фонаря она поняла, что он почти незаметно помотал головой.

– Я предусмотрительно ввел тебе антибиотик широкого спектра. Кроме того, время от времени буду давать тебе витамины, но рахита тебе все равно не избежать. – Фонарь снова ослепил ее. – А твои глаза станут чувствительными к свету.

Сначала Кармен не поняла, куда он клонит, потому что слышала только свое тяжелое дыхание, а перед глазами все еще стояло собственное испуганное лицо. Но голос повторил слова.

Недостаток витаминов и болезненная чувствительность к свету? Эти явления проявятся лишь через несколько недель. Сколько он собирается держать ее в этом блоке?

Слезы бежали у Кармен по лицу. Она чувствовала их соленый вкус на губах.

– Когда вы выпустите меня отсюда?

Он покачал головой.

– Я буду наблюдать, как ты выживешь в следующие месяцы.

Месяцы? Шестдесят или девяносто дней? Может, полгода! Ее словно парализовало. Но одна-единственная деталь зацепилась в сознании Кармен.

Он не сказал, *выживет ли* она в следующие месяцы, а *как* она это сделает.

Как?

В страхе и смятении!

– Пожалуйста! Не делайте этого!

– О! – Он склонил голову. – Я уже это сделал.

– Почему именно я?

– Может, ты сама догадаешься.

– Почему, ради всего святого?

Неожиданно его голос изменился. Стал выше и чище, как у девочки, которая рассказывает детский стишок.

Нет, все это не может быть на самом деле. Кармен закрыла глаза и стала мысленно молиться, чтобы наконец-то проснуться и больше не слышать голоса этого мужчины.

Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы этот блок упал и разбился! Сделай так, чтобы я проснулась в своей кровати и на следующий день снова пошла на работу. Пожалуйста!

Но Бог не внял ее мольбам.

Вместо этого она услышала, как мужчина удалился, закрыл металлическую дверь, пропустил цепь через ручку и начал подниматься по лестнице.

Старый детский стишок сопровождал каждый его шаг, ступень за ступенью...

«Скоро ль будешь ты уметь
Смирно за столом сидеть?
Скоро ль шалостям конец?» —
Строго так спросил отец.

А сынок, как без ушей,
И не слышит тех речей.

Ему совсем не сидится,
На стуле вертится,
Дрыгает ногами
И машет руками.

«Перестанешь ли, глупец!» —
Закричал в сердцах отец.

И вдруг она поняла, кто ее похитил.

Часть первая

Спустя два месяца

С воскресенья 22 мая до понедельника

23 мая

*В принципе,
мир довольно
рискованное место.
Здесь с человеком
может случиться
много плохого, что
довольно часто и
происходит.*

Анна Солтер

Керстин, Конни и Фиона одновременно сели в постели. Подушки и плюшевые мишки полетели на пол.

– Какую историю ты расскажешь нам завтра, тетя Бина? – возбужденно спросила Керстин.

Сабина ненавидела, когда ее называли тетей. Это старило ее, а в двадцать шесть лет она, ей-богу, была молода.

– Завтра у меня нет ночной смены. Я буду дома и отдохну от вас, дерзких девчонок, – ответила она.

– Тогда послезавтра! – хором закричали все трое.

Дочери ее сестры – четырех, пяти и семи лет, все блондинки – умели по-настоящему играть на нервах.

– Послезавтра, тетя Бина, что ты расскажешь нам послезавтра? – не успокаивались они.

Сабина подошла к окну. Горизонт уже погрузился в оранжево-синие сумерки. Скоро начнется ее смена. Мюнхенская Фрауэнкирхе^[1] была подсвечена. Купола обеих могучих башен вдалеке возвышались над крышами домов. Неожиданно у Сабины появилось странное чувство в желудке, как будто часть ее умерла. Она сглотнула горечь. Вид этой церкви почему-то всегда напоминал ей о смерти. Сабина быстро задернула шторы с детским любимым мультгероем Губкой Бобом Квадратные Штаны.

– В следующий раз мы получим задание из Ватикана.

– От папы римского? – вскрикнула Фиона, самая старшая. – Почему?

Сабина не могла понять, что с ней. Она попыталась взбодриться.

– Скоро Троица. Папа будет много ездить, и ему понадобится наша команда для выполнения одного особенно сложного задания, связанного с безопасностью.

– Куда мы поедем?

– Поедем? – Сабина подняла брови. – Мы полетим! На самых быстрых вертолетах, какие у нас только есть. Новая разработка нашей тайной лаборатории.

– Вот это круто! Почему папа попросил именно нас?

Фиона толкнула сестру локтем в бок.

– Потому что у нас лучшее оборудование!

– Именно, – подтвердила Сабина. – Приборы ночного видения, бронежилеты, рации.

– Ух ты! – завизжала Фиона. У Керстин округлились глаза. У Конни отвисла челюсть.

Тут раздался стук в дверь, и в детскую заглянула сестра Сабины:

– Пора спать. Пожелайте Сабине спокойной ночи.

– Послезавтра мы будем работать на бабу! – взволнованно выкрикнула Конни, самая младшая.

– Шшш! – Сабина чуть заметно покачала головой. – Тайное задание, – прошептала она Конни. – Ни слова вашей маме, иначе ей будет угрожать опасность.

– Вот это да! – зашумели девочки.

Сабина обняла племянниц и поцеловала каждую. Потом выключила свет, прикрыла дверь, оставив небольшую щель, и пошла к сестре в прихожую.

Моника с наигранным возмущением покачала головой:

– Что ты им постоянно рассказываешь?

– Они обожают такие истории.

– Знаю, – вздохнула Моника. – Мои рассказы о феях, эльфах и принцессах уже не нужны. Только не переборщи!

Сестра, которая была старше на три года, прислонилась к дверной раме, но все равно казалась на полголовы выше Сабины. Невероятно, что они сестры. Хотя Сабина была ниже, всего метр шестьдесят, Бог, к счастью, наградил ее тренированным мускулистым телом. Она называла это *компенсирующей справедливостью*. Сестра бросила учебу в сфере торговли и сейчас работала по полдня в городском музее, выдавая посетителям аудиогиды, а Сабина ходила в спортивную гимназию и продолжала тренироваться по сей день. Пробежки, пилатес и горный велосипед. Некоторые коллеги подтрунивали над ней – она что, пытается так компенсировать свой небольшой рост? Плевать! Она должна оставаться в хорошей форме ради своей работы.

Моника погладила Сабину по темно-каштановым волосам и пропустила мелированную прядь между пальцами.

– Серебристая прядь тебе идет.

– Я знаю, спасибо. Из Марокко, после нашей последней операции со службой безопасности. Керстин тоже хочет такую.

– О господи. – Взгляд Моника упал на золотой медальон в форме сердечка на шее Сабины, и старшая сестра посерьезнела.

Подарок отца. Сабина носила его с тех пор, как десять лет назад их родители расстались и обе сестры переехали с матерью из Кельна в Мюнхен. Сабина знала, что творится в душе у сестры. После развода родителей Моника перемыла отцу все косточки и избавилась от всего, что напоминало о нем. Она никак не могла принять, что Сабина по-прежнему привязана к отцу. При этом все было так просто: в разводе не бывает виноват кто-то один. Именно Моника должна знать это лучше других.

– Ты уже получила алименты за этот месяц? – спросила Сабина.

Моника выпустила ее волосы.

– Он не платил уже три месяца.

– Вот дерьмо! – выругалась Сабина. Ее бывший зять настоящий подонок.

– Тише! – Моника ухмыльнулась и указала на чуть приоткрытую дверь детской. – Хулиганки уже это повторяют.

– Э-э... – Сабина состроила гримасу. Потом снова посерьезнела. – Может, мне стоит вмешаться?

– Нет. Габриель заплатит.

Сабина кивнула. Взяла служебное оружие с комода и сунула в кобуру. Больше всего она хотела нанести Габриелю визит. Ее сестра, мать-одиночка с тремя девочками, едва сводила концы с концами – работая на полставки в музее и ютясь в пятидесятиметровой квартире. Она спала в гостиной на диване, а девочки занимали единственную спальню. Но господин адвокат не давал ни цента.

Сабина сунула кошелек в карман куртки и зашнуровала ботинки.

– Если тебе понадобится помощь, позвони мне – у меня ночная смена, ты можешь застать меня в полицейском участке. – Она пристегнула полицейский значок к ремню и надела куртку. Ее нижний край скрывал «вальтер» и запасную обойму на поясе.

– Знаю, малышка. – Моника обняла ее и, прижав к себе, долго не отпускала. – Спасибо. Без тебя я сошла бы с ума.

– Все будет хорошо. Завтра приедет мама и присмотрит за девочками, верно?

Моника кивнула.

– Кстати, как у мамы дела? Ты же снова ходила с ней в пятницу вечером на этот странный курс?

Курс пилатеса не был странным, только тренер – пятидесятилетняя, тощая как скелет женщина. Тут Сабина снова ощутила странное покалывание в желудке.

– Мне пришлось отменить встречу. Было полно работы, да и чувствовала я себя не очень.

– Ой-ой. – Моника подняла брови. – Как отреагировал старый дракон? Пошел один?

– Ты же знаешь маму. Вероятно, нет. Я оставила ей на автоответчике сообщение, что приму таблетку паркемеда и залезу в постель. С тех пор ничего от нее не слышала.

– Она даже не перезвонила? Нетипично для мамы.

Абсолютно! Уже несколько дней Сабину мучали угрызения совести, потому что она, лежа в пижаме на диване, посмотрела две серии «Тайн великих магов» и заснула, вместо того чтобы идти на тренировку. Но ведь ее мать самостоятельная женщина, которая может позаботиться о себе сама.

– Когда она придет завтра, поцелуй ее от меня. Мы наверстаем занятия пилатесом в эту пятницу.

– Хорошо, а теперь – вперед! – Моника шлепнула Сабину по ягодицам. – В погоню за негодяями! – Моника состроила злобную гримасу и согнула пальцы, изображая когти.

Сабина спустилась на лифте и вышла из многоквартирного дома, в котором жила ее сестра. По вечерам район рядом с Восточным вокзалом был небезопасен. Ее машина стояла на противоположной стороне улицы под мигающим фонарем. Она уже собралась открыть дверь автомобиля, когда из тени деревьев к ней бросился какой-то мужчина.

Сабина машинально опустила руку на пистолет.

– Белочка!

– Папа? – Что он делает в Мюнхене?

Отец выглядел ужасно. Осунувшееся лицо казалось еще темнее из-за трехдневной щетины. Под глазами синяки, словно он не спал несколько дней подряд.

– Я поехал к тебе домой, но тебя там не было. В участке сказали, что твоя смена скоро начнется, – и я подумал, что ты у Моники.

Сабина посмотрела на часы. Начало девятого. Ей нужно на работу.

– Почему ты не приехал ко мне в офис?

Слезы потекли по его щекам.

– Папа, ради бога, что случилось?

Он обнял ее и прижал к себе.

– Мне так жаль, Белочка!

С трех лет он называл ее Белочкой из-за густых каштановых волос и больших карих глаз. В подростковом возрасте она этого стыдилась, сейчас, будучи взрослой женщиной, еще больше.

– Серебристая прядь очень тебе идет, – всхлипнул он, слезы снова потекли по его лицу.

– Спасибо. – Она погладила его по плечу. – Успокойся. Что такого ужасного произошло?

– Твою мать похитили два дня назад.

– Что? – Сабина высвободилась из его объятий. – Откуда ты это знаешь?

Он провел пальцами по щетине. Руки его дрожали. Он больше не был похож на того крепкого шестидесятилетнего мужчину, который в свободное время все еще ремонтировал старые поезда, – отец постарел на несколько лет.

Похитили? Кто мог похитить маму?

Ситуация казалась ей странной. Два дня назад она собиралась идти с мамой на курс пилатеса и оставила ей сообщение на автоответчике. И вдруг появляется отец, который живет в Кельне, в пятистах километрах.

Сабина вытащила из кармана рабочий сотовый телефон и набрала номер матери. Голосовая почта. Сабина набрала другой номер. После восьмого гудка на домашнем телефоне включился автоответчик.

– Когда ты узнал, что маму похитили?

– Он позвонил мне сорок восемь часов назад.

Он? Сабина с недоверием посмотрела на отца.

– Ты общался с похитителем? – Сабина убрала телефон обратно в карман. – Ты сообщил в кельнскую полицию?

– Я ни с кем об этом не говорил.

– Ты с ума сошел? – вырвалось у Сабины. Только не потерять самообладание. По опыту работы в оперативном отделе полиции она знала, что свидетели путаются в самых простых фактах, когда им начинают задавать множество вопросов. И сейчас ей следовало собраться, чтобы не наброситься на отца с расспросами. – Садись в машину и расскажи мне все по порядку. Мы поедем на мой пост.

– Нет! Он сказал, что убьет ее, если я подключу полицию.

Убьет? Сабина огляделась: мимо них по дороге проезжали машины, несколько прохожих шли по тротуару. Она понизила голос.

– Думаешь, он следит за нами?

– Я не знаю... наверное, уже нет.

Уже нет?

– Отец, пожалуйста! Садись в машину. По дороге в участок ты мне все расскажешь.

Он неохотно залез в автомобиль. Когда машина тронулась с места, Сабина автоматически включила CD-плеер. Из колонок раздался гнусавый голос рассказчика. Аудиокнига Давида Сафира «Иисус любит меня». Сабина выключила плеер.

Они уже ехали по Розенхаймерштрассе в направлении реки Изар, когда Сабина повернулась к отцу:

– Пристегнись, пожалуйста.

Дрожащими руками он потянул за ремень.

– Два дня назад мне домой позвонил мужчина и измененным электронным голосом сказал: «Господин Немез, если вы в течение сорока восьми часов выясните, почему вашу бывшую жену похитили, она останется в живых. Если нет, то она умрет».

– Он так сказал? – Это какое-то недоразумение.

Отец кивнул.

– Единственная подсказка, которую я нашел, – это коробка перед дверью моей квартиры. В ней лежал маленький пузырек с чернилами.

– Ты ведь к нему не прикасался?

– Конечно, прикасался. Я его открыл. Внутри черные чернила.

– Если бы ты ничего не трогал, а сразу позвонил мне, мы бы начали масштабные поиски.

Если бы, если бы, если бы...

– Он сказал, что убьет ее!

– Может, все это неправда, и кто-то...

– Сабина! – перебил ее отец. – Я слышал ее голос по телефону. Она умоляла о помощи. Потом он оттащил ее.

У Сабины перехватило дыхание. Кажется, все плохо. Мама никогда не попросила бы отца о помощи.

– Попытайся вспомнить. Когда именно истекают сорок восемь часов?

– Они уже истекли, – тихо произнес он.

Сабина увидела, что он глазами ищет электронные часы на панели приборов.

– Почти пятьдесят минут назад он снова мне позвонил и задал тот же вопрос. Потом сказал, что срок вышел, и повесил трубку.

Сабина выехала на мост Людвига через реку Изар. В воскресенье вечером движение было не таким медленным, как обычно, но неторопливо катящиеся машины все равно раздражали. Она вытащила рацию и связалась со своим полицейским участком. Колонович, начальник ночной смены оперативного отдела полиции, ответил гнусавым голосом.

– Привет, Вальтер, это Сабина Немез, – перебила она его. – Около сорока девяти часов назад была похищена женщина. Ханна Немез, шестьдесят пять лет. Десять лет назад переехала из Кельна в Мюнхен и проживала на Винцерштрассе, в Западном Швабинге, в прошлом директор начальной школы, сейчас на пенсии. Мы должны немедленно начать ее поиски.

Мужчина на другом конце какое-то время молчал. Вероятно, записывал информацию. Потом прочистил горло:

– Бина, ты говоришь о своей матери?

– Да. Я направляюсь в отделение.

Он снова откашлялся, словно раздумывал.

– Не хочу тебя волновать, но несколько минут назад поступило сообщение. Священник и смотритель собора нашли труп пожилой женщины в центральном нефе.

– О нет! – Ее отец прижал ладони ко рту. Снова по его щекам покатались слезы.

Фрауэнкирхе, кафедральный собор Пресвятой Девы Марии, считался символом Мюнхена. Главное полицейское управление, отделения и участок Сабины находились на Эттштрассе, в нескольких минутах ходьбы от собора. Сабина знала короткий путь. Резко

затормозив, она пересекла перекресток с круговым движением и свернула на боковую улочку, ведущую в район Альтштадт. Покрышки взвизгнули, позади засигналили автомобилисты. Отец вцепился в поручень. Между крышами домов уже виднелись освещенные башни собора с массивными куполами.

– Мы еще не знаем, кто она, – быстро добавил Колонович.
Но Сабина не могла сдержать отчаяния.

Молодым остается тот, кто радуется будущему так же, как и прошлому, – эта поговорка подходила отцу Сабины больше всех, кого она знала. Но сейчас в его опухших от слез глазах она видела боль последних дней. Ее родители развелись после жуткого спора по поводу денег и права родительской опеки. С тех пор Сабина думала, что их отец оправился от расставания, смог забыть бывшую жену, – но в эти минуты увидела, что он безгранично по ней скучает. Сабина припарковалась вторым рядом в начале пешеходной зоны и положила под стекло зеленое пластиковое удостоверение оперативного отдела полиции.

– Жди здесь, – сказала она отцу и вышла из машины.

– Разве тебе туда можно, Белочка? – крикнул он ей вслед.

– Папа, я комиссар. – В двадцать шесть лет она была самым молодым комиссаром в оперативном отделе мюнхенской полиции. Как связующее звено с уголовной полицией их часто называли «пожарными полицией». Когда служащий уголовной полиции появлялся на месте преступления, были уже сняты все отпечатки, установлена причина смерти и опрошены свидетели.

Сабина побежала через площадь к главному portalу Фрауэнкирхе. Освещающие кирпичный фасад прожекторы придавали ему мрачный оранжевый оттенок. Массивные двери были настолько огромные, что, стоя на площади перед главным порталом, Сабина не видела даже стрелок на часах. Еще выше в темноте оба купола светились странным зеленовато-голубым цветом.

На площади стояла только небольшая группа подростков. Да несколько уличных музыкантов играли под фонарем. Они окружили большой рекламный стенд, который сообщал о мессе папы римского в соборной церкви за неделю до Троицы. Значит, «баба», как назвала его Конни, действительно приезжает в Баварию. Сабина подумала о секретном задании и истории, которую она хотела рассказать племянницам в следующий раз.

Сабина прошла мимо автомобиля уголовной полиции, который стоял посередине площади, и локтем отодвинула тяжелые ворота, чтобы не смазать отпечатки. Ее коллегам не нужно было пользоваться

отмычкой. Замок был взломан большим долотом, на полу валялись щепки. На деревянной раме остались следы шириной несколько сантиметров, которые невозможно не заметить. *Хоть бы это была не мама...* Мысль казалась такой нереальной. Вероятность того, что это убийство и похищение ее матери как-то связаны, очень мала. Такого просто не может быть. Но именно поэтому Сабина и ощущала смутную уверенность, которая холодным камнем лежала в животе.

В главном нефе было пусто и темно. Люстры, как мрачные шары, парили над скамьями. Кое-где горели свечи. Тусклый уличный свет проникал внутрь через узкие цветные окна. Пахло ладаном, воском и старым деревом. К своему стыду, Сабина должна была признать, что последний раз была в этой церкви три года назад, – и то лишь чтобы зафиксировать следы вандализма и порчи имущества.

Многочисленные колонны придавали помещению собора сходство с чересчур высоким лабиринтом. Сабина направилась по широкому проходу к алтарю. Шаги по мраморному полу гулко звучали в тишине. Как ей отыскать своих коллег во всех этих часовнях, галереях, сакристии и крипте? Вдруг где-то за ее спиной мелькнула световая вспышка, и Сабина развернулась. Над полукруглой аркой главного нефа располагалась западная эмпора в виде широкого балкона. На ней возвышались серебряные органые трубы. Еще одна вспышка. Ее коллеги собрались вокруг органа. Сабина поискала глазами лестницу, которая вела на эмпору.

Сегодня дежурили Симон и Валнер. В стороне ждали священник в черной сутане и пожилой лысый мужчина в вязаной жилетке и серых штанах на резинке. Старик, видимо тот самый смотритель, взволнованно заламывал подагрические руки. Хотя больше здесь никого не было, территорию оградил. Подиум освещали два прожектора. Под одним из сводов, над которыми виднелись органые трубы, на ступенях стояли стулья для хора. Там Валнер и разложил содержимое своего чемоданчика. Когда Сабина только пришла в оперативный отдел, он уже слыл легендой мюнхенской уголовной полиции. На одном из стульев лежал его контрольный список. По числу проставленных галочек Сабина поняла, что он только начал. Как всегда, зачесал волосы набок, чтобы прикрыть лысину. Напрасные мучения. Через несколько лет волосы станут тонкими, как папиросная

бумага, и тогда это будет выглядеть нелепо. Но все равно он отличный парень и приятный коллега.

– Привет, Бина. – Валнер быстро взглянул вверх и провел кисточкой по белому порошку на подлокотнике стула. Пустая затея. Он обнаружит десятки различных отпечатков пальцев и в два раза больше фрагментов.

Симон, коллега помладше, тоже поднял глаза:

– Тебя Колонович сюда прислал?

Она не ответила. Симону около тридцати пяти, уже лет десять работает в оперативном отделе вместе с Валнером. Единственный из ее коллег, кого можно назвать красавчиком. Раньше после смены они частенько ходили в ирландский паб на Бетховенплац, и даже два раза к ней домой. Сабина знала, что это не большая любовь, и все равно позволяла ему ухаживать за ней. Но потом он неожиданно женился на другой. Конечно, Сабина сразу же порвала с ним. Она не знала, что творилось в его голове, да и не спрашивала. Симон склонился над трупом, который лежал под пультом органа. Только ноги торчали. На женщине была кремового цвета юбка, но ни обуви, ни чулок. Ее голые ноги были прикованы цепью к металлическим ножкам музыкального пульта.

– Кто погибшая? – спросила Сабина.

Симон выключил диктофон.

– У нее с собой нет удостоверения личности. Пока мы только знаем, что она не работала в церкви.

– Мне надеть бахилы?

– Не обязательно. – Симон поднял глаза. – Но, если собираешься подойти ближе, будь осторожнее, не наступи в чернила.

Чернила! Только сейчас Сабина увидела черные брызги на полу. Она подумала о пузырьке с чернилами, который упоминал ее отец. У Сабины стиснуло грудь и внезапно появилось чувство, что сердце вот-вот разорвется.

– Что произошло? – прохрипела она.

– Я как раз почистил скамьи в боковой секции, – пробурчал смотритель у нее за спиной. – И вдруг услышал органную музыку. Я сходил за священником, а когда мы побежали вверх, игра прекратилась. Никого не было. Только эта мертвая женщина.

Сабина подошла ближе. Клавиши органа-монстра напоминали пульт управления в кабине пилота. Клавиатуры на четырех уровнях и две полукруглые боковые панели с многочисленными кнопками и переключателями. Банкетка отодвинута в сторону. Труп лежал на спине. Его руки тоже были прикованы цепью к ножкам стола. На жертве была надета модная фиолетовая блузка. Сабина узнала ее. Она опустила на колени, чтобы посмотреть на лицо женщины.

– Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это не простое убийство. – Валнер сделал паузу. – Скорее казнь, которая...

Сабина больше не слушала. Она не могла оторваться от расширенных от ужаса глаз матери. Лицо бледное, как у призрака. Из рта торчала гибкая трубка шириной с большой палец, к концу которой была прикреплена воронка. Рядом стояла черная канистра. Ее бездыханная мать лежала на холодном полу. Мороз охватил тело Сабины. Это невозможно! Разве ее мама может лежать здесь? Как ни странно, в голове вертелось только одно: Керстин, Конни и Фиона! Как им сказать, что бабушка лежит здесь, а Симон ее фотографирует?

У Сабины закружилась голова. Казалось, что холодный воздух собора и запах воска и ладана все быстрее вертятся вокруг нее. Сабина оперлась ладонью о пол. Она хотела, чтобы ее мама пошевелилась, закрыла глаза, снова открыла и села. Вставай же! Сабина невольно задержала дыхание. Не могла вдохнуть. Она давилась, ощущала желудочный сок во рту и соленые слезы на губах.

Священник, оказавшийся рядом, положил руку ей на плечо:

– Что с вами? Вы знаете эту женщину?

Валнер и Симон подошли ближе:

– Бина!

Зрачки ее матери! Такие прозрачные, еще не помутневшие. Что-то изменилось в ее лице – казалось другим. Необычным. Но Сабина не могла понять, что именно. Она лишь знала, что у нее было сорок восемь часов, чтобы найти маму живой.

Кто-то попытался оттащить ее от матери.

Вдруг Сабина закричала:

– Нет, нет, нет...

Сабина сидела ночью в своем бюро с чашкой горячего кофе. Ничто – ни учеба в полицейской школе, ни работа в оперативном отделе – не могло подготовить ее к тому, что однажды придется вот так обнаружить свою мать. И все равно – а может, именно поэтому – она задавалась вопросом, найдут ли ее коллеги преступника. Возможно, убийство ее матери никогда не будет раскрыто.

В настоящий момент Сабина занималась абсолютно неважными вещами, но она хотела отвлечься, и тем не менее ее мысли вертелись как белка в колесе. Апатично она думала об оглашении завещания и подготовке к похоронам. Лучше похоронить маму в Кельне или Мюнхене? Сабина и ее сестра выросли на бабушкиной ферме в Баварии и переехали в Кельн только из-за работы отца, который занимался ремонтом и реставрацией железнодорожного транспорта. Там мама работала сначала учителем, а потом директором школы. Но в глубине души всегда оставалась баваркой... до самой смерти. Слезы навернулись Сабине на глаза.

Моника сойдет с ума от горя, когда узнает о смерти мамы. Как объяснить Керстин, Конни и Фионе, что бабушка больше не придет их навестить? Больше нет смысла тянуть. Она набрала номер Моника. По голосу поняла, что та еще не спала. И рассказала сестре о том, что случилось.

– Убита? – Моника была на грани истерики.

– Да. Мне приехать к тебе?

– Нет... – Моника разрыдалась. – У тебя наверняка полно дел.

– Прежде всего я должна присмотреть за отцом.

– Он здесь?

Сабина рассказала всю историю, ненавидя себя за эту роль гонца, приносящего дурные вести.

– Постарайся заснуть, – сказала она на прощание и отключилась.

Сабина долго смотрела на телефонную трубку. Отец сидел в комнате ожидания в конце коридора. После нервного срыва в церкви Валнер привез ее на служебной машине в участок и предложил успокоительное, но Сабина отказалась. В это время патрульный полицейский отвез ее отца в управление. Сабина знала, что он

воспринял известие о смерти бывшей жены так же тяжело, как она. Но сейчас ей было все равно. Она все еще не могла поверить, что отец молчал о похищении сорок восемь часов. *Ты должен был позвонить мне!* Она специально оставила его одного в комнате ожидания, потому что знала, как отреагирует, как только увидит. Сабине хотелось наброситься на него с кулаками... *Сорок восемь часов!*

Она встала и посмотрела на настенные часы. Пять минут двенадцатого. Утром об убийстве в соборе сообщат по радио, в газетах новость появится лишь в вечерних выпусках.

В комнате ожидания пахло свежесваренным кофе, но отец не притронулся к чашке. В мусорном ведре лежало несколько носовых платков. Он сидел с покрасневшими глазами на деревянной скамье и смотрел на стену перед собой. Пальцы барабанили по подлокотнику. Увидев Сабину, он вскочил.

– То, что мне рассказали твои коллеги, – это правда?

Сабина кивнула.

– О господи, Белочка! – Плача, он прижал Сабину к груди, и в следующий момент ее злость и ненависть к отцу испарились. – Мне так жаль, – всхлипывал он. – Твои коллеги хотят меня допросить.

Она высвободилась из его объятий.

– Папа, это не допрос... просто несколько вопросов.

– Что я должен им рассказать?

Это просто невероятно! Какой глупый вопрос! Таким беспомощным она своего отца еще не видела.

– Правду, конечно, – сказала Сабина.

– Правду? Я знаю, как это будет, – фыркнул он. – Как только я упомяну, что уже два дня в курсе похищения твоей матери, меня обвинят в содействии в убийстве, потому что я ничего не предпринял. Не секрет, что мы два года вели «войну роз» и с тех пор находились в ссоре. Да я из этого не выкарабкаюсь.

– Отец! – Сабина начинала паниковать. – Ты *должен* рассказать правду. Ничего не скрывай, мне все равно это станет известно. – Она насторожилась. – У тебя ведь есть алиби на этот вечер?

Он пожал плечами.

– Сегодня утром я приехал в Мюнхен в надежде, что парень снова позвонит. Но он не давал о себе знать весь день, только вечером... А квартира твоей матери оказалась взломана.

Сабина схватила отца за руку.

– Ты был там? Ты ведь ни к чему не прикасался?

– Я... я не знаю. – Он махнул рукой.

В этот момент дверь открылась, и вошел Валнер.

– Господин Немез?

Отец Сабины глубоко вздохнул и выпрямился, словно пытаясь сохранить самообладание.

– Мы должны снять у вас отпечатки пальцев, это стандартная процедура, – объяснил Валнер. – И потом у нас будет несколько вопросов.

Сабина заметила, что отец оцепенел, а его взгляд стал холодным.

Пока с отцом беседовали, Сабина наведлась в бюро своего начальника. Колонович, которому скоро должно стукнуть пятьдесят, был великаном с широкими плечами, горчичного цвета волосами и бородой. Из-за морщинок и кругов вокруг глаз он выглядел старше своих лет. Иногда – например, сегодня – своим телосложением и сонорным голосом он напоминал бога Зевса. Нацепив очки для чтения, Колонович рассматривал пачку фотографий. Рядом с ним за столом сидел Симон. Они обсуждали это дело.

Когда Сабина кашлянула, Колонович поднялся и направился к ней. Взял ее руки своими лапами.

– Бина, мне очень жаль. Если хочешь, кто-нибудь из коллег отвезет тебя домой. Я дам тебе два дня отпуска.

– Спасибо, но сейчас я должна чем-то себя занять, иначе свихнусь.

Колонович кивнул:

– Ладно. Симон собирается осмотреть квартиру твоей матери. – Он бросил на коллегу взгляд. – Бина, откуда ты вообще узнала, что твою маму похитили?

Это был главный вопрос, который занимал всех. Она надеялась, что отец ничего не утаил и не пытался приукрасить.

– Мне сообщил отец.

Колонович не хотел мучить ее дальше.

– Ясно, – пробормотал он. – Скоро мы будем знать больше.

– Я поеду с Симоном в квартиру, – заявила она.

– Нет, он займется этим один.

- Это отвлечет меня, – возразила Сабина.
- Бина, я сказал – нет; а теперь марш отсюда!

Скрестив руки на груди, Сабина ждала перед машиной Симона. Около часа ночи температура воздуха была плюс пять градусов.

Симон поставил чемодан рядом с автомобилем и провел рукой по коротким светлым волосам.

– Так и знал, что ты здесь появишься.

– Общая входная дверь никогда не запирается, но на квартирной надежный замок. – От отца Сабина знала, что дверь взломали, но все равно вытащила, гремя, связку ключей. – Тебе понадобится поднять с постели управляющего, а в такое время это вряд ли удастся.

Он кивнул.

– Ладно, залезай, но шефу ни слова.

Можно не сомневаться, она ничего не расскажет.

Через двадцать минут они приехали на Винцерштрассе в Западном Швабинге. Симон припарковался перед четырехэтажным жилым домом из желтого кирпича с искусной лепниной. Лунный свет проникал сквозь листву деревьев, кованный забор отбрасывал короткие тени на тротуар. У Сабины сдавило грудь, когда они с Симоном – у каждого в руке тяжелый чемоданчик – открыли железную калитку и направились к дому. Все как при любом выезде на место преступления – и все равно ей казалось, что она просто навещает маму. Такой знакомый путь. Мусорный бак в нише, ржавый велосипед под навесом, таблички с именами на домофоне. Сабина толкнула дверь, которая со щелчком открылась.

Симон последовал за ней по лестнице на мансардный этаж. В воздухе стоял спертый запах фритюрного масла. Из-за одной квартирной двери раздавались приглушенные звуки работающего телевизора. Завтра утром Симон должен будет опросить жильцов, большинство из которых Сабина знает лично.

Мамина квартира единственная на верхнем этаже. Оставшаяся часть стропильной фермы находилась в открытом доступе. Летом здесь часто развешивали сушить одежду. Из-за многочисленных уклонов и скосов крыши почти все шкафы, комоды и стеллажи в квартире были сделаны на заказ – и оплачены отцовскими алиментами, которые мама получала после развода.

Не думай о родителях! Сегодня ночью это просто место преступления, как любое другое.

– Все в порядке? – спросил Симон.

– Да. – Сабина еще не до конца осознала, что ее матери больше нет в живых. Наверняка эти чувства накроют ее позже и куда сильнее. Но сейчас она была словно в трансе и хотела поскорее заняться расследованием.

– Что тебе удалось найти в соборе? – спросила она.

Симон, тяжело дыша, поднимался рядом с ней по лестнице.

– Никаких отпечатков на ведре, трубке, воронке или цепях. Я уверен, что убийца не оставил ничего на органе и взломанной двери.

– Возможно, на трупе.

– Бина, ты знаешь, сколько стоит вапоризация, и до сих пор мы практически никогда не находили отпечатков пальцев на коже.

– Но мы могли бы попробовать.

– Поговори с судмедэкспертом, – предложил Симон. – Труп повезли в отделение патологической анатомии. Сегодня ночью дежурит доктор Хирншаль.

О господи! Этот старый скряга никогда не согласится на вапоризацию, пусть даже на столе для вскрытия окажется его собственная мать. Он постоянно затягивал с исследованиями. Коллеги из отдела по расследованию убийств уже неделю ждали патологоанатомического заключения по трем чехам-гастарбайтерам, которые сгорели в автофургоне на шоссе. У Сабины был единственный шанс: она должна поговорить с прокурором. Но предварительная информация по делу будет направлена в прокуратуру только завтра утром. Кому бы ни поручили этим заниматься – она прилипнет к нему как репей.

Она посмотрела на Симона:

– Ты знаешь, что именно играли на органе? Это звучало профессионально или по-дилетантски?

Симон бросил на нее пронзительный взгляд:

– Хочешь еще раз опросить свидетелей? Бина, мы и так наткнемся на что-нибудь, что нам поможет.

Например, на звонок похитителя, подумала Сабина. Его электронный измененный голос, загадки и пузырьки с чернилами,

который он оставил отцу в качестве подарка и который отец брал в руки.

Какой же идиот!

Они подошли к двери.

– Это взлом, – констатировала Сабина.

Замок был погнут. Отпечаток долота на деревянной раме походил по размерам на тот, что они уже видели на двери собора. На ручке болтался пластиковый пакет с брошюрами. Взломщик действительно постарался и так ловко прикрыл дверь, что разносчику рекламы, похоже, не бросилось в глаза ничего подозрительного. Отец, вероятно, точно так же закрыл за собой дверь после визита.

– И почему у меня такое ощущение, что ты это уже знала? – спросил Симон.

Он прислонил к двери складной метр, сфотографировал следы взлома и снял отпечатки пальцев с ручки. Затем они надели бахилы и латексные перчатки и вошли в квартиру. Внутри пахло чаем. В коридоре булькала батарея. Сабина включила свет. Она рассчитывала увидеть перевернутые вазы, сдвинутую мебель, открытые шкафы или разбросанную по полу одежду. Ничего подобного. Все было как всегда. Мамины туфли стояли на подставке для обуви, новые жакеты висели на крючках. Пропала только сумка, которая обычно стояла рядом с зеркалом. Никаких следов борьбы! Только черные полосы на белой стене, словно начерченные углем.

– Если твою мать похитили отсюда, – размышлял Симон вслух, – убийца поджидал ее в квартире.

Сабина тоже так считала. Иначе бы маму насторожил треск дверной рамы. Но почему она не заметила, что дверь взломана? Сабина прошла в гостиную. И здесь все выглядело как всегда. На автоответчике только одно сообщение. Сабина включила его и услышала собственный голос, который отменял поход на курс пилатеса в пятницу. Неожиданно внутри зашевелились угрызения совести. Эти чертовы две серии «Тайн великих магов»! Если бы вместо этого она поехала к маме, возможно, похищение удалось бы предотвратить. По крайней мере, она обнаружила бы следы взлома, и уголовная полиция могла бы раньше начать расследование. Она связалась бы с отцом и узнала о таинственном звонке и пузырьке с чернилами.

Если бы, если бы, если бы... проклятье!

Голос Симона вырвал ее из раздумий.

– Ты занимаешься пилатесом? Я и не знал.

А ты был помолвлен? Я тоже не знала!

Почему-то ей не везло с мужчинами. Эрик, любовь ее юности, работал в Висбадене, а Симон никогда не хотел с ней серьезных отношений.

– Да, три месяца. – Сабина нажала на кнопку повтора. На дисплее высветился ее номер телефона. В тот же момент в кармане ее куртки завибрировал сотовый. Сабина сбросила звонок. Было бы слишком по-дилетантски, если бы похититель звонил с этого аппарата.

Она слышала, как на кухне Симон открывает и закрывает шкафы и ящики. При мысли, что он вторгся в интимную сферу ее матери, Сабина содрогнулась. Но это его работа – и Симон знает свое дело. По крайней мере, в профессиональном плане.

– Если он ждал здесь твою маму, то должен был как-то коротать время до ее прихода, – сказал Симон из кухни.

Сабина осмотрела телевизор и спутниковый ресивер и сняла отпечатки с пульта дистанционного управления. Последним работал ARTE, мамин любимый канал. Она обожала смотреть старые фильмы и спектакли французских и итальянских режиссеров. Будучи на посту директора начальной школы, она мучила своих маленьких подопечных текстами Марии фон Эбнер-Эшенбах и мифами Древней Греции. Можно сказать, перегибала палку. Но она была такой. С собственными дочерьми мама пыталась проделать то же самое – в результате ни Сабина, ни ее сестра книг не читали. Сабина хотя бы слушала в машине аудиокниги Давида Сафира и Томми Яуда. Конечно, не высокая мировая литература, но это ее подбадривало. Острых ощущений и напряжения ей хватало на работе. Для баланса было необходимо что-то с юмором, если она не хотела вконец разочароваться в жизни, как ее коллеги Симон, Валнер и Колонович.

Она не собиралась вечно оставаться с этой компанией циников, Сабина хотела бы перевестись в Федеральное ведомство уголовной полиции в Висбадене. Ее шансы выглядели не так уж плохо, все-таки женщины составляли там одну треть. Но она подала уже три заявления на обучение по направлению «психолог-криминалист» – все три были отклонены без каких-либо комментариев.

– Не думаю, что парень смотрел телевизор, – крикнула Сабина в кухню.

Одного взгляда на диван было достаточно, чтобы убедиться в этом: подушки взбиты и разложены именно так, как это всегда делала ее педантичная мать. Рядом с телевизором лежало несколько аудиокниг, которые Сабина одолжила маме несколько недель назад, чтобы та послушала что-нибудь другое, а не только мифы и легенды Древней Греции. Словно в трансе Сабина уставилась на диски. Гера Линд и Эфраим Кишон. Странное чувство охватило Сабину при мысли о том, что ее мать уже никогда не будет слушать эти записи.

В шкафчике под телевизором стояла шкатулка для украшений, в которой мама хранила часы, кольца и цепочки. На первый взгляд ничего не пропало. В глубине шкафа лежал завернутый в подарочную бумагу пакет. Сабина вытащила его. Тяжелый альбом с репродукциями? Голубая бумага, желтая ленточка. К пакету была прикреплена открытка. Сабина поднесла ее к свету. «Для моей малышки. С днем рождения! *Мама*». Сабине стало больно. Ее мать была предусмотрительной женщиной. Открытка была датирована на две недели вперед – четвергом 9 июня – днем рождения Сабины. Теперь перед празднованием состоятся похороны.

– Твоя мама пила кофе без молока?

Сабина отодвинула подарок и закрыла шкаф. «Пила», в прошедшем времени. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и посмотрела вверх, на потолок.

– Только чай, в основном Twinings... а что?

– Здесь стоит наполовину пустая чашка с черным кофе.

Сабина прошла в кухню. На кофемашине, которую мама включала, лишь когда к ней приходили Моника или Сабина, горела красная лампочка. На столе стояла чашка с ложкой, рядом сахарница.

– Он пил кофе, а твоя мама застала его врасплох, – продолжал Симон. Выплеснул остатки кофе и положил чашку в пластиковый пакет. – Возможно, анализ ДНК что-нибудь покажет.

Сабина представила, как тот парень ждал ее маму. Хотя она старалась отогнать от себя эти мысли, картинки то и дело всплывали перед ее внутренним взором. Наверное, он услышал ее шаги на лестничной площадке и побежал к двери. Наверняка ей бросились в глаза следы взлома, но мерзавец или втащил ее в квартиру, угрожая

оружием, или нейтрализовал каким-то наркотическим средством или ударом по голове.

– Бина, ты должна это увидеть.

На полу валялась мамина черная сумка. На пластиковых ножках белела краска со стены. Полосы в коридоре! Видимо, во время борьбы мама оказалась прижатой к стене.

Содержимое сумочки было вытряхнуто на комод. Симон ковырялся ручкой-фонариком: пачка сигарет, зажигалка, кошелек, тени для век, помада и зачитанная «Шахматная новелла» Цвейга с множеством загнутых уголков.

– В кошельке почти двести евро, – объявил он. – Нашему убийце деньги не нужны.

Как и сережки или жемчужные бусы. Невольно Сабина подумала о маминой страховке на случай смерти и прочей бюрократической ерунде. *Господи, да сконцентрируйся же!* Симон отодвинул пачку жевательной резинки. При виде упакованного в фольгу презерватива Сабину бросило в жар. Есть ли у нее право вторгаться в интимную сферу ее матери?

– Чего-нибудь не хватает? – спросил Симон.

– Телефона и адресной книги, – ответила Сабина.

С их помощью он связался с ее отцом.

Неожиданно она поняла, почему убийца выбрал ее отца. Она бросилась из кухни в спальню. Окно было откинута, на кровати свежее постельное белье. И все равно в комнате пахло мамиными духами. На комодке рядом с зеркалом расставлены фотографии в рамках: Сабина, Моника и три племянницы. Сабина настояла и на фото их отца из последнего совместного отпуска на Северном море – загорелый, в соломенной шляпе от солнца и с сияющей улыбкой. На плечах у него сидит Сабина – в одной руке стаканчик мороженого, черная кепка машиниста сползла на глаза. И сегодня это была ее любимая фотография.

На ковре лежали осколки стекла. Кто-то вынул снимок из фоторамки.

Хелен Бергер резко села в постели. Ее сердце бешено колотилось. Снаружи на горизонте уже светлела серебряная полоса. Куда запропастился чертов будильник? Она ощупала прикроватную тумбочку и задела нескрепленный манускрипт. Пачка бумаги съехала на ковер. Научно-популярный труд о диссоциативном расстройстве личности, который она уже две недели корректировала по ночам, когда Франк засыпал. Закладка наверняка выпала... Шелест не разбудил Франка. Как это на него похоже! Он тихо посапывал рядом. Наконец она нашла будильник и включила подсветку. 04:58. Слишком рано для разносчика газет. Да и лай Дасти звучал как-то по-другому.

Хелен спустила ноги с кровати и прислушалась. Рычание Дасти становилось все более угрожающим. Обычно он никогда не выбегал по ночам наружу через дверцу для собак. Но сейчас Дасти почему-то сидел на краю участка и лаял на что-то на улице или в поле. По крайней мере, так казалось через откинутую фрамугу окна. А сегодня даже не полнолуние.

Хелен накинула короткий халат и выскользнула из спальни. Над домом проплывали тучи. На миг лунный свет проник через мансардное окно и осветил проход и лестницу, которая вела на нижний этаж. Хелен спускалась на цыпочках – и это показалось ей абсурдным. Почему она крадется по собственному дому? Франк спит как сурок, а Дасти все равно сидит снаружи и лает что есть силы.

Она отодвинула занавеску на двери террасы и увидела очертания маленького джек-рассел-терьера рядом с почтовым ящиком. Дасти нервно дергал хвостом и лаял на пустую дорогу, ведущую в деревню.

Хелен открыла дверь и босиком вышла на террасу. В воздухе пахло навозом. Вчера вечером фермеры удобряли поля напротив их земельного участка. В этом году ячмень уродится на славу – и это при ее аллергии. Хелен стояла на холодных плитах террасы и оглядывалась. Серебряный свет уже озарял горный гребень, погружая окрестности в утренние сумерки. Она надела кроссовки, которые стояли под складным столом, пересекла лужайку и присела рядом с Дасти на траву.

– Тише, старик, – прошептала она и почесала пса.

Белый джек-рассел с черными кругами вокруг глаз замолчал. Но его уши были все еще прижаты к голове, а сам он, как загипнотизированный, смотрел на дорогу, уходящую в деревню, – словно в темноте подстерегала ужасная опасность.

– Что ты увидел? – прошептала Хелен. – Кошку? Злую куницу? – Дасти был слишком хорошо выдрессирован, чтобы бегать за ними. Она посмотрела на почтовый ящик – газета еще не торчала из прорези, значит, его взбудоражило что-то другое.

Их участок не был окружен забором. В деревне Грискирхен это не нужно. Хелен унаследовала эту виллу от родителей. Она здесь выросла и знала каждую травинку и каждый камешек. Грискирхен находилась километрах в семи от Вены и идеально подходила Хелен для работы. Нигде больше она не хотела бы работать психотерапевтом. После смерти родителей она отремонтировала виллу, а в перестроенном гостевом домике устроила свой врачебный кабинет. Идиллия этого места успокаивающе действовала на ее клиентов, которым были знакомы только серые городские учреждения. Напротив виллы тянулись ячменные поля, и иногда, как сегодня утром, с них веяло пряным духом. Хелен любила этот запах, чего не скажешь о Франке. Он был прокурор, всегда жил в Вене и лишь два года назад очень неохотно переехал в этот дом. Раньше он проявлял больше понимания, но со временем это изменилось.

Хелен погладила пса и подняла глаза. Ни в одном из соседских домов не горел свет. Грискирхен тихо и мирно спала, в окружении гор, лесов и полей. Дасти тоже успокоился и улегся на землю.

Хелен встала.

– Пойдем в дом!

Дасти не пошевелился.

– Дам тебе вкусняшку!

Это всегда работало. Он подскочил и запрыгал, как щенок, вокруг ее ног. Когда в конце дороги послышалось тарахтение мопеда, пес замер. Меньше чем через минуту рядом с почтовым ящиком Хелен затормозил разносчик газет. Дасти наблюдал за мопедом, но не издал ни звука.

Молодой парень поднял забрало и зажмурился на восходящее солнце.

– Доброе утро, госпожа доктор.

– Алекс, не называй меня так. Просто Хелен.

– Да, госпожа Бергер. – Он улыбнулся и протянул ей газету.

Хелен вздохнула. Хотя она и изучала в университете психологию, но не придавала значения своему званию. Никто в Грискирхене не называл ее «госпожа доктор». Франк имел на этот счет другое мнение. Утонченный господин прокурор был на четырнадцать лет старше ее и зазнавался – качество, которое ей так и не удалось изменить. Оказывается, даже у психологии есть пределы!

Алекс достал из кармана куртки собачье лакомство и бросил Дасти, который поймал его на лету.

– Вы хорошо выглядите.

– Спасибо, Алекс, но это не так. – В такую рань она должна была производить нелепое впечатление, в кроссовках и коротком халате.

– Еще как, – возразил он. – Короткие волосы вам очень идут.

– Спасибо. Какой ты наблюдательный. – Раньше Франк так же обаятельно флиртовал с ней, но он новую прическу не заметил. Короткие черные волосы больше подходили к ее веснушкам и смуглой коже – а в тридцать шесть можно выглядеть сексуально и с мальчишеской стрижкой.

– See you, darling!^[2] – Алекс подмигнул ей и нажал на газ.

Хелен с улыбкой помахала рукой.

– See you^[3].

Старый мопед, тарахтя, развернулся. На мгновение свет от задней фары упал на лужайку. Под почтовым ящиком в траве блеснула небольшая открытая коробочка размером с ладонь. Затем лужайка снова погрузилась в темноту. После мопеда осталось вонючее облако дыма.

Хелен подняла коробочку. Крышка открыта, внутри только красная фетровая подкладка, больше ничего. Дасти заволновался, когда она закрыла крышку. Крупными, написанными от руки буквами, на коробке стояло имя получателя: «Госпожа доктор Хелена Бергер».

В начале шестого утра Сабина Немез вместе с коллегой вернулась в полицейское управление. Пока Симон писал отчет об осмотре квартиры, Колонович вызвал Сабину к себе в кабинет. В пепельнице лежала потухшая сигара. Окно было открыто, и жалюзи дребезжали на ветру. Светлая полоса на горизонте освещала крыши нежным оранжевым светом.

– Я видел, как ты выходила из машины Симона. О чем ты вообще думала? – напустился он на нее.

Пять минут она выслушивала нагоняй. И смотрела в окно. Оба купола мюнхенского собора вызывали в ней теперь абсолютно новые ассоциации. Не картинку богослужения – а образ мертвой матери, прикованной цепью к церковному органу, с пластиковой трубкой во рту.

– Видимо, убийца поджидал ее в квартире, – прервала она шефа. – Где мой отец?

Колонович провел рукой по горчичным усам. Его покорный взгляд говорил, что он смирился с ее упрямством.

– Все еще у нас.

Сабина посмотрела на наручные часы.

– Уже семь часов. Я отвезу его в отель.

Колонович прочистил горло.

– Бина...

Ей стало не по себе. Она знала этот тон.

– Мы с ним еще не закончили. Ты присядь.

Она осталась стоять. Никакой силой ее сейчас нельзя было заставить послушно сесть.

– Мы уже знаем, что много лет они с твоей матерью были в ссоре. Неожиданно он появляется в Мюнхене, навещает бывшую жену и якобы обнаруживает следы взлома на двери в ее квартиру. Вскоре после убийства он приходит к тебе, чтобы рассказать, что ее похитили.

Сабина сглотнула. Ее шеф был прав. Все это звучало не очень правдоподобно.

– Больше он ничего не рассказал?

Колонович покачал головой.

– Чем больше мы его расспрашиваем и уточняем мотивы, тем сильнее он путается в показаниях. Зачем он приехал сюда из Кельна? Почему к твоей матери? Какое у него алиби на последние двадцать четыре часа?

– Алиби? – эхом вторила Сабина. Она знала, что это значит. Ее отец по уши влип. – Я хотела бы с ним поговорить.

– Не получится. В этом расследовании ты не участвуешь. – Колонович поднялся. – В связи с тем, что состоишь в родственных отношениях с жертвой и предполагаемым подозреваемым, так будет лучше, – добавил он.

– Я могла бы помочь Валнеру и Симону в расследовании.

Колонович вздохнул.

– В ближайшие часы я передам дело экспертам по расследованию убийств.

– Но ведь еще рано! – запротестовала Сабина. Уголовную полицию подключали после того, как оперативная группа завершала свое расследование. Самое раннее через двенадцать часов.

– Чем раньше, тем лучше, – сказал Колонович. – Валнер как раз составляет отчет для прокурора.

Невероятно! Сабина невольно сжала кулаки. Именно потому, что семья коллеги имела отношение к убийству, оперативная группа могла бы заниматься расследованием подольше, прежде чем передавать дело дальше. Она знала коллег из отдела по расследованию убийств. Они особо не церемонятся с подозреваемыми.

Колонович, очевидно, думал по-другому. Вероятно, он прочел ее мысли, потому что напустил на себя сочувствующий вид.

– Мне жаль, Бина. Убийство в мюнхенском соборе не то же самое, что убийство в каком-нибудь ветхом доходном доме. Пресса пронюхала о случившемся и сообщит об этом уже в утреннем выпуске.

Все шло вкривь и вкось. Сабина уже видела скандальные газетные заголовки.

– Я должна поговорить с отцом! – настаивала она.

В этот момент в дверь постучали. Валнер просунул голову в кабинет.

– И как? – спросил Колонович, как будто ждал какую-то конкретную информацию.

Валнер ничего не сказал. Краем глаза Сабина заметила, как он украдкой посмотрел поверх своих роговых очков и кивнул в ее сторону.

– Ничего страшного.

– Криминалисты проверили отпечатки в квартире.

В горле у Сабины пересохло. Она знала, что сейчас произойдет, – и не могла ничего сделать.

– Он был в квартире, – сказал Валнер.

Колонович поднялся.

– Это плохо. Отведи его наверх в отдел по расследованию убийств – я поговорю с прокурором.

Валнер отвел отца Сабины к коллегам из мюнхенской уголовной полиции. Они работали в том же здании, этажом выше. Теперь расспросы превратятся в допрос, и Сабина не сомневалась: специалисты скоро выяснят, что ее отец уже давно знал о похищении.

Она снова отклонила предложение шефа взять два дня внеочередного отпуска. Вместо этого уединилась в своем кабинете и глазела попеременно на настенные часы, монитор и обе башни собора. Рядом с клавиатурой лежала открытая пачка мармеладных мишек. Обычно Сабина уничтожала их со скоростью пылесоса, но сейчас ей казалось, что ее может стошнить в любой момент.

Когда свет восходящего солнца заиграл на зеленых кровлях колоколообразных куполов, она полила вьюнки на подоконнике. Тени медленно ползли по крышам домов. Время тянулось так же неторопливо. Двадцать минут назад она отправила письмо Эрику Дорферу с личного электронного ящика. Ее бывший школьный друг по кельнской спортивной гимназии работал в Висбадене, в центральном бюро Федерального ведомства уголовной полиции. Когда обоим было по шестнадцать лет, они встречались. Сабина с удовольствием вспоминала то время, когда в животе порхали бабочки. Даже после того, как она вернулась в Мюнхен, они поддерживали контакт. Но после окончания гимназии Эрик служил в бундесвере, и они потеряли друг друга из виду. Не так давно она наткнулась на его профиль в Фейсбуке, и, когда увидела актуальные фотографии, бабочки вернулись. Один раз они даже вместе вели расследование.

Эрику удалось то, что у Сабины пока никак не получалось. Он отправил всего одно заявление, и его не отклонили. Для работы в Федеральном ведомстве уголовной полиции Сабине не хватало связей. Она никого не знала в Висбадене, кроме того, она женщина. В этом случае жернова мельницы работали гораздо медленнее. Но составление психологических портретов ее большая страсть, и Сабина будет каждый год направлять в БКА^[4] заявление на работу, пока не состарится и не поседеет, – в этом она себе поклялась.

В теме письма Эрику стояло краткое сообщение: *нужна помощь архитектора*. С тех пор она ежеминутно проверяла ящик электронной почты.

Около шести пришел ответ из Висбадена:

Пароль: Eг.Do.ВКА

Идентификатор: 82691

Код запроса: 761С-514/П

PS: Не перегружай архитектора!

Сабина улыбнулась. Пока что она использовала архитектора всего трижды – один раз успешно и два напрасно. Она отодвинула в сторону чашку и кофейник и открыла интернет-ресурс полиции. Потом кликнула на невзрачную иконку. Программа поприветствовала ее словами: «Добрый день, госпожа комиссар полиции Сабина Немез». Рядом красовался голубой логотип пирамиды. Под ним стояло: «Поиск во всех европейских информационных архивах и внутренних системных базах данных». Название: «Дедал».

Это и был архитектор.

Программа не случайно носила имя создателя лабиринта из греческой мифологии. Потому что за точно такое же гигантское строение – правда, состоящее из информации – отвечал «Дедал». Сетевой поиск во всех подключенных базах данных по определенным признакам, категориям или даже по обрывкам информации не шел ни в какое сравнение с обычным считыванием данных. Эта суперновая система «Дедал» облегчала работу Федерального ведомства уголовной полиции. Вот в этом-то и была загвоздка. Только сотрудники БКА имели доступ к «Дедалу». Но с правильным паролем, идентификатором и кодом запроса можно войти в систему. При

ежедневно поступающих тысячах запросов и огромных объемах обрабатываемых данных никого не интересовало, где именно работает комиссар полиции Сабина Немез.

На экране появилась страница доступа к данным. Сабина ввела цифры и вошла в систему. Что теперь? Ее отец не убийца – это понятно. Но петля у него на шее затягивается все туже: алиби нет, на допросе солгал от страха, для посторонних имеет убедительный мотив. Но самое страшное – его отпечатки пальцев были обнаружены на месте похищения.

У Сабины оставалось только две подсказки, указывающие на настоящего преступника. Коробка с маленьким пузырьком черных чернил, которую он подбросил отцу под дверь, и телефонный звонок измененным электронным голосом. Всего два простых предложения: «Господин Немез, если вы в течение сорока восьми часов выясните, почему вашу бывшую жену похитили, она останется в живых. Если нет, то она умрет».

Запрос в «Дедале» был единственной возможностью быстро получить информацию, которая сняла бы с отца подозрение. Нужно искать параллели с другими похищениями, не имеющими отношения к ее отцу.

Место: Германия. Время: последние три года. Преступление: похищения, которые заканчивались убийством по истечении сорока восьми часов. Особенности: телефонный звонок, требование выкупа не предъявляется, загадки, подарок похитителя как намек на возможный способ убийства.

Ее палец замер над клавишей ввода. Каждый раз, когда она отправляла запрос через центральный компьютер БКА, у Сабины кровь леденела в жилах. Дедал был не только легендарным строителем, но и отцом Икара, который подлетел слишком близко к солнцу, обжег крылья и рухнул в море.

Сабина надеялась, что не обожжет себе пальцы в один прекрасный день. «Не перегружай архитектора» – это не совет, а предупреждение. Иначе она может навсегда лишиться возможности работать в БКА. Впрочем, как и карьеры в мюнхенской полиции. *Но это только затем, чтобы снять подозрение с отца... и найти убийцу матери.*

Эта мысль настолько четко оформилась, что не было больше сомнений, над чем Сабина будет работать следующие дни и недели.

Вдруг дверь в кабинет резко открылась. Сабина вздрогнула. Листки с заметками, приклеенные к монитору, заколыхались на сквозняке.

Колонович направился к ее столу:

– Над чем сейчас работаешь?

Сабина быстро нажала на клавишу ввода. *Запрос обрабатывается!* Одним кликом свернула окно. В следующий момент Колонович стоял перед ее монитором.

– Я посмотрела в центральной системе, нет ли для нас работы. Но там ничего важного.

Колонович швырнул на стол утренний выпуск «Зюддойче цайтунг». Жирный заголовок гласил: «УБИЙСТВО В СОБОРЕ». Под ним красовалась фотография ночной Фрауэнкирхе. Очевидно, архивный снимок, потому что между куполами белела полная луна.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Кто-то проболтался. Скорее всего, зритель захотел немного заработать.

Мерзкий лысый с подагрическими пальцами. Сабине показалось, что ее вот-вот стошнит.

– Я не хочу это читать.

Колонович забрал газету.

– Просто чтобы ты была в курсе. Имя твоей матери еще не звучало, и фотографий тоже пока нет. – Он вздохнул. – Иди домой или хотя бы к сестре. Здесь ты уже ничем не поможешь.

Сабина покосилась на монитор. Внизу экрана мигала голубая пирамидка.

– Через час Моника отведет девочек в школу и детский сад. Я наведу перед тем, как она уедет на работу.

– Как хочешь. – Колонович посмотрел на настенные часы. Начало седьмого. – Прокурор Фурман сейчас просматривает имеющиеся факты по делу.

– Я хочу поговорить с ним.

Колонович улыбнулся. Сабине было знакомо это снисходительное выражение, которое заставляло ее деградировать до ребенка.

– Это невозможно. Он как раз обсуждает дело с обер-бургомистром.

– В такую рань? – вырвалось у нее.

– Я же говорил тебе, что дело щекотливое. Архиепископа сразу же проинформировали, а тот созвал обер-бургомистра и прокурора. Кризисное совещание продлится до восьми. Тогда мы узнаем больше.

Что за идиотизм! Но по-другому быть не могло. Скоро папа будет служить мессу в мюнхенском соборе. Споры по поводу выхода из церкви в связи со случаями изнасилования детей католическими священниками достигли апогея. Особенно в Баварии. Когда пресса печатала подобные заголовки, представители церкви и политики начинали паниковать.

Поэтому ее отец стал марионеткой в двойной игре, в которой церковь и заикленные на себе политики настаивали на скорейшем аресте.

После того как Сабина записала данные по угону автомобиля в центре города, она позвонила сестре. Они ненадолго встретились в квартире Моника, и Сабина рассказала ей все, что знала. Хотя ее сестра ночью глаз не сомкнула, она восприняла детали убийства лучше, чем ожидалось. Затем Сабина сходила в столовую полицейского участка. Сумела влить в себя только крепкий кофе и была настолько взбудоражена, что металась туда-сюда по коридору, как подстреленный койот. Время от времени она входила в «Дедал», используя код Эрика, но запрос все обрабатывался и обрабатывался, в строке состояния постоянно отображались 99 %. Наверное, чертова программа зависла.

Когда окно ввода данных актуализировалось, компьютер сухо сообщил: *Ваши права доступа заблокированы*. После этого она уже не смогла войти в систему ни с паролем Эрика, ни с его идентификационным номером. Сабину бросило в жар, ладони вспотели. *Вот дерьмо!*

Она нажала на кнопку быстрого набора, чтобы связаться с бюро Эрика в Висбадене. Увидела на дисплее, что звонок перевелся – в трубке раздался женский голос. Сабина сказала, что хочет поговорить с комиссаром-стажером уголовной полиции Эриком Дорфером. Женщина сделала паузу. Затем в трубке что-то щелкнуло.

– Мне очень жаль, – пропела она. – Коллега уже закончил дежурство. По какому вопросу вы звоните? Могу ли я вам помочь?

Уже закончил дежурство? И это в восемь-то часов утра.

– Спасибо. – Сабина повесила трубку.

Красная лампочка на дисплее стационарного телефона указывала на то, что Колонович разговаривал по параллельной линии. Внешний звонок. В следующий момент лампочка погасла. Пока он не успел снова схватиться за трубку, Сабина бросилась в его кабинет. Шеф выглядел неважно. Ослабленный галстук неряшливо болтался на груди, горчичные волосы падали на вспотевшее лицо. Колонович облокотился мощными руками о письменный стол и подпер подбородок кулаками. Рукава рубашки были закатаны.

– Какие-нибудь новости от прокурора? – спросила она. Он надул щеки.

– Ты даже не представляешь, как они наверху торопятся.

Сабина подумала о предстоящем визите папы.

– На них давят.

– Сильное давление – это мягко сказано, – заметил Колонович. – В настоящий момент есть пять подозреваемых. Твой отец один из них. Подключили также кельнскую уголовную полицию. Судья к тому же выдал ордер на обыск квартиры твоего отца.

Мысли в голове Сабины скакали и путались. Коллеги найдут пузырек с чернилами, а на нем отпечатки пальцев отца!

– Я должна поговорить с коллегами из мюнхенского отдела по расследованию убийств, – настаивала она.

Колонович снова надул щеки. Потом пристально посмотрел на Сабину:

– Только не лги мне! Я все равно пойму по твоему взгляду. Твой отец что-то скрывает?

Если она и могла кому-то доверять, то своим коллегам. Они были отличной командой. Сабина кивнула.

– Еще и это! – Колонович провел рукой по лицу. – Мюнхенская уголовная полиция больше не занимается этим расследованием. В связи с особыми обстоятельствами прокурор говорил с коллегами из Земельного уголовного ведомства, и те взяли дело под свой контроль.

У Сабины потемнело в глазах. Она знала методы коллег из ЛКА [5]. По сравнению с ними даже служащие отдела по расследованию убийств казались безобидными детьми. После обыска квартиры эти типы выбьют из ее отца признание, он даже пикнуть не успеет.

Дасти успокоился и больше не лаял до самого утра. Но Хелен все равно не смогла заснуть. Невыспавшаяся, она вышла на террасу с подносом и присела на садовый складной стул. По радио как раз передавали новости. Обычная пробка на юго-восточной магистрали в направлении Вены. Господи, как же она рада, что больше не работает в городе, а имеет свою врачебную практику в Грискирхене. Первые клиенты – мать с сыном – придут сегодня в десять утра.

На высоковольтных проводах сидели голуби и ворковали наперебой. Через поля разносился бой часов местной церкви. Где-то тархтела газонокосилка, а мимо виллы, громяхая, проехал трактор. Этот весенний день обещал быть теплым. Поэтому Хелен надела легкую блузку и короткие, обтрепанные по краям джинсы с широким кожаным ремнем.

Она положила сотовый телефон и солнечные очки на садовый столик и налила себе кофе из термоса в пластиковый стаканчик. Хелен приготовила завтрак для себя и Франка – с апельсиновым соком, яичницей, беконом, мюсли и цельнозерновым хлебом. По понедельникам Франк предпочитал плотно завтракать, потому что уезжал в бюро позже, чем обычно. В следующий момент он появился на террасе.

– Доброе утро, милая, – коротко поприветствовал он ее и поцеловал в щеку. – Я должен привыкнуть к твоей новой прическе. Оттенок красивый, но волосы стали чуть короче, верно?

Как это похоже на Франка! Какой еще оттенок? Чернящие волосы, как и раньше. И это двадцать сантиметров он называет *чуть короче*? Да он ее просто разыгрывает.

– Шучу.

Она улыбнулась.

– Знаю, негодник.

Седые виски Франка серебрились на солнце. От него пахло лосьоном после бритья. Ocean от Уилкинсон. Возраст становился все заметнее. Но, несмотря на свои пятьдесят лет, он чертовски хорошо выглядел. Сегодня снова был одет с иголки – льняные брюки, рубашка поло, пиджак и итальянские дизайнерские туфли. За ворот

рубашки заткнуты солнечные зеркальные очки. На запястье новые часы «Омега» с автозаходом от движения руки. Хотя большая вечеринка по поводу дня его рождения только через три дня, Хелен подарила ему часы уже в выходные.

Она посмотрела на его белоснежную рубашку поло. Обычно он носил сшитые на заказ рубашки с вышитыми собственными инициалами.

– Ты сегодня не поедешь в суд?

– Поеду, но ненадолго. Никаких важных встреч, только скучные дела в бюро.

Стоя он сделал глоток кофе. Затем положил на стол какую-то папку.

– Список гостей. Некоторые не приняли и не отклонили приглашение. У меня совсем нет времени, позаботься об этом, пожалуйста.

– Я тоже работаю, – запротестовала она. – Кроме того, это твой день рождения!

подавив проклятие, Хелен открыла папку. О господи, на это уйдет уйма времени. Шестьдесят гостей. Напротив пятидесяти стояли нарисованные от руки знаки вопроса. Хелен знала судей, патологоанатомов или коллег из отдела Франка только по именам.

– Мог хотя бы номера телефонов написать.

– Ты легко найдешь их в телефонной книге. – Франк поставил чашку на стол, вытащил из кармана брюк ключ от автомобиля, наклонился к Хелен и поцеловал в лоб.

– Не позавтракаешь со мной? – спросила она.

Он взглянул на бекон и яичницу.

– Некогда. Увидимся позже, я приеду домой около пяти.

Его напряжение бросилось ей в глаза еще утром. Обычно после выходных Франк был само спокойствие, но сейчас его что-то тревожило, о чем он не хотел говорить. Он даже в ванную пошел с сотовым телефоном, чего никогда не делал. Вероятно, ждал важного звонка. С предстоящим празднованием это абсолютно точно никак не связано, потому что до сегодняшнего дня Франк особо не усердствовал по этому поводу.

– Ты предупредил фотографа? – спросила она.

– А, черт!

Чего и следовало ожидать! Хелен почувствовала комок в горле.

– Нам еще нужно обсудить рассадку гостей, и должна ли музыкальная группа установить свое оборудование в шатре, на случай дождя.

Франк помотал головой:

– Дождя не будет.

– Когда привезут еду для вечеринки?

Франк был уже на полпути к навесу, под которым стояли машины.

– Выясни сама, милая!

– Я забуду! – крикнула она ему вслед. – В конце концов, я не твоя экономка. Что-то ты и сам можешь сделать!

– Что с тобой? ПМС?

Его красный спортивный автомобиль квакнул. Франк открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.

Хелен обвела взглядом хлеб, яичницу, бекон и мюсли.

Только не волноваться...

Что она всегда советует своим пациентам? Сосчитать до десяти, глубоко вздохнуть, дожидаться, пока первый гнев пройдет, и лишь тогда открывать рот. Она начала считать. Когда мысленно произнесла три, под навесом уже стояла только ее маленькая голубая «тойота». Гравий разлетался во все стороны по подъездной дорожке. Франк задним ходом пронесся на «ламборгини» к въезду, не останавливаясь, проехал мимо почтового ящика и развернулся на дороге.

Вместо того чтобы помахать Хелен, он нажал на газ. И умчал!

– Козел! – выругалась она.

Все-таки это его вечеринка, которая должна проходить именно в среду в ее доме. В этом весь Франк! Гости снова должны подстраиваться под него. Он обещал ей позаботиться обо всем и помочь в день праздника. Интересно будет на это посмотреть! Она ведь умеет так великолепно все организовывать и общаться с людьми. Он не самый деликатный и лишь допрашивает преступников – она же говорит с людьми. Хотя они поженились не так давно, их отношения все чаще проверялись на прочность. Франк, который вначале был очень внимателен, превратился в прожигателя жизни, который все меньше считался с желаниями и потребностями Хелен.

«Франк настоящий джентльмен, вы идеально смотрите вместе», – утверждали ее подруги. Но ни одна из них не знала, какой

он на самом деле. Одна из его самых ярких способностей – умение все делегировать в последнюю секунду. *О'кей! Выдохни! Ты все равно не можешь этого изменить.*

Хелен громко свистнула.

– Дасти! Завтрак! Бекон и яичница!

Обычно джек-расселл-терьер прибежал тут же, как только слышал свист. Но сейчас его и след простыл. Хелен поковыряла ложкой мюсли и бросила взгляд на список гостей. Кому она должна позвонить? Адвокату Сайснеру, доктору Хенриху из суда, трем женщинам – коллегам Франка, двум доцентам из университета, школьному другу и... у Хелен перехватило дух.

Бен Колер.

Напротив его имени стояла галочка. Значит, он придет в среду. И значит, буря эмоций на этой вечеринке Хелен обеспечена. Как ей держать себя с ним? И самое главное... как он себя поведет? Все-таки в последний раз они виделись три года назад, и между ними осталось так много недосказанного. В то время она еще сотрудничала с уголовной полицией как судебный психолог-эксперт. Но три года назад все резко оборвалось – как и ее отношения с Беном. О господи, Бен. На глаза навернулись слезы, когда она подумала о его сыне.

Хелен познакомилась с Беном, когда он перешел из спецподразделения «Вега»^[6] в уголовную полицию. Самый разумный шаг, какой мог сделать отец-одиночка. Сейчас он наверняка уже главный инспектор в отделе по расследованию убийств. Очевидно, они сотрудничают с Франком как с прокурором. Помнит ли Франк, что Хелен и Бен были раньше вместе? Несомненно! Франк никогда ничего не забывает – а такое и подавно. Наверняка он знает, что сын Бена умер три года назад – еще одна причина, почему их отношения распались. Смерть Флориана подкосила Хелен не меньше, а возможно, даже больше. Она безумно обожала Фло. Наверное, потому что сама не могла иметь детей.

Зазвонил сотовый. Она вздрогнула. Неизвестный номер. Поглощенная мыслями, схватила телефон.

– Да?

В ответ послышалось только тяжелое дыхание.

– Алло? – сказала она. – Франк, это ты?

Дыхание.

– Франк? – повторили на другом конце. – Это ваш муж? – Голос казался измененным, каким-то электронным.

Сердцебиение Хелен усилилось. Она не ответила.

– Вы одна, госпожа доктор? Франк уехал? – спросил мужчина.

– Кто это? – Хелен старалась говорить уверенно.

– Если вы выясните, кого я похитил и почему, человек останется в живых. Если нет – умрет. У вас сорок восемь часов.

– Простите? – Хелен решила, что ослышалась.

На другом конце дышали. Хелен начала ощущать воздействие угрозы. Но еще не понимала, пытается ли кто-то сыграть с ней злую шутку или звонивший просто сумасшедший.

– Чтобы доказать, что не шучу, – продолжил мужчина, – я оставил вам подарок.

– Подарок? – повторила она. Взгляд машинально скользнул по столу и остановился на пустой коробочке с красной подкладкой, которую она нашла сегодня утром рядом с почтовым ящиком.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Это не имеет отношения к делу.

– Но кое-что я о вас уже знаю, – заявила Хелен.

Он рассмеялся.

– Например, фрау доктор?

– Я знаю ваш почерк.

– Значит, вы уже нашли коробочку.

Хелен показалось, что он ухмыльнулся. Все равно она понятия не имела, чего он добивался «подарком», потому что коробка была пуста.

– Что еще, по-вашему, вы обо мне знаете?

Вопрос звучал провокационно. Он хотел ее проверить. В любой другой ситуации Хелен положила бы трубку, но сейчас она хотела выяснить, правду ли он говорит, заявляя, что похитил человека.

Она глубоко вдохнула и произнесла ровным, спокойным, насколько это было возможно, голосом:

– Надпись смазана направо. Вы левша.

Смех незнакомца оборвался.

Хелен вспомнила цитату, которую любил повторять Бен Колер: «Чем сильнее преступник пытается запутать следы, тем больше подсказок оставляет». Кроме того, имея за плечами психологический факультет, четырнадцать лет терапевтической практики и опыт работы

судебным психологом, Хелен автоматически анализировала любое необычное поведение – и первая мысль была, как правило, верной.

– Так как на бумаге не указан адрес, – продолжила она, – полагаю, вы лично принесли ваш подарок. Вероятно, сегодня ночью, около пяти утра. Моя собака прогнала вас, иначе вы оставили бы подарок перед дверью... а не запихнули в почтовый ящик. – Дасти наверняка вытащил его оттуда лапой.

Мужчина молчал.

– Вы изменили голос. Значит, по настоящему я вас узнаю. Кроме того, вы скрываете ваш телефонный номер, чтобы я не могла заявить в полицию. Возможно, мы уже встречались. Вы один из моих клиентов?

Он по-прежнему молчал.

Хелен молилась, чтобы все это оказалось глупым розыгрышем и шутник поскорее назвал свое имя. Не хватало ей только сумасшедшего, который по ночам околачивается на ее участке, впрочем, как и сталкера или невменяемого клиента.

– Я... – Она замолчала, краем глаза увидев, как Дасти выпрыгнул из-за низких изумрудных туй, которые отделяли ее участок от прилегающих полей. Он помчался к ней и улегся под столом. Хелен услышала чавкающие звуки, заглянула под стол и не поверила своим глазам.

Дасти что-то жевал. У Хелен тут же мелькнула мысль, что сумасшедший, возможно, хочет отравить ее пса. Она отложила телефон, схватила Дасти за ошейник и залезла рукой ему в пасть, чтобы вытащить предмет.

Хелен едва не стошнило.

Что-то продолговатое, мягкое и теплое. Человеческий палец! Отрезанный у самого основания пястной кости. Неаккуратный разрез. Кожа и ткани обтрепанные на концах, словно кто-то несколько раз принимался за садовые ножницы, чтобы отделить палец от ладони.

С отвращением Хелен бросила палец на пустую тарелку, чтобы Дасти не мог больше до него добраться. Вытерла руку о джинсы и закрыла глаза. Ее все еще подташнивало. Нет, этого не может быть! Сердце бешено колотилось, в горле словно застрял плотный комок. Хелен схватила стакан с апельсиновым соком и выпила его залпом – но комок остался.

Это был женский палец. Теперь она поняла, почему коробочка с красной подкладкой была пустой. Дасти унюхал палец и вытащил его из картонной коробки.

Вдруг Дасти стал давиться. Господи, сейчас что? Пес хрипел и кашлял, грудная клетка содрогалась. Пугающие гортанные звуки – словно желудок выворачивало наизнанку.

– Дасти! – Она присела рядом и погладила его по животу. В следующий момент его стошнило. По плитам террасы, брэнча, покатилося кольцо. Несмотря на припекающее весеннее солнце, у Хелен по спине пробежал мороз. Она подняла покрытое слизью украшение – рубин тускло заиграл на свету.

Пожалуйста, взмолилась она про себя. Это какая-то мерзкая шутка. Послезавтра Франк отмечает свое пятидесятилетие, на праздник приглашено около шестидесяти гостей. Может, кто-то из них решил разыграть ее? Но почему именно ее, а не Франка? И почему сегодня? Или за всем этим стоит сам Франк? Ни за что! За время их двухлетнего брака он никогда не подшучивал над ней, а такой безвкусный розыгрыш не в его стиле. Поэтому оставался один вывод: она действительно разговаривает с сумасшедшим.

Дасти уже оправился и блаженно валялся на спине. Хелен сжала кулак, надеясь мышечным напряжением избавиться от стресса и волнения, которые с каждой секундой охватывали ее все больше. Но это не помогло. Она знала, что парень хочет просто свести ее с ума.

Дрожащими пальцами она схватила сотовый телефон.

– Что...

– Почему вы пропали? – спросил он.

– Потому что мою собаку стошнило! Хотите услышать детали? – Ее страх превратился в ярость.

– С этого момента вы делаете лишь то, что я вам говорю! И даже не вздумайте рассказать мужу или полиции о нашем телефонном разговоре, – пригрозил он, – иначе я отрежу жертве не только оставшиеся девять пальцев, но и вообще все части тела, чтобы она истекла кровью. Вы меня поняли?

Хелен молчала.

– Я задал вам вопрос!

– Да. – Ее желудок протестовал. Она почувствовала кисловатый привкус во рту и сглотнула. – Как себя чувствует женщина?

– Женщина? – повторил он. – Вы наблюдательная. Имеете в виду, за исключением кровотечения? Она держится молодцом.

– Ей нужна медицинская помощь?

– Полагаю, да, но у нее все в порядке.

– Я хочу поговорить с ней.

– Завтра, когда она будет в сознании.

Вероятно, ее сейчас нет рядом. Наверняка он держит ее в каком-нибудь подвале, связанную и с кляпом во рту.

– Почему я? Почему именно сегодня? – Бессмысленно притворяться и говорить уверенным тоном. Психопат знал, что сломил ее сопротивление.

– Почему? – эхом отозвался он. – Это вы должны выяснить, Хелен. У вас осталось чуть меньше сорока восьми часов.

Машинально она посмотрела на склизкое рубиновое кольцо, которое Дасти лапой возил по полу. Подсознание подсказывало, что она уже видела это кольцо.

– Еще одна подсказка, потому что ваше время уже пошло: речь идет о ком-то, с кем вы знакомы. Но этот человек знает вас лучше, чем вы его.

Связь оборвалась.

7. Вводная беседа

Пятью месяцами ранее

Доктор Роза Харман выглянула в окно своего врачебного кабинета. На крышах венских домов лежали снежные шапки, мир безмолвствовал. В этом году снег выпал на Рождество, что случилось довольно редко.

Она включила диктофон.

– Вторник двадцать восьмое декабря. Первый сеанс с Карлом Бони. Сейчас почти пятнадцать часов. Я ожидаю его прихода в любой момент. Надеюсь, он не тот, за кого я его принимаю.

Она опустила диктофон. С тех пор как Роза узнала, что беременна, она постоянно ощущала этот ледяной покалывающий холод в ногах. Первый ребенок – и это в сорок лет! Ее мать всплеснула бы от удивления руками, но она об этом никогда не узнает. Последний контакт между ними был много лет назад. В этом году ее мать даже не ответила на обязательную рождественскую открытку. Пусть катится к черту. У Розы других проблем хватает.

Рядом с парковкой перед ее окном возвышались снежные сугробы. Кто-то из соседей очистил парковку сегодня утром снегоочистителем, но в обед ее снова засыпало. Окна близлежащих домов украшало рождественское освещение.

Роза потуже запахнула кардиган. Карл был последним клиентом на сегодня. После сеанса она сменит юбку и модную шелковую блузку на теплые войлочные тапочки и уютную фланелевую пижаму, которая как раз грелась на батарее. Чашка горячего молока с медом и печенье – отличное завершение дня. Такой ее еще никто не видел – и не должен увидеть. Элегантный и красноречивый звездный психотерапевт в домашних тапочках выглядит нелепо. Но в глубине души она такая же, как и все женщины, – даже если многие клиенты считают ее уникальной.

Видавший виды белый автофургон с эмблемой автомастерской въехал на парковку. Сбоку на кузове значилось «Рубен и сыновья». Стекла грузовичка снаружи покрылись инеем, а внутри запотели. Посередине лобового стекла было процарапано небольшое окошко,

через которое Роза могла видеть водителя. Он припарковался слишком близко к контейнеру с макулатурой, на котором возвышался снежный сугроб. Спустя несколько мгновений из фургона вышел высокий молодой парень.

Розе стало холодно от одного его вида. На сумасшедшем парне были только джинсы, рубашка и пиджак. Ветер трепал его одежду и волосы. Парень не стал запирать машину, огляделся и побежал к входу в ее кабинет. Насколько Роза знала, его обвиняли в хранении кокаина, преследовании и агрессивном отношении к женщинам. Какая формулировка! В действительности он избил двух женщин до такого состояния, что они попали в больницу. Решение суда: три года условно. Тем не менее судья назначила ему «терапию вместо наказания». Роза знала судью. Петра Лугретти была одной из ее лучших подруг. Вообще-то из-за беременности Роза хотела сократить количество рабочих часов. Кроме того, всегда непросто работать с клиентами, которые не добровольно пришли на психотерапию. Но Роза поддалась уговорам Петры Лугретти и согласилась дать психологическое заключение для суда.

В следующий момент раздался звонок в дверь. Роза открыла. Крыльцо располагалось между двумя эркерами и было защищено от ветра. И все равно на порог и коврик для ног намело снега. Посетитель стоял перед дверью, уставившись на табличку, как будто хотел выучить ее наизусть:

«Логотерапия и экзистенциальный анализ по
Виктору Е. Франклу
Психотерапевтическая практика
Доктор медицины Роза Харман
Дипломированный врач».

Ниже был указан ее телефон и адрес интернет-сайта.

– Вы здесь живете? – спросил молодой человек, не поднимая на нее глаз. – Дом одноэтажный, но... – он посмотрел мимо Розы в холл, – удобный.

К венскому диалекту примешивался восточнонемецкий акцент, словно парень не мог определиться, хочет ли говорить на

литературном немецком или венском диалекте. Петра упоминала это во время телефонного разговора.

– Здесь только мой кабинет, – объяснила Роза. – Не хотите войти?

Он поднял голову, и ветер спутал его золотистые, почти соломенные волосы. Светлых бровей было практически не видно, из-за чего голубые глаза казались еще ярче. А эти невероятно длинные ресницы... какой взгляд!

Молодой человек молча вошел, повесил пиджак на вешалку и провел рукой по влажным волосам. Он был высокий и мускулистый. Его любопытный взгляд, казалось, хотел уловить все сразу.

Некоторые клиенты неуверенно реагировали на закрытые двери. Поэтому Роза всегда отставляла правую дверь, ведущую в рабочий кабинет, приоткрытой, чтобы посетители могли видеть письменный стол. В воздухе пахло Рождеством. Роза пошла первой, но Карл Бони за ней не последовал. В нерешительности он стоял на коврике перед дверью.

– Можете не разуваться, – сказала Роза.

Он смущенно улыбнулся, словно она угадала его мысли. Затем прошел за ней в комнату.

Помещение с двумя большими эркерными окнами было залито светом. Над батареей стояли горшочки с зеленью, от которых исходил аромат мандаринов и еловых иголок.

Роза указала на угловой диван:

– Присаживайтесь, где вам больше нравится.

Ее папка лежала с той стороны стеклянного стола, где стояло кресло. Напротив располагался удобный угловой диван с подушками. Все клиенты, которые приходили к ней в первый раз, машинально садились на него. Папка деликатно указывала им на ту сторону, где Роза хотела бы их видеть. В том числе и Карла. С того места пациентам открывался чудесный вид на парк с корявыми сучковатыми деревьями и покрытыми снегом кустами. Также в поле зрения находился маленький радиобудильник с электронным табло, чтобы не терять ощущения времени и знать, сколько еще продлится сеанс. Кроме того, на столе лежала пачка носовых платков – на всякий случай. Прямо рядом с диктофоном.

Роза опустилась в свое кресло и налила воды в два стакана, которые уже стояли на столе. Потом закинула ногу на ногу.

Карл расслабленно сидел на диване. Его взгляд блуждал по комнате и задержался на книжном стеллаже, который, за исключением нескольких романов из семидесятых годов, был заполнен узкоспециальной литературой.

Роза заправила за ухо каштановую прядь, которая постоянно падала ей на лицо.

– Вам не помешает диктофон?

Карл уставился на нее, словно изучая ее темно-зеленые глаза.

– Это еще зачем?

– Мне кажется, разговоры необходимо записывать. – Она сделала паузу. – Когда я позже прослушиваю кассеты, мне в голову иногда приходят блестящие идеи, которые помогают в дальнейшем.

Его взгляд оставался скептическим.

– Кто еще слушает кассеты?

– Никто, даже в суде. Я не имею права разглашать конфиденциальную информацию. Клиент остается анонимом.

Он задумался.

Настоящую причину для аудиозаписи сеансов она ему пока открывать не будет: случай показался ей очень интересным, и Роза хотела задокументировать результаты для себя. Возможно, позже она напишет статью.

– Могу я получить копию? – спросил он.

– Если хотите.

– А, не обязательно. – Он безразлично махнул рукой.

– Хорошо. – Роза включила диктофон и откинулась на спинку кресла. Кассета будет писаться пятьдесят минут. – Как вы себя чувствовали, когда ехали сюда?

Недолго думая, он ответил:

– Хорошо. – Улыбнулся. – Я с нетерпением ждал этой встречи.

– Правда? – Она знала, что это ложь. Карл улыбался только губами, но не глазами. Безошибочный сигнал лицевой мускулатуры. Если область вокруг глаз остается без эмоций, то приветливость, как правило, наигранна. – Как вы провели Рождество?

– Один... Я люблю быть один, – поспешно добавил он.

– Вам комфортно в настоящий момент?

– Конечно. – Он улыбнулся, как будто пытался флиртовать с ней.

Роза на это никак не отреагировала.

– Как вы замечаете, что вам некомфортно?

Он посмотрел на потолок.

– Я начинаю грызть ногти.

Роза не взглянула на его руки. Она еще раньше заметила, что ногти обкусаны. На большом пальце с одной стороны засохла кровь. Видимо, он грыз его, пока ехал сюда.

Большинство клиентов старались скрыть свои ногти и сжимали руки в кулаки, как только Роза касалась этой темы. Многим было неудобно, но только не Карлу. Его руки спокойно лежали на диване.

– В каких еще ситуациях вы грызете ногти?

– Когда я размышляю, чувствую себя неуверенно или не могу принять решения... в основном.

Честный ответ.

– Хорошо. – Роза потянулась к папке. – Эта вводная беседа бесплатная, продлится около пятидесяти минут, и счет за нее не будет выставляться суду. Если вы с этим согласны, то я хотела бы начать с общих вопросов.

Он кивнул.

– У вас восточнонемецкий акцент, – констатировала Роза. – Вы родом из Саксонии или Бранденбурга?

– Я родился в Вене. Мать отсюда, а отец из Дрездена. В 1981 году он сбежал из ГДР во время гастролей. Он был пианистом. Нам приходилось часто переезжать, так что какое-то время мы жили в Вене, Кельне, после падения стены – в Лейпциге, позднее снова в Дрездене.

– Интересно. – У Розы уже было несколько клиентов, выросших в семьях музыкантов. Но еще ни одного сына пианиста. – И теперь вы живете в Вене?

– После смерти отца мы вернулись... но мама живет в собственной квартире, – быстро добавил он.

На протяжении последующих сорока пяти минут он терпеливо давал краткие ответы на все вопросы Розы, которые она записывала в папку. С шести утра до двух Карл работал механиком в автомастерской Рубена на севере Вены, по его собственным словам, в каком-то подозрительном сарае. Старый Рубен также сбывал по дешевке подержанные автомобили, облапошивая при этом даже опытных покупателей.

Карл был единственным ребенком в семье, он без радости вспоминал детство и жил один в Вене. С матерью он поссорился; отец, центральная фигура в его жизни, кого он обожал, умер от инфаркта. Карл родился 6 ноября, как и Роза. Тоже Скорпион. Правда, Карлу всего двадцать три, он гораздо моложе ее. Теоретически он даже мог бы быть ее сыном. Вдруг она подумала, что у некоторых Скорпионов есть ядовитое жало, которое может быть смертельно для человека. И инстинктивно положила руки на живот. Еще ничего не было заметно. Она была только на четвертой неделе. Интересно, будет мальчик? Как отреагирует отец? В любом случае скоро придется ему рассказать.

А сейчас сконцентрируйся на клиенте!

Она наблюдала за Карлом, пока тот говорил. Расчетливый взгляд, уверенное поведение и хитрая улыбка характеризовали его как харизматичную личность, которая легко пленяет и подчиняет себе других. Именно таких людей непросто раскусить, чтобы добраться до сути проблемы.

– Какими тремя прилагательными вы описали бы ваши отношения с родителями?

Он подумал.

– Я любил отца. Он был умным человеком, но строгим, доминантным... и вспыльчивым.

Интересно, что Карл сразу заговорил об отце. Но даже в этом случае он описал человека, а не отношения с ним. Кроме того, Роза отметила его амбивалентные чувства. Он любил строгого вспыльчивого человека – но в этом нет ничего необычного.

– А ваша мать?

Он пожал плечами:

– Она простая женщина, работает сиделкой то здесь, то там, но как отец она себя держать не умеет.

После нескольких вопросов о родственниках, школьном образовании и интересах анамнез был готов. Роза захлопнула папку.

– У вас есть вопросы?

Карл подвинулся вперед, к краю дивана.

– Какое у вас образование?

Она усмехнулась.

– Почему вы улыбаетесь? – раздраженно спросил он.

– Потому что большинство клиентов долго ходят вокруг да около, вы же спрашиваете напрямую – мне это нравится.

Его взгляд помрачнел.

– Что в этом хорошего?

– Ну, вы производите впечатление человека, который прямоком идет к цели, не разменивается по мелочам и не тратит впустую ни времени, ни чувств.

Она зарегистрировала его еле заметный кивок.

– Полагаю, вы хотите знать все, что касается вас. Все уточнять и понимать причины и подоплеку. Это хорошая база для открытого разговора. В психотерапии в первую очередь важны отношения... и доверие.

На этот раз он кивнул увереннее. Роза достала из папки какой-то небольшой буклет и протянула Карлу:

– Мое резюме.

Он полистал брошюру.

– Я изучала медицину и параллельно с учебой ходила на подготовительные курсы в Венском университете по направлению «психотерапия». Они длились два года. Дальнейшее узкопрофильное образование – еще четыре.

– Сколько лет прошло с тех пор?

Роза подумала.

– Двенадцать.

Она заметила, как заработали колесики и шестеренки в его мозгу.

– Сейчас мне сорок лет, – предупредила она его следующий вопрос.

Парень откровенно пялился на ее стройные ноги.

– Я специализировалась на логотерапии по Виктору Е. Франклу.

– Я прочитал снаружи.

– Это не имеет никакого отношения к логопедии, – быстро добавила она. – Некоторые клиенты путают эти понятия. Моя терапия направлена на поиск смысла и экзистенциальный анализ.

Карл наморщил лоб.

Роза улыбнулась.

– Речь не о вашем финансовом положении или банковском счете, а о поиске смысла жизни, о том, как прийти к согласию с самим собой и

собственными эмоциями. – Она почувствовала, что Кару не терпится что-то спросить. – Да?

– Вы не используете психоанализ... по Фрейду или тому подобное?

Психоанализ по Фрейду? От Петры Лугретти она знала, что Карл был уже у трех психотерапевтов. После четырех сеансов все они прерывали терапию и, поговорив с куратором, отказывались от этого случая. Причина была Розе неизвестна, но, судя по реакции Карла, можно заключить, что все это были отставшие от жизни аналитики, как Роза называла их про себя.

– Нет, я не использую психоаналитические методы, – медленно ответила она. – Видите ли, по-моему, этот подход слишком долгий и утомительный. Я действую по-другому. Мой метод – это в первую очередь прямой разговор. Если вы решите проходить терапию у меня, мы будем много говорить о ваших чувствах, возможно, работать с флипчартом или писать письма вашей матери, отцу и другим людям. Но отправлять их не станем.

Она выдержала паузу. Пока что Карл внимал с интересом – по крайней мере, так ей казалось.

– Но самая важная работа, – продолжила Роза, – будет происходить не в этой комнате во время наших сеансов, а снаружи... у вас на работе, в вашей квартире, при общении с другими людьми.

– Да, конечно, – пробормотал он, словно слышал все это уже сто раз. – Вы вообще знаете, как работают другие методы?

Роза улыбнулась. Его прямота бодрила.

– В Австрии признаны двадцать два метода – это значит, страховая медицинская организация платит за них. И да, большинство мне известны.

Он поднял брови.

– Психотерапевты должны ежегодно повышать квалификацию. Иногда я использую приемы, которые узнала благодаря систематическому дополнительному образованию. Мы можем, например, реконструировать и проанализировать ваши отношения с друзьями, коллегами и членами семьи или инсценировать какие-то ситуации.

– Откуда вы знаете, что это сработает?

Какой глупый! Она улыбнулась.

– Во время учебы мы сами должны были посещать психотерапевта в качестве клиентов. Минимум: двести пятьдесят часов самоосознания.

Он надул щеки и выпустил воздух. Похоже, такого ему не рассказывал ни один психоаналитик – но Роза могла открыто говорить об этом. Как-никак, у нее за плечами все триста пятнадцать часов.

– У вас есть еще вопросы? Если нет, то я хотела бы обсудить организационные моменты.

Он откинулся на спинку дивана.

– В отличие от врачей психотерапевты по закону обязаны сохранять конфиденциальность. Врачи могут обмениваться информацией о пациенте, но наш принцип неразглашения гораздо строже. Нам разрешено говорить с врачами, госучреждениями или родственниками о сути терапии только с согласия клиента. Но угроза вашей жизни или жизни другого человека снимает с меня обязанность неразглашения.

Карл кивнул.

– Если вы придете пьяным или под воздействием наркотиков, я буду вынуждена отменить сеанс. – Он не возражал. – Я рекомендую сначала встречаться раз в неделю. На четвертый прием принесите, пожалуйста, этот заполненный вашим семейным врачом формуляр медицинского обследования. Оно необходимо для психотерапевтических сеансов. Мы представим все это суду вместе с отчетом и предварительным диагнозом, чтобы подать заявление на покрытие расходов на дальнейшие сеансы. – Стандартная процедура, когда заказчиком является суд.

Карл проигнорировал формуляр.

– Зачем этот листок, если я все равно должен пройти эту терапию?

– Я просто хочу быть уверенной, что вы физически здоровы.

– Анализ мочи тоже предусмотрен?

– Вы принимаете наркотики?

– Нет.

– Тогда вам нечего бояться.

Он сложил формуляр и, не читая, сунул его в нагрудный карман. Снова подвинулся к краю дивана, на этот раз уже ближе к Розе. В воздухе стоял запах машинного масла. Вероятно, он приехал прямо из автомастерской. Неосознанным жестом Карл закатал рукава рубашки.

На долю секунды Роза увидела на внутренней стороне обеих рук уродливые шрамы от ожога.

– Я слышал, что врачи и терапевты выписывают счет за прием даже в том случае, если пациент отменил встречу за двадцать четыре часа.

– Это так. – Неудивительно, что Карл отлично информирован. После четырех сеансов у каждого из трех психотерапевтов у него сложился богатый опыт. Однако это не должно интересовать его, потому что расходы все равно берет на себя суд.

– А вот если я, – тянул он, – на пути сюда попаду в аварию или узнаю, что моя мама лежит в больнице и я должен ее навестить, тогда...

Карл не закончил предложение. Он хотел проверить ее, как до этого, когда выяснял, какое образование позволяет ей называться психотерапевтом.

– Во-первых, я надеюсь, с вами и вашей мамой ничего плохого не случится, – ответила Роза. – Но в таких случаях я, конечно, счета не выпишу и мы наверстаем сеанс в другой раз.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Да? Я уже был у одного терапевта.

Только у одного?

– Я знаю.

– И он сказал, что терапия – это как договор, который мы заключаем, а таким вопросом я пытаюсь смягчить общие условия.

О господи! К кому только отправил его суд? Возможно, коллега так долго работал терапевтом, что уже не воспринимал своих клиентов как людей.

– Могу вас успокоить. У меня такого не случится. Но если вы позвоните, чтобы отменить встречу, потому что якобы не можете, а я услышу из трубки плеск воды и крики из бассейна, – я допущу такое только один раз, но в следующий выставлю суду счет с соответствующим комментарием.

Карл поморщился.

– В конце концов, вы получили предписание. Если не будете выполнять свои обязательства, я расценю это как прекращение лечения и буду вынуждена сообщить в суд... но лишь со второго раза. Это ведь честно?

– Хорошо. – Он потянулся к стакану с водой и сделал глоток. В этот момент его плечи расслабились. Возможно, этот вопрос был его личным тестом; основным моментом, может ли он доверять своему психотерапевту или нет. Видимо, ему было важно, что он и его проблемы означают для нее больше чем девяносто евро.

– Еще одно правило, – вернулась к теме Роза. – Если вы опоздаете, упущенное время не восполняется.

Карл вызывающе вытянул подбородок.

– Почему?

– Потому что следующий клиент ждет.

По всей видимости, такой ответ ему не понравился.

– Посмотрите на это с другой стороны, – предложила Роза. – Если клиент перед вами опоздает, вы можете быть уверены, что мы начнем вовремя, и он потеряет свое время.

– Убедительно. – Впервые на лице Карла появилась дружелюбная улыбка. Может быть, всего лишь наигранная. Тем не менее Роза хотела верить в его искренность. Кроме того, она хотела убедить Карла, что будет относиться к нему как к клиенту, который обратился к ней добровольно.

Они договорились о следующей встрече и назначили дату. На этом вводная беседа закончилась. Пока Карл допивал воду, Роза наклонилась вперед, чтобы выключить диктофон. В тот же самый момент она задавалась вопросом, что заставило ее коллег прервать терапию – и сколько времени ей понадобится, чтобы выяснить причину.

В десять часов утра Сабина Немез все еще была на службе. Она провела здесь уже четырнадцать часов. Валнер принес из булочной улитки с корицей. Сабина съела только одну – и она тяжелым грузом лежала в желудке. Как и остывший кофе из термоса. Бессмысленное сидение, пока отца допрашивали в Земельном уголовном ведомстве Баварии, измотало ее. В ЛКА в Мюнхене и Нюрнберге работало около полутора тысяч коллег. Главный офис на Майлингерштрассе находился недалеко от их бюро, но появляться там бесполезно. Ее остановят на входе.

– Неужели у меня нет никакой возможности участвовать в расследовании?

Колонович устало посмотрел на нее. Его густые горчичного цвета брови сдвинулись.

– С ЛКА? Ты шутишь?

Сабина стояла в его кабинете как побитая собака. Его взгляд говорил: ты всего лишь винтик в оперативном отделе полиции. Тебе всего двадцать шесть лет, а уже хочешь помогать господам чиновникам?

– По этому делу нет никаких электронных документов, – продолжила она.

– Я знаю. – Зазвонил телефон, но Колонович перевел звонок на другую линию.

Обычно документы и акты по каждому процессу выкладывали на сервере полиции, и каждый сотрудник мог их изучить. Дополнять и вносить новые данные имел право, конечно, только уполномоченный делопроизводитель. Но не в этом случае.

Колонович сложил на столе свои мощные руки.

– Расследование убийства твоей матери засекречено. Процесс изъяли из компьютерной системы и ведут на отдельном диске.

– Зачем? Я...

– Сабина! – Отец богов Зевс окинул ее грозным взглядом. – Сотрудники полиции уже допрашивают пятерых других подозреваемых. Но сегодня утром коллеги из Кельна обыскали квартиру твоего отца. И нашли там пузырек с чернилами, на котором

отпечатки его пальцев. Это последняя информация, которую я получил. Возможно, жидкость совпадет с той, что была обнаружена на месте преступления.

Наверняка совпадет!

Ее отцу необходим адвокат, и как можно скорее. Сабина могла подключить экстренную адвокатскую службу, но неизвестно, когда они кого-нибудь направят. Ей на ум пришел только Габриель, бывший муж ее сестры. Залгавшийся ублюдок уже три месяца не платил алименты на содержание Керстин, Конни и Фионы, но он был неплохим защитником по уголовным делам.

– Еще кое-что, – пробормотал Колонович. – К нам направляется коллега из БКА в Висбадене.

– В связи с убийством моей матери?

– Без понятия. – Он пожал плечами. – Прибывает ближайшим рейсом «Люфтганзы» из Франкфурта. Симон поехал за ним в аэропорт.

– У него что, нет машины?

– Я уже дважды имел удовольствие работать с ним. Насколько мне известно, у него нет водительских прав. Во всяком случае, тогда нам приходилось возить его по Мюнхену. – Колонович потер глаза. – Они такие, белые воротнички из БКА. Эти снобы только штаны в кабинетах просиживают.

Сабина вздрогнула. Еще никогда она не слышала, чтобы ее шеф вот так отзывался хотя бы об одном коллеге. Неужели догадывался, что она уже трижды подавала заявление на учебу в Висбадене?

– Как его зовут?

– Мартен С. Снейдер.

– Мартен Снейдер? – повторила Сабина. – Никогда не слышала.

– Мартен С. Снейдер, – поправил он ее. – Родом из Роттердама. Хитрый лис, от которого ничто не ускользнет. У него нюх как у верблюда, который чует лужу за двадцать километров.

Не похоже на просиживателя штанов. Если этот мужчина действительно приехал из-за убийства ее матери, Сабина должна поговорить с ним.

По дороге к себе в кабинет она снова позвонила Эрику, но он был недоступен ни в бюро в Висбадене, ни на сотовом телефоне. Хоть

волосы на себе рви! Сабина оставила еще одно сообщение на голосовой почте.

Сев за рабочий стол, она ввела код для запроса в «Дедале», но доступ все еще был заблокирован. Сабина отодвинула клавиатуру в сторону и откинулась на спинку стула. Уныло открыла список номеров в сотовом телефоне и промотала его до доктора Габриеля Церни. Некоторые называли его Доктор Глаз из-за знаменитого холодного застывшего взгляда, с каким он входил в зал суда. Ее сестра Моника очень хорошо знала этот пронизательный взор. Стоит ли с ним связаться? И все-таки ничего лучше Сабине в голову не приходило.

Она набрала номер телефона офиса, и секретарша соединила с Габриелем. Бывший муж ее сестры ответил, как обычно, наигранно-вежливым голосом – чересчур дружелюбно, так что возникало ощущение, будто над тобой издеваются.

– Привет, мой ангел. Что я могу для тебя сделать?

– Габриель, хватит придуриваться. Я хочу, чтобы ты представлял в суде человека, которого подозревают в убийстве.

Этот пижон только и ждал такой просьбы.

– Это бесподобно! – воскликнул он. – Сначала ты арестовываешь парней, а потом приглашаешь меня защитить их от тюрьмы.

– Моя мама... – Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Мою маму нашли мертвой, и отца сейчас как раз допрашивают.

В следующий момент его голос уже звучал нормально.

– Бина, мне очень жаль. Неужели убийство в соборе? – Он сделал паузу. – Как я могу вам помочь?

Может, он и не такой уж ублюдок? Впрочем, речь идет о его бывших теще и тесте, и в такой ситуации можно ожидать немного уважения.

– Твои дети еще ничего об этом не знают. Моника расскажет им позже. Пока что папа нуждается в твоей помощи. Его квартиру в Кельне только что обыскали. А коллеги из ЛКА допрашивают его в настоящий момент на Майлингерштрассе.

– Он в Мюнхене? – спросил Габриель.

– Да, но причину он должен объяснить тебе сам. Пожалуйста, займись этим... он не убивал.

– Я из этого исхожу. – И Габриель положил трубку.

Сабина уставилась на стену перед собой. Голос Симона, донесшийся из коридора, выдернул ее из размышлений.

– Циничный подонок! – выругался он. – Обращается со мной, как с мальчишкой на побегушках.

Она вышла в коридор. Симон и Валнер стояли в дверном проеме столовой. Симон сунул себе в рот сигарету и жадно затянулся. Она редко видела, чтобы он курил.

– Ты о Снейдере? – спросила Сабина.

– О Мартене С. Снейдере! – буркнул Симон. – Мне пришлось тащить его огромный чемодан. Он туда как будто кирпичей наложил. По дороге в участок он сидел сзади и листал какие-то документы. Вот я дурак. Просто из вежливости спросил, бывал ли он уже в Мюнхене, и получил в ответ: «Вы что, хотите втянуть меня в разговор?» – Симон передразнил его голландский акцент.

Валнер рассмеялся.

– Я его знаю. Сам как-то раз возил на место преступления. И должен был приготовить для него термос ванильного чая. О причине сами можете догадаться. – Он сделал движение рукой, словно затянулся косячком. – А также я имел честь возить его по ресторанам и книжным магазинам. Благодарность ему чужда. Характер как у злобной гиены. Подожди, он еще покажет тебе три пальца.

Три пальца?

С верхнего этажа донесся шум, как будто там по паркету двигали столы. Сабина подняла глаза. Лампа над головами закачалась из стороны в сторону.

– Из какого он отдела?

Валнер состроил презрительную гримасу.

– Психолог-криминалист, занимается составлением психологических портретов преступников. Больше я ничего не знаю.

Сабина почувствовала, как у нее подскочило давление.

– Где он сейчас?

По потолку что-то глухо застучало.

– А ты как думаешь? – Симон указал вверх. – Обустроивает себе кабинет в переговорной.

– У нас? Зачем?

– Без понятия. С этим парнем я больше бесед заводить не стану, можешь мне поверить.

Симон потушил сигарету в пепельнице.

– Сама выясняй. Он, кстати, сказал, что хочет поговорить с тобой. – Симон взглянул на настенные часы. – Ровно через четыре минуты.

Этажом выше из переговорной комнаты в коридор были выставлены все пальмы. Сабина постучала в дверь и вошла. В следующий момент отпрянула. В комнате сильно пахло ванильным чаем. И в то же время ароматическими палочками. Но в воздухе висел еще один сладковатый, перебиваемый ванильным чаем запах, который Сабина не могла распознать.

Снейдер полностью изменил помещение. Стулья, составленные один на другой, были сдвинуты в угол. Столы образовывали большую букву П. Сам Снейдер сидел в кожаном кресле; перед ним стояло три ноутбука. По паркету хаотично змеились многочисленные провода. На столе лежало несколько раскрытых папок, диктофон и раскрытый кожаный пенал с длинными острыми иглами.

– Это вы выставили растения в коридор? – спросила Сабина.

– Сами ходить они не умеют, – с очевидным голландским акцентом произнес он и постучал себя по лбу. – Они забирают у меня воздух. Мне необходим кислород, чтобы думать.

Своими интонациями Снейдер напомнил Сабине шоумена Руди Каррелла. Но только не внешностью.

Мужчина поднялся. Худощавый, в черном дизайнерском костюме, наверняка метр восемьдесят, с невероятно длинными руками. На вид ему было сорок пять лет. Аккуратные бакенбарды начинались от ушей и переходили в узкую линию у самого подбородка. Черная борода резко контрастировала с глянцевого лысиной и бледным лицом, которое много лет не видело солнца.

– Садитесь, – приказал он Сабине.

Стул стоял в центре комнаты и был повернут к стене. Сабина села. Как на допросе она уставилась на голую белую стену. Снейдер снял большой акварельный рисунок в раме, который сделала жена Колоновича, и запихнул за шкаф. Вероятно, краски мешали ему думать.

Словно на негнущихся ногах подошел к Сабине. Его мокрый от пота лоб производил нездоровое впечатление. У него жар?

– Вы себя неважно чувствуете? – спросила Сабина.

– А как бы вы себя чувствовали, если бы вам в начале седьмого утра пришлось мчаться во франкфуртский аэропорт?

Шесть утра! Она подумала о своем запросе в системе «Дедал». *Просто совпадение! Только никакой паранойи!*

Снейдер медленно обошел вокруг нее, внимательно изучая. С острым крючковатым носом и крохотными глазами, от которых ничего не ускользало, он напоминал орла, который вот-вот накинется на свою добычу. Металлические пластинки на его подошвах клацали по деревянному полу. Шаги наверняка были слышны на всем нижнем этаже. Возможно, он делал это намеренно, чтобы помешать другим думать. Так сказать, превентивный удар.

– Я слышала, вы профайлер.

Он взглянул на нее с любезно-презрительной улыбочкой, от которой у Сабины по спине побежали мурашки.

– Мы здесь не в ЦРУ. Я не профайлер, а полицейский аналитик, психолог-криминалист, специализирующийся на случаях похищения людей. Больше вопросов нет? Могу я тоже кое-что спросить? – Не дожидаясь ее ответа, продолжал: – Расскажите мне о вашей матери. Кто мог ее убить?

Сабина сглотнула. Ее мама умерла всего пятнадцать часов назад. Ни «*мне очень жаль*», ни «*мои соболезнования*». Только этот пронизательный взгляд.

– Моя мама была...

Он перебил ее, сунув под нос три пальца. В изгибе между указательным и большим пальцами Сабина заметила круглую черную точку. Татуировка или выраженная родинка.

– Только основное. Самое важное в трех предложениях, не больше. Сможете?

Ублюдок!

– Мы с сестрой выросли в Мюнхене, но из-за работы отца переехали в Кельн. Раньше он был машинистом, в Кельне реставрировал старинные поезда. Это была его мечта. Моя мама двенадцать лет преподавала там в начальной школе, а позже стала директором. После развода родителей десять лет назад мы вернулись в Мюнхен. «Война роз» длилась два года, это не секрет. Отец хорошо

зарабатывал, но дело не только в деньгах, а и в родительских правах на опеку. Мне тогда было шестнадцать. Но мой отец никогда бы...

– Самое основное! – снова перебил ее Снейдер.

Да что он хочет услышать?

– Мама уже два года на пенсии. Она жила одна, долгов у нее не было, зато много хобби и бесконечное количество новых платьев. Она была стройная, спортивная и любила смотреть оперетты и театральные постановки. Раз в неделю мы с ней ходили на курс пилатеса. Послушайте, мой отец...

– Нет, это вы меня послушайте! – Он подошел к ней ближе. – Вашего отца и еще нескольких подозреваемых допрашивают в ЛКА. Они интересуют меня не более, чем пукнувший в Мюнхенском зоопарке тюлень. Меня интересует ваша мать, ясно? Когда проходит этот курс пилатеса?

– В пятницу вечером.

– На этой неделе тоже?

Она кивнула.

– Но я туда не пошла.

Теперь он показал ей три пальца на другой руке. И здесь на том же месте чернела точка. Возможно, идентичные татуировки. Но что обозначают эти точки?

– Дальше! – торопил он.

– Она читала Гессе, Белля, античные легенды, слушала классическую музыку, но аудиокниги, которые я приносила, – никогда. С удовольствием ходила в оперу, покупала овощи и фрукты в индийском магазине, любила готовить, не имела никаких домашних животных и нежно заботилась о трех своих внучках.

Снейдер бросил на нее удивленный взгляд.

– Моя сестра разведена, – поспешно объяснила Сабина, прежде чем он успел выдать какой-нибудь глупый комментарий.

– Я заметил ваш взгляд, – сказал Снейдер. – Вы чувствуете себя виноватой, что не встретились с матерью в вечер похищения?

Внутри у Сабины все сжалось. Откуда он знает о похищении?

Словно выполняя какой-то ритуал, он покрутил сигарету, напоминающую косячок.

– Вы ведь не против, если я закурю? – Получив ее согласие, он прикурил сигарету от спички. – Значит, чувство вины?

– Возможно.

В настоящий момент Сабина не испытывала угрызений совести, а только злость на этого заносчивого умника, у которого чуткости и сострадания не больше, чем у камня. Вместе с тем его негнущаяся верхняя часть корпуса и неуклюжие движения бедрами напоминали поведение гея. Она не имела ничего против голубых. Не то что против курильщиков травки.

Снейдер выпустил вверх серое дымное облако. Сабина заметила на потолке белую круглую отметину – он открутил детектор дыма. Кабели были изолированы, сам прибор лежал на подоконнике. Сейчас она узнала этот сладковатый запах. Марихуана! Он действительно курил травку. А ванильный чай, видимо, должен был перебивать запах.

– Дым не мешает вам думать? – насмешливо спросила она.

Выражение его лица застыло.

– Никогда больше не пытайтесь шутить в моем присутствии!

Дверь приоткрылась, и Симон просунул в комнату голову. Светлые короткие волосы торчали во все стороны. В следующий момент его лицо вытянулось. Потом он посмотрел на потолок. Наверное, искал детектор дыма в этой комнате, переделанной в опиумную берлогу.

– Вы хотели со мной поговорить?

– Да кто вообще хочет с вами разговаривать? – пробормотал Снейдер надменным тоном. – Принесите мне еще один чайник свежего ванильного чая и все документы по делу Ханны Немез. Отпечатки пальцев, фотографии с места преступления, показания свидетелей и тому подобное.

Симон небрежно прислонился к дверной раме.

– Это сложно. Все находится в Земельном уголовном ведомстве Баварии. – Пожал плечами. – Понятия не имею, кто там ведет это дело.

Хотя ситуация была напряженная, Сабина не смогла сдержать улыбку. Всем известно: как аукнется, так и откликнется. Кому захочется, чтобы с ним обращались пренебрежительно?

Снейдер затаился.

– Эти ничтожества из ЛКА ведь не были на месте преступления, верно? Так что давай, мальчик, стоняй в кабинет и принеси мне все материалы, которые имеются по этому делу.

Сабина вздрогнула. Еще никто не обращался к Симону «мальчик».

Тот заскрежетал зубами и исчез, ничего не сказав. Снейдер очень хорошо знал, что они в участке обязаны с ним сотрудничать. Если все профайлеры в БКА в Висбадене такие, то Сабина вряд ли станет подавать заявление туда еще раз. Лучше и дальше нести службу с Симоном и Валнером в оперативном отделе.

– Похоже, вы не работаете вместе с коллегами из ЛКА, – констатировала Сабина. – По какой же причине вы здесь?

Снейдер посмотрел на свои плоские наручные часы Swatch с полосатым красно-бело-голубым циферблатом – цвета голландского флага.

– Ваши три предложения закончились. Вероятно, больше вы ничего сказать не можете. Но ответьте мне еще на два вопроса. Где ближайший книжный магазин «Гаитал»?

– Простите?

– Вы что, плохо слышите? – Он покачал головой. – Мне любопытно, как вам удавалось справляться до сих пор.

Сабина кипела от негодования. Мало того что умерла ее мама, так этот напыщенный говнюк еще и обращается с ней, как с пацанкой. Что ему нужно в «Гаитале»? В Мюнхене с полдюжину филиалов этой книжной сети. Недалеко есть один – там Сабина покупает аудиокниги, – напротив здания судебной медицины и ирландского паба.

– Итак? Где ближайший филиал?

– Понятия не имею, – ответила она.

– Видимо, вы мало читаете, – пробурчал он. – И последний вопрос: у вас был контакт с похитителем?

– Откуда вы знаете, что мою маму похитили?

– Откуда я это знаю? – Он подошел ближе, сел на стол напротив Сабины и поймал ее взгляд. – Потому что сегодня в шесть утра я увидел вашу заявку в «Дедале».

Сабина сглотнула.

– Это был ваш последний запрос. – Снейдер поднялся. – Я распорядился, чтобы ваш IP-адрес и код доступа Эрика Дорфера пока заблокировали.

В начале двенадцатого сеанс психотерапии закончился. Хелен стояла у входа в бывший гостевой домик и ждала, пока ее девятилетний клиент с мамой сядут в машину.

На мгновение она закрыла глаза. Нежное полуденное солнце согрело ее лицо, ветер играл волосами. С пашни доносился терпкий запах. Во время сеанса Хелен постоянно думала о рубиновом кольце и не могла выбросить из головы отрезанный палец – картинка стояла у нее перед глазами.

Бывший гостевой домик обычно не запирали. Но сейчас Хелен закрыла дверь на ключ. В целях безопасности перед сеансом она заперла и основной вход в виллу, которая соединялась с гостевым домиком через зимний сад. Конечно, Дасти выбегал наружу и возвращался в дом через специальную дверцу для собак, но это было невозможно ему запретить.

Хелен вошла в свой кабинет, достала рубиновое кольцо из кармана джинсов и опустилась на вращающийся табурет. Она оттерла кольцо чистящим средством, и теперь оно сияло в лучах полуденного солнца, проникающих через окно. Если камень настоящий, то украшение стоит около четырех или пяти сотен евро. В тысячный раз она повернула кольцо между пальцами и посмотрела на гравировку на внутренней стороне: *Анне – от Франка*. Кто эта Анна? И кто, черт возьми, Франк? Кроме собственного мужа она не знает ни одного Франка, а он точно не рассматривается. Франк уже был один раз женат, но на некой Петре Лугретти, судье по преступлениям несовершеннолетних, которая была примерно ровесница Хелен.

А может, кольцо всего лишь подделка? Игра слов? *Анна Франк*. Коробочка с красной подкладкой стояла в гостиной на книжной полке между романами Пауло Коэльо, которые Хелен еще не прочитала. Если она подключит уголовную полицию, экспертно-криминалистический отдел может даже не тратить время на эту коробку. На картоне остались только ее отпечатки и слюна Дасти. Отрезанный палец, обернутый в целлофановую пленку, лежал в морозильнике. Ни один хирург в мире уже не сможет его пришить.

У Хелен оставалось меньше часа, чтобы найти ответы на вопросы. Затем в дверь позвонит следующий клиент. А до этого ей нужно хотя бы десять минут, чтобы вчитаться в его историю болезни. Она посмотрела на папки в шкафу и уже сейчас боялась этого, потому что ее мысли постоянно сбивались.

Кто такая Анна?

«Вы знакомы, но этот человек знает вас лучше, чем вы его». Сумасшедший сформулировал это как-то так. Время уходит. Не думай о следующем клиенте! Сконцентрируйся на Анне...

Конечно! Хелен подскочила на стуле. Одну из ее клиенток зовут Анна. Она подошла к большому стенному шкафу, где хранились все дела ее клиентов, и вытащила с полки папку с наклейкой Л-М. Торопливо пролистала желтые вкладыши-разделители.

Анна Ленер!

Клиентка работала фармацевтом в венской аптеке. На последний прием приходила 20 мая, в пятницу на прошлой неделе. Анне было около сорока пяти, застенчивая, интроверт по натуре; носила очки в роговой оправе, но все равно умудрялась выглядеть мило. Только не очень за собой следила. Франк назвал бы ее типичной серой мышью. К тому же у нее обнаружили рак кишечника, и уже несколько месяцев она была на больничном. После химиотерапии приходилось носить парик, который ей совсем не шел.

Хелен специализировалась преимущественно на случаях насилия над детьми и подростками, но также бралась и за не очень тяжелые случаи взрослых. Анна пришла к ней, потому что у нее не получалось выстроить нормальные отношения с мужчинами. Анну постоянно использовали – в том числе и потому, что ее тянуло к женатым мужчинам старше себя. Комплекс Электры – женский аналог эдипова комплекса, – который зародился еще в детстве Анны. У нее не было подруг, и Хелен стала первой, с кем она могла поговорить об этой проблеме.

Хелен перелистала свои записи. Сейчас она вспомнила. Анна носила это кольцо последние два или три месяца. Раньше его не было. Возможно, подарок ухажера.

Франк!

Анна никогда не называла своих знакомых мужчин по имени, а всегда говорила об «отце семейства», или «библиотекаре», или

«торговце автомобилями». Прокурора среди них не было. Но кого-то из этих мужчин должны звать Франк.

Хелен подумала об отрезанном пальце и о том, какую ужасную боль пришлось вынести Анне. Почему именно эта несчастная женщина, страдающая неизлечимой болезнью? Пожалуй, ответ все же очевиден. Анна была слишком доверчивой, добрейшей души человеком. Ее легко можно обмануть словами, сломить волю... и похитить.

С первого сеанса Хелен чувствовала ответственность за нее – чуть большую, чем обычно полагается психотерапевту. Но, возможно, все это просто недоразумение? Она быстро пролистала страницы и наконец нашла адрес Анны и номер ее телефона. Сначала позвонила на городской – после десяти гудков положила трубку. Потом набрала номер мобильного, который записала на всякий случай.

После второго гудка включилась голосовая почта. Хелен вздрогнула, услышав электронный голос похитителя: «В настоящий момент я, к сожалению, недоступна...»

Затем связь прервалась.

Хелен бросило в жар. Изверг записал сообщение на голосовую почту Анны. Вспомнила, что он причинит Анне боль, если Хелен вздумает рассказать кому-то о случившемся или обратится в полицию.

Но как он об этом узнает? Он наблюдает за ней? Прослушивает телефон? Установил в доме подслушивающие устройства? Параноидальные мысли душили ее, так что Хелен стала задыхаться. Но она должна что-то сделать!

Чудовище собиралось расчленить тело Анны. Хелен была уверена, что этого сумасшедшего ничто не остановит. Для того, кто однажды пересек черту и пытал человека, нет пути назад. Он должен довести начатое до конца, завершить свое *произведение искусства* – пока Анна не умрет. Это была всего лишь интуиция, которую Хелен не могла объяснить или проверить. Но если она права, то единственный способ спасти Анну – это подыграть сумасшедшему, чтобы оттянуть время. Нужно больше выяснить о нем, понять, что же он знает. Кроме того, она должна тайно проинформировать уголовную полицию. Хотя так можно поставить под угрозу жизнь Анны и потерять контакт с преступником. Все не просто. Дело в том, что у Хелен с уголовной

полицией были личные счета, и это тяжелым грузом лежало у нее на душе.

Возможно, психопат выбрал ее потому, что три года назад она как судебный психолог работала с уголовной полицией, но ушла из-за дела Винклера. То дело все разрушило, даже ее отношения с Беном Колером. С тех пор она больше не сотрудничала с уголовной полицией и сосредоточилась на своей практике, где могла сослаться на обязательство о неразглашении врачебной тайны и избавиться себя от прессы, суда и прокуратуры, которые превращали ее жизнь в настоящий ад.

Может, стоит позвонить коллегам Бена из уголовной полиции, которые так мерзко ее тогда подставили? Для них она все еще словно красная тряпка для быка. «Психотетка», которую можно обвинить в том, что запоролла полиция и замяла прокуратура. Всего этого никогда бы не случилось, сумей она настоять на проверке Кристофа Винклера на полиграфе – чтобы понять, врет ли он, – или поторопить сотрудников уголовной полиции с обыском в его доме. Тогда были бы живы те пятеро детей, которых Кристоф Винклер расчленил, а части тел зарыл в тридцати разных местах в Венском лесу – среди них оказался и сын Бена.

Хелен отложила сотовый телефон. Она не могла позвонить Бену. Он не станет с ней говорить.

– Проклятье! – выругалась Хелен, поспешно сунула материалы, касающиеся Анны, в папку и поставила ее на полку. Рядом в запертом шкафу она хранила свои экспертные заключения для суда. Дело Винклера было неполным, потому что некоторые материалы конфисковали.

Хелен вышла из кабинета и прошла через зимний сад в гостиную, положила на книжную полку рубиновое кольцо в коробочке. Через пятнадцать минут придет ее следующий клиент. Чем ей заняться до этого? Похититель Анны не запретил ей звонить мужу, чтобы поболтать с ним просто так.

Она набрала номер Франка, но его сотовый был выключен. Хелен попробовала дозвониться до кабинета в прокуратуре – звонок перевелся на секретаршу. Франк часто бывал на разных важных совещаниях. Но женщина заявила, что он сегодня в гольф-клубе и в офис не придет.

Словно парализованная Хелен уставилась на мобильный телефон.
В гольф-клубе?

Она вспомнила поспешный отъезд Франка сегодня утром, его непринужденную одежду, рубашку поло и солнечные очки, заткнутые за ворот. Почему он ей солгал? Она набрала номер гольф-клуба в Мариа-Энцерсдорфе, фешенебельном районе недалеко от Грискирхена. Франк состоял членом клуба уже десять лет и регулярно играл с судьей Хенрихом или адвокатом Сайснером. Однако администратор сообщила, что доктор Франк Бергер сегодня в клубе еще не появился.

Хелен плюхнулась на диван и уставилась на полку, где лежала коробочка с кольцом Анны. Почему Франк солгал ей и своей секретарше? Кому она может доверять, кому нет?

В этот момент зазвонил сотовый телефон. На экране отобразился номер Франка.

– Ты звонила? – лаконично спросил он.

С чувством неловкости она спросила, как дела у него на работе.

– Нормально, много работы. Что ты хотела?

Подлый лжец!

Она рассказала ему, что как раз изучает список гостей для его вечеринки и наткнулась на много знакомых имен.

– ...и я задалась вопросом, знаешь ли ты некую Анну Ленер.

Может, кто-то из коллег рассказал ему, что ее похитили. Возможно, полиция уже занимается этим делом.

– Нет, – как из пистолета выпалил он. Даже секунды не подумал.

– Это одна из моих клиенток, и я подумала, возможно...

– Она твоя клиентка? – перебил ее Франк.

У Хелен перехватило дыхание. В горле внезапно пересохло.

– Ты ее знаешь?

– Нет, – повторил он. – Еще что-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Пока. – Он положил трубку.

Она твоя клиентка?

Почему он так удивился? На глаза набежали слезы.

Анне – от Франка.

Франк что-то знал о похищении!

Возможно, даже был в этом как-то замешан.

Смена Сабины закончилась после обеда. Обычно она ехала домой, чтобы поспать несколько часов, но сейчас была настолько взбудоражена, что не смогла бы сомкнуть глаз. Поэтому навестила сестру, которая тоже вернулась домой после работы в музее. Снова плакали. После короткого разговора Сабина поехала к себе, переоделась и направилась пешком на улицу Нусбаумштрассе, где располагалось здание судебной медицины. Несмотря на весеннее солнце, Сабина ощущала ледяной холод.

Напротив и немного наискосок, на площади Бетховена, находился ирландский паб, где еще несколько месяцев назад они с Симоном пили кофе и пиво после службы, прежде чем ехать к ней домой. После свадьбы Симона их встречи прекратились. Иногда Сабина сидела в пабе одна.

Ее пальцы замерзли, когда она посмотрела вверх на квадратное четырехэтажное здание Института судебной медицины. Где-то там внутри лежал труп ее мамы. У Сабины не было полномочий входить в здание. Если бы убийством ее матери занималась мюнхенская уголовная полиция, Сабина могла бы достать у своих коллег копию отчета результатов вскрытия. Но при расследовании ЛКА это было невозможно, и тем более если процесс изъят из компьютерной системы. Тем не менее Сабина хотела попробовать.

Она вошла в здание – внутри пахло стерильностью и смертью – и направилась к дежурному, который сидел за перегородкой из молочно-белого стекла. Сквозь стеклянный коридор она видела этажи соседней городской клиники. По пандусу вверх как раз заезжала машина скорой помощи с включенной мигалкой. По вестибюлю санитары провозили пациентов в креслах-каталках.

– Что я могу для вас сделать? – Толстый небритый парень за молочным стеклом был одет в темно-синюю рубашку и галстук с узором в виде турецких огурцов, на котором виднелись шоколадные пятна. Рядом лежала начатая плитка шоколада.

Он поднял глаза от своей книги и мельком посмотрел на Сабину, после чего его взгляд бесстыже задержался на ее груди. Она ненавидела таких мужиков.

Симон сказал, что вчера около часа ночи труп ее матери был доставлен в патологоанатомическое отделение. Дежурил старый жлоб, доктор Хирншаль, а он обычно не прикасался к трупу в первые двадцать четыре часа. Из принципа. Но если прокуратура, архиепископ, бургомистр и ЛКА оказывали такое давление, чтобы поскорее раскрыть дело, возможно, патологоанатом уже с раннего утра занимался вскрытием. Но парень в галстук с огурцами, по-прежнему плящущий на ее грудь, точно не расскажет ей, как далеко продвинулся доктор Хирншаль, а тем более не вручит заключение о вскрытии.

– Добрый день!

Сабина прислонилась к молочному стеклу и прижала свое служебное удостоверение к смотровому отверстию. Парень поднял глаза.

– Я должна забрать результаты вскрытия трех чешских гастарбайтеров, которые сгорели в автофургоне на шоссе.

Портье отложил книгу в сторону. «Достоевский» значилось на корешке. Кто бы мог подумать?

Любитель Достоевского взглянул на монитор.

– Еще не готово, – сообщил он и снова уставился на Сабину.

Конечно, не готово. Ее коллеги ждали этого отчета неделю.

– Что? – Сабина разыграла негодование. – Я уже во второй раз прихожу сюда! Трупы неделю лежат в морге, а мы ждем причину смерти. Не можем оформить ни свидетельств о смерти, ни разрешений на выдачу тел.

Дежурный не реагировал.

Сабина постучала по стеклу.

– Как вы думаете, когда мы сможем отправить трупы в Чехию? На следующее Рождество? – съязвила она.

Мужчина пожал плечами. Его второй подбородок затрясся.

– Послушайте, я за это не отвечаю.

– Доктор Хирншаль обещал подготовить отчеты сегодня ночью! – повысила голос Сабина.

Мужчина опять посмотрел на монитор.

– Извините, сейчас он занимается другим случаем.

Сабина вытянула шею, но не смогла заглянуть в монитор.

– Неужели это убитая из собора?

Он ничего не сказал.

– Даже не верится! – Сабина прищурилась. – Она здесь всего двенадцать часов. Обычно Хирншаль поручает начальные работы дипломникам.

– Не в этот раз, – пробормотал дежурный. – Срочное дело. Доктор работает один с самого раннего утра. Вашим чехам придется подождать. – Он снова уставился на ее грудь.

– Эй, Достоевский! – Сабина щелкнула пальцами. – Я спущусь к нему и спрошу, когда мы получим отчет. Подвальный этаж, помещение ПЗ, верно?

– Он в П7, но вы не пойдете туда! – Дежурный неожиданно поднялся со стула. – Я позвоню ему, чтобы он вышел к вам.

– Только поживее.

Дежурный схватился за телефон, и, пока он отвлекся на разговор, Сабина прошла к лифтам. Сунула руки в карманы жилетки. Слева нащупала чехол своего цифрового фотоаппарата. Увидев, что лифт поехал вниз, проскользнула через противопожарную дверь на лестничную клетку. Этажом ниже она попала в длинный коридор и побежала мимо дверей. П4, П5, П6... П7.

Перед этой комнатой она остановилась. За следующим поворотом находились лифты. На всякий случай она постучала. Ответа не последовало. Сабина скользнула в помещение и попала в зал, облицованный белым кафелем. В воздухе стоял слабый запах дезинфицирующих средств, спирта и разложения. Ее тут же затошнило. В центре комнаты стояла ширма, сквозь которую проникал свет неоновой лампы. Сабина знала, что там. Ей хватило увиденного в соборе. Теперь ее и десятью лошадьми не затащишь заглянуть за ширму. На столе у стены светился монитор компьютера.

На всякий случай Сабина оставила дверь открытой, чтобы услышать шум лифта, когда патологоанатом снова поедет в подвал. В отчаянии стала искать на столе протоколы или записи Хирншалья. Рядом с клавиатурой и принтером не было ни диктофона, ни блокнота, ни листов бумаги. Она потрясла мышкой – заставка на экране исчезла. Пароля нет! Даже в этом Хирншаль поленился.

«Протокол патологоанатомического вскрытия» – стояло в строке меню. Ниже имя умершей: «Ханна Немез». Некоторые ячейки были уже заполнены. Сабина быстро пробежала глазами в поисках причины смерти. Наконец нашла соответствующую запись.

«Утопление».

Ничего не понимая, проверила имя, но это был протокол вскрытия ее матери. Она утонула? Прикованная к нижней части органа в соборе?

У Сабины не было времени читать все. В ближайшие секунды здесь появится взбешенный Хирншаль. Она вытащила фотоаппарат из чехла и сфотографировала экран. Хотела уже прокрутить к следующей странице, как заметила, что на дисплее фотокамеры видно только отражение вспышки. *Вот дерьмо!* Она рассчитывала, что будет фотографировать бумажные документы, а не экран. После еще двух неудачных попыток Сабина замерла и прислушалась. Тишина! Она уже далеко зашла и не хотела сейчас уходить ни с чем. Тут ее взгляд упал на принтер. Конечно! Поискала на мониторе иконку принтера и кликнула мышкой. Шли секунды. Ничего не происходило. Наконец лазерный принтер зашумел и засосал первый лист бумаги. На краю экрана появилась надпись «Печать страницы 1 из 12». За первым листом последовали еще два. Принтер громко трещал. Сабина подбежала к двери, высунула голову в коридор и прислушалась. Тут кабина лифта дернулась и поехала вниз. *Черт!*

Сабина метнулась к принтеру, схватила распечатанные листы бумаги из лотка и снова помчалась к двери. Она слышала, как за спиной принтер выплюнул последнюю страницу. Не важно!

Как только Сабина выскочила в коридор и прикрыла за собой дверь, на этаже остановилась кабина лифта. Вот-вот из-за угла появится Хирншаль. Она побежала к пожарной лестнице. В этот момент послышался знакомый голос с голландским акцентом.

– У меня мало времени, доктор. Резюмируйте медицинское заключение в трех простых предложениях.

Сабину бросило в жар. Мартен Снейдер здесь? Его подошвы с металлическими накладками гремели по плиточному полу. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять: оба через мгновение вывернут из-за угла. В следующий момент Сабина исчезла на лестничной клетке и побежала на следующий этаж.

В вестибюле она не решилась пройти мимо окошка дежурного. Поспешила по стеклянному коридору в клинику и через центральный подъезд вышла на улицу. Только тогда заметила, что сжимает листки в кулаке. Разгладила бумаги, сложила и сунула за пазуху, направилась вниз по Нусбаумштрассе. Сейчас ей не помешает крепкий кофе.

Ирландский паб на площади Бетховена был заполнен наполовину. Сабина села за стол в нише и выглянула в окно. Сплошь радостные лица. Вдруг у нее перехватило дыхание.

Не может быть! Просто невероятно, кто шел по Нусбаумштрассе. Симон! Рядом с ним высокая длинноногая блондинка в палантине. Вместе они толкали перед собой коляску для близнецов. Видимо, все-таки пришлось жениться, подумала она и со злорадством смотрела им вслед, пока они не исчезли в переулке.

Плевать на этого парня! Лучшие сконцентрируйся на деле!

Сабина разложила перед собой на столе одиннадцать листов отчета по аутопсии. Программа распечатала только заполненные пункты – но вопреки своей привычке Хирншаль постарался.

В трахее ее матери торчал медицинский воздуховод и интубационная трубка длиной восемьдесят сантиметров, какую в больницах используют для искусственного дыхания. В результате трупного окоченения нижняя челюсть отвисла неестественно широко. Во рту не было никакого постороннего содержимого. Тем не менее ее мать не задохнулась, а захлебнулась – двумя литрами черных чернил, которые используются для перьевых ручек. Те же чернила, что были найдены и на полу в церкви, и в ведре рядом с трупом.

Захлебнулась!

Теперь наконец Сабина поняла, что смущало ее в лице мамы. Ноздри были заклеены суперклеем, отчего нос казался острее. Время смерти 19:30. Пока Сабина рассказывала племянницам историю на ночь, а в окне спальни в сумерках виднелись освещенные башни собора, ее мать боролась за жизнь.

Если бы я только пошла с мамой на гимнастику в пятницу вечером! Или если бы отец сразу рассказал мне о звонке похитителя – все было бы по-другому. Возможно, они смогли бы избавить ее от этой пытки. Сабина не знала, кого ей ненавидеть больше: своего отца или себя.

Она вытерла слезу и продолжила читать. В шею ввели быстродействующий нейротоксин высокой концентрации, который парализовал ее мать. Результаты судебно-медицинского токсикологического исследования еще не готовы. Как и ДНК-анализ «смешанных следов», чтобы установить возможное наличие пота,

слюны, крови или мочи другого человека. Результаты исследования слизистой оболочки рта и вагинального мазка будут готовы самое раннее через неделю.

Хирншалль не обнаружил ни следов семенной жидкости, ни частиц кожи под ногтями, зато зафиксировал следы царапин минимум двухдневной давности на запястьях и лодыжках, которые остались от оков. Никаких следов на шее или прочих признаков удушения. Выделения мочи и кала в момент смерти нормальные. Интересно содержимое желудка: в течение двух последних дней в плену ее мама пила только воду и съела два соленых кренделька.

Отчет закончился. Сабина перебирала в уме всю эту информацию. Что-то ее смущало. Почему соленые крендельки? При мысли о крендельках и чернилах в голове возникло какое-то смутное воспоминание, но она никак не могла понять, какое именно.

Она потягивала кофе и смотрела в окно. В этот момент Мартен Снейдер вышел из здания судебной медицины. Хирншаллю, видимо, понадобилось больше чем три коротких и точных предложения, чтобы рассказать о результатах вскрытия. Не глядя по сторонам, Снейдер пересек дорогу и направился напрямик к книжному магазину на противоположной стороне. Несколько лет назад «Гаитал» открыл здесь новый филиал – двухэтажный, с кафетерием. Прямо на углу Гете– и Лессингштрассе, что очень подходило книжному магазину. Снейдер исчез за вертящейся входной дверью. *«Видимо, вы мало читаете»*, – мысленно передразнила его тон Сабина.

Она сложила листки отчета по аутопсии, сунула в карман, расплатилась и вышла из паба. Хочет он того или нет – она заставит Снейдера поговорить с ней в книжном магазине.

Мартен Снейдер сидел на верхнем этаже в кафетерии, который находился рядом с детским отделом. За спиной у него стояли стеллажи с красочными книгами. В зоне для чтения сидели всего несколько посетителей. Со стаканчиком черного чая из автомата Снейдер расположился на удобном красном диване, закинул ногу на ногу и читал толстую биографию Вирджинии Вульф. Ему больше нечем заняться?

– Увлекательно? – спросила Сабина.

Снейдер поднял глаза.

– Как посмотреть. – Он выглядел нездоровым. На лбу выступили капли пота. – Вирджиния Вульф покончила с собой. Бросилась в реку с тяжелым камнем в кармане пальто. Тоже один из способов захлебнуться.

Захлебнуться! Почему он это сказал? Сабина и виду не подала.

– Можно присесть?

Он заложил закладку и захлопнул книгу.

– К сожалению, не могу запретить. Это общественное место.

Он был обаятелен, как брызжащая ядом кобра, которая еще не завтракала. Сабина села на стул. И сразу перешла к делу:

– Как вы узнали о моем запросе в «Дедале»?

Он продемонстрировал свою любезно-презрительную дежурную улыбку.

– Я работаю с базами данных. Моя обязанность выяснять подобные вещи. Если бы я это пропустил, значит, я не профессионал. – Он помассировал рукой висок.

Сабина подумала о своем друге. Она должна была как-то уладить дело.

– Эрик Дорфер уже два года учится в профессиональной школе при БКА. Я подбила его на этот запрос. Это моя вина.

Снейдер прекратил массаж и поднял одну бровь.

– Коммисар-стажер уголовной полиции не должен позволять себя ни на что подбивать.

– Если вы планируете начать дисциплинарное преследование, то привлекайте к ответственности меня.

Он отложил книгу в сторону.

– Вы маленькая смелая девушка. Как отреагирует ваш начальник, этот Клович...

– Колонович, – поправила она.

– ...когда узнает, что вы отсылаете запросы у него за спиной?

– А что мне оставалось? Он отказался посвятить меня в дело и запретил вмешиваться в расследование ЛКА.

– Хм! – Снейдер нахмурился. – И поэтому вы пробрались в здание судебной медицины и тайно распечатали отчет по аутопсии вашей матери?

Сабина покраснела. Кожа головы начала зудеть.

Снейдер снова принялся массировать себе виски.

– Я видел, как вы удирали через противопожарную дверь. Несмотря на метр шестьдесят, вас с вашей серебристой прядью невозможно не заметить.

– Метр шестьдесят три!

– Только если на высоких каблуках.

– У вас, похоже, на все есть ответ.

– Нет, но достаточно точно определяю размеры на глаз. – Снейдер вытащил из кармана пиджака листок бумаги и протянул ей. – Вы это забыли. – Наверняка он чувствовал себя бесподобно в своей роли. Но не стал продолжать эту тему. – Откуда вы вообще знаете этого стажера в Висбадене?

Сабина сунула листок в карман не читая.

– Мы знакомы по кельнской спортивной гимназии.

Снейдер улыбнулся.

– Бывшая любовь?

– Мы оба хотели попасть в БКА. У него получилось, мою кандидатуру три раза отклоняли.

Снейдер кивнул.

– Полагаю, вашего друга мучают угрызения совести, и он считает себя обязанным.

Возможно. Так Сабина на это еще никогда не смотрела.

– Чем вас восхищает БКА? – Он пожал плечами. – Такое же объединение, как любое другое, – только скучнее.

Возможно, не стоит объяснять причину именно такому саркастичному человеку. Но в конце концов Сабина это сделала.

– Мой рост метр шестьдесят. Некоторые коллеги смеются надо мной из-за этого. Они думают, что я ни на что не способна. Но...

– А вы считаете, что в БКА будет по-другому? – перебил он ее. – Там вы останетесь того же роста, и над вами также будут подсмеиваться. Возможно, еще больше, чем здесь. – Слова повисли в воздухе, словно угроза.

– Я училась, повышала квалификацию, посещала курсы и специализированные семинары не для того, чтобы протоколировать кражу дамской сумочки в пешеходной зоне.

– А что вы хотите вместо этого? – Он повысил голос. – Киснуть за письменным столом в Центральном управлении?

– Я хочу в действительную службу.

– И что же это, ради всего святого?! – воскликнул он. – Под прикрытием спецназа ловить насильников и особо опасных преступников? Выводить на чистую воду контрабандистов и международных торговцев оружием и боеприпасами? Вас это интересует?

– Нет. – Она понизила голос, потому что к кофе-автомату как раз подошел мальчик лет десяти, с растрепанными волосами и в больших очках и принялся упорно кидать в отверстие монетку, которая постоянно выкатывалась обратно. – Криминалистическая психология.

– О господи! – Снейдер поднял правую бровь. – Неудивительно, что вам трижды отказали, Клариса Старлинг^[7]. Этот отдел берет не всех подряд.

– Спасибо за отличную перспективу. – *Умник!*

Правда, ее планы все равно уже неактуальны. После смерти матери она не могла оставить сестру с тремя детьми одну в Мюнхене.

Мальчик снова попытался засунуть монету в аппарат. В конце концов Снейдер раздраженно повернулся к нему:

– Парень, можно дать тебе совет?

Мальчик смущенно улыбнулся:

– Да, пожалуйста.

Снейдер указал в другой конец зала:

– Если попробуешь в том автомате, то не будешь нам мешать.

О, какая же Снейдер сволочь! Сабина поднялась, достала монету из лотка для сдачи и энергично опустила ее в прорезь.

– Тебе какао?

Мальчик кивнул. Сабина нажала на кнопку – выпал стаканчик. Когда мальчик ушел с горячим напитком, она снова села.

– Малышу нет и десяти.

– Гарри Поттер должен сам научиться добывать себе напиток, – пробормотал Снейдер. – Вы не можете помочь каждому на этом свете. В противном случае вам лучше попытаться удачу в «Каритас»^[8], а не в БКА. Возможно, это подойдет вам больше.

– Спасибо за ценный совет, – фыркнула она.

Снейдер поднялся.

– С удовольствием. И бесплатно.

Он зажал книгу под мышкой и пошел вниз.

Сабина последовала за ним.

– Что вы собираетесь сейчас делать? Выставьте на улицу все комнатные растения с нашего этажа?

Снейдер наставил на нее палец:

– Я уже сказал вам: не пытайтесь шутить в моем присутствии!

Они направились к выходу. Сабина указала на том у Снейдера под мышкой:

– Платить не будете?

– Зачем? Это моя книга.

Они вышли на улицу.

Сабина видела, как он покидал здание судебной медицины и заходил в книжный магазин. Такой пухлый фолиант бросился бы ей в глаза.

– Куда вам сейчас нужно? – спросил Снейдер.

– Домой, попытаюсь заснуть.

– Так и сделайте. Вы симпатичная девушка. Такие большие миндалевидные глаза большая редкость. Но грустный, всегда серьезный взгляд вам не идет.

– А как, по-вашему, я должна себя чувствовать? – спросила она.

– Я знаю, ситуация сложная. Ваши родители враждовали, а теперь еще и это! Отдохните. Я пойду в ЛКА и поговорю с вашим отцом.

– Это не он убил.

Снейдер склонил голову.

– Он рассказал следователям невероятную историю о звонке похитителя, о телефонной загадке и пузырьке с чернилами, который ему якобы подкинули. Они не верят ни одному его слову. Наоборот – он один из главных подозреваемых.

Хотя они стояли на солнце, у Сабины на мгновение потемнело в глазах.

После двух интенсивных сеансов психотерапии Хелен наконец нашла время и вошла в кабинет Франка. Весь день во время бесед она думала о гравировке на внутренней стороне кольца Анны Ленер. *«Анне – от Франка»*. Какое отношение ко всему этому имел ее муж?

Странное чувство охватило Хелен, когда она окинула взглядом письменный стол Франка, комоды, стеклянную витрину, книжные шкафы и полочку над открытым камином. Увесистое тридцатитомное издание энциклопедии Брокгауза, в черных переплетах с золотыми корешками, важно выстроилось на полке во всю длину комнаты. Между томами возвышались кубки, выигранные Франком в поло, и тяжелая сова из мрамора, которая презрительно смотрела на Хелен. Она здесь не для того, чтобы унести в кухню поднос с кофейным сервизом или стереть пыль с полок – это он, черт возьми, пусть делает сам, – а чтобы покопаться в его личных документах и вещах.

Она прошла по новехонькому паркету и открыла окно. Франк снова курил в выходные сигару и забыл проветрить. Жалюзи опущены, ставни закрыты. В помещении стоял затхлый запах. Как это похоже на Франка. Когда он переехал к ней, Хелен уступила ему лучшую комнату во всем доме, а он совсем этого не ценил.

Хелен щелкнула выключателем настольной лампы. На столе громоздились десятки перевязанных бечевкой стопок бумаг. Патологоанатомические документы, протоколы допросов свидетелей, отчеты экспертного отдела и материалы для лекций, которые Франк читал на юридическом факультете.

– Боже мой, – вздохнула она. Папки и нескрепленные отдельные документы лежали даже на полу. Между ними стояли упаковки биосока со вкусом лайма. С каких пор Франк пьет это? Срок годности истек несколько месяцев назад, бутылки срочно нужно выбросить. Галстуки и пиджаки висели на спинке стула, и как минимум в трех пепельницах лежали потухшие сигары. Как ей найти здесь что-нибудь?

Она села за письменный стол и взялась за латунную ручку ящика. В течение двух лет брака она всегда уважала частную сферу Франка и никогда ему не лгала. Неужели она резко потеряла доверие, с каким всегда относилась к нему? Возможно, существует какая-то

убедительная причина, почему он обманул ее сегодня утром? *А может, и нет, дурочка*, сказал другой, не такой наивный внутренний голос. Вполне возможно, у него есть от нее тайны. В одном Хелен была уверена: Франк что-то знает о ее клиентке Анне Ленер. Слишком поспешно он заявил, что незнаком с ней. Хелен хотела открыть ящик, но тот не поддался. Заперто. Как и тумбочки на колесиках по обе стороны кожаного кресла.

Почему это Франк запирает ящики в ее доме? Боялся грабителей? *Нет, чтобы ты ничего не нашла, Хелен!* Голос в голове начинал раздражать.

Она подошла к одежде Франка, которая висела на спинке плетеного стула перед камином, и обыскала карманы брюк и рубашек. Ключа не было. Старинные напольные часы с маятником в углу комнаты пробили половину пятого. Франк должен появиться с минуты на минуту. По крайней мере, утром он заявил, что вернется домой ближе к вечеру. *Из бюро! Какая наглость!* Тем более что его портфель стоял прислоненным к столу. Хелен расстегнула кожаную пряжку и раскрыла кейс. Рядом с написанными от руки протоколами лежали ручки и блокноты. Она открыла боковое отделение: внутри сто двадцать евро, топливная карта, спички, канцелярские скрепки и...

У Хелен пересохло во рту.

– Не может быть!

Она вытащила из портфеля презервативы в голубой упаковке и уставилась на них. Срок годности истекает только через три года. Хелен знала, что Франк не пользуется презервативами. Это было не нужно. По крайней мере, с ней. Она не могла иметь детей. Может, для друга?

Ну конечно, пропел голос в голове. Для его лучшего друга!

У Хелен вспотели ладони.

Зачем они ему?

Чтобы ничем не заразиться, дурочка!

От кого?

На это у ее внутреннего голоса ответа не нашлось.

Хелен сунула презервативы обратно в портфель. На дне отделения она нащупала маленький ключ и вытащила его. Вставила в замок ящика. Ключ подошел. Хелен медленно потянула ящик на себя, уже боясь того, что найдет внутри.

Ножи для вскрытия почты, простые карандаши, спички, коробка сигар Davidoff, щипцы для стрижки ногтей, две старые сим-карты и связка ключей. На металлическом кольце висели два ключа медного цвета. Один большой, предположительно от ворот, другой маленький от двери квартиры. Хелен никогда не видела ни того ни другого. Возможно, это ключи от бюро Франка, от шкафчика в университете, раздевалки в гольф-клубе, его кабинета в здании суда или отделения патологической анатомии в больнице.

Точно! И поэтому он их запирает. Нет, ты знаешь ответ, Хелен! Это ключ от квартиры другой женщины.

Тихо!

Параноидальные мысли просто сводили ее с ума. Впрочем, женщине, которая с удивлением обнаруживает у мужа презервативы, стоит поинтересоваться, зачем ему какие-то посторонние ключи. Она вернула связку на прежнее место и открыла тумбочку. В одной хранилась картотека, старые лотерейные билеты, пожелтевший блокнот sudoku и истекшие страховые полисы.

В другой стояли две пустые бутылки из-под шнапса, ополаскиватель для рта, еще одна коробка с сигарами Davidoff и бутылочка с высококонцентрированным раствором антибиотика для внутренних инъекций. Хелен понюхала. Франк этим чистит экран или ролик мышки? В глубине лежал одноразовый шприц в упаковке. Зачем он ему? Хелен подпрыгнула от неожиданности, когда часы пробили пять. Уже так поздно? Невольно она взглянула сквозь ламели жалюзи на улицу. В этот момент на границе участка промелькнул красный «ламборгини» Франка. Сердце Хелен на секунду остановилось.

Нельзя себе даже представить, что случилось бы, не заметь она вовремя машину! Хелен закрутила крышку и поставила бутылочку обратно. При этом она упала и увлекла за собой остальные бутылки.

– Черт!

Мотор гудел уже перед домом. Хелен слышала, как Франк заехал под навес и затормозил на гравии. Хлопнула дверца машины.

Хелен спешно подняла все упавшие бутылки, сдвинув при этом коробку с сигарами. Под ней оказались выписки по кредитной карте. Она уставилась на дату. Выписки по карте Mastercard охватывали период с ноября прошлого года вплоть до предыдущего месяца.

Недолго думая, она вытащила бумаги, сложила и сунула в карман джинсов.

Заперла ящик и тумбочки и опустила ключ в боковое отделение портфеля Франка.

Да! Скорее уходи из комнаты!

Она встала, подвинула стул к письменному столу, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Проклятье! Она забыла выключить свет. Хотела вернуться, но в этот момент Франк вошел в дом. Хелен стояла в холле и разглядывала его. Ее пульс зашкаливал.

Франк замер и уставился на нее.

– Что-то случилось?

– С чего ты взял? – спросила она.

– Ты выглядишь напряженной.

Хитрец! Тоже все замечаешь!

– У меня все хорошо. А как дела в гольф-клубе?

Он даже глазом не моргнул.

– Ты в курсе о гольф-клубе?

– Я пыталась дозвониться до твоего бюро. Секретарша сказала, что ты в клубе, – ответила она.

– Я хотел увидеться там с адвокатом Сайснером, чтобы наконец-то прояснить одно затянувшееся дело. Но он перенес встречу, так что мы пересеклись в городе. – Он указал на свою некогда белоснежную рубашку поло. – Капнул соусом от равиоли.

Можешь вывести своим раствором для инъекций!

Он прошел мимо нее и шагнул в свой кабинет. Хелен осталась стоять в холле, опустив плечи.

– Ты заходила в мою комнату? – раздался голос Франка из-за закрытой двери.

– Я открыла окно.

– Ты не выключила свет.

– Возможно, – крикнула она. – Внутри было так затхло и мрачно.

Хелен направилась в гостиную. О господи, коробочка с красной подкладкой и рубиновым кольцом все еще лежала на полке. Хелен закрыла коробку и спрятала ее во второй ряд за романами Коэльо. Туда Франк в жизни не заглянет.

С облегчением она опустилась на диван. Быстро вытащила из кармана джинсов выписку с кредитной карты и развернула бумаги. В

этот момент хлопнула дверца для собак. Дасти пронесся через холл, влетел в гостиную и в три прыжка оказался на диване. Когда дело касалось ужина, он был пунктуален, как выпуск новостей по радио. Дасти прыгнул Хелен на колени и ткнулся мордочкой ей в лицо.

– Да, мой маленький, сейчас дам тебе что-нибудь вкусное!

Почесывая Дасти за ухом, она пробежала глазами первую страницу выписки. И тут же испытала угрызения совести, увидев расходы на рождественские подарки, которые Франк для нее покупал. Почти десяток романов и специальных журналов из ее любимого книжного магазина, компакт-диски Малера и Шенберга, духи, сертификаты из бутика, билеты в берлинский театральный комплекс «Софиензале» и бульварный театр.

Дасти снова толкнул ее и, словно пытаясь утешить, лизнул в руку. Пес наверняка чувствовал сомнения Хелен. *Это просто сумасшествие, что ты делаешь*, – сказала она себе. – *Франк тебе не изменял и ничего не знает об Анне Ленер.*

Она опустила листы и увидела, как муж направляется к гостиной. Хелен быстро сложила выписки и сунула их под подушку.

Дасти попытался вытащить бумаги. Вероятно, он решил, что она хочет с ним поиграть.

– Фу! – шикнула на него Хелен.

Он не успокаивался и залез лапой под подушку.

– Смотри, хозяин пришел! – отвлекла она пса.

Дасти поднял глаза, но в следующий момент снова принялся скрести лапой по текстильной обивке дивана.

Франк подошел ближе и присел на скамью. С отсутствующим видом погладил Дасти.

– Почему дом заперт? Это не в твоём стиле.

– После обеда ко мне приходил сложный клиент. Ранее судимый, – солгала она. – Не хотела, чтобы у него была возможность попасть в дом.

– А, ясно. – Франк посмотрел на Дасти. – Что это с псом?

Дасти рычал и пытался просунуть морду под подушку.

– Соседская кошка заходила в дом и лежала здесь пару часов. – Еще одна ложь. Она подумала о пальце в морозильнике, похищенной выписке с кредитной карты Франка и спрятанной за книгами

коробочке с рубиновым кольцом. Впервые в жизни у Хелен было сразу несколько тайн от мужа. Хоть бы этот кошмар поскорее закончился.

Франк провел рукой по седеющим волосам.

– Как идет подготовка к вечеринке?

– Я обзвонила самых нерешительных гостей. – На этот раз она не лгала. В перерывах между сеансами Хелен взяла телефон и прошлась по списку. – В общем и целом в среду придет пятьдесят четыре человека.

– И дети? – спросил Франк.

Она помотала головой.

– Слава богу. – Он хотел было уже встать, но Хелен коснулась его руки.

– Почему ты пригласил Бена Колера?

Он пожал плечами.

– В последнее время я работаю вместе с его командой по расследованию убийств. Он милый. И частенько о тебе спрашивает.

Хелен выпрямилась.

– Правда?

– Ну и что с того? – Он погладил ее по щеке. – Я знаю, что вы раньше были парой. Меня это не смущает... да что с этим псом?

– Дасти! Фу! – Хелен схватила его за ошейник и оттащила от подушки. Смахнула обрывок бумаги, который прилип к морде.

– Ты против, чтобы он приходил?

– Нет, но... У Бена был сын от первого брака. Когда он умер, мы расстались.

– Я знаю, настоящая трагедия. Но какое это имеет отношение к нам или к вечеринке? Мне отозвать приглашение?

– Нет. – Хелен сглотнула. – Просто... сын Бена был одной из жертв Кристофа Винклера.

Франк в растерянности уставился на нее. Он знал, как чувствительно она реагировала на ту историю и всегда отказывалась давать какие-либо интервью на эту тему.

– Я не знал. – Известие, казалось, ошарашило его.

– Тебя тот случай едва коснулся, поэтому я никогда тебе об этом не рассказывала.

Наконец Дасти оставил подушку в покое, улегся Хелен на живот и лизнул ее в щеку.

– О боже. – Похоже, Франк только сейчас понял взаимосвязь. – Когда несколько лет назад стали раскручивать то дело, некоторые из коллег-прокуроров подверглись жесткой критике и должны были объяснять, почему убийцу детей не смогли установить и поймать в ходе расследования. Прокуратура обвиняла начальника полиции, тот валил на сотрудников БКА, они на оперативный отдел, а оперативники на тебя. Настоящее свинство! – Франк снова нежно погладил ее по щеке. – Мне жаль, что я напомнил тебе обо всем этом. Мне стоило спросить, хочешь ли ты вообще видеть Бена Колера.

– Ничего. – Она подняла плечи. – Когда меня поливали грязью и пресса искала козла отпущения, мы с ним уже расстались.

– Но он мог бы снять с тебя вину. Наверняка он знал о заключении, которое ты дала по Винклеру, и о твоих попытках уличить его.

– Наверняка, – пробормотала она. – Но после смерти Флориана у Бена были свои проблемы, и я не могла ему помочь. – Хелен не хотела снова думать о Фло. От одной лишь мысли о нем разрывалось сердце.

Франк кусал нижнюю губу.

– Думаешь, он винит тебя в смерти пятерых детей?

Это главный вопрос.

– Я не знаю.

К тому времени она познакомилась с прокурором Франком Бергером. Уже тогда он верил в ее невиновность, так как слишком хорошо знал Йоханну Винклер – свою коллегу-прокурора, которая была вовлечена в то дело. Поэтому порекомендовал Хелен отличного адвоката, своего друга, – тот представлял ее в суде и помог полностью оправдаться. Вместе они раскрыли аферу уголовной полиции и прокуратуры, пытавшихся скрыть факты. Но репутация Хелен все равно была подпорчена. В то время ей нужно было с кем-то говорить, и Франк всегда был готов выслушать. Через год они поженились – а между нею и Беном осталось так много невысказанного.

Франк погладил ее по щеке.

– Что-нибудь еще?

Как бы ей хотелось спросить Франка о кольце с рубином, презервативах в его портфеле или связке ключей в ящике письменного стола. Но пока она сомневается в его честности, о звонке ничего не расскажет. Хелен помотала головой.

– Ладно, малышка, я пойду прогуляюсь с псом. – Он поцеловал Хелен в лоб.

– Спасибо.

– Пес, ко мне! Сейчас я тебя покормлю, а потом пойдем гонять злых кошек.

Дасти спрыгнул на пол и последовал за Франком. Джек-рассел-терьер был ее собакой. Наверное, по этой причине Франк никогда не называл его «Дасти», а просто «пес». Но Хелен радовалась, что иногда он брал Дасти с собой на поводке, когда вечером прогуливался в сосновом лесу, чтобы в тишине выкурить сигару.

Когда оба наконец-то ушли из гостиной, Хелен достала из-под подушки выписку с кредитной карты. Края были влажные и рваные: Дасти все-таки дотянулся до бумаг.

Она бегло просмотрела месяцы январь, февраль. И в марте нашла. Шестого марта Франк купил что-то за 469 евро. Внутри у Хелен все похолодело. В строке «описание» стояло: «Ювелир Брайншмид». Она никогда не слышала об этом магазине. Вдруг Хелен почувствовала себя бесконечно одинокой. Она уже видела, как ювелир Брайншмид вставляет рубин в кольцо и делает гравировку на внутренней стороне.

«Анне – от Франка».

Но почему ее муж должен дарить совершенно незнакомой невзрачной серой мышью дорогое украшение с именной надписью?

Потому что он ее любит, дурочка!

Сабина сидела у Моники в квартире. Керстин, Конни и Фиона были в гостях у подружки на нижнем этаже. На столе в гостиной лежал вечерний выпуск «Зюддойче цайтунг» с фотографией мюнхенского собора. Рядом – «вальтер» Сабины.

Глаза у Моники покраснели и опухли.

– Откуда ты знаешь, что это был не отец?

– Мони, я тебя умоляю! – Сабина резко поднялась и пересекла комнату. – Папа и мухи не обидит.

– Это говорит его любимая дочь! Он ненавидел маму. И не раз угрожал свернуть ей шею.

– Она ушла от отца со скандалом, забрала детей, запретила ему видаться с нами и ободрала его как липку, – перечисляла Сабина, загибая пальцы. – Кто не сболтнет такое в сердцах?

– И сдержит обещание!

– Но не десять же лет спустя!

– Он ей изменил! – выкрикнула Моника.

Пожалуйста, не надо! Сабина не хотела снова об этом говорить. Инстинктивно потянулась к золотому медальону в форме сердечка, который висел на цепочке у нее на шее. Она не могла себе представить, чтобы отец когда-либо изменил маме. И снова стало ясно, как сильно она привязана к нему – несмотря на развод и спор о праве родительской опеки.

Зазвонил сотовый.

– Извини. – Сабина схватила телефон. Номер Габриеля. Она быстро с ним поговорила. Тот уже прибыл в ЛКА на Майлингерштрассе и сопровождал ее отца на допросы. От Габриеля она узнала, что какой-то высокий мужчина с лысиной и голландским акцентом тоже коротко переговорил с отцом. Причем коротко – это сильно преувеличено. Он задал ему всего три вопроса и потребовал краткие точные ответы. Затем ушел. Сабина задавалась вопросом: Снейдер просто сумасшедший или гений?

Только она закончила разговор, как телефон зазвонил снова. На дисплее отобразился номер Эрика. Наконец-то! Она побежала на кухню и закрыла за собой дверь.

– Привет, Бина, ты звонила несколько раз, – сказал он с привычной хрипотцой, которая была у него уже в подростковом возрасте. Но все равно у Сабины каждый раз бегали по коже мурашки, когда она слышала его голос.

Она рассказала о смерти матери и о том, что ее отца допрашивали. Эрик был в шоке и выразил ей свои соболезнования. Он знал ее родителей еще в ту пору, когда они все вместе жили в Кельне. Эрик первым заметил, что это неравная пара – динамичная и всегда модно одетая мама и отец-интроверт, влюбленный в свои ретро-поезда. Потом Сабина рассказала о коллеге из БКА, который приехал в Мюнхен и строит здесь из себя важную птицу.

– Типа зовут Мартен Снейдер.

– Мартен С. Снейдер, – поправил ее Эрик наигранно надменным тоном. – Его здесь все знают. Он из Роттердама и курит марихуану.

– В настоящий момент он дымит в нашем участке. Не представляю, что это сойдет ему с рук.

– Снейдер особый случай, – усмехнулся Эрик. – В двадцать три года он с отличием окончил университет, пятнадцать лет практики в отделе аналитики правонарушений, потом прошел отбор в ОКА и пятилетнее обучение на психолога-криминалиста, полицейского аналитика.

ОКА называли отделение Оперативного криминалистического анализа.

– И поэтому ему можно курить травку?

– Возможно, именно поэтому он и составляет лучшие психологические портреты преступников. Якобы он выращивает все у себя в квартире. Утверждает, что травка стимулирует мозговую деятельность и расширяет сознание.

– О, как чудесно! И его руководители ему это позволяют?

– Директор БКА ненавидит его из-за этого. Но не может себе позволить потерять единственного сотрудника, специализирующегося на случаях вымогательства и похищения людей, который к тому же получил образование в области судебной медицины и психологии. Кроме того, у Снейдера лучшие связи в Европоле в Гааге...

– ...и к тому же надменный говнюк! – добавила Сабина.

– Я знаю. Но он настоящий профессионал. Остерегайся его.

– Напугал ежа... – ответила она, не особенно впечатлившись.

Эрик засмеялся:

– Обожаю, когда ты так говоришь.

– Я знаю. – Во время учебы в Кельне Эрик всегда смеялся над этой присказкой. Но пора поговорить с ним серьезно. – Снейдер знает, что я отправила запрос в «Дедал». Он заблокировал мой IP-адрес и твой код доступа.

Эрик молчал.

– Но не думаю, что он устроит тебе из-за этого неприятности.

– Поэтому я и перезвонил, – сказал Эрик. – Вообще-то мне нельзя говорить с тобой о случаях, которые выявил твой запрос, потому что они должны храниться в тайне.

– Случаях? Что ты выяснил? – поторопила она.

– Прежде чем мой пароль заблокировали, я получил результаты по твоему запросу. За последние полтора месяца было два похожих убийства. Спустя сорок восемь часов после похищения, в жестяной ванне, подвешенной к балке для колокола в лейпцигском соборе, была сожжена женщина, другая – прикована цепями в подвале кельнского собора и растерзана двумя питбулями.

У Сабины перед глазами предстала ужасная картина. К тому же она знала кельнский собор. Мрачная темная церковь с башнями, напоминающими костный остов.

– В Лейпциге бывшая учительница на пенсии. В Кельне – женщина средних лет, других деталей у меня нет. Бина... что?

– Ничего, спасибо. – Она положила трубку. Ее мама раньше преподавала в Кельне – как та женщина из Лейпцига. «*Откуда ты знаешь, что это был не отец?*» – эхом прозвучал у нее в голове голос Моники.

Она должна еще раз поговорить со Снейдером.

Под вечер Сабина вернулась в полицейский участок. Она поднялась на четвертый этаж и постучала в дверь переговорной комнаты.

– В чем дело? – спросил Снейдер усталым голосом.

Она вошла. Рулонная штора была опущена на две трети. Пахло ванильным чаем и травкой. Горела неяркая настольная лампа, и светящиеся экраны двух ноутбуков отражались в окне. Снейдер сидел в затемненной комнате, спиной к двери, запрокинув голову. Подойдя к

нему, Сабина заметила, что в каждую кисть воткнута длинная игла – в те самые черные точки в выемке между большим и указательным пальцами.

Снейдер был весь в поту. Он медленно открыл глаза.

– Что вы делаете? – спросила Сабина.

– Работаю. – Он подался вперед и выключил диктофон. Потом, сильно морщась, покрутил иголки и вытащил их из кожи.

– Акупунктура, – лаконично объяснил он. – В этой точке находится центральный проводящий нерв. Так я снимаю напряжение.

– У вас боли? – немного удивилась Сабина. – Тогда вам лучше бросить курить эту штуку. – Ее взгляд упал на пепельницу.

– Курить бросить легко – у меня получалось уже сто раз. – Снейдер устало улыбнулся. – Но эта штука сенсibiliзирует органы чувств, а это необходимо в моей работе. Кроме того, помогает против кластерной головной боли.

– Никогда о таком не слышала.

– Другого я и не ожидал. Представьте себе приступ мигрени и усильте его в три раза. Полагают, от кластерной боли страдают только гении. Не уверен. Я знаю кластерных пациентов – полные идиоты.

До чего же это в стиле Снейдера! Сабина покосилась на ноутбуки. В следующий момент он захлопнул их. Но Сабина увидела достаточно. На экранах были открыты многочисленные базы данных. ViCLAS, SIS, ZLS, AFIS и SIRENE. Любопытно, чем он занимается. Архив данных по серийным тяжким преступлениям, шенгенская информационная система, центральная база фотографий, дактилоскопическая информационная система и служба SIRENE, обрабатывающая запросы на дополнительную информацию в национальных базах данных.

Сабина работала только с оперативной информационной системой, но знала о других базах данных по рассказам Эрика. Федеральное ведомство уголовной полиции в течение трех лет стажировало своих будущих комиссаров. После этого курса все выпускники были компьютерными экспертами и наполовину программистами.

– Что сказал мой отец? – спросила она.

– Спросите вашего бывшего зятя, – предложил Снейдер. – Кроме того, полагаю, вы и без того уже знаете. Отец рассказал вам все, иначе

вы вряд ли бы отправили запрос о случаях похищения и подобных загадках.

Этого человека просто невозможно расколоть! Почему она была так наивна и надеялась, что он станет хоть немного сотрудничать с ней.

– Ну хорошо. – Снейдер снисходительно посмотрел на нее. – Ваша мама умерла в девятнадцать тридцать, а ваш отец встретился с вами в двадцать часов. До этого времени у него нет алиби. Это и некоторые другие улики делают из него главного подозреваемого. Пока он останется в следственном изоляторе.

– Это не он.

Снейдер пожал плечами, давая понять, что не может ничего изменить.

– Он называет вас «Белочка».

Как неловко! Сабина сверкнула на него глазами.

– Вам это неприятно?

– Только он меня так называет.

– Намек понял. – Снейдер выпрямился. – Между прочим, при обыске квартиры вашего отца нашли пузырек черных чернил. Вас наверняка не удивит, что чернила той же самой марки, как и в легких вашей матери. Химики ЛКА даже определили, что они из одной производственной серии.

– Я хотела бы помогать вам в расследовании. – Теперь она раскрыла свои истинные намерения.

– О господи. – Снейдер коротко рассмеялся. – Полиция каждой земли независима от федерального центра и обладает соответствующим кругом полномочий при расследованиях. Учитывая, что каждый год в стране совершается триста двадцать тысяч уголовных преступлений, по-другому и невозможно. БКА – это просто центральная административная инстанция, куда стекается вся информация, иначе работа шестнадцати федеральных земель превратилась бы в настоящий хаос. – Он великодушно развел руками. – Конечно, мы помогаем землям в таких специальных вопросах, как анализ преступления, создание фоторобота или технико-криминалистические консультации, – но на этом все и заканчивается!

Пустые слова из пособия БКА.

– Однако в особых случаях ответственность передается в вышестоящий федеральный центр и полномочия переходят к БКА, – заметила Сабина.

– Правильно! – воскликнул он. – В особых случаях, но это не такой случай, фрейлейн Немез! – Он постучал пальцем по столу. – БКА не подключалось к этому делу! И не уполномочено проводить расследование!

– Тогда почему вы здесь?

– Неправильно. Вопрос звучит так: «Почему вы хотите мне помогать?» У меня мало времени, поэтому я сам отвечу на вопрос. – Он поднял три пальца. – Во-первых, вы жаждете мести и хотите найти убийцу матери. Полагаю, это где-то десять процентов. Во-вторых, вы хотите доказать невиновность отца. Это еще где-то двадцать процентов. В-третьих, и это ваша самая сильная мотивация... – он нагнулся вперед, – вас терзают угрызения совести. Вообще-то в тот вечер, когда было совершено похищение, вы должны были пойти с матерью на курс пилатеса. Но вы отказались, потому что не очень хорошо себя чувствовали и хотели поскорее залезть в постель с таблеткой паркемеда.

– Я...

– Да, я знаю, – перебил ее Снейдер. – Я слышал то сообщение на автоответчике вашей матери. Боже, мне бы вашу головную боль. – Он положил иглы в кожаный пенал и закрыл его. Похоже, у него начался очередной приступ потоотделения. Он зажмурился и вытер ладонью лоб. – Я понимаю мотивы, которые вами движут, – пробормотал он. – Наверное, на вашем месте я действовал бы точно так же. Но даже при всем желании: *я не могу* привлечь вас.

– Почему? – внезапно охрипшим голосом спросила Сабина.

Снейдер прошел со стаканом к раковине и открыл кран.

– Вы без разрешения вмешиваетесь в идущее расследование, тайно отсылаете запросы в БКА, проникаете в здание судебной медицины и воруете наполовину готовый отчет с результатами вскрытия. Вы сами назвали бы себя благонадежным и достойным доверия человеком?

Пока из-под крана бежала вода и Снейдер наполнял стакан, Сабина незаметно протиснулась между ним и письменным столом.

Нашупала диктофон. Закашлявшись, вытащила мини-кассету из прибора и спрятала в кармане жилетки.

– Нет, – ответила она. – Я не стала бы характеризовать себя так.

– Вот видите. – Он залпом выпил воду. – Что-нибудь еще?

Она пошла к двери.

– Еще один вопрос. Убитая в Кельне тоже была учительница или директор школы, как моя мама и та женщина в Лейпциге?

Снейдер отставил стакан. На мгновение он казался действительно ошеломленным.

– Неплохо, Белочка, – произнес он. – Но я не стану разговаривать с вами об этих случаях. А теперь уходите!

У одного сотрудника из отдела баллистики и военной техники Сабина одолжила диктофон, к которому подходила мини-кассета Снейдера. Коллеги Сабины из оперативного отдела выехали по вызову. Она стояла одна в столовой – прислонившись к подоконнику и приложив аппарат к уху.

К счастью, Снейдер говорил не по-голландски. Его речь была медленной, спокойной, интонированной. Вообще-то, Сабина надеялась узнать что-либо о его подозрениях насчет ее отца. Но в аудиозаписи Снейдера о нем не было ни слова. Снейдер расширял профиль убийцы. И не возникало ощущения, чтобы он думал при этом о ее отце.

– ...Еще не подтверждено, но, как я полагаю, он использовал тот же самый яд, действующий на нервную систему. Как он затащил женщину в церковь? Взломал долотом главные ворота в семь вечера? На глазах у уличных музыкантов? Вряд ли! Вероятно, накануне ночью. И снова прятался целый день в склепе. Когда все было чисто, он перетащил ее наверх. На этот раз к церковному органу. После средневекового подвала сакристии в Кельне и звонницы в Лейпциге его гнев обрушился теперь на церковную музыку. Сакристия, колокола, орган...

Последовала пауза.

– ...служитель говорит, что слышал музыку Баха. Собор в Лейпциге – это евангелическая церковь, там работал Бах. Не кажется, чтобы речь шла о какой-то определенной конфессии, но Иоганн Себастьян Бах, видимо, важен. Возможно даже, какое-то конкретное произведение.

Снейдер замолчал. Спустя минуту заговорил снова, но уже сменил тему. По его мнению, преступник – тридцатилетний одинокий мужчина-интроверт, у которого было ужасное детство и который испытывает ненависть к женщинам.

– Не думаю, что у него есть высшее образование, тем не менее он обладает незаурядным интеллектом.

На этом запись закончилась.

В Сабине закипала ярость. Если Снейдер убежден, что речь идет о молодом преступнике, почему этот мерзавец не снимет обвинение с ее отца? Вместо этого надменно рассиживает на красном диване в книжном магазине «Гаитал» и оставляет ее наедине со страхами и опасениями.

Неожиданно снова всплыла прежняя ассоциация.

Крендели и чернила!

Почему именно сейчас? Снова у нее перед глазами появилась эта картинка: Снейдер, сидящий нога на ногу на красном диване, за ним стенной шкаф с иллюстрированными книгами. У преступника было ужасное детство.

А его жертвы?

Одна разорвана собаками! Другая сожжена в жестяном корыте! Третья съела крендель и захлебнулась чернилами!

Неожиданно у Сабины по спине пробежала дрожь. Ее руки озябли, кожу головы стало покалывать. При упоминании об ужасном детстве она невольно думала о книге с картинками «Штравельпетер»^[9], которую ненавидела в детстве, потому что детей там жгли или их кусали собаки. Крендели и чернила! Не та ли это история о черных мальчишках, которых окунул в чернила Николаус?

Штравельпетер!

Вот и связь между преступлениями. Она посмотрела на часы. Филиал «Гаитал» наверняка еще открыт. Ей необходим экземпляр этой книги.

Через час Сабина вернулась в участок. К этому времени она бодрствовала уже больше суток. Начиналась головная боль, но Сабина была слишком возбуждена, чтобы спать. Пусть Снейдер и бесчувственный сукин сын, но она должна с ним поговорить. Он единственный, кто может ей помочь.

Дверь в его импровизированное бюро была заперта. Сабина постучала, но никто не открыл. Она спустилась на нижний этаж, но в столовой Снейдера тоже не оказалось. Тут сквозь матовую стеклянную дверь Сабина заметила у себя в кабинете свет настольной лампы. Идвигающуюся тень.

Она машинально схватилась за оружие и распахнула дверь. Все ящики и шкафы были открыты, папки навалены на столе и на полу.

– Какого черта?..

Из этого хаоса поднялся и выпрямился Снейдер. Мертвецки-бледное лицо, лоб покрыт потом.

– А, Мата Хари вернулась.

– Какого черта вы ищете в моем кабинете?

Он протянул руку:

– Кассету из моего диктофона.

Вот дерьмо! Сабина совсем забыла про нее. Она сунула руку в карман жилетки и вынула мини-кассету из прибора.

– Большое спасибо. – Снейдер забрал пленку и перешагнул через папки. – Из-за вас у меня сейчас переполох. Если бы вы учились на своих ошибках, то были бы гением. Что мне с вами сделать? Отдать под трибунал и расстрелять?

Молча Сабина протянула ему экземпляр иллюстрированной книги «Штрувельпетер». В желтом переплете и с плотными страницами. На обложке был изображен тот самый Штрувельпетер с ярко-желтой шевелюрой и невероятно длинными ногтями.

– Зачем мне это?

– Взгляните, кластерный гений.

13. Четвертый сеанс психотерапии

Четырьмя месяцами ранее

Как и в предыдущие визиты, прежде чем позвонить в дверь доктора Розы Харман, Карл некоторое время гулял по парковке и осматривался. Роза не знала точно, чем он там занимался в этот холодный январский день. Карл заглядывал в салоны автомобилей, словно на задних сиденьях или сверху на панели приборов можно было найти что-то интересное. Наконец оторвался от машин и направился к ее двери. Звонок раздался точно вовремя.

В этот раз Карл был одет не в рубашку или пиджак, а в потертые джинсы, серый свитер и куртку. От него пахло маслом, подушечки пальцев были грязные. Карл объяснил ей, что приехал прямо из мастерской, где ему снова пришлось работать сверхурочно. Срочный ремонт «ламборгини».

Они сели в комнате для проведения сеансов психотерапии, и Роза включила диктофон.

– Пятница, двадцать восьмое января, шестнадцать часов. Четвертый сеанс с Карлом Бони, – сказала она в микрофон и положила прибор на стол. – Как у вас дела?

– Хорошо, спасибо. – Карл откинулся на диване, подпер голову рукой и понюхал пальцы. – Я принес заключение от своего врача, я чист, если вас это интересует. – Он наклонился вперед и передал ей результаты медицинского обследования.

Они достигли критического момента. На этом месте три ее предшественника прерывали терапию, и Роза должна была решить, хочет ли она продолжать сеансы с Карлом или нет. Попытается ли он сегодня впервые бросить ей вызов?

Он провел ладонью по подбородку. Светлую трехдневную щетину можно было разглядеть только вблизи, с ней он выглядел немного старше.

Пока Роза убирала формуляр в папку, она заметила, как Карл косится на ее короткую юбку. Он бесстыдно глазел на ее колени, икры и туфли с застежками. Каблуки всего четыре сантиметра – но для него, видимо, достаточно высокие, чтобы пялиться на нее. Потом Карл

взглянул на округлости под ее обтягивающим свитшотом. В этот момент его мысли были как открытая книга. Но даже сиди Роза в мешке из-под картошки, это не много изменило бы в ситуации. Всегда проблематично, когда к ней приходит клиент, который не добровольно решился на психотерапию. В безличных помещениях Венского центра психотерапии ей было бы все равно, но ее кабинет располагался на окраине города рядом с квартирой – и от таких недвусмысленных взглядов Розу бросало в дрожь. Правда, он должен сначала выяснить ее домашний адрес, но вряд ли это составит сложность для такого парня, как Карл. Однако, кроме всего прочего, его осудили и за домогательства. От сеанса к сеансу он все больше старался выяснить что-нибудь о ее личной жизни. Две последние недели интересовался ее автомобилем и фотографиями в прихожей.

Сконцентрируйся на случае твоего клиента!

Роза глубоко вдохнула и начала беседу с того, что резюмировала три последних сеанса. Она говорила о его прежней проблеме с наркотиками, агрессивном поведении по отношению к женщинам и затем перешла к тому, как он оценивает свой характер.

– До сих пор вы производили на меня впечатление человека, который идет по жизни открыто и целеустремленно и чувствует в себе агрессию лишь тогда, когда наталкивается на лживость людей – если кто-то лицемерит или изображает ситуацию не такой, какова она на самом деле. Будь это ваша мать, которая постоянно делает вид, что должна экономить, хотя финансово обеспечена, или ваша тетя в Дрездене, которая прикидывается глубоко религиозным человеком, хотя сама, будучи не замужем, два раза делала аборт.

Карл кивнул. Вероятно, он оценивал себя так же.

– Потом, мне кажется, вы не тот, кто хотел бы таскать за собой незавершенные дела из прошлого. Тут я думаю о незаконченном разговоре с вашим отцом перед самой его смертью, о котором вы рассказали мне в прошлый раз.

Вероятно, уже никто не узнает, что господин Бони хотел сказать своему сыну три года назад, лежа на смертном одре, прежде чем остановилось его сердце.

– Кроме того, мы выяснили, что у вас было трагическое детство.

– Нам приходилось часто переезжать, – ответил Карл. – Из Вены в Кельн, Лейпциг и Дрезден.

Верно, но Роза имела в виду другое. Однако решила задержаться на этой теме.

– Из-за работы вашего отца, верно? Он был пианистом.

– Да, но не обычным, – исправил Карл. – Отец был органистом в соборах, редкая профессия. Он играл на органе во время месс.

Роза приподняла бровь.

– Интересно... Но когда я упомянула ваше детство, то имела в виду кое-что другое. Ожоги у вас на руке...

Лицо Карла замерло. Эта тема представляла для Розы основную проблему. Она должна расспросить его, заставить взглянуть на конфликт и дать волю чувствам. Но он избегал этого пункта, как капитан опасного рифа у берега. Еще один признак того, что интуиция ее не обманывает.

Пора ставить предварительный диагноз для судебного психологического заключения. Как обычно, она обсудит это с пациентом. Роза достала из папки формуляр ICD-10.

– Если вы согласны, я хотела бы предложить такую формулировку: «эмоциональное расстройство, начинающееся обычно в детском и подростковом возрасте». Думаю, это соответствует вашей ситуации.

У Карла напрягся затылок.

– Зачем это?

Роза постаралась говорить спокойным голосом:

– Никто не хочет, чтобы его анализировали или по категориям разбирали поведение, но первичный диагноз ставится на основании Международной классификации психических расстройств.

– Зачем? Я же не по медицинской страховке.

– Верно, когда суд направляет на психотерапию, от этого шага часто отказываются. Но у вас уже не первая попытка. Суд передал мне предыдущее заключение. – От коллеги, который прервал с ним терапию. – Этим диагнозом я хотела бы подтвердить оценку моего предшественника, расширив ее лишь на один пункт: что в вашем случае речь идет о детской травме развития. Больше суд ничего не узнает. – Она сделала паузу. – Кроме этого я приложу предварительный ситуационный отчет, где укажу, что вы не употребляете наркотики, регулярно приходите на сеансы и сотрудничаете. Это уведомление будет направлено в суд вместе с заключением вашего врача.

Черты лица Карла немного смягчились. Это был ее шанс снова переманить его на свою сторону.

– Согласны?

Карл взглянул на табло радиобудильника. Прошло пятнадцать минут.

– Хорошо. – Он откинулся назад.

Роза знала, что у него не было выбора, кроме как пройти с ней эту терапию. Иначе его ждут три года заключения по обвинению в хранении кокаина, домогательствах и причинении телесных повреждений. И все-таки у Карла не должно быть чувства, что важные решения принимаются у него за спиной. Поэтому она спросила его:

– Вы хотите продолжать психотерапию?

Его брови приподнялись.

– А у меня есть выбор?

– Вы можете в любой момент прервать терапию, указав вескую причину, и выбрать другого психотерапевта.

– Нет, все в порядке.

– Это меня радует.

– Вы совсем не хотите знать, почему я хочу продолжать с вами?

Вопрос поразил ее.

– Конечно, мне это интересно.

Карл сглотнул. Несколько раз сжал кулаки.

– Я нахожу вас привлекательной.

Роза оставалась серьезной.

– Действительно?

– Мне нравится щель у вас между зубами, когда вы улыбаетесь... выглядит мило. Каштановые волосы, которые все время падают вам на лицо с одной стороны и закрывают глаз. Это очень сексуально... – Он смущенно улыбнулся.

О боже, у нее появился поклонник. Да еще какой! С невероятно длинными ресницами и глазами насыщенного синего цвета, он наверняка соблазнил многих женщин. Тем не менее ему стоило некоторых усилий сказать все это. Карл снова уставился на ее тонкие лодыжки и бедра, которые выделялись под юбкой. Розе повезло быть обладательницей стройного тела; и для сохранения такой формы ей, к счастью, не нужно было заниматься аэробикой или мучить себя упражнениями на живот-ноги-ягодицы. Через несколько месяцев это

изменится из-за беременности, но пока ничего не заметно. Она подумала об отце ребенка, который уже радовался будущему малышу, – по крайней мере, он так утверждал, и она хотела ему верить.

После того как застала своего бывшего мужа в постели с другой и тот вскоре съехал, Роза часто слышала, что для своего возраста – сорока лет – она хорошо выглядит. Возможно, причина в ее сияющих зеленых глазах, чувстве, что она наконец-то живет для себя, или просто в кабине для солярия за две тысячи евро. В результате многих часов, проведенных там под музыку Майлса Дейвиса, Дюка Эллингтона и медленный задумчивый джаз, ее морщинки проявлялись все сильнее, но Розе было все равно. Наверное, это звучит несерьезно, но она нуждалась в солнце, тепле и запахе загорелой кожи, чтобы чувствовать себя хорошо. Теперь парень на семнадцать лет моложе считает ее сексуальной. Интригующе – но совершенно бесполезно.

– Это помогает? – спросила она.

– Простите?

– Вам помогает то, что вы считаете меня привлекательной? – повторила Роза. Видимо, своим вопросом она парализовала его.

– Э-э... нет, но... – Он задумался. – Я чувствую, что меня к вам тянет.

Ситуация становилась щекотливой. Роза вспомнила обвинение Карла в домогательствах. Он проделывал такое не в первый раз. Если ему действительно удастся вторгнуться в ее личную жизнь, Роза может рассчитывать только на себя – в этом смысле на отца ребенка положиться нельзя. К тому же она должна быть чертовски осторожна, чтобы ни тот ни другой не раскрыли ее маленькую тайну.

– В настоящий момент мы отошли от темы и обсуждаем наши отношения – но все равно давайте немного поговорим об этом, – предложила Роза. – Предположим, я вам нравлюсь, но не могу оправдать ваших ожиданий... Вы тогда разочаруетесь?

Он подумал, но ничего не ответил.

Роза не торопила. Когда он так ничего и не сказал, она сформулировала вопрос по-другому:

– Вы будете реагировать агрессивно, если я не смогу оправдать ваших ожиданий? Это могло бы помешать нашей терапии?

Он надул щеки.

– Нет, не думаю.

– Хорошо. – Она улыбнулась. – Сегодня я хотела бы поговорить о вашем детстве.

– Я видел, что снаружи стоит «смарт» цвета зеленый металл. Ваша машина, верно? Маленькая, но хорошенечкая. Подходит вам. На панели приборов, под лобовым стеклом, сидит мягкая игрушка... Винни-Пух. Вы любите мишек?

– А *вы* любите мишек? – спросила она в ответ.

Карл не отреагировал.

Роза подумала о талисмানে в футболке с надписью «Сохраняй хладнокровие!». Подруга подарила ей эту мягкую игрушку на сорокалетие. Петра Лугретти работала судьей, читала многие психологические заключения, сделанные Розой для суда, и знала, о чем говорит. Это она направила к ней Карла.

Так как Карл по-прежнему молчал, она продолжила:

– Вы ведь провели детство в Вене...

Он кивнул на комод под окном:

– Вы читаете книгу о беременности. – Взглянул на ее живот. Потом смущенно улыбнулся. – Вы что, ждете ребенка?

– Если я скажу, что да, то это вас шокирует?

Карл не ответил, но Роза видела, что он энергично размышляет над этим. Затем он захотел узнать, почему она развелась три года назад и живет одна. Ей надо было надеть старое обручальное кольцо на первый же сеанс – украшение с тремя бриллиантами отбивало у большинства мужчин желание задавать подобные вопросы.

– Карл, я хотела бы поговорить с вами о вашем детстве. Согласны?

– Можно называть вас Роза? – спросил он.

Она шумно выдохнула. Карл так легко не сдавался. Но она должна вернуть ситуацию под свой контроль, потому что не хочет отказываться от этого случая – с одной стороны, из желания помочь Карлу, с другой – из любопытства и профессионального интереса.

– Что это для вас изменит? – уточнила она.

Он резко выпрямился на диване.

– Каждый раз вы отвечаете вопросом на вопрос! Я ведь не собираюсь обращаться к вам на «ты», Роза, просто это усилит мое доверие к вам.

– Хорошо. – Она отложила папку в сторону. – Очевидно, данная тема очень беспокоит вас в настоящий момент. Давайте поговорим об этом.

– Да ладно. Что такого грандиозного, если я буду называть вас Розой. – Бессознательно он чуть засучил рукава. Мускулистые руки напряглись. И снова стали видны розовые шрамы на внутренней стороне. Старые зажившие ожоги, напоминающие жгуты из узлов и складок. Сложно сказать, как далеко уходили шрамы. Возможно, до самых локтей. – Вы считаете меня неприятным или отталкивающим?

– Речь не об этом. По моему мнению, между клиентом и терапевтом должна сохраняться профессиональная дистанция, – постаралась объяснить она. – Вы можете рассчитывать на меня во время сеансов, я веду вас, чтобы вы, в переносном смысле, научились лучше ходить, – но я не часть вашей жизни.

– О, еще как! Я решил пройти психотерапию у вас. Поэтому вы автоматически становитесь частью моей жизни.

– Правильно. Я сопровождаю вас на коротком этапе, но я не навсегда останусь в вашей жизни, как, например, ваша мама или тетя.

– Но в этот период я могу называть вас Розой?

Она покачала головой.

– Потом вам будет сложнее расстаться со мной. А это придется сделать, когда терапия подойдет к концу.

Он молчал.

– А конца мы достигнем только тогда, когда подойдем к определенным темам – профессионально, а не как подружки за чашкой кофе.

Карл посмотрел на пол.

– Сегодня я хотела бы поговорить о вашем детстве.

Карл ничего не говорил. Вместо этого скрестил руки на груди.

– Вас воспитывали в строгости? – спросила она.

– Я не знаю.

– Чего вы не знаете?

– Что означает «в строгости»?

– Какие, по-вашему, могут быть признаки строгого воспитания?

– Я не знаю.

– Если бы вы знали ответ, как бы он звучал?

Карл задумался. На мгновение показалось, что он забыл о своей скрытой неприязни.

– Ну, я думаю, у таких детей, наверное, синяки на лице или на руках, они смотрят в пол, молчат или вздрагивают, когда слышат голос отца.

Роза вздохнула с облегчением.

– Как строгое воспитание могло бы сказаться на детях? Как изменилось бы их поведение?

– Я не знаю.

– Если бы вы были экспертом и знали это, какие бы признаки могли назвать?

Он опустил руки. Впервые с начала их спора он снова взглянул на Розу.

– Наверное, они плохо спят. Возможно, рисуют картинки, писают в постель или страдают от приступов рвоты.

– А у вас когда-нибудь была рвота?

– Мы можем поговорить о чем-нибудь радостном? – Его руки снова скрестились на груди.

Черт!

– Конечно, мы можем поговорить о чем-то более радостном. Какое событие в вашем детстве вы вспоминаете с удовольствием?

«В моем детстве не было радостных событий», – казалось, говорил его взгляд.

– Давайте поговорим о вашем детстве, – предложил он. – Почему вы решили стать психотерапевтом? Какую проблему пытались решить таким образом?

– Мы говорим о вас, а не обо мне.

Он проигнорировал ее ответ.

– Когда настал ваш переломный момент?

Роза не стеснялась говорить с посторонними о своих проблемах – особенно о проблемах с матерью. На протяжении более трехсот часов самопознания она только этим и занималась. Она и по сей день обсуждала страхи и проблемы со своим супервизором – но не с клиентами.

– Вы правы. В моей жизни был такой момент – как и почти у всех моих коллег. Иначе с чего бы мы стали интересоваться психологией? Но сейчас неподходящее время, чтобы это обсуждать.

– Почему?

– Это отвлечет вас от себя самого, а я бы не хотела, чтобы вы начали анализировать проблемы других, вместо того чтобы искать решения собственных.

Карл уставился на нее ярко-голубыми глазами, словно хотел оценить, как она отреагирует на его следующие слова.

– Я хочу сделать вам предложение, – заявил он.

Роза откинулась назад. Сейчас начнется психологическая война. Как раз на четвертом сеансе. Она уже задавалась вопросом, когда и как он начнет. Она ободряюще кивнула.

– Я здесь не для того, чтобы говорить о моем детстве, а чтобы научиться контролировать свою агрессию и наркотическую зависимость. Мое предложение: я расскажу вам то, что вы хотите знать, если вы поделитесь кое-чем из личной жизни.

Значит, вот в чем причина, почему ее предшественники отказывались продолжать психотерапию. Карл был хитер и коварен. Он сблизился с ними, возможно, даже преследовал. Ее коллеги не знали, как справиться с такой ситуацией, и пугались. В профессиональных кругах спокойное, на первый взгляд, добродушное и заинтересованное поведение Карла называлось «пассивно-агрессивное». В такой ситуации достаточно разговора с супервизором, который посоветовал бы ей немедленно отказаться от этого пациента. За свою карьеру Роза видела немало психотерапевтов, которые перегорали и затем вовсе отходили от дел. Но она была слишком опытна, чтобы ввязаться в такую опасную игру квидпрокво^[10]. Чем больше Карл узнает о ней, тем больше будет использовать свои знания против нее.

– Познакомься мы при других обстоятельствах, я бы с удовольствием поболтала с вами о своей личной жизни, но не во время наших сеансов, – ответила она. – Мы должны сосредоточиться на ваших чувствах.

– Мои чувства в обмен на ваши – вот мое предложение. – Карл посмотрел в окно, словно его все это не касалось.

Она его потеряла.

– Я хочу предложить вам ассоциативное упражнение. Я называю вам...

– Нет. – Он по-прежнему смотрел в окно. – Я уже сказал, что расскажу только тогда, если вы мне что-нибудь расскажете.

– Хорошо. – Роза сохраняла спокойствие. Продолжать говорить в этой ситуации бессмысленно. Она должна задействовать визуальные раздражители. Поэтому она поднялась, подошла к флипчарту и фломастером разделила белый лист бумаги на две половины.

– Мы можем воспользоваться моментом и изобразить чувства, которые вы сейчас испытываете, графически. Слева ваша зона комфорта, а справа так называемая нейтральная территория. Какие картинки приходят вам спонтанно на ум, когда вы...

– Никакие.

Роза закрыла фломастер и подошла к книжной полке на противоположной стене, где стояло несколько пластиковых фигурок. Астерикс, Идефикс, Микки-Маус, принцесса, ведьма, овечка и смерть в черном плаще.

– Или мы изобразим ваши чувства на столе как на сцене. Какие из этих фигурок могли бы символизировать вашу злость, ярость? Какие – любовь, страсть, страх или самовлюбленность?

Карл бросил взгляд на фигурки.

– Это все ерунда. Я не пятилетняя девочка, чтобы играть с куклами.

– Правильно. Со взрослыми эта игра работает по-другому... – Она не закончила предложение и поставила принцессу обратно на полку.

Он посмотрел на Розу:

– И как же?

Она помедлила с ответом.

– Этот прием называется экстернализация. Мы договоримся о какой-нибудь воображаемой фигуре, например вашей агрессии, и выберем для нее образ. Многие клиенты часто используют дьявола, карлика или смерть. – Роза пододвинула свободный стул к столу. – Мы пригласим это существо присесть к нам и возьмем у него интервью.

Карл покосился на пустой стул.

– Что мы будем спрашивать?

– Например, почему агрессия так часто приходит к вам. В каких ситуациях? Когда исчезает.

– А что еще?

– Интервью нельзя спланировать. Многие вопросы появляются спонтанно. – Роза вернулась на свое место. – Как будет выглядеть ваша агрессия? Как смерть?

– Как белая голубка.

В первый момент Роза подумала, что он издевается, но по серьезному выражению лица поняла: Карл не шутит.

Белая голубка была красивой птицей – по крайней мере, в ее глазах. В определенном смысле спокойной, миролюбивой и... возможно, даже священной.

– Тогда пригласим голубку присесть к нам за стол.

Он немного подумал, потом покачал головой:

– Нет, это какая-то ерунда.

Роза взглянула на часы. Время почти вышло, а она ничего не достигла, кроме того что отклонила его вербальные попытки сближения. Но, по крайней мере, она выяснила одну вещь: в его глазах агрессия была белой голубкой – птицей женского рода.

Наверняка Карл не хотел соглашаться на ассоциативную игру, визуальное упражнение с флипчартом, прием психологической сцены или экстернализацию не потому, что все это казалось ему ребячеством. Он точно знал, на что направлены эти методы: побольше выведать о его детстве. Ему было стыдно говорить с ней об этом, не хотелось узнать о себе что-то новое.

Теперь и Карл посмотрел на часы.

– Продолжим в следующий раз?

– Конечно, у нас впереди много работы. Но в заключение у меня есть к вам просьба.

– Принести на следующий сеанс свои фигурки? – вопрос прозвучал саркастично.

– Не нужно. Я хотела попросить вас о другом.

По ее мнению, Карл блокировал терапию потому, что чувствовал себя скованно во время разговора тет-а-тет и не мог говорить о своем детстве. Но существовала возможность обойти это препятствие.

Роза поднялась, достала из ящика другой, старый диктофон, вставила в него новые батарейки и кассету на пятьдесят минут.

– Я дам вам его с собой. Когда останетесь один и вам никто не будет мешать, вы можете наговорить на него свои чувства, если захотите.

Карл взял прибор.

– А что с кассетой?

– Если хотите, бросьте кассету в мой почтовый ящик. Ее буду слушать только я, больше никто.

– Не думаю, что запишу что-нибудь.

– Вы и не обязаны.

– Ладно. – Карл медленно засунул диктофон в карман джинсов.

В последующие четыре недели Карл хотя и отменял сеансы, но несколько раз приходил к ее дому и бросал кассеты в почтовый ящик: в общей сложности их оказалось пять.

Он покупал точно такие же кассеты и наговаривал на них материал, от которого у Розы захватывало дух. Теперь она могла догадаться, откуда у Карла те ужасные шрамы от ожогов. Она знала, следующий сеанс будет одним из самых содержательных.

Часть вторая

Вторник, 24 мая

*В изучении
болезней совершен
такой большой
прогресс, что
становится все
труднее найти
абсолютно
здорового человека.*

Олдос Хаксли

За прошедшую ночь Хелен не сомкнула глаз. В состоянии полудремы, страха, сомнений и упреков себе самой у нее в голове постоянно крутились одни и те же мысли.

Пусть это и звучит абсолютно неправдоподобно, но Франк действительно мог подарить Анне Ленер то кольцо. У ее мужа была связь с ее клиенткой? Если да, с каких пор они вместе и зачем Анна вообще пришла к ней? Возможно, Анну похитил один из ее бывших дружков с целью отомстить Франку. Возможно, преступник даже клиент Хелен.

Чем больше она об этом думала, тем сильнее росло ее недоверие к Франку. Она не может рассказать ему о похищении. Не только кольцо с гравировкой вызывало у нее подозрение, но и выписка по счету кредитной карты, презервативы в его сумке и ключ от чужой квартиры. Возможно, у него были и другие тайны, о которых она не имела ни малейшего понятия. Кроме того, она боялась за жизнь Анны. Неверное решение – и шантажист продолжит калечить ее клиентку.

Как только Хелен под утро наконец заснула, прозвенел будильник. С огромным удовольствием она повалилась бы в постели, но Дасти хотел есть... а ей самой была необходима чашка крепкого кофе и хороший план, как пережить этот день.

За завтраком практически не говорили. Франк был напряжен, как никогда. Таким Хелен его не знала. Он постоянно смотрел на часы, безуспешно звонил и писал имейлы на своем «блекберри». Когда Хелен спросила, нет ли у него проблем, Франк сослался на сложное судебное дело. Пустые отговорки! Интуиция подсказывала Хелен, что он лжет. За свою карьеру он разрешил десятки сложных дел и всегда умело разделял работу и личную жизнь. Его что-то тяготило, и, похоже, Хелен знала причину.

– Ты сегодня целый день в бюро? – спросила она, когда Франк подошел к ней с папкой под мышкой и ключом от автомобиля в руке.

– К сожалению, наверняка допоздна. – Он поцеловал ее в щеку. – Если у тебя будет время, позаботься, пожалуйста, о вечеринке.

– Конечно. – Хелен постаралась улыбнуться. – Но мне тоже предстоит непростой день. Сеанс со сложной пациенткой, Анной

Ленер, а после еще пять встреч и...

– Анна Ленер придет сегодня? – перебил ее Франк и побледнел. – Ты вчера меня о ней спрашивала, – добавил он уже без интереса, как будто хотел скрыть свою поспешную реакцию.

У тебя не получилось.

– Да. Мне показалось, – ответила она, – что ты ее знаешь.

Франк помотал головой.

– До вечера. – И исчез за дверью.

В следующий момент хлопнула дверца автомобиля – через секунду «ламборгини» промчался мимо лужайки перед домом. Хелен вышла на террасу и увидела, как машина Франка исчезла вдали. Вообще-то это совсем не его машина. Она купила ему «ламборгини» на наследство, оставленное родителями. Бумаги были оформлены на ее имя, но он ездил на машине. Хелен полностью устраивала ее маленькая «тойота».

Дасти прижимался к ее ногам и терся о голые икры.

– Ладно, ладно, малыш. Пойдем заберем почту.

Она в кроссовках побежала по лужайке. Утренняя роса блестела на солнце, которое висело над горами. Вчерашний запах навоза рассеялся. Хелен подошла к почтовому ящику. Лесная дорожка, ведущая мимо теплиц и заброшенной мельницы в сосновый лес, была безлюдна. На высоковольтных проводах ворковали несколько голубей.

Хелен достала почту из почтового ящика. Дасти бросился на спину и валялся на лужайке.

– Да, давай хорошенько испачкайся, чтобы мне снова пришлось убирать весь дом! – Она присела и пощекотала ему живот. Дасти издал гортанное «вуфф».

Тут ее взгляд упал на почтовый ящик. Там лежали рекламные брошюры и «Ди Прессе». И еще белая коробочка. Хелен стало не по себе. *Неужели снова?* Она поднялась, достала из кармана джинсов носовой платок и, обхватив им коробку, вытащила ее из ящика.

Дасти подскочил и, виляя хвостом, подбежал к Хелен и нетерпеливо запрыгал вокруг нее.

– Фу! – крикнула она ему.

И в этот раз на крышке было написано «Фрау доктор Хелен Бергер».

Все тем же носовым платком она осторожно приподняла крышку. Небольшой щели было достаточно, чтобы распознать, что на красном войлоке лежит человеческий большой палец. У Хелен закружилась голова. Дрожащими руками она закрыла коробку. Почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Этот кошмар когда-нибудь закончится?

Хотя сумасшедший грозил, что сделает с Анной Ленер ужасные вещи, если Хелен откажется играть по его правилам, она все-таки должна сообщить Бену Колеру. Иначе на ее совести будет убийство.

Хелен вздрогнула, когда зазвонил ее сотовый телефон, лежащий в пятнадцати метрах на садовом столике. Она не двинулась с места, стояла как парализованная. Дасты с тьякньем понесся по лужайке, потом развернулся и побежал к ней обратно.

Наконец телефон затих. Хелен глубоко вздохнула, взяла почту и пошла в дом. Положила коробку с носовым платком в морозильник, где все еще лежал другой палец, завернутый в пластиковую пленку. Коробочка с кольцом Анны Ленер стояла за книгами на полке. Хелен должна прекратить эту игру в прятки, иначе сойдет с ума.

Она села на террасе – хотя солнечные лучи грели лицо, ее знобило. «Пропущенный вызов – неизвестный номер» стояло на дисплее телефона.

Он попытается снова. В тот же момент раздался звонок. Хелен вздрогнула от пронзительного звука. Ледяными пальцами поднесла к уху телефон.

– Алло?

Она узнала его по шумному дыханию.

– Доброе утро, фрау доктор.

Она ненавидела этот искаженный электронный голос.

– Кого я похитил и почему? У вас осталось чуть больше двадцати четырех часов, чтобы выяснить это.

– Вы похитили Анну Ленер, – выдавила Хелен.

Он помолчал. Наконец произнес:

– Неправильный ответ.

Слова ошарашили Хелен. Как он мог такое утверждать? Это правильный ответ! Она видела кольцо на руке Анны.

– Я хочу с ней поговорить, – потребовала Хелен.

– Нет.

– Вы обещали! – крикнула она в трубку. – Вы сказали, что позволите поговорить с ней, когда она придет в себя.

Сердце Хелен бешено колотилось. Она услышала шорох, потом шаги, скрип двери и шум открывающегося люка. Снова шаги. Хелен прижала трубку к уху, чтобы не упустить ни одного звука. Ей показалось, что она слышит женские стоны. Ужасный треск клейкой ленты заставил ее отпрянуть от телефона.

Неожиданно она услышала отчаянный крик женщины:

– Помогите мне! Меня держат в заключении! Я...

Голос смолк. Люк закрылся. Послышались гулкие шаги по коридору.

Хелен была сбита с толку. Слова женщины не шли у нее из головы. Прежде всего по одной причине: это был голос Анны Ленер! Той женщины, которая уже полгода приходила к ней на психотерапию.

– Эту женщину зовут Анна Ленер! – повторила она.

– Нет. У вас есть время до завтра, – сказал похититель. – Назовете правильный ответ, и женщина останется в живых, – если нет или если вы расскажете кому-нибудь о нашей игре, она умрет.

– Это ваши правила игры?

– Да. До завтра...

– Стойте! Подождите... – Хелен прислушалась. Он еще не положил трубку. Хелен встала и прошла в дом. – Я прошу вас пока не отключаться и послушать, чтобы вы знали, что я не нарушаю ваши правила.

Она остановилась перед гардеробом в прихожей. Рядом с настольным календарем на комодке стоял стационарный телефон, который она все еще не сняла с регистрации, потому что Франк подключил к нему модем для Интернета.

– Оставайтесь на линии и слушайте. – Хелен положила сотовый рядом с календарем и подняла трубку стационарного телефона. Ее сердце стучало уже где-то в горле. Она набрала номер участка Бена Колера. По какой-то причине она все еще помнила его наизусть спустя столько лет.

После трех гудков ответил женский голос.

Ледяные пальцы Хелен были мокрые от пота.

– Я хочу поговорить с инспектором Беном Колером.

– К сожалению, он еще не приехал в участок. А кто его спрашивает?

– Хелен Бергер.

Она слышала, как женщина что-то записывала.

– По личному вопросу или я могу соединить вас с его коллегой?

Многие из коллег Бена знали ее еще с тех пор, когда она составляла психологические портреты преступников для отдела по расследованию убийств. Большинству наверняка неприятно вспоминать случай Винклера. Поэтому они отреагируют на звонок Хелен холодно.

– Соедините, пожалуйста.

Хелен ждала. Наконец ответил мужчина. Она узнала голос Оливера Брандштеттера и с облегчением вздохнула. Раньше он, как и Бен, работал в спецподразделении «Вега», а позднее стал его напарником в отделе по расследованию убийств при Федеральном уголовном ведомстве Вены. Вероятно, сейчас он тоже главный инспектор. Оливер был родом из Каринтии и большой циник, тем не менее после дела Винклера он единственный всегда относился к ней порядочно и дружелюбно.

– Привет, Оливер, это Хелен.

– Привет, милая. Что я могу для тебя сделать?

– Одна моя клиентка не пришла вчера на сеанс психотерапии. Ее зовут Анна Ленер. Я переживаю, потому что не могу дозвониться до нее ни на сотовый, ни на домашний телефон.

Она надеялась, что похититель по сотовому внимательно слушает, потому что она играла по его правилам. Раз он утверждал, что Анна Ленер неправильное имя, то его жертва вне опасности. Кроме того, Хелен ни единым словом не обмолвилась об игре сумасшедшего.

– Анна Ленер, – повторил Оливер. – Минутку...

Хелен помассировала виски. Она не знала, чего этим добьется. Наверняка ей сейчас заявят, что человек должен числиться пропавшим без вести сорок восемь часов, прежде чем к поискам подключится уголовная полиция. Проклятье! Нужно было сказать Оливеру, что она уже два дня не может связаться с Анной.

Тут он снова ответил:

– Мы уже знаем. Нам заявили о ее исчезновении.

У Хелен перехватило дыхание.

– Правда?

– В ее квартире были обнаружены следы взлома – женщину разыскивают со вчерашнего вечера. Ты что-то об этом знаешь?

– Нет, – поспешила ответить Хелен. У нее камень с сердца упал. Уголовная полиция уже занимается этим случаем. Только сотрудники не знают, что у Анны отрезаны два пальца, а завтра утром она умрет, если она, Хелен, не угадает причину ее похищения.

– Ты все равно должна прийти в участок для дачи показаний, – посоветовал Оливер.

Хелен покосилась на свой сотовый телефон. Связь с похитителем не прервалась.

– Сегодня у меня назначены встречи с клиентами. Давай завтра, – предложила она.

– Хорошо. Но приходи не к нам, а к коллегам из отдела розыска. Ты знаешь, где они сидят. – Оливер повесил трубку.

Хелен тоже положила трубку. Схватила мобильный телефон.

– Слышите! Я не заявила о пропаже этой женщ...

Связь оборвалась.

После того как Хелен загрузила посуду после завтрака в посудомоечную машину, зазвонил домашний телефон. На дисплее она увидела номер Бена. Она глубоко вздохнула и взяла трубку:

– Хелен Бергер.

– Привет, Хелен, – сказал он.

Она не слышала его голос уже три года. Но хватило двух слов – и Хелен уже видела Бена перед собой. Высокий, широкоплечий, с короткими светлыми волосами, зеленовато-голубыми глазами и татуировкой на предплечье. Гриф с выпущенными когтями – символ спецподразделения «Вега».

– Ты звонила мне в участок.

– Я волнуюсь за Анну Ленер. Это клиентка, до которой я со вчерашнего дня не могу дозвониться.

– Оливер тебе уже рассказал, что, по всей вероятности, ее похитили из собственной квартиры. Не переживай, мы найдем ее. – Он сделал паузу. – У тебя есть какие-нибудь идеи, кто может за этим стоять?

Если бы я только знала!

– Нет, к сожалению. Кто заявил об ее исчезновении?

– Мы получили анонимный звонок. На голосовой почте Анны Ленер включается странное сообщение, что она в настоящий момент недоступна.

Я знаю. Это тот парень. Найди его! Он уже отрезал ей два пальца.

– Хелен? Все в порядке?

– Да, спасибо. – Она откашлялась. – Как у тебя дела?

– Ты спрашиваешь это спустя три года? – ответил полицейский. Неожиданно его голос прозвучал подавленно. – Как у *тебя* дела?

– Я замужем.

– Знаю, за прокурором Бергером. Тошнотворный тип, если хочешь знать мое мнение. Он пригласил меня на свой день рождения завтра.

– Тогда почему ты согласился прийти, если считаешь его таким отвратительным?

– Потому что хочу увидеть тебя.

Хелен закусил губу. *О, пожалуйста, не делай со мной этого.*

– Не понимаю, как ты могла выйти замуж за Бергера, – вырвалось у него в следующий момент.

Хелен резко вдохнула. Как это похоже на Бена! Только возникает немного доверительности, как он тут же разрушает это чувство.

– Даже если тебя тошнит от Франка, он единственный помог мне тогда. – Она не хотела, чтобы это прозвучало как упрек. Кроме того, она не собиралась извиняться перед Беном за свой брак с Франком.

– Знаю, ситуация была отвратительная, – согласился он. – Как только в игре появляются чужие интересы, начинается грязь. Но ты это знала. Это была твоя работа – составлять психологические портреты преступников.

– Поэтому я и ушла.

– Знаю. Как идут дела в частной практике?

– Спасибо, хорошо. – *За исключением контакта с чокнутым похитителем.*

– Я слышал, ты написала книгу.

– Да, два года назад, по моей специальности.

– Насилие и диссоциативные нарушения личности у детей и подростков.

– Правильно. – Надо же, он это помнит! – Сейчас делаю правку для окончательной редакции второй книги. – Но работа над этой темой не могла сгладить воспоминания о Фло.

Неожиданно по ее щекам побежали слезы.

– Я каждый день думаю о Фло, о его огромных глазах, плюшевом мишке, которого он постоянно переворачивал и рычал с ним наперебой...

– Хелен, пожалуйста, прекрати!

Она вытерла слезы.

– Ты когда-нибудь думал, почему Винклер так поступил с нами?

– Каждый чертов день, – ответил Бен. – Хочешь услышать мое мнение? Он был слишком уверен в себе. Не думал, что ты сможешь его уличить. Он хотел отомстить тебе. Поэтому выбрал моего сына.

Спазмы в желудке говорили ей, что Бен прав.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Я не это имел в виду. У меня много дел, увидимся завтра вечером, ладно?

– Спасибо. – Она положила трубку.

Еще двадцать четыре часа, вспомнила Хелен. Она продвинулась на шаг вперед. Теперь знала причину нервозности и напряженности Франка. Наверняка это он тот аноним, который сообщил в полицию о пропаже Анны Ленер.

Хелен посмотрела на часы. Начало девятого. Через час придет первый клиент. До того момента у нее есть время что-нибудь предпринять. Она хотела еще раз обыскать кабинет Франка, но на этот раз тщательнее.

Вчера поздно вечером Сабина ликвидировала в своем кабинете беспорядок, который устроил Снейдер в поисках кассеты. Потом переночевала в квартире сестры. Втиснувшись между Керстин, Конни и Фионой в большой двуспальной кровати и приняв легкое снотворное, она наконец заснула на пару часов.

В восемь утра они с Моникой пекли блины. Пока девочки управлялись с мармеладом, сиропом и шоколадным кремом, Сабина разговаривала по телефону с Габриелем Церни, Доктором Глазом, бывшим мужем сестры. Хороших новостей не было. Ее отец уже сутки находился в камере предварительного заключения. В лучшем случае ему грозило обвинение в даче ложных показаний. В худшем – пособничество в убийстве, если не обвинение в самом убийстве.

Сабина выпила еще чашку кофе, потом отвезла девочек в школу и детский сад и затем поехала в полицейский участок. Началась дневная служба, которая тянулась и никак не заканчивалась.

В кабинете она включила компьютер и посмотрела задания на сегодня. Поговорив по телефону с Колоновичем – он хотел направить ее и Симона на автозаправку, на которую был совершен налет, – она услышала стук в дверь. За матовым стеклом маячил силуэт кого-то худого и лысого. От одного взгляда у Сабины сжался желудок. Не успела она сказать «Войдите», как Снейдер оказался в кабинете. Он закрыл дверь и подошел к письменному столу. Под мышкой торчала книга о Штрувельпетере. Он подтянул штанину, стараясь не повредить отглаженную складку, и фамильярно присел одним боком на край стола.

Снейдер выглядел неважно – по-другому, видимо, и не бывает, – но сегодня он, по крайней мере, казался здоровее, чем вчера. Уже не такой бледный. После полуночи Симон отвез его в «Меркур» в Старом городе^[11]. Либо там удобные кровати, либо же Снейдер всю ночь крутил свои акупунктурные иголки. Его щеки даже слегка порозовели.

– Вы говорили с моим начальником? – спросила Сабина, так как не дождалась от него ни слова.

– О «Дедале», распечатанном протоколе результатов вскрытия и кассете, украденной из моего диктофона?

Теперь промолчала Сабина.

Снейдер снисходительно улыбнулся и прищелкнул языком:

– Я понятия не имею, о чем вы говорите.

Он что, разыгрывает ее? Судя по застывшему выражению лица, Снейдер не шутил.

Он положил книгу на стол.

– Вы купили ее в «Гаитале»?

– Конечно, я ее купила! – Что за глупый вопрос.

Он медленно кивнул.

– Я хотел бы поговорить с вами об этом деле.

Сейчас вдруг? Невероятно!

– Я добивалась этого вчера весь день! – воскликнула она. – К сожалению, сейчас мне нужно отправляться на одну автозаправку на Среднем кольце. Там недавно было совершено нападение.

– Нападение, как интересно!

Как же она ненавидела этот его ироничный тон!

– Не все занимаются такими важными делами, как вы, – буркнула она.

– Верно, – вздохнул Снейдер. – Знать меня значит любить меня^[12].

Сабина встала.

– Присядьте, нам нужно поговорить.

– Сейчас?

– Когда, если не сейчас? – Он остался сидеть на столе и ждал, пока она снова опустится на стул. – Из соображений безопасности БКА скрывало от общественности детали обоих убийств в Кельне и Лейпциге. Это моя идея.

Сабина вопросительно посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Во-первых, чтобы не вдохновлять подражателей на совершение похожих убийств в надежде переложить вину на первоначального преступника и уйти от наказания. Во-вторых, мы хотели усыпить бдительность самонадеянного убийцы, чтобы тот потерял осторожность и допустил первую ошибку. Но пока что он не оказал нам такой любезности.

– Почему вы мне это рассказываете, после того как вчера весь день унижали меня?

Он постучал пальцем по книге с картинками.

– Я не знал этой книги. – Неожиданно Снейдер заговорил необычно доверительным тоном, какого Сабина прежде от него не слышала. – Дети в Нидерландах растут на другой литературе. – Потом указал на Сабину. – Не знаю, как вам это удалось, Белочка, но ваша подсказка оказалась абсолютно правильной. Похоже на то, что убийства в Лейпциге, Кельне и Мюнхене – это воспроизведенные сцены из этой книги. Жуткие рассказы о злом Фридрихе, сгоревшей Паулинхен и черных мальчуганах – что продвигает меня на шаг вперед.

– Вас? Я думала, БКА не подключалось к этому делу и не уполномочено вести расследование.

– Так и есть.

Сабина откинулась на стуле.

– Вы меня заинтриговали.

Снейдер поднялся и прошелся по комнате. Перед окном он остановился, оперся руками о подоконник, сначала рассматривал вьюнки, потом взглянул на церковь.

– То, что вы говорите, правильно. ЛКА в земле Северный Рейн – Вестфалия расследует убийство в Кельне, а ЛКА Саксонии – в Лейпциге. Но оба убийства начались с похищения – как и в случае с вашей матерью. При захвате заложников и шантаже подключают экспертов-переговорщиков и консультантов БКА. Оба похищения закончились убийством, поэтому теперь в игру включаюсь я. За год я анализирую около тридцати преступлений.

– Я впечатлена, – усмехнулась Сабина.

– Это и не обязательно, – парировал он. – Уже при осмотре мест преступления я знал, что последуют другие убийства и что нас ожидает нечто ужасное. В настоящий момент вы видим только верхушку айсберга. Так что я выполняю свою работу. Я составляю заключение по обоим убийствам и называю исследование этих случаев «Загадка на 48 часов». Убийца сталкивает двух близких друг другу людей. Если в течение сорока восьми часов вы догадаетесь, почему тот или другой человек был похищен, он останется в живых. Если нет – умрет.

– Это доказывает, что мой отец невиновен! – раздраженно воскликнула она.

– Пойдите, не так быстро! Это также может доказывать, что благодаря доступу к «Дедалу» вы знали об аналитике подобных случаев, рассказали об этом отцу, и тот убил бывшую жену по этой схеме.

Сабина почти задохнулась.

– Вы же сами в это не верите!

Он вздохнул.

– Что я думаю по этому поводу, не важно. Прокурор взял этот случай под личный контроль. Могу вам только сказать, что ЛКА ведет расследование и в отношении вас.

Сабина подскочила на стуле:

– В отношении меня?!

– Успокойтесь. Пока это расследование группы дилетантов. Сейчас коллеги допрашивают семь человек, но убийцы среди них нет. В настоящий момент правая рука не знает, что делает левая. Так что у нас есть как минимум двенадцать часов, чтобы поломать голову.

У нас? Он сказал «у нас». Сабина глубоко выдохнула.

– Давайте продолжим.

Снейдер отвернулся от окна и пересек комнату.

– Женщина в Кельне была похищена шестого апреля и убита в тот же день. Женщину из Лейпцига похитили двадцатого апреля и сожгли только через сорок восемь часов. Таким образом, мы знаем, что преступник наблюдает за своей телефонной жертвой. Как только та сообщает в полицию, как в Кельне, похищенная женщина тут же умирает.

У Сабины в голове крутилось множество мыслей, связанных с ее отцом. Машинально она схватилась за медальон в форме сердечка.

– Это значит...

– ...что ваша мама умерла бы немедленно, обратись ваш отец в полицию. – Снейдер словно прочитал ее мысли.

У Сабины словно гора с плеч упала. Как будто в груди развязали тугую узел. Она с облегчением вздохнула. Только сейчас Сабина поняла, что подсознательно винила отца в смерти матери. На самом деле он продлил ей жизнь на сорок восемь часов – даже если в конце она все равно погибла от рук убийцы.

– Почему вы пришли ко мне в кабинет?

Снейдер прислонился к шкафу с папками.

– Уже несколько недель я жду третьего случая, – сказал он. – На каждом месте преступления остаются дополнительные следы, появляются новые спекуляции. Чего же добивается убийца своим «художеством»? – Взгляд Снейдера упал на книгу «Штрувельпетер». – Откройте ее, – попросил он.

Сабина раскрыла книгу. Под обложкой лежала стопка фотографий с мест преступлений. На первом фото – труп женщины лет тридцати пяти. Из-за крови сложно было сказать, какого цвета у нее волосы. Во рту у Сабины пересохло. Она уже столько лет работала в оперативном отделе, но такого еще не видела. Обнаженная женщина была прикована железными кольцами за запястья и щиколотки к полу. Во рту кляп из собачьего поводка. На заднем плане виднелась кирпичная стена серо-бежевого цвета и арки пустого склепа. Сабине показалось, что она узнала средневековый подвал сакристии, который Снейдер упоминал на аудиопленке. На следующем фото та же самая женщина лежала под голубой лампой на столе патологоанатома. Сабина отпрянула от ужаса и на секунду закрыла глаза, но уже успела слишком много увидеть.

– Питбультерьеры не много оставили от нее, – пояснил Снейдер. – Убийца сначала порезал жертве руки и ноги лезвием, чтобы запах крови пробудил в голодных животных охотничий инстинкт.

Тот же самый извращенец убил и ее мать, пришло в голову Сабине.

– Женщина была еще жива?

– «Лилася кровь, а Фридрих выл», – процитировал Снейдер строчку из книги. – Злой парень убивал птиц, мучил животных и избивал жену, пока его наконец не укусила за ногу собака – так говорится в истории. – Он сделал паузу. – Да, она была еще жива. Но судмедэксперт считает, что глубокий укус в сонную артерию убил женщину в самом начале. Полагаю, это не совсем удовлетворило Штрувельпетера. Он надеялся, что действие по этому сценарию продлится чуть дольше.

Снейдер назвал убийцу Штрувельпетер. От мысли, что герой детской книги может быть связан с этими убийствами, у Сабины по спине побежали мурашки.

– Ее зовут Вальтрауд Нессельбергер. Кстати, она не была учительницей, а работала у прокурора, составляла завещания и

договоры дарения. Вы знали эту женщину? Все-таки несколько лет жили в Кельне.

Сабина помотала головой. Она заставила себя посмотреть на следующую фотографию: жестяное корыто с обгоревшим до углей трупом. Одежда женщины была аккуратно сложена рядом. На блузе лежала золотая цепочка с крестиком. Но убийца не просто бросил цепочку, а сложил ее в форме сердца, словно хотел выразить своим поступком что-то прекрасное, эстетичное. На заднем плане другого панорамного снимка виднелся нижний край огромного, метра два диаметром, колокола. Под ним навален строительный мусор и мешки с цементом. За разбитыми окнами стропильной фермы серело небо.

– Эльфрида Никич, пятьдесят восемь лет, бывшая школьная учительница из Лейпцига. Ее смогли идентифицировать только по челюсти и медицинской карте, сохранившейся у стоматолога, который устанавливал ей имплант.

Гнетущее чувство сдавило грудную клетку Сабины. Так же подействовали бы на нее эти фотографии, если бы за этими ужасами не скрывался убийца ее матери? Наверное, нет. Но смерть ее матери продолжила страшную серию убийств, которые совершал этот сумасшедший. И сейчас Сабина мучалась вместе с каждой жертвой, словно знала их лично.

Несмотря на ужасные мысли, от нее не ускользнула одна деталь.

– Нессельбергер, Никич и Немез... – повторила она. – Все имена начинаются на Н.

– И два даже на Не, если быть точным. Но вряд ли это что-либо значит, – отмахнулся Снейдер от ее предположения. – В детской книжке Паулинхен осталась дома одна и играла со спичками, пока огонь не перекинулся на платье, фартук и волосы. В реальности все произошло иначе. Штрувельпетер приковал женщину к жестяному корыту, облил бензином и дважды поджигал ее после смерти. Окна открыть не смог, поэтому недолго думая выбил стекла, чтобы обеспечить необходимый приток воздуха.

Сабина еще раз посмотрела на панорамный снимок стропильной фермы. Чудо, что деревянная конструкция не загорелась.

– Откуда это жестяное корыто?

– От строителей, они замешивали в нем бетон. Башня находилась на реставрации, – пояснил Снейдер. – Эта смерть должна была уже

сильнее удовлетворить Штрувельпетера. Наверняка крики женщины и ее мольбы о помощи стояли у него в ушах еще долго после того, как канистра с бензином опустела.

– И никто не заметил огонь или дым?

– Не в четыре утра.

Сабина уставилась на фотографию. Невольно подумала о своей матери, прикованной к огромному церковному органу.

– Этих женщин убили, как скот.

Снейдер кивнул:

– Убийства с особой жестокостью. – «Горит рука, коса, нога и на головке волоса; сгорела бедная она, зола осталась лишь одна», – пробормотал он, задумчиво переплел пальцы рук и поднес к губам.

Сабина знала стишки из книги наизусть. Она достаточно часто слышала их в детстве.

Снейдер указал на следующие фотографии, которые лежали изображением вниз.

– Вы готовы к третьему убийству?

Вряд ли это когда-то случится. Сабина сжала кулаки.

– Вы сами только что сказали: если не сейчас, то когда?

– Вы быстро учитесь.

Сабина перевернула снимки и увидела лицо своей матери. Все вокруг закружилось. Открытые глаза, заклеенные ноздри, широко раскрытый рот. Сабина вцепилась в спинку стула.

– В ее трахею на пять сантиметров были воткнуты медицинский воздуховод и интубационная трубка. Благодаря им ваша мать продолжала жить. Но Штрувельпетер влил ей через воронку два литра чернил. Утомительно и кропотливо он собрал содержимое около семидесяти пузырьков. Экспертиза показала: чернила марки «Пеликан», цвет бриллиантово-черный. Продаются в любом канцелярском магазине, пузырек объемом тридцать миллилитров за четыре евро.

Он помолчал, словно хотел, чтобы она прочувствовала его слова.

– Как вы догадались о книге? Из-за соленого кренделя в руке мальчика, которого старик Николас окунает в чернила?

«Схватил негодных тех детей, того за волосы, а двух в охапку, и в чернила бух!» – вспомнился ей самый стишок из детской книжки. В той истории чародей Николас окунает трех мальчишек в жбан с

чернилами, потому что они смеялись и издевались над черным как уголь арапом.

– Ваша мама плохо относилась к темнокожим ученикам? – поинтересовался Снейдер.

– Никогда. – Сабина помотала головой. – Но мама никогда не стала бы добровольно есть крендели. Если бы она захлебнулась растительным маслом или гнилыми сточными водами, мне никогда бы не пришло в голову, что убийца инсценировал стишок из детской книжки. Почему он так жестоко поступил? Его возбуждают боль и страдания других?

Снейдер покачал головой:

– Вряд ли. Он не сексуальный маньяк. Ничто на это не указывает. Ему, самое большее, тридцать лет, он одинок, интроверт, возможно, все еще живет у мамы в пригороде Кельна, где и выбрал свою первую жертву, и – самое важное – он ненавидит женщин.

Сабина отложила фотографию.

– Его что, обманула подружка? Унизила? Бросила?

– Если мы считаем, что у него психологическая травма, то нужно искать причину в раннем детстве – задолго до того, как у него появилась первая подружка. Вероятнее всего, дело в строгом воспитании.

– Эти убийства нельзя связывать с тяжелым детством, – возразила она. – Иначе получится, что у нас по улицам бегают одни сумасшедшие киллеры.

– Активная интроекция, – сказал Снейдер, словно это все объясняло. Он снова сел на стол. – Существует два способа преодолеть последствия детской травмы. Человек или годами изводит и убеждает себя, что родители правильно делали, жестоко наказывая его, потому что он так плохо себя вел. Или же воспитание становится сутью самого человека, он перенимает привычки избивавших и мучивших его родителей и сам это практикует.

– Вряд ли мать этого мерзавца поджигала, кусала или заставляла его пить чернила. – Сабина подняла глаза к потолку, чтобы справиться с набежавшими слезами. – Для меня это слишком абстрактно.

– Понимаю. Да и как постигнуть ход мыслей больного мозга, не будучи самому сумасшедшим?

Сабина посмотрела в окно. За башнями собора поднималось солнце. Открылась дверь кабинета. В проеме стоял Симон с тяжелой сумкой через плечо. Он с удивлением уставился на Снейдера.

– Вы здесь? Растения думать не мешают?

Снейдер бросил на него ледяной взгляд.

– Нет. Но из-за вашего присутствия мне не хватает кислорода.

«Мне тоже», – подумала Сабина. *Я видела тебя вчера с женой и обоими детьми!*

– Нет проблем, сейчас уйду. Бина, заправка ждет нас. Снейдер указал вверх.

– Вы поставили мне чайник ванильного чая?

– Вы сами можете его принести. Я должен уехать.

– Никогда этого не делал и начинать не собираюсь. – Снейдер взглянул на свои тонкие часы Swatch. – Нам нужно еще пять минут, чтобы закончить разговор. А вы сделайте что-нибудь полезное в это время, заварите чай... а сейчас исчезните!

Симон закатил глаза и закрыл дверь. Снейдер обернулся к Сабине, словно их и не прерывали.

– Наш преступник с невероятной ловкостью получает контроль над своими жертвами.

Он придвинул стул, оседлал его и оперся руками на спинку. Эта непринужденная поза не шла ему, но в настоящий момент он, видимо, не заботился об имидже.

Посмотрел на Сабину через стол.

– Он нанесет удар только тогда, когда будет уверен, что одержит верх. Поэтому ищет слабое место жертвы. Он не знает раскаяния. Обычная совесть могла бы остановить его. Но для нашего убийцы не существует границ, ни пространственных, ни временных. Он чувствует себя непобедимым.

Непобедимым! Сабина подумала о пузырьке с чернилами, который ее отец нашел под дверью своей квартиры.

– Своим телефонным жертвам он тоже делал подарки?

Снейдер кивнул.

– Только это не подарки... а подсказки. В Лейпциге – обожженная прядь волос. В Кельне – черный кожаный собачий ошейник с именем Гретхен.

В книге так звали сестру злого Фридриха, вспомнила Сабина. Но это Снейдер наверняка уже выяснил.

– Речь идет о власти и контроле, – повторил Снейдер. – Хотя убийца дает своим жертвам сорок восемь часов, он наслаждается триумфом: ведь он всегда на шаг впереди.

– Он знает, что ни одна из подкинутых нам подсказок не сможет разоблачить его или навредить, – спонтанно пришло Сабине в голову.

– Правильно. Он гордится тем, что хитрее следователей. Его возбуждает риск быть пойманным. Нарциссизм – вот его ахиллесова пята. – Снейдер поймал взгляд Сабины. – Туда нам и нужно целиться!

Нам. Снова.

– Почему вы рассказываете мне все это? – спросила она.

– Потому что вы умнее своих коллег. И даже типов из ЛКА, которые вцепились в вашего отца, словно он опасный преступник. Мне было достаточно взглянуть ему в лицо, чтобы понять, что он не мог никого убить.

Сабине на глаза навернулись слезы.

– Тогда помогите ему!

– Так я этим и занимаюсь! По-вашему, зачем я здесь и выкладываю вам все факты дела?

Она вытерла щеки.

– Как я могу помочь?

– Это вы мне скажите!

Господи, откуда ей взять вот так сразу хоть какую-нибудь полезную мысль? Ее мозг заблокирован. С тех пор как Сабина прочитала протокол вскрытия, она спрашивала себя, почему убийца сделал это именно с ее матерью. Она засунула фотографии с мест преступления обратно в книгу.

– Этот психопат выбирает в жертвы любых женщин или каких-то определенных, которые соответствуют его историям?

Снейдер снова посмотрел на наручные часы.

– Не думаю, что это случайные женщины. Они должны иметь какое-то отношение к этой книге.

Сабина задумалась. Если здесь и существовала какая-то связь, то скорее между ее матерью и другой учительницей, чем помощницей адвоката из Кельна.

– Что-то должно связывать учительницу из Лейпцига и мою маму.

Снейдер отверг предположение:

– Я уже безуспешно искал. Десять лет назад во время пожара в начальной школе в Кельне, где ваша мама когда-то работала директором, были уничтожены все документы. В новых – никаких параллелей с Лейпцигом.

Загадочный пожар в кельнской начальной школе. С каким-то смутным чувством Сабина вспомнила тот случай. Причину так и не выяснили. Возможно, к пожару был причастен ее отец.

– Вы можете достать мне копию документов по школьной учительнице из Лейпцига? – спросила она.

Снейдер помотал головой.

– У меня связаны руки. Из-за вашей самодеятельности вам может грозить временное отстранение от должности. Я не могу позволить вам участвовать в расследовании. По крайней мере, официально. – Его формулировка оставляла лазейку.

– Тут должна быть какая-то связь – возможно, я ее найду, – настаивала Сабина.

– Если найдете, значит, я в вас не ошибся. – Впервые с момента их знакомства Снейдер улыбнулся, пусть всего на один миг.

Он встал, обошел вокруг стола и подтянул к себе клавиатуру.

– Я распечатаю для вас документы.

– С этого компьютера не получится.

– Если ввести правильные пароли, Белочка, это получится даже с сотового телефона.

Он открыл главное меню, через полицейский сервер подключился к своему компьютеру с выходом в Интернет и отправил электронные акты по делу Эльфриды Никич на принтер Сабины.

В следующий момент из лазерного принтера с шуршанием выползли три десятка мелко исписанных страниц.

Снейдер подошел и собрал листы в стопку.

– Здесь вы найдете и мои комментарии и пометки, – пояснил он. Потом передал стопку Сабине.

– Это значит, что я должна сохранить информацию в тайне.

– В противном случае завтра отправитесь чистить мужские туалеты в метро.

– Как великодушно.

– Знаю, спасибо. – Он подошел к двери. – Меня не интересует, *как* вам удастся обнаружить в документах связь с вашей матерью – мне важен только результат. У вас два часа, потом мне нужно в аэропорт.

Пот стекал у Хелен по затылку. Она обыскала весь кабинет Франка. Все папки, каталоги, регистраторы, записные книжки, письма и даже фотоальбомы, но ничего не нашла. Она перевернула его коллекцию керамики в стеклянной витрине, посмотрела за конституцией и томами энциклопедии Брокгауза и заглянула под тяжелую мраморную сову. Затем перерыла его одежду. Никаких фотографий, никаких телефонных номеров. Ни одного доказательства любовной связи с Анной Ленер или хотя бы маленького намека на другую женщину. На этот раз она не могла открыть ящик или тумбочку письменного стола. Франк забрал портфель – а с ним и ключ – с собой в офис.

Старинные напольные часы пробили половину девятого. Через тридцать минут придет ее первый клиент. Может, стоит попробовать с другого конца и начать искать у Анны Ленер?

Хелен прошла через зимний сад в свою приемную. Рядом с кабинетом для проведения сеансов психотерапии располагалось ее бюро. Вчера она просмотрела анкету с основными данными Анны, сегодня хотела взглянуть на протоколы и записи.

Она открыла папку на письменном столе и принялась искать какие-нибудь подсказки. Сначала Анна Ленер ходила к логотерапевту, чья практика находилась на аллее Бах, где живет сама Анна. Но у них не заладилось. Поэтому Анна стала искать альтернативу и наткнулась на Хелен. Терапия – до сегодняшнего дня пятнадцать сеансов – длилась уже шесть месяцев.

Анна работала в аптеке «У святого Ульриха». Это была интровертная угрюмая женщина, которая выросла без особой любви и заботы. Возможно, причина крылась в католической семье. Одна коллега убедила ее зарегистрироваться на интернет-сайте знакомств. Там она заводила интрижки. Но ни одни отношения не длились более двух месяцев. В основном все это были женатые мужчины, которые искали приключения с наивной женщиной.

Ты и с моим мужем там познакомилась?

На секунду Хелен закрыла глаза. На выписке со счета кредитной карты Франка она не видела никаких членских взносов за службу

знакомств. Может, они встретились у нее в приемной? Исключено. Анна всегда приходила по пятницам во второй половине дня. В это время Франк сидел на брифингах, а затем ехал в гольф-клуб.

Хелен перелистнула страницу. Во время сеансов речь всегда шла о том, что Анну тянуло к мужчинам старше ее. «Ищет чувства безопасности, защищенности; комплекс Электры», – записала Хелен. При этом женском аналоге эдипова комплекса девочка ненавидит свою мать и чувствует особую привязанность к отцу. Поспешный диагноз, который мог бы подойти многим женщинам. Хелен подумала о собственной жизни... и сердце болезненно сжалось. Пять лет назад ее родители погибли при посадке самолета на острове Мадейра. Шасси заклинило – и маленький самолет загорелся. Оба пилота и все восемь пассажиров сгорели. Хелен услышала о несчастье в новостях, и нехорошее предчувствие подсказало ей, что она больше никогда не увидит родителей. Официальное сообщение австрийского посольства в Лиссабоне добралось до нее лишь два дня спустя. Хелен словно провалилась в глубокую яму, и потребовалось несколько недель, чтобы осознать смерть родителей. К удивлению Хелен, отца она оплакивала больше, чем мать.

Через несколько месяцев после несчастья она оставила квартиру в Вене и вернулась в Грискирхен. Теперь она жила в доме, который построил отец. Муж старше ее на четырнадцать лет. Ничего удивительного; у родителей разница в возрасте составляла пятнадцать лет. Возможно, Хелен подсознательно копировала такие отношения.

Слеза капнула на листок с записями. Хелен вытерла ее. *Сосредоточься на Анне Ленер!* Во время терапии она старалась повысить самооценку Анны и внушить ей уверенность в том, что она интересная и привлекательная женщина. На одном из последних сеансов Анна рассказала, что с недавних пор у нее отношения с пожилым женатым мужчиной.

Франк!

Хелен сжала руку в кулак. Если память ее не подводит... она отогнала эту мысль. Что же за моральный урод эта Анна? Пришла к ней на терапию и в то же время спала с ее мужем. И вот теперь кто-то отрезал ей два пальца. Но кто? Бывший любовник? Кто-то, кому она продала в аптеке не те лекарства?

Хелен закрыла папку. Она бросила работу в полиции, чтобы навсегда забыть об уголовных делах, которые могли ее погубить. Хотя она на собственной шкуре узнала, что такое сокрытие фактов и мерзкая клевета, это решение далось ей нелегко. Открывая частную практику, Хелен пыталась создать для себя зону комфорта. И что в итоге? Она оказалась втянутой в историю с похищением и шантажом.

И прошлое не давало ей покоя. Самое позднее завтра вечером она встретится с Беном. Как в трансе она вытащила ключ из-под коврика и отперла канцелярский шкаф. Там хранились ее психологические заключения для суда. Документы по делу Винклера были конфискованы прокуратурой. В тонкой папке осталось всего несколько листов. Хелен вытащила их. Сверху лежала вырезка из бульварной газетенки. Статья с отвратительным заголовком: «Он насиловал, пытал и расчленил детей!»

Ниже – фото Кристофа Винклера, двадцать восемь лет, привлекательный, тип: миловидный зять. Такие парни всегда выглядят безобидно. Винклер работал в социальной службе и был обаятельным молодым человеком. Без судимостей, образцовый сотрудник.

Свободное время он регулярно проводил с Луисом, семилетним сыном соседей. Отец мальчика был каменщиком и зимой, как правило, сидел без работы, а мать жила на социальное пособие. Луис не хотел ходить в квартиру Винклера. Своим одноклассникам он говорил, что Винклер насилует его. Но родители все равно посылали его туда два раза в неделю. Видимо, деньги Винклера были для них неплохим подспорьем.

Но в один вечер Винклер так сильно травмировал мальчика, что Луис стал жаловаться на боли в животе и его пришлось отвезти в больницу. Врач установил разрыв промежности между анусом и мошонкой. Из-за повреждения ануса кишечные бактерии попали в брюшную полость. Через двадцать четыре часа ребенок скончался. Больница сообщила в полицию, подключились органы опеки и ведомство по защите несовершеннолетних, прокуратура начала расследование, и Хелен сделала для суда психологическое заключение по Винклеру.

После четырех бесед она диагностировала, что Винклер патологический насильник и ни разу не попался лишь потому, что был очень умен и ловко вел двойную жизнь. Хелен даже указала, что

родители мальчика знали о насилии и получали от Винклера деньги. Но Кристоф Винклер был сыном прокурора Йоханны Винклер, вот тут-то и начались проблемы.

Прокуратура отклонила заключение Хелен. Даже не стали проводить ДНК-тест, чтобы установить, прикасался ли Винклер к мальчику. Уголовная полиция якобы допрашивала не того. Было заявлено, что причина смерти ребенка кроется в семейных отношениях. Лечащий врач неожиданно записал в протокол, что Луис сам повредил себе анус во время игры. Просто маленькая царапина ногтем; больше ничего. Луиса спросить было уже нельзя, и Кристофа Винклера отпустили. Хелен не знала, какую сумму выложила прокурор Винклер, но кое-кто на этом деле наверняка обогатился.

В следующие два года в том районе, где жил Винклер, пропало четыре ребенка в возрасте от четырех до шести лет. Пятый из другой местности: Фло, сын Бена Колера. Винклера даже не заподозрили. Да и с какой стати? Заключение Хелен ведь так и не дошло до суда, а ее запросы на проведение теста на детекторе лжи, обыск дома и анализы ДНК были конфискованы. Но тут Винклер допустил ошибку. Собака лесника раскопала в Венском лесу часть трупа, завернутую в газету. Винклер выписывал эту газету. На обратной стороне была наклейка с его именем и адресом доставки.

В рамках обвинения снова вернулись к делу Луиса. СМИ вдруг стали задаваться вопросом, как это может быть, что психотерапевт оказалась не в состоянии предупредить о вероятном преступнике. Можно было бы спасти жизни пяти детей. Запросы Хелен на тест на полиграфе, анализ ДНК и обыск квартиры Винклера бесследно исчезли. Пресса, прокуратура, Федеральное ведомство уголовной полиции и отдел по расследованию убийств должны были найти виновного. Репутация Хелен была окончательно разрушена театральным выступлением начальника полиции. Она уволилась с должности психолога-криминалиста и больше не хотела иметь никакого отношения к уголовным делам. Хелен сожалела о прекращении сотрудничества с Оливером Брандштеттером. Во время всеобщего поливания Хелен грязью напарник Бена всегда относился к ней лояльно. Кроме того, ей помогли Франк и его друг адвокат.

Хелен подумала о похищении Анны. На этот раз она не спасует и не позволит сделать из себя козла отпущения. У нее осталось всего

двадцать три часа, чтобы спасти жизнь Анны, и появилась идея, как вывести похитителя на чистую воду. Она открыла анкету Анны с основными данными. В строке «адрес» стояло: аллея Бах, 33. Навигатор в машине найдет этот дом.

Тут раздался звонок в дверь. Почти девять часов. Хелен вышла из бюро и открыла дверь бывшего гостевого домика. На крыльце стояла мать-одиночка с пятилетней дочерью.

– Заходите, пожалуйста, и располагайтесь в комнате. Через минуту я приду к вам.

Пока мать с дочкой входили в дом, Хелен прошла в кабинет Франка. *Если не сделаешь это сейчас, то потом уже не решишься*, сказала она себе.

В ящике письменного стола Франка лежала связка с незнакомыми ей ключами от дома и квартиры. Но стол был заперт, потому что Франк забрал портфель с собой в офис. Хелен сдвинула тяжелую мраморную сову с книжной полки, на которой стояла энциклопедия Брокгауза, и перетащила к письменному столу.

– Посмотрим, знаешь ли ты Анну Ленер или нет, – пропыхла она и что было сил опустила скульптуру на замок. Деревянный ящик расщепился, металлический цилиндр выскочил наружу, а сова оставила трещину в новом паркете. Хелен выдвинула ящик. Ключи пропали!

Она торопливо отодвинула в сторону открывалку для бутылок, спички, сим-карты и кусачки для ногтей. Ключи лежали за коробкой Davidoff. Почувствовав облегчение, Хелен вытащила всю связку.

После сеанса психотерапии она наведается в квартиру Анны Ленер.

Колонович делал все возможное, чтобы сохранить мир и покой на своем участке. Поэтому Симон приготовил чайник ванильного чая и поставил его в бюро Снейдера. Потом занялся налетом на заправочную станцию – при этом в одиночку. Сабина объявила своему начальнику, что в связи со смертью матери ей нужно уладить кое-какие бюрократические дела – нанести визит адвокату и в страховую компанию. Она не знала, поверил ли ей Колонович, но с работы отпустил. Как-никак вчера он сам предлагал ей взять внеочередной отпуск.

Она поехала в квартиру своей матери в Швабинге^[13], вошла в желтый кирпичный дом на Винцерштрассе и поднялась по лестнице на мансардный чердак. Специалистов из экспертно-криминалистического отдела ЛКА здесь еще не было. Иначе на дверном замке висела бы новая пломба.

Квартира ее матери выглядела опустевшей. Спертый воздух в каждой комнате, как затхлое дыхание смерти. Сабина села на диван в гостиной и пролистала тридцать пять страниц дела Эльфриды Никич, которые ей распечатал Снейдер. Пятидесятивосьмилетняя школьная учительница, пенсионерка из Лейпцига, была привлекательной женщиной. Светлые волосы, стройная спортивная фигура, разведена, мать двух дочерей. Старшая дочь получила звонок Штрувельпетера и обожженную прядь волос. В деле содержались биография, перечень увлечений, интересов и привычек, подробный отчет о том, что она делала в последние две недели до похищения, а также показания друзей, родственников и бывших коллег.

Спустя полчаса Сабина захлопнула папку. Она прочитала достаточно о жизни абсолютно незнакомой ей женщины. И никаких ассоциаций, ни одной идеи. Она не видела никакой связи с ее матерью, за исключением того, что обе женщины были приблизительно одного возраста, разведены и имели двоих детей. К документам прилагался список имен учеников и коллег-учителей в алфавитном порядке, с которыми Эльфрида Никич работала. За тридцать пять лет профессиональной деятельности набралось немало. Сабина не знала никого из этого списка.

Мама, что связывало тебя с этой женщиной?

Снейдер рассказал ей, что сравнил список коллег и учеников Эльфриды Никич с таким же списком ее матери. Безуспешно. Но документы периода времени до пожара в кельнской начальной школе были уничтожены в огне. До сегодняшнего дня никто не знал, почему в кабинете директора начался пожар и все здание сгорело дотла. Но Сабина всегда подозревала неладное. Она вспомнила ту ночь десять лет назад, когда ее родители пришли домой со следами копоти на лице, в опаленной одежде и с пахнущими гарью волосами. Они сразу же приняли душ и затем выбросили одежду в мусорный мешок. В ту же ночь Сабина слышала, как они ссорились и в конце концов поклялись, что не проронят ни слова о том, что случилось. Сразу после этого последовал переезд в Мюнхен, а потом развод.

Однако существовала возможность добраться до документов того времени. Сабина знала, что ее мама сохранила классные журналы за все годы.

После того как она осмотрела комнаты в поисках школьных тетрадей и классных журналов, Сабине пришла в голову ужасная мысль, что документы, наверное, пылятся в подвале отцовской квартиры в Кельне.

Сабина стояла в подъезде перед входной дверью и смотрела на выдвижную лестницу на потолке, ведущую на чердак. Последняя надежда. Когда они с мамой и Моникой переехали из Кельна в Мюнхен, перетаскали туда десятки картонных коробок. Арендатору этой квартиры единственному не полагалось помещение в подвале, и владелец разрешил маме хранить личные вещи на общем чердаке. К тому времени их бабушка уже умерла. Разорившуюся ферму продали, чтобы покрыть долги. Оставшихся средств едва хватило на похороны бабушки.

Сабина забралась наверх и опустилась на колени рядом с люком. На чердаке высотой не больше полутора метров пахло деревом и стекловатой. На досках лежали дохлые мухи и осы. Со стропильных балок свешивалась паутина. Здесь наверху наверняка градусов на десять теплее, чем в доме.

У Сабины на лбу выступил пот. Пыль и мелкие опилки липли к рукам, когда она передвигалась по полу на четвереньках. Перед

каминной шахтой одна на другой стояли коробки со школьными учебниками. На язычке первой коробки маминой рукой было написано *Бина*. Внутри лежали учебники по биологии, химии и латыни, которые сохранились со времен ее учебы в спортивной гимназии. Выбери Сабина тогда другую профессию, наверное, не торчала бы сейчас здесь, а действительно занималась наследством матери, как заявила Колоновичу. Но уже в подростковом возрасте она знала, что пойдет в уголовную полицию, а потом собиралась учиться в БКА. Ее отец понял, что у Сабины обостренное чувство справедливости и она хочет помогать другим людям. Мама же всегда считала решение дочери простым упрямством. Будь по-ее, то Сабина тоже стала бы учительницей. *Если бы малышка хотя бы выдавала аудиогиды в музеях, как Моника! Но составлять психологические портреты преступников?.. Это же психологическая ерунда!*

Сабина вытерла пот со лба и посмотрела на часы. Еще час – потом кто-нибудь из участка отвезет Снейдера в аэропорт. Она принялась раскрывать коробки. В одной лежали учебники Моника, в другой их детские фотоальбомы и мягкие игрушки. Жираф, кролик Роджер, утка Даффи, Твити и кот Сильвестр – пыльные и выцветшие. И никаких классных журналов! В последней коробке хранилась только старая фарфоровая посуда, альбом со стихами Моника, жестяная банка со старыми монетами и пожелтевший фотоальбом, из которого выпал бумажный пакет формата А4. «Начальная школа Кельн 1989–2001» значилось на конверте – написано ручкой, маминым почерком. Сердце у Сабины забило быстрее. В этот момент она услышала через открытый люк, как внизу хлопнула входная дверь подъезда. Она затаила дыхание и прислушалась. По ступеням поднимались двое мужчин.

Сабина быстро подползла к выдвижной лестнице и посмотрела через отверстие на лестничную площадку. Один мужчина что-то спросил, но она не расслышала.

– ...на самом верху, – ответил другой.

Сердце Сабины колотилось где-то в горле. Ни один из голосов не показался ей знакомым. Если это сотрудники экспертно-криминалистического отдела ЛКА, ей нужно немедленно исчезнуть. Она согнула конверт с фотографиями, сунула его в нагрудный карман и спустилась по лестнице. Дверь в квартиру ее матери все еще стояла

открытой. Пломба оперативного отдела, которой Симон опечатал дверь, была сорвана. Сабина вытащила из сумки новую.

Проклятье! Распечатки Снейдера все еще лежат на журнальном столике рядом с диваном. Она бросилась в гостиную, сунула бумаги под мышку и выскочила из квартиры. Парни как раз поднялись на третий этаж.

– Они уже опросили жильцов дома?

– Нет.

Сабина тихо закрыла дверь со взломанным замком. Быстро наклеила новую пломбу на дверную раму. Когда мужчины добрались до четвертого этажа, Сабине как раз хватило времени, чтобы залезть на первую ступень выдвижной лестницы. В следующий момент оба, тяжело дыша, появились на этаже.

Сабина сделала вид, что спустилась с чердака. Вытерла пот со лба и, прежде чем полицейские успели что-либо сказать, спросила:

– Вы морильщики крыс?

– Нет, – ответил тот, что повыше.

Сабина запахнула куртку так, чтобы не было видно ни ее служебного оружия, ни полицейского жетона.

– Эта чертова куница с ума нас сведет! – выругалась она. – Она как-то пробирается внутрь. Уже две недели в ловушке лежит куриное яйцо, но эта сволочь к нему не подходит.

Сабина сложила выдвижную лестницу и протиснулась мимо мужчин. Она чувствовала, как парни смотрят ей вслед.

Оказавшись на улице и вдохнув теплый весенний воздух, она огляделась. К счастью, других сотрудников полиции у дома не было. Сабина вытащила согнутые фотографии из конверта. Всего двенадцать снимков по числу лет работы. Мамины классы из кельнской начальной школы; три раза по четыре года. Надписи на обратной стороне выцвели, но их можно было разобрать: здесь подписались ученики и учителя-коллеги.

Около одиннадцати Сабина ворвалась в участок и, как назло, налетела на Колоновича.

– Черт побери, что ты здесь делаешь? – набросился он на нее. – Ты уже все уладила в учреждениях?

– Где Снейдер? – спросила она.

Колонович побагровел от ярости.

– Из-за того, что тебе нужно решить личные вопросы, Симону пришлось одному выполнить всю работу. Ничего страшного, но почему ты тут околачиваешься?

Она побежала к лифтам.

– Снейдер еще здесь?

– Понятия не имею. Коллега из ЛКА был здесь и хотел поговорить с тобой, – крикнул он ей вслед. – Что, черт возьми, происходит?

– Потом объясню. – Сабина поднялась на лифте на следующий этаж и кинулась к переговорной комнате. Уже издалека заметила, что пальмы исчезли из коридора. Комната была пуста. Ноутбуки Снейдера исчезли. У двери стоял только огромный красный жесткий чемодан «Самсонит». В этот момент из туалета рядом вышел Снейдер. Его лицо было белым, как стены отделения патологической анатомии. В каждой руке, между большим и указательным пальцами, торчало по игле.

– Вам опять плохо? – спросила она.

– Нет, я чувствую себя великолепно, – пробормотал он. – Я ведь так люблю летать, стоять в очереди перед выходом на посадку, не говоря о тесноте в самолете и узких сиденьях. А впереди или позади меня обязательно кричит младенец.

Какой же он все-таки циничный гад! Сабина сунула ему в руку фотографии маминых классов.

– Я сравнила имена учеников и коллег мамы и Эльфриды Никич. За двенадцать лет пять совпадений: четыре ученика и один учитель.

Снейдер посмотрел на обратную сторону фотографий, и его взгляд просветлел. В тот же момент лицо приобрело более естественный цвет.

– Вызовите такси, заварите чайник ванильного чая и приходите через полчаса ко мне в бюро. Мне нужно сделать несколько звонков.

С этими словами он захлопнул перед ее носом дверь.

Через тридцать минут Сабина зашла в комнату для переговоров. Огромные, до потолка, пальмы снова красовались в коридоре. Снейдер достал только один ноутбук и подключился к сети. В помещении пахло чаем – и травкой. В пепельнице лежал затушенный косяк.

– Что вы узнали? – спросила Сабина.

Он откинулся на стуле и сложил руки на затылке, словно выполнил весь объем работы на сегодня.

– Этих пятерых разыскивают.

Снейдер развернулся вместе со стулом, закинул ноги на подоконник и уставился в окно.

– У меня есть хорошая и плохая новость.

– Сначала плохую.

– Позвольте мне определить порядок, – отрезал он. – Я хочу включить вас в свою команду по расследованию дела Штрувельпетера.

У Сабины перехватило дыхание.

– Это хорошая или плохая новость?

Снейдер опустил ноги, повернулся к ней и окинул растерянным взглядом.

– Хорошая, конечно!

– Из кого состоит команда?

– Из меня, – ответил он, как будто это само собой разумеется. – Существуют стандарты качества, которыми руководствуется команда, – я работаю по-другому.

Этонисколько не удивило Сабину. Снейдер производил впечатление кого угодно, только не обычного следователя.

– А плохая новость?

– ЛКА хочет вас допросить.

– Я уже знаю.

– Но не все, – поправил ее Снейдер и наклонился вперед. – Коллеги оказались не такими ленивыми, как я думал. Каким-то образом они выяснили, что вчера вы направили запрос в «Дедал» в связи с убийством вашей матери. Всего за последние пять недель вы три раза подключались к программе «Дедал» через IP-адрес вашего компьютера. Хотя содержание этих запросов не было запротоколировано, прокурор предполагает, что вы уже тогда получили доступ к способу совершения убийств Штрувельпетером.

– Это неправда, я искала...

Снейдер поднял руки.

– Это не имеет никакого значения! Речь идет о следующем: возможно, ваш отец прочитал в газете об убийствах учительницы из Лейпцига и помощницы адвоката из Кельна. Когда вы говорили с ним по телефону в последний раз?

Сабина поняла, куда он клонит.

– Отец не Штрувельпетер!

– Это знаем мы оба, – перебил он ее. – Но ЛКА подозревает, что ему был известен модус операнди, и он хотел повесить убийство бывшей жены на этого киллера.

– Какая ерунда!

– Возможно, но церковь, прокуратура и Земельное уголовное ведомство требуют быстрых результатов расследования. На следующей неделе в Мюнхене соберется высшая католическая шушера, чтобы отслужить в соборе торжественную мессу. К тому времени убийство должно быть раскрыто. – Снейдер махнул рукой. – Но если коллеги возьмут вас в оборот, вы будете бесполезны для меня и моего расследования. Есть только одна возможность избежать допроса. И тут мы снова возвращаемся к хорошей новости. – Он натянул любезно-презрительную улыбку. – Вы сопроводите меня в Дрезден. Чтобы получить приказ БКА о вашей командировке, мне достаточно сделать один телефонный звонок. – Он щелкнул пальцами.

– Сейчас?

– Если не сейчас, то когда?

Это было и так ясно. Сабина посмотрела на часы.

– До Дрездена пятьсот километров.

– Точнее, четыреста шестьдесят, если мы поедем через Нюрнберг и Хемниц. Служебная машина мюнхенской уголовной полиции уже стоит внизу с полным баком. Если вы поддадите газу, мы будем на месте через четыре с половиной часа.

– Я поведу? – спросила Сабина.

– Уж точно не я, – быстро ответил Снейдер.

Конечно, у него ведь нет водительских прав.

– Что мы будем делать в Дрездене?

Снейдер захлопнул ноутбук и вытащил кабель из розетки.

– Не забудьте удостоверение, служебное оружие и книгу «Штрувельпетер». Остальное я объясню вам по дороге.

Прежде чем выйти из дома, Хелен нарядилась в блузку, пиджак и темно-синюю юбку. От Грискирхен до южной окраины Вены ей понадобилось всего пятнадцать минут на машине. В полдень на дорогах всегда свободно. Она невозмутимо следовала указаниям навигатора до аллеи Бах.

На протяжении всего пути она разговаривала по телефону через устройство громкой связи в автомобиле. Сначала с кейтеринговой компанией, которая должна была приехать завтра утром – с переносными холодильниками, мясными закусками и средиземноморским меню. Официанты будут подавать шампанское и элитные вина, повар на глазах у всех приготовит шашлычки из креветок и паэлью в огромной сковороде на открытом огне. В конце гости соберутся в коктейльном баре.

Музыкальная группа должна подъехать к четырем часам и установить свое оборудование, а также фотограф с ассистенткой, чтобы оценить место съемки. Хотя дождя не обещали, Хелен уже неделю назад заказала для музыкальной группы и сорока гостей шатер, который должен быть установлен в саду. Умная женщина должна быть готова ко всему. По ней, так пусть льет хоть как из ведра. Самая подходящая погода на день рождения ее мужа.

Она въехала в Зибенхиртен, южный район Вены, зеленую местность, где один ухоженный садик граничил с другим. Повернув в аллею Бах, Хелен выключила сотовый телефон. Здесь было полно свободных парковочных мест. Рядом со стоянкой – табличка с информацией о психотерапевтической частной практике. Хелен притормозила, опустила стекло и прищурилась. «Доктор медицины Роза Харман, – значилось на табличке. – Логотерапия и экзистенциальный анализ по Виктору Е. Франклу». Должно быть, это коллега, к которой раньше ходила Анна Ленер и с которой у нее не сложилось. Хелен уже слышала о Харман. Говорили, что она корифей сеансов психотерапии, но лично знакомы они не были.

Хелен медленно проехала мимо парка и автобусной остановки и наконец достигла нужного дома – 33. Современное шестиэтажное здание с балконами и подземным гаражом. Небольшие самшитовые

деревья в мраморных горшках и широкий стеклянный фасад напоминали вход в какой-нибудь конгресс-центр. Анна всю жизнь работала, не имела ни семьи, ни детей, все отпуска проводила дома. И все равно Хелен недоумевала, как обыкновенная сотрудница аптеки могла позволить себе квартиру в этом районе.

Она припарковалась перед домом. На стене висел современный домофон с дисплеем. Хелен разобралась с меню управления. Всего в этом блоке было пятьдесят квартир. Анна Ленер жила на последнем этаже, в квартире под номером сорок восемь. Хелен вышла из меню домофона и достала из сумочки связку ключей, которую стащила из ящика письменного стола Франка.

Наступил момент истины. Хелен мечтала, чтобы все оказалось ошибкой, и это был просто ключ от шкафчика Франка в гольф-клубе. Дрожащими пальцами она поднесла к замку ключ, и тот легко скользнул в отверстие. Дверь открылась с легким щелчком. Не веря своим глазам, Хелен уставилась на щель.

Чего ты ожидала, дуручка? Она вошла. Внушительных размеров холл был выложен кремовой плиткой. На верхние этажи вела хромированная лестница. Рядом располагался лифт с овальной стеклянной кабиной. Солнце освещало шестиэтажное помещение через стеклянную крышу. В холле чувствовался запах сырой земли. Вероятно, управляющий домом только что полил многочисленные самшитовые деревья в коридорах. Хелен направилась к лифту, стуча каблуками по напольным плиткам. То здесь, то там слышалось щелканье дверей, эхом раздающееся по зданию.

Хелен провела рукой по сенсорной кнопке лифта. Кабина с мягким гудением повезла ее наверх. Она чувствовала себя манекеном в витрине. Судя по панели с кнопками, в здании еще три подземных этажа: там располагались бутики, парикмахерская, маникюрный салон, велнес-центр, солярий, сауна и гараж. Этот жилой дом был просто оазисом богачей на краю большого города.

Хелен вышла из лифта прямо под плоской крышей. С высоты птичьего полета холл внизу выглядел потрясающе. И здесь архитектор поработал со стеклянными элементами и добился того, чтобы в здание проникало больше солнечного света, чем нужно.

Оранжевый ковер поглощал все звуки. Перед дверью с номером 48 Хелен остановилась. Конечно! Замок был взломан. Бен Колер

сказал ей, что кто-то силой проник в квартиру и, вероятно, похитил оттуда Анну. На дверной раме во многих местах остались отпечатки от широкой стамески. Тем не менее дверь закрывалась, если не считать небольшой щели в деформированном дереве. Видимо, управляющий дома как мог отремонтировал дверь.

Над замком была приклеена пломба уголовной полиции. Недолго думая, Хелен сорвала ее и вставила в замок ключ поменьше. Цилиндр заскрипел, когда она повернула задвижку в сторону. Дверь подавалась с трудом, но Хелен нажала сильнее и открыла ее.

На мгновение Хелен заколебалась. Она совершит уголовное преступление, если войдет в квартиру? Но ведь она уже взломала ящик письменного стола Франка. Пути назад больше нет. Она должна найти ответ. Хелен вошла внутрь и прикрыла за собой дверь.

Квартира была стильно обставлена. Репродукции на стенах, романы семидесятых годов в кожаных переплетах, шкафы-витрины, металлические светильники, стол со стеклянной столешницей, кожаный диван, орхидеи на подоконниках и хромированная кухня с деревянными панелями. *Покажи мне, как ты живешь, и я скажу, кто ты.* Но кто же, черт возьми, была эта Анна Ленер?

В каждой комнате Хелен удивлялась заново. Помещения выглядели холодными, но экстравагантными. Они не вязались с образом Анны, который сложился у Хелен. Но это та самая квартира. Ключ подходил, дверь взломана, и на табличке стоит имя Анны.

На комодах стояли рамки для фотографий, но некоторые снимки отсутствовали. Одно фото было даже разорвано посередине. Похититель Анны заметал следы, которые указывали на него?

Хелен вошла в ванную комнату. В зеркальном шкафчике она обнаружила не только обычные женские средства по уходу, но и пену для бритья, лосьон после бритья и одноразовые бритвенные станки. Хелен испытала дежавю. Франк использовал бритву «Жилетт Мак-3», утверждая, что электрические бритвы вырывают его волосы с корнем. На мгновение Хелен показалось, что она находится в собственной ванной, когда увидела голубую упаковку «Жилетт». Кроме того, Франк также пользовался голубым лосьоном после бритья Osean от Уилкинсон.

А чего ты ожидала, дуручка? Что у него есть ключ к этой квартире, но он здесь не принимает душ и не бреется?

Заткнись!

Хелен захлопнула дверцу шкафчика. И уставилась на себя в зеркало. Почему он с ней так поступал? Почему приходил сюда? Как часто? Каждую неделю? Она недостаточно хороша для него? Всего два года в браке и к тому же на четырнадцать лет моложе! Этого мало?

В трансе она открыла душевую кабину. На верхней угловой полочке стоял черный тюбик с гелем для душа «Давидофф».

Франк, ты такой предсказуемый!

Запах другой женщины или нового средства для бритья Хелен бы почувствовала – и Франк это знал.

Что же ты наделал, сукин сын?

Хелен закрыла глаза и попыталась поставить себя на место мужа.

Ты не можешь дозвониться до Анны в понедельник утром. Вместо нее включается сообщение, записанное странным голосом. Несколько часов спустя ты едешь к ней в квартиру. Надеешься, что Анна дома, потому что твоя связка ключей осталась в кабинете. Но дверь взломана. Тыходишь в квартиру. Анны нет. Ты паникуешь. Взломщик ничего не нарушил, но ты мечешься по квартире, вытаскиваешь фотографии из рамок и отрываешь свое изображение. Затем стираешь отпечатки пальцев, анонимно звонишь в полицию и заявляешь о пропаже человека.

Но, Франк, ты допустил одну ошибку. Ты не зашел в ванную комнату! Но разве ты мог знать, что я загляну сюда?

У Хелен так сильно стиснуло грудь, что она едва могла дышать. Вообще-то она увидела достаточно. В спальню ей заходить не обязательно. Повсюду и так многое указывало на Франка. И все равно она это сделала. Возможно, она должна была мучить саму себя, чтобы рана в сердце стала еще больше и она могла еще сильнее ненавидеть Франка за все, что он ей сделал.

От вида двухспальной кровати, черных шелковых подушек и кремового покрывала у нее разрывалось сердце. *Франк, ты лежал в этой постели? Обнаженный и вспотевший? Вытирал салфеткой сперму с члена? Твои пальцы пахли этой женщиной?*

Каждый пятничный вечер? Не поступай так со мной...

Я ухаживаю за тобой, когда ты болеешь, и ободряю, когда ты проигрываешь дело. Пожалуйста, не поступай со мной так! Хотя бы

скажи, что это был всего лишь секс. Что ты не любишь эту женщину!

Она открыла прикроватную тумбочку и в тот же момент возненавидела себя за это. В ящике лежали маленькие черные трусики, тюбик интимного геля, свечи, ароматические масла и массажные кремы. Какой ужас! Больше всего Хелен хотелось вырвать ящик и выбросить его в окно. Что за шлюха эта Анна Ленер? Маленькая серая мышь, которая работает в аптеке и которую постоянно используют мужчины, ее знакомые с интернет-форумов? Вряд ли.

Возможно, это она использует мужчин. Иначе как она могла позволить себе такую квартиру? Видимо, Франк спонсировал ее не только рубиновым кольцом, а взамен мог приходить в любовное гнездышко и натирать тело Анны массажным маслом и проникать в нее, используя гель-смазку.

Хелен затошнило. Она резко задвинула ящик и открыла гардероб. На уровне глаз аккуратными стопками лежало черное и сиреневое белье. В глубине она заметила накрахмаленный воротничок рубашки и вытащила ее. Голубая, сшитая на заказ мужская сорочка с вышитыми на груди инициалами Ф. Б., которые Хелен очень хорошо знала, потому что сама покупала такие рубашки в итальянском дизайнерском ателье Бернардни & Салюччи. Все в этой квартире указывало на то, что ее муж уже много лет ведет двойную жизнь с Анной.

– Мерзкая свинья! – выкрикнула Хелен и вышвырнула нижнее белье из шкафа. – В спешке ты забыл одну из сорочек!

Она начала выбрасывать все подряд из отделений шкафа. Плавки, носки, чулки, футболки, бюстгалтеры и свитера. Схватила с другой полки стопку блузок и раскидала их по комнате. Разрушать оказалось так приятно. Хелен удивлялась самой себе, но не останавливалась и выдернула несколько пуловеров из следующего отделения. Какое фантастичное ощущение наводит беспорядок в этой квартире! Неожиданно ее пронзила боль. Из глубокого пореза на пальце сочилась кровь. Хелен лизнула рану и почувствовала горьковатый вкус крови. Сердце колотилось как бешеное.

Чем она порезалась? На полу среди одежды лежали рентгеновские снимки. Вероятно, Хелен в припадке ярости дернула за них и поранилась о край. Тяжело дыша, она опустилась на колени. Это оказались не рентгеновские снимки, а фото УЗИ. УЗИ плода!

Хелен выпустила палец изо рта и подняла снимки. На них был изображен ребенок на третьем месяце. Это ребенок Анны? Как такое возможно? Анне сорок пять, и она беременна? Судя по дате на краю снимков, она должна быть уже на шестом месяце, но Хелен ничего не замечала. Кроме того, Анна ни словом не обмолвилась о беременности во время сеансов.

Хелен стало плохо. Неужели Франк отец?

Снимки выпали у нее из обессиленной руки. На краях отпечаталась кровь. Хелен откинулась назад и прислонилась спиной к шкафу. Что она натворила? Спальня выглядела так, словно по ней прошелся Чингисхан со своей Ордой. Больше всего ей сейчас хотелось задушить Франка, а вместе с ним и Анну. Но об Анне уже позаботился кто-то другой. Из-за собственных проблем Хелен совершенно забыла о похитителе Анны.

Почему парень выбрал именно Хелен для своей жуткой игры? Какое отношение она имеет ко всему этому? Хорошо, она психотерапевт Анны, а у ее мужа связь с этой шлюхой. Но разве этого достаточно, чтобы втягивать ее? Вряд ли. За этим должно скрываться нечто большее.

С каждый часом шансы Анны выжить уменьшались. Гнев распирает Хелен. Именно она должна спасти эту женщину? С какой стати? Да пусть изверг отрежет ей все пальцы и пошлет в коробочках. Пусть она сдохнет! Анна это заслужила. Какое Хелен до всего этого дело? Пусть Франк заботится о своей любовнице, которую он якобы не знает и которая, возможно, даже ждет от него ребенка.

Какая мерзкая шутка!

Хелен считала себя идеальной женой для Франка. Он ненавидел детей – а она любила, ей так хотелось ребенка, но она не могла иметь собственных. А единственный малыш в ее жизни, сын Бена Колера Фло, стал жертвой убийцы и насильника. И теперь другая женщина родит Франку ребенка! По лицу Хелен текли слезы.

Одно она знала наверняка. Франк имел непосредственное отношение к этому делу. Возможно, даже знал похитителя Анны.

В углу снимка УЗИ стояла фамилия гинеколога Анны. Хелен сложила снимки, сунула их в сумочку и покинула квартиру.

– Жмите же на газ! – Снейдер потянулся к рулю и нажал на гудок.

– Уберите руки! – шикнула на него Сабина. – Я веду!

Они мчались по автобану в Дрезден на скорости сто восемьдесят километров в час. Сабина перестроилась и обогнала «мерседес». У служебного автомобиля под капотом было 190 лошадиных сил, и он доставит их к цели быстрее, чем рассчитывал Снейдер.

Бледный, Снейдер опустил на свое место. Он отодвинул пассажирское сиденье максимально назад, чтобы удобно вытянуть ноги. Тут в пятый раз зазвонил его айфон. Несколько слов – и он завершил разговор, сунул сотовый в карман. С тех пор как они выехали из Мюнхена, он постоянно висел на телефоне. Но большинство разговоров были непонятны Сабине.

– Расскажите же мне, наконец, что нам нужно в Дрездене? – спросила она.

Снейдер потянул за ремень безопасности, словно тот грозил его задушить. На мгновение пола его пиджака распахнулась. На черной водолазке мелькнула плечевая кобура. Сабина узнала «Глок-17» по черной рифленой рукоятке. Сама она взяла свой «вальтер», как велел Снейдер.

– Из пяти людей, которые ходили в начальную школу в Кельне, а потом в среднюю школу в Дрездене, один уже умер, – объяснил Снейдер.

– Убит?

– Рак кишечника, скончался три года назад. Бывший ученик. К нашему делу отношения не имеет. Четырех остальных разыскивают. Мы знаем, по каким адресам зарегистрированы трое, место жительства одного неизвестно.

Сабина подозревала, что как раз этот человек его особенно интересует.

– Как его зовут?

– Карл Бони.

Она вспомнила это необычное имя, которое бросилось ей в глаза, когда она сравнивала подписи на оборотной стороне маминых фотографий со списком учеников Эльфриды Никич. На протяжении

всех четырех лет почерк Карла оставался детским, словно он держал ручку зажатой в кулаке и старался красиво вывести буквы своего имени. Светловолосый мальчуган с правильными чертами лица, на голову выше своих одноклассников.

– Мы не знаем ни места его жительства, ни места работы, ни где он находится в настоящий момент. Коллеги в Висбадене занимаются этим сейчас, но прежде, чем появятся первые результаты, пройдет минимум еще двадцать четыре часа.

Это все равно не объясняло, зачем они едут в Дрезден.

Снейдер помассировал виски.

– Шестого ноября Карлу Бони исполняется двадцать четыре года. Автомеханик. Его отец умер от сердечного приступа три года назад. Точно за четыре дня до Рождества. Мать еще жива, но ее реальное местожительства нам также неизвестно.

У Сабины появилось нехорошее чувство.

– Мать и сына убили?

– Может быть. Тетя Карла Лора все еще жива, это сестра его отца. Она живет в Дрездене.

– Мы едем к его тете? – вырвалось у Сабины. Невольно она убрала ногу с педали газа. Как раз обогнав грузовик, она чуть откинулась назад на сиденье.

– Не сбавляй скорость! – потребовал Снейдер и помахал рукой. – Семья Бони раньше несколько лет жила у этой тети.

– Поверить не могу. Мы мчимся на бешеной скорости в Саксонию, только чтобы навестить эту старую тетушку Лору. Почему нельзя просто позвонить ей?

Снейдер взглянул на Сабину, как будто она оскорбила его умственные способности.

– Я пытался. Никто не подходит. С шестого мая она бесследно исчезла.

Теперь Сабина начинала понимать. Действия Снейдера укладывались в определенную систему.

– Кажется, что кто-то решил истребить всю семью.

Какое-то время оба молчали. Наконец Сабина переварила новую информацию и громко резюмировала:

– Все это как-то взаимосвязано...

– Разумеется! – перебил ее Снейдер. – Если я вырву себе на заднице волос, то глаз заслезится!

Какой же он все-таки козел! Сабина никак не отреагировала на его комментарий. Вместо этого сказала:

– Помощницу адвоката из Кельна похитили шестого апреля, а тетя Лора исчезла шестого мая. Учительницу из Лейпцига похитили двадцатого апреля, а мою маму двадцатого мая.

Снейдер поморщился.

– Интересное наблюдение, Белочка.

– Хотя я не курю травку, – ехидно ответила она.

Он проигнорировал ее язвительный намек.

– Карл родился шестого ноября, а его отец умер двадцатого декабря. Рождение и смерть. Две памятные даты, – размышлял вслух Снейдер. – У меня как будто есть решение, но оно не подходит к моей задаче.

– Кем был отец Карла по профессии? – спросила Сабина.

Снейдер посмотрел на нее отсутствующим взглядом, словно мыслями был где-то далеко-далеко.

– Ни за что не догадаетесь. Органист в церкви и специалист по произведениям Баха.

При мысли об этом у Сабины по коже побежали мурашки. Неожиданно у нее перед глазами снова возник образ матери – с трубкой в горле и раскрытым ртом, гротескно замершей в трупном окоченении.

– Перед тем как найти труп моей матери, смотритель церкви слышал музыку Баха.

– По крайней мере, он так утверждает. Но все это как-то не складывается. Соборы в Кельне и Мюнхене католические, церковь Святого Фомы в Лейпциге евангелическая. Это имеет какое-то отношение к Баху и органной музыке, но я не нахожу разумной взаимосвязи в этой дерьмовой церковной системе.

Сабина вздрогнула. Ей снова вспомнилось выражение «католическая шушера».

– Ваше богохульство действует на нервы, – коротко заметила она.

– Как я могу оскорблять то, чего даже не существует? Я не верю ни в Бога, ни в черта.

– Во что-то вы должны верить.

– В то, что однажды я умру.

Какое убожество.

– Science flies you to the moon, religion flies you into buildings^[14], – процитировал он известное высказывание. – Я верю в науку, психологию, в силы Луны и в то, что однажды рак щитовидной железы станет излечим, – но не в западные религии.

Они проезжали мимо бесконечного ряда огромных ветряков.

– Буддизм вас устраивает?

Снейдер кивнул.

– Дзен-буддизм.

– Поэтому у вас лысина?

Он не ответил. Сабина вдруг подумала о трех пальцах, которыми он унижал людей.

– Вы можете объяснить мне разницу между дзен-буддизмом и другими религиями в трех простых предложениях?

Типичная презрительная ухмылка мелькнула на его губах.

– Это я могу объяснить вам даже в одном предложении: западные религии основаны на идее спасения, восточные – на идее самоискупления.

Самоискупление! Неплохо! Это подходит такому эгоцентрику, как Снейдер.

– Я бы с удовольствием пофилософствовал с вами на эту тему, но мне нужно сделать еще пару звонков, прежде чем мы приедем в Дрезден. – Он вытащил айфон.

– Кому вы звоните?

– Хочу немного поторопить коллег из ЛКА Саксонии. Нам нужен доступ в квартиру старой тетушки Лоры.

20. Пятый сеанс психотерапии

Тремя месяцами ранее

Роза Харман включила диктофон.

– Вторник двадцать четвертое февраля, семнадцать часов. Пятый сеанс с Карлом Бони.

Она положила прибор на стол. Потом сделала глоток из стакана. Бионапиток был горьким на вкус, но богатым витаминами.

– Выглядит отвратительно, – отметил Карл.

– Зато полезный. – Она наклонилась вперед и поставила стакан на стол. При этом движении в низу живота снова появилась эта проклятая боль. На мгновение она закрыла глаза и сжала зубы.

– Вам нехорошо? – Голос Карла звучал обеспокоенно.

– Спасибо, все в порядке, – солгала она. Эти чертовы спазмы становились все неприятнее день ото дня. Завтра она пойдет к гинекологу. Без предварительной договоренности, но это не проблема. Она хорошо знает этого врача. Он обследовал еще ее мать. Но отцу ребенка она ничего говорить не будет. Интуиция подсказывала ей, что возможные осложнения беременности его вовсе не огорчат. А без такого участия она сейчас вполне может обойтись.

Роза оперлась локтями на подлокотники и сделала медленный вдох и выдох.

– Наша последняя встреча состоялась почти четыре недели назад, – заявила она.

– Я болел гриппом, и у меня было много дел, – оправдывался Карл, спокойно сидя на диване. Его ладони были снова измазаны машинным маслом. Он рассматривал подушечки пальцев.

Роза улыбнулась.

– Ничего страшного. В конце концов, терапия должна быть сфокусирована на жизни, а не наоборот.

Вообще-то в такой ситуации ей стоило бы обратиться в суд. Но так как Карл регулярно бросал ей в почтовый ящик кассеты, Роза заметила, что он работает над собой. И хотела дать ему время.

Постепенно спазм в животе прошел. Боль отпустила. Какое облегчение! Но только вопрос времени, когда у Розы случится новый

приступ. *Не думай сейчас о ребенке! Сконцентрируйся на сеансе!*

Она указала на пять мини-кассет, которые лежали на столе.

– Большое спасибо за интересный материал.

Карл сделал вид, словно только что заметил эти кассеты.

– Вы их слушали? Я даже и не помню, что там наговорил.

Конечно, помнишь. Каждое слово.

Но ложь Карла не играла никакой роли. Он открылся эмоционально, впервые заговорил о своем детстве и выдал полезный материал.

– Вы можете вспомнить, когда записали первую кассету?

– Мне приснился ночной кошмар, и я наговорил всякого разного на диктофон, прежде чем отправиться на работу.

Речь на первой кассете была еще очень нерешительной. По гулко звучащему голосу можно было догадаться, что Карл записывал пленку в ванной комнате. Возможно, перед зеркалом над раковиной. Это объясняло, почему он обращается к себе во втором лице. «Ты, никчемный мерзкий бездельник!» На других записях он говорил уж быстрее, более свободно, словно научился давать волю чувствам. Но и там Карл говорил о себе во втором лице.

Бессмысленная попытка представить содержимое кассет как нечто незначительное. Желание Карла говорить было очевидно. Иначе зачем ему прилагать усилия и записывать еще четыре кассеты.

– Ночные кошмары продолжались?

– Почти каждую ночь.

– Сны могут быть полезными, – объяснила Роза. – Они показывают, что ваше подсознание перерабатывает вещи, от которых вы долгое время отмахивались. – Она через стол подвинула кассеты к Карлу. – Еще раз большое спасибо.

Тот удивленно на нее посмотрел:

– Они принадлежат вам.

– Только одна. Но это ваш материал. Пожалуйста, возьмите.

– Вы дали мне эти пять кассет. Мне они не нужны.

Роза изучала его. Судя по выражению лица, он действительно верил в то, что говорил. Возможно, не хотел признавать спасительное действие таких разговоров с самим собой. Он вытеснил из сознания факт покупки кассет, чтобы убедить себя в том, что должен наговорить для Розы пять пленок? Она оставила эту тему.

– Я с удовольствием поговорю с вами о содержании пленок.

– Зачем? Вы же все слышали.

Роза кивнула.

– Мы можем также поговорить о том, чего нет на кассетах. Например, о ваших школьных годах.

Карл пожал плечами. Очевидно, эта тема была для него приемлема.

– На наших последних встречах я узнала, что вы часто переезжали. – Роза полистала записи. – После детского сада в Вене вы окончили начальную школу в Кельне, среднюю школу в Лейпциге и выучились на автомеханика в Дрездене. Как вы себя чувствовали, когда вас вырывали из привычной обстановки?

Он посмотрел на потолок и наморщил лоб, словно воспоминания о тех событиях были давно позабыты.

– Не знаю... никогда об этом не думал. Мы должны были переезжать – маму и меня не спрашивали, хотим ли мы. Раз в несколько лет отец получал новое место органиста. Он играл во время месс в соборах.

– А ваша мать?

– А что ей оставалось? Она тоже искала новую работу.

– Это было тяжело?

– Она квалифицированная медсестра, а для ночных смен всегда кого-то ищут.

– Какую роль играла мать в вашем детстве?

– Никакой.

– Она вас била?

– Никогда.

– Будучи медсестрой... как она реагировала на синяки и ожоги у вас на груди и руках?

– Никак. Я их от нее прятал.

– Почему?

Он снова пожал плечами.

– Если бы мать их заметила, то поняла бы, что я не слушался.

– И это повлекло бы за собой последствия? – спросила Роза. – Вы действительно не слушались?

Он сверкнул на нее глазами, жилка на шее дрожала. Очевидно, Роза затронула болезную тему.

– Вы плохо себя вели?

Его голос стал чуть громче:

– А разве иначе отец обжег бы пятилетнего мальчика утюгом?

Роза подумала об ожогах на руках Карла ниже локтей. Если то, что он наговорил на кассеты, правда, то его тело было покрыто следами и других истязаний. Она представила, как изуродовано все его тело. Особенно сейчас, будучи беременной, она не в состоянии уяснить, как можно так издеваться над собственным ребенком.

– Дети пытаются понять, почему родители жестоко обращаются с ними, – объяснила Роза. – Инстинктивно они ищут причину в себе. Часто я слышу от своих клиентов такое: «Наверное, я плохой, иначе отец не бил бы меня».

Карл тихо ответил:

– Я благодарен отцу за его воспитание.

– Действительно? Насколько?

– Разве строгое воспитание не лучше, чем вообще никакого?

Даже если результат – наркотическая зависимость и три года условно?

– Думаете, ваша мама знала о методах воспитания вашего отца? – спросила Роза.

– Ее никогда не было дома.

– Где же она была, когда отец прибегал к таким наказаниям?

– Я уже говорил: у нее были ночные смены и дежурства в выходные дни.

– Думаете, вашего отца возбуждало то, что он причинял вам боль?

Взгляд Карла беспокойно метнулся к часам и обратно.

– Возбуждало? Что вы имеете в виду?

– В этой игре присутствовал сексуальный компонент?

Глаза Карла округлились.

– Как, простите?

По опыту Роза знала, что при настоящих эмоциях сначала всегда реагирует тело, а потом следуют слова. Возмущение Карла не было наигранным.

– Иногда в случаях насилия над детьми бывает, что...

– Никакого насилия не было! Какое слово! – Его голос дрожал. – Отец должен был воспитывать меня, как воспитывают других мальчиков.

– Конечно. – Роза сглотнула. – Знаете, ребенок видит многое другими глазами. Те явления, которые не в состоянии понять, он пытается оправдать перед самим собой. Я не утверждаю, что это касается вас, но многие дети считают себя омерзительными, злыми, с извращенными мыслями. Поэтому якобы заслуживают то, что получают.

– Такого не было, – возразил Карл.

– Значит, в ваших глазах отец не был садистом?

Он погрыз ногти.

– Конечно нет. Отец был глубоко верующим и придавал большое значение дисциплине. Думаете, такое воспитание приносило ему радость?

В этом Роза не была уверена. Однако она не располагала никакими доказательствами – ни от суда, ни от ведомства по защите несовершеннолетних, – по крайней мере, за то время, пока Карл жил в Австрии. У нее были только заявления Карла на кассетах. Если верить пленкам, отец два-три раза в неделю душил его пластиковым пакетом уже в пятилетнем возрасте. Позже мучил горячей свечой или осколками водосвятной стеклянной чаши и почти ежедневно бил – не важно, болел ли Карл, был ли у него жар или нет. По сравнению с этим спазмы в низу живота, которые не давали Розе покоя уже несколько дней, так что иногда по вечерам она даже разогнуться не могла, – пустяки.

Побои закончились только со смертью его отца, но продолжались в голове Карла. Результат – недостаток самоуважения на протяжении всей жизни. Возможно, последний разговор незадолго перед тем, как у отца отказало сердце, мог что-то изменить, – но Карл так и не узнал, что хотел сказать ему умирающий отец три года назад.

– Когда именно отец вас воспитывал? – Вообще-то Роза предполагала, что он бил сына, когда был пьян или когда Карл не слушался, но ответ оказался иным.

– Всегда за час до прихода матери. И тут же оказывал первую помощь.

Роза сглотнула. На какой-то момент она смогла поставить себя на место семи-, десяти- или четырнадцатилетнего Карла.

Каково это, всякий раз, когда мать уходила из дома, зная, что она вернется через несколько часов или на следующее утро? Когда отец

приближался или звал Карла? Из того, что Роза сейчас знала о его детстве, случаев сексуального насилия не было. Только телесные наказания! Возможно, отец Карла был садистом или религиозным фанатиком, который хотел всецело властвовать над сыном. Но чего-то в этой картинке не хватало – вопроса *почему?*

– На пленках вы упоминаете стихотворение, которое ваш отец часто повторял, когда он... применял к вам свои методы воспитания.

– Я его ненавижу.

– О каком стихотворении идет речь?

– Это просто рифмовки... ну то есть, я их уже не помню. – Он принялся грызть ногти. – Мы можем поговорить о чем-нибудь другом?

– Конечно. Выпейте глоток воды и сделайте глубокий вдох.

Плечи Карла тут же расслабились.

– Что вы скажете, если мы попросим вашего отца написать вам письмо?

– Он умер.

– Я знаю, но что могло бы содержаться в этом письме?

– Не знаю.

– А если бы вы знали?

– Пожалуйста, давайте поговорим о чем-нибудь другом! – Карл вытащил пальцы изо рта и вытер кровавый заусенец о джинсы.

– Хорошо, – вздохнула Роза. – О чем вы хотите поговорить?

– Когда у вас день рождения?

В первый момент вопрос ошарашил ее.

– Вас интересует мой знак зодиака?

Ее ответ должен был прозвучать дистанцированно и по-деловому, с толикой иронии. Втайне она спрашивала себя, не собирается ли он что-то подарить. Как же обидно ему будет, когда она отвергнет его подарок.

Карл покачал головой:

– Нет, просто день рождения.

– Зачем это вам? Мы должны сконцентрироваться на других проблемах.

– Я все равно уже погуглил в Интернете. У нас день рождения в один день. Но я хотел услышать это от вас, – разочарованно ответил он.

– Вы знаете, как я к этому отношусь. У нас осталось еще около пятнадцати минут. Как насчет расслабляющего упражнения напоследок?

Карл посмотрел на радиобудильник.

– Как хотите.

Роза встала и опустила ламели обеих жалюзи. Комната погрузилась в сумерки. Роза включила CD-плеер и приглушила медитативную музыку так, что она была едва слышна. Достала из шкафа маятниковый метроном и поставила на стол между собой и Карлом.

Карл беспокойно заерзал на диване и подвинулся назад.

– Это будет гипноз?

– Нет, но если вы не возражаете, мы попытаемся достичь глубокой релаксации. Это как аутогенный тренинг.

– После него я все буду помнить?

Роза невольно улыбнулась.

– Конечно. Я вас не заколдую – обещаю.

Карл напряженно ухмыльнулся.

– О'кей.

– Какое самое чудесное событие вы помните?

– Мой седьмой день рождения, – быстро ответил он.

– Прекрасно. Тогда возьмем ваш день рождения за отправную точку.

Щеки Карла дернулись, он был возбужден.

– О'кей.

– Хорошо. Расслабьтесь. Сядьте ровно, выпрямите спину, опустите руки и сосредоточьтесь на движении маятника.

Несколько секунд Роза наблюдала за ритмом дыхания Карла, потом наклонилась вперед, сдвинула гирьку маятника и подтолкнула его. Метроном начал медленно тикать.

Тик... так... тик... так...

– Дышите глубоко и размеренно, – сказала она спокойным голосом, подстраиваясь под такт метронома. – Сконцентрируйтесь на движении маятника. Вокруг вас все исчезает – становится темно. Ваш пульс замедляется. Вы слышите только этот ритм, и ваше сердце начинает биться в такт.

Тик... так... тик... так...

Хотя диктофон записывал этот сеанс транса, Роза взяла карандаш и блок на случай, если придется что-то пометить. Ее голос становился мягче.

– Ваши руки и ноги тяжелеют. Вы чувствуете ваши ступни на полу. Энергия течет по вашему телу. Ваш лоб холодеет. Приятное чувство спокойствия наполняет вас.

По всей видимости, Карл серьезно отнесся к происходящему. Спустя всего лишь минуту его веки чуть опустились. Дыхание стало глубже и медленнее.

– Когда вы вдыхаете, ваше сознание концентрируется на животе. – Роза сделала паузу. – Когда выдыхаете, ваше тело и сознание расширяются. Вдох... и выдох... закройте глаза.

В этот момент Карл закрыл глаза.

– Сейчас шестое ноября, – сказала Роза. – Ваш седьмой день рождения. Где вы находитесь?

– Я... – Карл замолчал. Каждый переживал подобное во время первого сеанса транса. Видимо, ему нужно было привыкнуть к звучанию своего голоса. – Я у себя в комнате.

– Выгляните в окно. Что вы видите?

– На улице темно. Я вижу верхушки кельнского собора. Обе башни напоминают скелет из пепла. Все еще кажется таким чужим. Мы лишь недавно переехали в этот город.

– Что вы делаете у себя в комнате?

– Я стою за дверью. Она чуть приоткрыта. Я подслушиваю.

– Что вы слышите?

– Отец и мать – они возбужденно шепчутся. Потом зовут меня. Я знаю, что произойдет в следующий момент. Но все равно притворяюсь, будто удивлен.

– Чему?

– В гостиной на столе стоит торт. В комнате темно, только семь свечек горят и одна большая свеча посередине. Мама держит в руке бенгальские огни. Пахнет Рождеством. Отец кладет мне руку на плечо и говорит: «С днем рождения! Теперь все будет хорошо, сын мой».

Роза записала последнее предложение.

– Вы знаете, что он имеет в виду?

Карл помотал головой.

– Что делает ваша мама?

– Бенгальские огни гаснут. Она обнимает меня, прижимает к себе, гладит по голове и говорит, чтобы я всегда был послушным хорошим мальчиком.

– А вы такой?

– В этот момент да. Я медленно иду к столу, чтобы посмотреть на подарки. Отец не хочет, чтобы я бегал. Я беру первый пакет и аккуратно снимаю ленту и бумагу.

– Ваш отец не хочет, чтобы вы просто разорвали упаковку?

– Нет.

– Что в пакете?

– Книжка с картинками. Отец говорит, что я должен быть осторожным и не запачкать страницы шоколадом и не порвать.

– Что это за книга?

– «Маленькая ведьма». В остальных пакетах другие иллюстрированные книги, рыцарский замок с пластиковыми фигурками, цветные карандаши, альбом для рисования, шарф и шерстяные зимние перчатки и желтая кепка – на следующий год, от солнца.

– Не футбольный мяч или фрисби? Не ролики?

Карл покачал головой, не открывая глаз.

– Слишком опасно.

Роза записала какие-то свои мысли.

– Что было потом?

– В гости приехала тетя Лора, сестра моего отца. Она специально прикатила на поезде из Дрездена и собирается остаться у нас на несколько дней.

– Специально? – переспросила Роза. – Из-за вашего дня рождения?

– Она так сказала.

– А вам как кажется?

Карл нахмурился.

– Там был этот мужчина, больше я ничего не знаю.

Этот мужчина!

Вот оно! Роза отложила карандаш в сторону.

– О чем еще разговаривают ваши родители?

– Женщины болтают на кухне. Отец подсаживается ко мне на пол, мы листаем книжку. Он объясняет мне, кто такая маленькая ведьма, и

рассказывает о ее вороне Абраксасе.

– Почему вы любите вспоминать этот день рождения?

– Потому что отец не бил меня в тот день.

У Розы во рту пересохло.

– В тот день вы были послушным?

Карл кивнул.

– Вы часто в детстве разбивали коленки, когда играли в футбол на улице? Или пачкали машинным маслом одежду и руки, пытаясь поправить соскочившую цепь на велосипеде?

– У меня не было велосипеда.

– Рассказывайте дальше. Что еще случилось этим вечером?

Карл зажмурился.

– Больше ничего.

– Как закончился день? – не отступала Роза.

– Отец почитал мне вслух книгу.

– А потом?

– Ушел.

– Куда он исчез? Он ушел из квартиры?

Карл наморщил лоб.

– Думаю, он пошел на кухню.

Ее пульс ускорился.

– Он был там один?

– Я... я понятия не имею!

– А если бы вы знали?

Он помотал головой.

– Вы знаете, – мягко настаивала Роза. Инстинктивно она знала, что Карл не случайно выбрал этот день. Возможно, его подсознание хотело сообщить ей то, чему он сейчас противился.

– Вы это знаете! Кто еще был на кухне? Ваша мама? Ваша тетя?

Карл наклонил голову. На лице отразилась гримаса.

– Да, возможно...

– Ваш отец был в ярости?

– Он кричал.

– Он сердился на вас?

– Нет, в тот день он меня не бил.

– Он сердился на вашу мать?

– Он кричал на нее из-за чего-то, что было раньше, а она плакала. Больше я не знаю – дверь была закрыта.

– Такое часто случалось?

– Нет, никогда. В тот вечер я рассматривал иллюстрации с Абраксасом. Где он сидит на крыше дома и ждет, когда маленькая ведьма вернется с шабаша.

– Что сказал ваш отец, прежде чем закрыть дверь?

– Ворон очень нагло ведет себя с маленькой ведьмой и...

– Что сказал ваш отец?

– Я не знаю!

– Подумайте о белой голубке. Представьте, что вы та самая белая голубка. Она знает!

Карл открыл глаза. Хотя ламели жалюзи были опущены, он заморгал.

– Я сказал, что не знаю, черт возьми!

– А белая голубка знает...

Лицо Карла покраснело.

– Какой бред!

– Скажите мне, – потребовала Роза.

– Чтобы я всегда слушался и хорошо себя вел! – Голос его сорвался. – Он напомнил это моей маме!

– А что еще? – продолжала Роза.

– Ничего!

Она наклонилась вперед.

– Что еще?

– Чтобы она больше не бросала семью! Теперь вы довольны? – Он почти с ненавистью выплюнул последние слова. Затем откинулся назад без сил.

Роза видела, как бешено колотится его сердце. Пока Карл вытирал слюну в уголке рта, она остановила метроном. Все закончилось. Карл неосознанно дал ей решающую подсказку. «Чтобы больше не бросала семью!»

– Спасибо. – Больше Роза ничего не сказала.

Карлу потребовалась минута, чтобы успокоиться.

– За что? – спросил он наконец.

– За то, что вы сказали мне правду.

– Я... я не знаю, правда ли это вообще, – промямлил он.

– Думаю, да. – Роза откинулась на спинку кресла. – Ваша мать грозила бросить семью, если вы будете плохо себя вести, дерзить или не слушаться, верно?

Карл пожал плечами:

– Возможно.

– Ваш отец любил вашу мать... может, даже преклонялся или боготворил?

– Наверное... думаю, да.

– Я тоже. И предполагаю, что ваш отец так строго воспитывал вас из боязни, что жена может его бросить. – Роза сделала паузу. – Снова бросить, – добавила она. – Возможно, не только из-за вашего плохого поведения, но и из-за другого мужчины.

Не исключено, что такое случалось часто, подумала Роза. Многие еще оставались непонятным. Что-то ведь толкало эту женщину в объятия других мужчин. Были ли это пациенты, женатые врачи или молодые санитары? Абсолютно не важно! Решающей была причина.

– Возможно, вы так часто переезжали, потому что ваш отец каждый раз хотел начать с вашей матерью и вами новую жизнь. – Роза вполне осознавала, как это прозвучало. Ее предложение подразумевало, что у матери Карла в каждом городе была любовная связь.

Карл посмотрел на радиобудильник.

– Наше время вышло.

– Я знаю, спасибо. Еще одно... – Роза немного подождала и, когда убедилась, что целиком завладела его вниманием, произнесла: – Возможно, именно это хотел сказать вам отец, лежа на смертном одре. Что он просит прощения за все наказания и что таким образом просто хотел сохранить семью.

– Ерунда!

Роза взялась за диктофон и выключила его. Они одновременно поднялись.

Она проводила Карла до двери.

– Подумайте об этом. – Она знала, что эта тема еще долго и настойчиво будет занимать его.

Когда Карл протянул ей руку, Роза почувствовала, как в нижней части живота что-то лопнуло.

Новый спазм?

Она не помнила, как Карл попрощался и вышел за дверь. Оперлась о комод. Ваза, стоявшая сверху, опрокинулась. *Нет, неужели опять?* Ее охватила паника, когда по внутренней стороне бедра потекла струя теплой крови.

Хелен сидела в своей машине и разглядывала снимок УЗИ из бельевого шкафа Анны. «Доктор медицины Константин Раховский» было указано в углу. Рядом номер телефона. Позвонить? А потом? Конечно, продолжить собственное расследование. Другого ей не оставалось.

Она подумала о Франке. Сколько еще они будут женаты? Сможет ли она сохранить брак? Хочет ли этого вообще? Как будут восприниматься слова *бездетная* и *разведена* в биографии автора научно-популярных работ и специалиста по детской психотерапии? А вообще, какая разница? Учитывая ужасный конец ее романа с Беном Колером и предстоящий развод, пора признаться себе, что она не умеет строить счастливые отношения. Что, черт возьми, Хелен сделала не так, раз ее муж оказался в объятиях другой? Причина ведь не только в геле-смазке или сексуальных черных трусиках!

Практика доктора Раховского находилась на южной окраине города. Помещения напомнили Хелен кабинет ее собственного гинеколога. Паркетный дубовый пол, сочно-зеленые комнатные растения, светлые оконные рамы, в приемной – фотографии младенцев и женские журналы на специальных стойках. Даже мятный запах показался ей знакомым. При виде беременных женщин в приемной в животе у Хелен все сжалось.

Помощница врача сидела за стойкой в окружении карликовых деревьев бонсай. На заднем плане раздавался плеск декоративного каменного фонтана.

– Вы записаны на прием? – пролепетала дама.

Хелен помотала головой.

– Меня зовут Хелен Бергер. Я психиатр, – солгала она, – и хотела бы поговорить с коллегой об одной общей пациентке.

Дама переговорила со своим шефом по телефону. В ожидании, пока откроется дверь в ординаторскую, в голове у Хелен все время крутились мысли об Анне Ленер. Только не проговориться! Хотя она и изучала психиатрию, но была «всего лишь» психотерапевтом, а Анна Ленер – ее «клиенткой», а не «пациенткой». Но шансы у Хелен

значительно лучше, если она будет обсуждать с коллегой общую пациентку с глазу на глаз как врач с врачом.

Через пятнадцать минут она сидела в переговорной доктора Раховского. Помещение было до потолка заполнено книжными полками, битком набитыми специальной литературой. На стенах висело несколько дипломов.

Раховский оказался полноватым мужчиной. Его возраст сложно было определить. Широкие бакенбарды и седоватая борода, которую он носил без усов в стиле амишей, наверняка прибавляли ему несколько лет. Хелен дала бы ему пятьдесят. На кончике носа – узкие очки для чтения. Видимо, он регулярно занимался спортом, потому что на письменном столе стояли фотографии, говорящие сами за себя: Раховский под парусом, Раховский на коне, Раховский на велосипеде. В вазе для фруктов лежали морковки, яблоки и кольраби. Наверное, он вегетарианец. Кое-что еще завораживало. Как и у гинеколога Хелен, у доктора Раховского были невероятно большие руки и толстые пальцы.

Он положил руки на стол.

– Моя помощница сказала, что вы хотите поговорить со мной о нашей общей пациентке, – произнес он спокойным голосом.

Хелен села в кресло для посетителей и положила ногу на ногу.

– Речь идет об Анне Ленер.

Раховский кивнул.

– Не хочу показаться невежливым, но могу я взглянуть на ваши документы?

– Конечно. – Хелен порылась в сумочке. Визитную карточку можно забыть. Там стояло «психотерапевт». Хелен протянула Раховскому свои водительские права.

– Ага. Доктор Хелен Бергер, очень хорошо. Где вы ведете прием?

– У меня своя практика в Грискирхене, по замещительству в Баумгартнер-Хое, также являюсь доцентом Венского университета. – Во время учебы она действительно два года работала в психиатрической клинике в Баумгартнер-Хое, а позднее читала лекции в университете. Но все равно ей лучше не вдаваться в подробности. – Я специализируюсь на диссоциативных расстройствах личности и последствиях сексуального насилия над малолетними детьми.

Он надул щеки.

– Сильно. Чем я могу вам помочь?

– Анна Ленер проходит у меня лечение, – объяснила Хелен.

– Вообще-то это меня удивляет, – перебил он ее. – Она принимает какие-то медикаменты?

Хелен покачала головой.

– Я хотела прописать ей психотропные средства против депрессии. Боюсь, она плохо справляется с беременностью. Возможно, она отторгает ребенка. Ей сорок пять и...

– Анна Ленер потеряла ребенка, – вновь перебил ее Раховский. – Три месяца назад.

Что? Хелен пришлось взять себя в руки, чтобы он не заметил, что она в шоке.

– Я так и предполагала, – быстро отреагировала она. – Анна больше не говорит об этом.

– Вы намекаете, что она не хотела этого ребенка? – снова перебил он ее.

Ситуация становилась неловкой. Если Хелен не поостережется, то попадет в неприятное положение. Доктор Раховский не идиот. Одно необдуманное слово из ее уст, и он поймет, что она лжет.

– У Анны, кажется, искаженное восприятие сексуальности. Беременность не вписывалась в ее картину мира.

– Не думаю, что она намеренно потеряла ребенка, если вы на это намекаете, – сказал он. – Наоборот. Она была абсолютно здорова и радовалась будущему малышу. В ее возрасте беременность связана с рисками, но выкидыш все равно случился неожиданно. Скорее необычно для третьего месяца беременности. – Он пожал плечами. – Возможно, из-за неправильной медикаментозной дозировки...

Раховский пристально посмотрел на Хелен.

– Поэтому я сразу спросил, не принимает ли она какие-то лекарства.

Мысли закружились у голове у Хелен. *Неправильная медикаментозная дозировка!* Насколько она знала, Анна не принимала никаких лекарств.

– А высококонцентрированный инфузионный раствор антибиотика мог привести к потере ребенка?

– Возможно. Анна имела доступ к подобным препаратам, но, как я уже говорил, – мне не верится. Она была бы хорошей матерью.

Раховский был прав. Работая в аптеке, Анна легко могла бы достать сильный антибиотик. Но Хелен подозревала другого, которого чертовски хорошо знала. Или, по крайней мере, так думала. Мог ли Франк подсунуть Анне без ее ведома этот раствор, чтобы избавиться от ребенка? Неужели он способен на такое ужасное преступление? Эта мысль была просто невыносима. Но он не хотел иметь детей. С его зарплатой выплаты на содержание ребенка не проблема. Но внебрачный ребенок вызвал бы настоящий скандал – а отцовство встало бы на пути карьеры.

Нет, она отогнала эту абсурдную мысль. Франк на такое не способен. Угрызения совести просто замучили бы его. *Но, может, именно поэтому он подарил Анне рубиновое кольцо?* Покупка была совершена шестого марта, то есть два с половиной месяца назад. Период времени соответствовал. Ее муж детоубийца? Хелен не могла в это поверить. Ей нужно на улицу, глотнуть свежего воздуха.

– Фрау коллега? – пробурчал Раховский. – Вам нехорошо?

– Извините? – Хелен уставилась на него. – Можно мне стакан воды?

– Конечно.

Он принес ей воды. Улыбнулся:

– Все-таки она сама врач.

Нет, не врач! Помощница аптекаря... Хелен почувствовала, как кровь отлила у нее от лица. В этот момент она, наверное, была белая как стена.

– Врач? – переспросила она.

– Насколько я знаю, она изучала медицину, – промурлыкал Раховский. – Я удивлен, что она проходит психиатрическое лечение и должна принимать лекарства. Конечно, она была подавлена из-за выкидыша. Но Анна сильная, уверенная в себе и выдержанная женщина.

Хелен показалось, что все вокруг закружилось. Анна Ленер была серая мышь: неприметная, робкая, сексуально закомплексованная, больная раком, покорная и всегда сутулая. В своих толстых роговых очках и с седыми отросшими корнями она выглядела старой и хрупкой.

– Вы могли бы описать Анну? – спросила Хелен.

– Господи. – Он поднял руки. – Каштановые короткие волосы, модная стрижка, темно-зеленые глаза, загорелая кожа, спортивная и очень сексуальная. А что?

– Мне она показалась другой, – пробормотала Хелен.

– У меня тоже такое впечатление. – Раховский подался вперед. – Прежде всего, когда вы в самом начале представили Анну сорокапятилетней пациенткой. Однако я знаю, что ей только сорок. Анна Роза даже чем-то похожа на вас.

Хелен вздрогнула.

– Как вы сказали?

– Я сказал, она чем-то похожа на вас... – повторил он.

– Нет, я имею в виду... – пробормотала она. – Вы сказали – Анна Роза?

– Да, это ее полное имя.

Район Кошютц^[15] был сельской местностью с многочисленными, любовно оформленными фахверковыми домами с красно-коричневыми оконными ставнями и замшелыми кровлями. Телеграфные провода низкими дугами провисали между крышами, словно плавилась под послеобеденным солнцем и становились год от года длиннее. Фахверковое здание в конце главной улицы, из коричневых деревянных балок и терракотовых кирпичей, вписывалось в картину, которую представлял собой южный район Дрездена.

Молодой коллега из дрезденской уголовной полиции с огненно-рыжими волосами и веснушками открыл дверь на третьем этаже здания. На коврике для ног значилось: «Семья Фольмар». Значит, здесь жила «старая тетушка Лора».

Снейдер раскрыл свое удостоверение.

– Полицейский аналитик и психолог-криминалист, – буркнул он, не глядя на коллегу.

– Я вас ждал. – Сотрудник отступил в сторону, чтобы рассмотреть удостоверение. – А, Мартен Снейдер, я о вас слышал. – В голосе прозвучала ирония.

– Мартен С. Снейдер! – как всегда надменно исправил Снейдер и прошел мимо парня в квартиру. – И убирайтесь в жопу.

О господи! Сабине хотелось провалиться сквозь землю. Коллега бросил на нее такой взгляд, описания которого хватило бы на несколько томов. Она последовала за Снейдером со своей сумкой через плечо. В помещениях стоял тяжелый дух, отдающий смертью и запустением. Из горшков свисали засохшие растения. Темные громоздкие комоды, абажуры с кистями, тяжелые портьеры, толстые ковры и мрачные картины маслом на стенах. Комнаты напоминали заброшенные гэдээровские реликты из семидесятых годов.

Оглядевшись, Снейдер подозвал к себе сотрудника полиции и показал ему три пальца.

– В трех коротких предложениях: что здесь произошло? Только самое важное!

Коллега глотнул воздуха.

– Я не смогу.

– Тогда научитесь! – сказал Снейдер спокойно, как мог. – Это искусство – просто рассказывать о сложных вещах. Наоборот каждый умеет. У нас мало времени, так что начинайте!

Рыжий парень, которого Сабине было жалко с самой первой минуты, что-то лепетал, пока Снейдер не взял у него из рук документы по делу и сам их не пролистал.

Они выяснили, что вечером шестого мая, в пятницу, в этой квартире у мужа Лоры Фольмар случился инфаркт. Для восьмидесятиоднолетнего, полупарализованного после двух инсультов это означало смертельный приговор. Он сидел в кресле-качалке и, видимо, собирался звонить в скорую помощь, потому что рука все еще сжимала телефонную трубку. В тот же самый день Лора Фольмар бесследно исчезла – последний раз ее видели у магазинов на пешеходной улице.

Снейдер закрыл папку.

– А может, было наоборот? – размышлял он, расхаживая по квартире. – Сначала исчезла его жена и лишь после этого у него отказало сердце?

Сабина догадывалась, на что он намекает.

– Нам нужна распечатка телефонных звонков.

– Именно. – Снейдер еще раз полистал документы. – Последний звонок на городской телефон в квартире был сделан с сотового с предоплаченной сим-картой. Муж Лоры не собирался звонить в скорую помощь, когда почувствовал себя плохо; это ему позвонили, и от ужаса у него отказало сердце.

– От какого ужаса? – спросил рыжий.

– Что жену похитили, а у него есть сорок восемь часов, чтобы спасти ей жизнь, – ответил Снейдер. – С того момента в квартире к чему-нибудь прикасались или что-нибудь меняли?

– Нет. – Сотрудник полиции пожал плечами. – Труп все еще в морге, его жена так и не появилась, и городская администрация ждет, пока кто-нибудь распорядится о похоронах. С тех пор квартира не используется.

Пока Снейдер пошел в спальню, Сабина осмотрела ванную комнату и туалет. Она искала что-нибудь необычное, какую-нибудь подсказку, которую Штрувельпетер почти наверняка оставил своей телефонной жертве. На кухне она обнаружила маленькую картонную

коробочку рядом с хлебрезкой. Внутри на красной бархатной подкладке лежали очки для чтения и кофейная ложечка.

– Снейдер! – крикнула она.

Тот вошел на кухню и сразу увидел подарок.

– Такая же коробочка, как в Кельне и Лейпциге. – Он махнул полицейскому. – Распорядитесь, чтобы с этой коробочки сняли отпечатки.

Потом он протянул руку в сторону Сабины и щелкнул пальцами:

– Книгу.

Настоящий джентльмен, просто до мозга костей! Она достала из сумки книгу «Штрувельпетер», и вместе они принялись листать стишки. Наверняка дрезденскому коллеге оба казались полными идиотами, но Снейдера это, очевидно, совершенно не заботило.

Полицейский подошел ближе и поинтересовался с наигранным любопытством:

– Это новое пособие БКА?

Снейдер выпрямился.

– Никогда больше не пытайтесь шутить в моем присутствии, поняли? Может, тогда вам удастся чему-нибудь научиться. – Его взгляд помрачнел. – Если в первом акте пьесы на сцене висит ружье, о чем нам это говорит? Правильно, что оно обязательно выстрелит! – Он кивнул на коробочку. – По этому принципу мы будем идти по следу. А теперь займитесь отпечатками пальцев!

Сабина понятия не имела, к чему это сравнение с театральной сценой. Вероятно, Снейдер хотел сказать, что эти подсказки, подарки Штрувельпетера, появляются на месте преступления не случайно, не просто так.

Полицейский потянулся за сотовым, и Сабина прочитала по его лицу, что он думает. По крайней мере, ее утешало, что Снейдер обращался так мерзко не только с ней, но и со всеми остальными.

Она открыла разворот со следующей историей. Вот оно! Сабина указала на картинку:

– Очки и ложка!

Заяц забрал у спящего охотника очки и ружье. На следующей картинке он уже в очках целится в охотника. Охотник прыгает в колодец, вокруг которого радостно скачет маленький заяц-сын с

ложкой в лапке. Пуля попадает в чашку с кофе, который проливается зайчику на нос и обжигает его.

– Значит, «История человека, отправившегося на охоту». – Снейдер оторвал взгляд от книги и посмотрел в окно. В нескольких километрах к северу виднелся центр Дрездена. – «Наконец мужик споткнулся и в колодец бултыхнулся. Заяц встал и чертыхнулся, выстрелил, но промахнулся», – задумчиво процитировал он. Затем перевел взгляд с городского пейзажа за окном на Сабину. – Ее труп лежит в каком-то колодце. – Снейдер повернулся к полицейскому, который как раз закончил телефонный разговор: – Как вас зовут?

– Фрик.

– Хорошо. Сейчас внимательно послушайте, Фрик. Надеюсь, это не превышает ваших способностей. Ваши коллеги должны начать поиски женского трупа в склепах и катакомбах всех церквей и соборов города... и немедленно! – добавил Снейдер, когда Фрик уставился на него с недоумением.

– Мы, конечно, постараемся, но на это потребуется какое-то время, – сказал наконец Фрик.

– Вероятно, «постараться» означает у вас нежелание принимать решения? – спросил Снейдер.

Сабина больше не хотела слушать эти унижения, поэтому вмешалась:

– Ваши коллеги должны в первую очередь проверить те церкви, на территории которых есть колодец.

– Что это даст?

– Черт возьми! – выругался Снейдер. – Нам просто захотелось поважничать!

– Пожалуйста! – Сабина бросила на него строгий взгляд. – Колодезная шахта – это очень важно, – повторила она Фрику.

– После реконструкции Фрауэнкирхе^[16] мы с классом ходили туда на экскурсию, – объяснил Фрик. – В склепе, между камерами, есть старый колодец.

Краем глаза Сабина заметила, как Снейдер наострил уши.

– Во время месс органист играет Баха? – спросил он.

Фрик пожал плечами:

– Возможно. Я не интересуюсь католической церковью.

– А следует, – перебил его Снейдер. – Тогда вы знали бы, что это евангелическо-лютеранский собор.

– Начните с этой церкви, – попросила Сабина. – И пожалуйста, выясните, играют ли там Баха.

Фрик бросил на Снейдера осторожный взгляд:

– У вас остались еще вопросы?

Тот кивнул.

– В центре города есть книжный магазин «Гаитал»?

Каждый город напоминает живое существо – с лицом, центральной системой, руками и ногами. Все это придает ему особую атмосферу, свой ритм, запах и собственную душу.

Сабина всегда связывала Дрезден с Земперопер^[17] и воспринимала город как родину множества хоров, знаменитых оркестров и десятков музеев. Но Дрезден оказался намного сложнее. Барочный центр с причудливыми зданиями, многочисленными колодцами, мостами, памятниками, башнями и скульптурами напоминал декорацию восточной сказки. А благодаря постройкам на берегу Эльбы и теплomu весеннему ветерку возникало впечатление чего-то средиземноморского. Сабина проводила отпуска в основном с горным велосипедом в Берхтесгадене^[18] или в бунгало на Северном море. Хотя она часто ездила по Германии, оставалось много красивых городов, где она не была. Сабина с удовольствием провела бы здесь несколько дней. Возможно, в другой раз.

Она пробиралась за Снейдером по площади перед дрезденским собором, лавируя между голубями и туристами. Здание церкви напоминало массивную желтую казарму, из центра которой вырастал мощный купол, окруженный башенками, остроконечными крышами, эркерами и окнами. Фрик как раз выбежал из главных ворот на улицу.

– Смотрю я на него и задаюсь вопросом: он есть решение или часть проблемы, – прошептал ей Снейдер.

– Возьмите себя в руки! – потребовала Сабина.

Полицейский, тяжело дыша, остановился перед ними.

– Здесь и правда играют Баха. И вы не поверите – на дне колодца лежит труп.

– Я верю. – Снейдер взглянул на сотрудников уголовной полиции, которые стояли рядом с пастором и какими-то парнями с

фотоаппаратами. – Почему репортеры уже здесь?

Фрик демонстративно огляделся.

– При таком-то отряде полиции! Разве это можно скрыть?

Сабине показалось странным, но, очевидно, не только в Мюнхене находились люди, которые продавали прессе информацию.

– Фрик, я не люблю сборища людей. Избавьте меня от церковной крысы и газетчиков. – Снейдер направился к входу.

Сабина последовала за ним.

– Избавьте меня от людей! – передразнила она его повелительный тон, когда Фрик оказался вне пределов слышимости.

Снейдер не удостоил ее даже взгляда.

– Я не могу работать, если вокруг много людей, которые лишают меня кислорода. В самолете, автобусе и на совещаниях у меня начинается головная боль.

Наверняка он ждет не дождется, когда увидит узкий колодец под церковью.

– Большое спасибо за такое откровение, – сказала она. – Теперь я наконец знаю, почему вы сокращаете каждый разговор до трех предложений.

Снейдер не ответил.

Они вошли в церковь через сравнительно маленькие ворота. Внутри собор оказался одним огромным залом, переходящим в мощный купол и башню, через которую проникал свет заходящего солнца. На многочисленных уровнях, которые тянулись вверх, как этажи какого-то отеля, ходили люди и фотографировали внутреннее убранство церкви. Высоко над золотым алтарем блестели серебряные трубки органа. От холода, исходящего от каменных стен, Сабину бросило в дрожь. По сравнению с этим колоссом мюнхенский собор казался милой деревенской церквушкой.

Полицейский указал в их направлении, и тут же к ним поспешил маленький толстый священник в сутане и с жабым лицом.

– Многоуважаемые, вы из Мюнхена? – Даже его голос напоминал кваканье жабы.

Снейдер кивнул, и священник молча указал следовать за ним.

– Надеюсь, поп там ни к чему не прикасался своими толстыми пальцами, – пробурчал Снейдер себе под нос.

Сабина ничего на это не сказала. Они пошли вслед за мужчиной по лестнице на нижний ярус церкви. Здесь было еще холоднее. Низкий сводчатый потолок объединял несколько помещений с колоннами и арками из желтых кирпичей. В нишах стояли старые деревянные гробы. Видимо, это и был церковный склеп. Сабина высматривала колодец, но ничего не находила.

– Хоровая капелла располагается прямо под алтарем, – объяснил священник.

– Очень интересно, – заметил Снейдер.

Они подошли к взломанной деревянной двери, за которой вниз спускалась узкая винтовая лестница.

– Обычно вход в старый склеп закрыт, – рассказал священник.

– Такие же следы от ломика, как и в Мюнхене, – констатировал Снейдер. Он втянул голову и последовал за мужчиной.

Сабина как раз прошла под дверной рамой, не нагибаясь. Двумя этажами ниже – а по ощущениям, на глубине двадцати метров под землей, – они наконец попали в крипту. Здесь внизу можно держать человека в плену месяцами, и никто ничего не заметит. На полу лежали спутанные кабели, которые бросили там технические специалисты из уголовной полиции. Крипту освещал яркий прожектор. Пахло как в затхлом погребе – грибами и гниющими фруктами. Но Сабина знала, что запах разложения исходил от другого.

Повернув, в конце узкого коридора они добрались до сложенного из камня круглого колодца. Лежащая на нем деревянная конструкция сгнила за столько столетий. На полу стояло ведро, к стене была прислонена круглая деревянная крышка. Сотрудники дрезденского экспертно-криминалистического отдела как раз поднимали из колодезной шахты с помощью канатной лебедки труп женщины.

Снейдер жестом дал понять Сабине, чтобы она не подходила ближе. С расстояния двух метров они наблюдали, как полицейские положили труп на пол рядом с колодцем. С мертвой стекала вода. Полицейский фотограф закончил снимать, и его коллеги начали делать замеры. Сабина еще никогда не видела настолько ужасно изуродованный труп. После второй вспышки фотоаппарата она отвела взгляд.

Снейдер присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть убитую. Он вытащил из сумки диктофон, поднес его к губам и зашептал в

микрофон. Сабина стояла за ним и слышала каждое слово.

– Лицо сильно набухло. Словно ее облили кипятком. То, что осталось от лица, несомненно походит на фотографию в паспорте Лоры Фольмар. Оба предмета, которые торчат из пустых глазниц, вероятно, ручки двух серебряных ложек. Убийца заткнул женщине рот кляпом, связал руки и ноги... и почти наверняка бросил в колодец, когда она была еще жива. Голеностопный сустав вывихнут. Открытые переломы костей на бедре и голени...

Было ужасно, как отстраненно и по-деловому он фиксировал свои наблюдения. Сабина быстро посмотрела на раздутый, как шар, труп и тут же снова отвела взгляд.

– ...пятка и ступни сильно разбухли из-за воды. Вероятно, она лежит в этом колодце уже две недели. На губах следы крови. Очевидно, скончалась от внутренних повреждений, возможно, захлебнулась собственной кровью. Смерть наступила максимум шесть или семь дней назад. – Снейдер остановил запись и поднялся. – Вы очень бледная.

Неудивительно! Желудок камнем лежал у нее внутри. Во рту пересохло, ей срочно нужно на свежий воздух. Зачем она стала представлять себе, каково это – одной, связанной и беспомощной, постепенно умирать в этой холодной сырой дыре?

– Я такое не каждый день вижу, – выдавила из себя Сабина.

– Я тоже.

Снейдер передал свою визитную карточку коллегам, которые в защитных масках и латексных перчатках обследовали труп:

– Отправьте мне, пожалуйста, самое позднее послезавтра предварительный отчет вскрытия.

Сабине показалось, что она ослышалась. Он действительно сказал «пожалуйста».

Когда они вышли на площадь перед собором, солнце уже садилось за крышами домов. Сабина на несколько секунд закрыла глаза и позволила ветру поласкать лицо и волосы. Вдохнула благоухающий цветением воздух. Конечно, бриз не выветрит ни трупный запах, ни отвратительную вонь катакомб из ее одежды, тем более из памяти. Но Сабине стало лучше.

– Ожог на лице, колодец, а вместо недостающих очков столовые приборы в глазницах, – перечислила она. – С каждым следующим убийством его все больше заводят эти истории.

– Это-то и пугает, – ответил Снейдер. – Но что еще ужаснее... Штрувельпетер знал об этой колодезной шахте и недавно снова приходил сюда.

– Почему вы так решили?

– А кто еще воткнул ложки в глазницы? – Он поднял глаза на купол собора. Вокруг креста кружила стая птиц. – Мы должны найти этого Карла Бони.

Часть третья
Среда 25 мая

*Я не могу весь мир
объять,
Но петъ пытаюсь
и сейчас.*

Уоллес Стивенс

Пока кофемашина готовила эспрессо, а из радио раздавались утренние новости, Хелен поспешила по росистой лужайке к почтовому ящику. Этой ночью она снова плохо спала. В начале шестого утра в конце концов встала, прокралась на нижний этаж, чтобы не разбудить Франка, и приняла горячий душ.

И вот она стоит в своем теплом спортивном костюме у лесной дорожки и оглядывается. Грискирхен дремала. В почтовом ящике уже торчала утренняя газета. Хелен с облегчением опустила плечи. Больше никаких коробок, никаких отрезанных пальцев. Через несколько часов станет ясно, выживет ли Анна Ленер в игре сумасшедшего.

Возбужденный Дасти скакал вокруг нее, подпрыгивая. Хелен сунула руку в боковой карман спортивной жилетки и достала печенье для собак.

– Держи, обжора.

Несмотря на свой возраст и многочисленные лакомства, Дасти остался стройным псом. Все-таки он постоянно гоняется по полям за мышами и зайцами, а иногда и по участкам за соседскими кошками.

С газетой под мышкой она вернулась на террасу. На садовом столе и сиденьях стульев блестела утренняя роса. Хелен достала из сундука подушку и села. Над полями еще висел туман. Из рта шел пар. Хелен поежилась от холода, но сейчас ей был необходим прохладный свежий воздух, чтобы сохранить ясную голову. Ее сотовый телефон лежал на столе. Скоро позвонит сумасшедший. Хелен сделала глоток кофе и пробежала глазами заголовки таблоида, но отложила газету, потому что не могла сконцентрироваться.

Всего через несколько часов на ее участке начнется суматоха, когда появятся кейтеринговая компания, повар, музыканты и фотографы. Как ей только пережить этот день рядом с Франком? Изображать хорошую мину при плохой игре? Разыгрывать перед всеми гостями чистосердечную и счастливую жену? Это не по ней. Она никогда не умела притворяться.

В нескольких метрах от нее Дасти ползал по газону и хватал ртом мокрые травинки. Кузнечики высоко подпрыгивали и перелетали через лужайку. Солнце медленно поднималось над горами. За исключением

негромко работающего радио через приоткрытую дверь террасы, из дома не доносилось ни звука. Франк все еще безмятежно спал.

В начале девятого зазвонил сотовый. Хотя Хелен ждала этого, все равно вздрогнула.

Неизвестный номер!

К горлу вдруг подступил комок. Дасти кувыркался в траве и не обращал внимания на звонок.

Хелен подвинула к себе сотовый.

– Алло?

– Доброе утро, фрау доктор, – произнес электронный голос.

Никакое оно не доброе...

– Кого я похитил и почему? – спросил он. – У вас еще тридцать минут, чтобы назвать правильный ответ.

– Вы похитили Розу...

– Дальше.

– Она изучала медицину и работает психотерапевтом.

– Правильно. А почему я похитил ее?

– Она была беременна, но потеряла ребенка.

– Причина не в этом.

Сердце Хелен забилось быстрее.

– У нее любовная связь с моим мужем.

– Меня это не интересует! Вы знаете правильный ответ или нет?

Ее пульс зашкаливал. Что, черт возьми, он хочет услышать? И прежде чем Хелен успела остановить себя, у нее вырвалось:

– Почему я должна надрываться из-за Розы, которая спит с моим мужем? Мне все равно, что с ней случится!

На другом конце провода повисло короткое молчание. Потом снова раздался отвратительный голос:

– Если женщина сейчас умрет, то по вашей вине. Как тогда... с детьми, смерть которых осталась на вашей совести.

Проклятый ублюдок!

– До свидания, фрау доктор!

– Подождите! – воскликнула Хелен.

Дасти раздраженно поднял на нее глаза.

Молчание.

– Я могу выяснить настоящую причину, – сказала она.

– У вас тридцать минут.

– Дайте мне еще двадцать четыре часа. Тогда я все узнаю.

– Правила игры другие.

– Двенадцать часов, – взмолилась она.

Похоже, он размышлял.

– У Розы еще восемь пальцев, – сказал он наконец. – Я могу отложить ее смерть максимум на восемь часов.

Хелен стало плохо.

– Хорошо.

– За каждый истекший час Роза будет терять по одному пальцу.

– Это значит, вы будете звонить мне каждый час?

В голове у Хелен одновременно пронеслось много разных мыслей. У нее не было выбора. Она должна рассказать Бену Колеру об этом разговоре. Он должен связаться с Телекомом, чтобы те отследили звонок.

– Нет, не так, – ответил мужчина.

О, как же она ненавидела этот измененный голос.

– После нашего разговора вы тут же отключите сотовый телефон, чтобы при каждом входящем звонке включалась голосовая почта, – приказал он. – Как только у вас будет правильный ответ, вы запишете его на автоответчик голосовой почты. В первый раз я позвоню вам в десять, а потом через каждый полный час, чтобы прослушать сообщение.

– На этот текст отводится только тридцать секунд, – запротестовала Хелен.

– Тогда будьте кратки. – Он положил трубку.

Как парализованная она уставилась на дисплей телефона. У нее есть время до семнадцати часов. В десять Анна Ленер лишится очередного пальца. Хелен должна отключить свой мобильный, но сначала нужно сделать один важный звонок. Ей необходима уверенность! С домашнего телефона звонить нельзя, потому что Франк может услышать разговор.

Она быстро набрала номер Бена Колера. В надежде, что похититель не станет проверять ее в ближайшие минуты и не узнает, что голосовая почта включается только после десятого гудка.

– Колер! – ответил Бен. – А, Хелен, что случилось?

Слава богу, он уже в бюро.

– Доброе утро, Бен...

В этот момент на дороге показались два грузовичка службы доставки и остановились перед ее участком. На боковине кузова синими буквами было написано «Обслуживание мероприятий. Кейтеринговая компания «Герцог». Первая машина мигала поворотником, но неуверенно стояла на лесной дорожке, словно водитель раздумывал, верный ли это адрес и нужно ли заезжать на земельный участок.

– Хелен? – позвал Бен. – Если ты по поводу сегодняшней вечеринки... В настоящий момент у меня полно дел, но я обязательно заеду.

– Спасибо, мило с твоей стороны, но я звоню по другому поводу.

В следующий момент она услышала сигнал параллельного звонка на сотовый. Сердце забилося сильнее. Кто-то пытается дозвониться до нее!

Она вскочила и побежала на лужайку. Через стекло кабины первого грузовика увидела, как водитель прижимает телефон к уху. Хоть бы это он звонил ей.

– Я еще раз по поводу Анны Ленер. – Хелен помахала водителю. Тот заметил ее, и Хелен показала, чтобы он заезжал на участок.

– Мы еще не нашли ее.

Бен, я знаю!

Водитель опустил телефон, параллельный звонок прекратился.

– Я думала, что ее зовут Анна Ленер и она работает в аптеке, по крайней мере, она так утверждала, – сказала Хелен. – Вчера я узнала, что ее имя Анна Роза и она психотерапевт.

– Верно, с недавних пор мы тоже это знаем, – пробормотал Бен. – Хотя отдел по расследованию убийств не имеет отношения к этому делу, но после нашего вчерашнего разговора я расспросил коллег о пропавшей женщине.

Оба грузовика остановились перед навесом для автомобилей. Хелен жестом попросила водителя отъехать немного влево, чтобы она могла выехать на «тойоте».

Дасти радостно прыгал между автомобилями. Хелен свистнула, и пес помчался к ней.

– Сиди здесь, – прошептала она.

– Что у тебя там происходит?

– Подготовка к вечеринке, – кратко ответила она. – Что тебе известно об этой женщине?

– Ее настоящее имя Анна Роза Ленер. Уже много лет разведена. Однако ее частная практика психотерапевта вот уже двенадцать лет зарегистрирована под девичьей фамилией.

– Подожди! – перебила его Хелен. – Она должна была сообщить о смене фамилии в Министерство здравоохранения и Союз психотерапевтов.

– Однако не сделала этого, – сказал Бен. – Вероятно, не хотела менять название практики из соображений безопасности.

Хелен вспомнила указатель в аллее Бах, мимо которого проезжала вчера.

– Ее девичья фамилия Харман?

– Да, Анна Ленер и Роза Харман – это один человек.

Я так и знала. Анна Ленер, ты мерзкая шлюха! Хелен кипела от ярости. Больная, несчастная помощница аптекаря, перенесшая химиотерапию и вынужденная носить парик, притворилась, что была у логотерапевта, практика которой находится на той же улице. А именно у себя самой! О боже! Наконец-то Хелен начала понимать, что к чему в этом запутанном деле.

– Что-нибудь еще? – спросил он. – К сожалению, у меня мало времени. БКА из Висбадена связалось с нами. Я должен идти на совещание.

Несмотря на напряжение и хаос вокруг, Хелен была рада услышать голос Бена. Хотя она не видела его три года и испытывала угрызения совести каждый раз, когда думала о нем, в этой ситуации Бен ее поддержал. Без него Хелен сошла бы с ума.

– Без проблем, мне самой нужно идти, – ответила она.

– До вечера. – И Бен повесил трубку.

Хелен выключила сотовый телефон. Оба водителя подошли к ней.

– Мы привезли шатер для вечеринки и много еще чего.

Хелен протянула им руку.

– Шатер нужно установить вот здесь, на лужайке, лицом к дому, – объяснила она. – Сцена для музыкальной группы располагается в дальнем углу шатра. Факелы – между шатром и террасой. Холодильники поставьте в сарай рядом с навесом для машин. Там же

есть и розетки. Скамьи, стулья и буфетные столы расставьте вдоль границы участка рядом с изумрудными туями.

– Без проблем. – В знак согласия один из водителей прикоснулся кончиками пальцев к кепке.

У Хелен не было времени, чтобы позаботиться обо всем самой. Куда запропостился Франк?

– Фейерверки вы тоже привезли?

– Само собой.

– Установите их, пожалуйста, вот там, на поле рядом с лесной дорожкой. Но накройте брезентом, это должен быть сюрприз для гостей.

– Без проблем, как пожелаете.

Мужчины принялись за работу.

В этот момент на террасе наконец появился Франк. В банном халате, он выглядел несколько рассерженным из-за шума. Увидев грузовики, он раскрыл глаза и тяжело зашагал по лужайке.

– Эй, вы не можете здесь парковаться! Вы заблокировали мой автомобиль! – крикнул он мужчинам.

– Все в порядке! – сказала им Хелен. – Мой невероятно занятой супруг останется сегодня здесь и в порядке исключения позаботится обо всем сам.

Мужчины переглянулись и продолжили работу.

Франк озадаченно посмотрел на Хелен:

– Возможно, мне еще придется сегодня отъехать.

– Возможно? – переспросила она. – Я должна уехать немедленно.

Кстати, доброе утро. – Она хотела пройти мимо него в дом.

– Момент! – Франк схватил ее за руку. – Сегодня утром я был у себя в кабинете...

Она сурово взглянула на руку Франка. Тот быстро отдернул ее.

– Можешь объяснить, откуда в моем паркетном полу трещина и почему ящик стола взломан? – спросил он.

– А ты можешь объяснить, где твоя голубая, сшитая на заказ рубашка? – ответила она. – Кроме того, это не твой паркет, а паркет в моем доме.

Хелен почувствовала, как злость Франка улетучилась. Вместо этого его глаза стали холодными как лед: взгляд кобры перед укусом. *Но не со мной, дружок.*

– Ты шпионишь за мной? – холодно спросил он.

– А у меня есть причины?

Работники не обращали внимания на ссору. Они открыли задние двери грузовичков и принялись выгружать полотнище шатра и алюминиевые опоры.

Дасти, поскуливая, сидел между Хелен и Франком и поочередно смотрел на них. Бедный пес не понимал, почему его маленькая семья только что развалилась.

Хелен молча развернулась и направилась к своей машине. Коротко свистнула. Дасти побежал за ней. Хелен никак не могла оставить его здесь: работники перевернут с ног на голову весь участок. Открыла дверь радиоключом.

– Прыгай в машину, оп!

Терьеру не пришлось повторять дважды. Он обожал ездить в машине так же, как и лакомиться собачьим печеньем или гоняться за кошками. Во время поездки он любил высунуть мордочку из окна, закрыть глаза и балдеть оттого, как ветер хлопает его ушами.

Франк медленно подошел к Хелен.

– Куда ты собираешься? – Бесстрастное выражение лица, но голос холодный как лед. Наверное, вот с такой прокурорской интонацией он и допрашивает подсудимых.

– Я вернусь через несколько часов, – коротко ответила Хелен.

– В таком виде?

Кого это волнует, если она поедет в Вену в кроссовках и сером спортивном костюме? Неужели Франка? На это ей наплевать.

– По крайней мере, оставь телефон включенным на случай, если работникам от тебя что-нибудь понадобится.

Хелен пристегнулась.

– К сожалению, не получится.

– Почему, черт возьми?

– Потому что я пытаюсь спасти жизнь твоей маленькой шлюхи, – буркнула она и захлопнула дверцу машины.

Сабина на цыпочках вышла из спальни, чтобы не разбудить племянниц. Она снова ночевала у Моники. Пока ее сестра была в ванной, она приготовила на кухне для девочек кукурузные хлопья и блинчики.

Обратная поездка из Дрездена в Мюнхен прошлой ночью была настоящим кошмаром. Шесть часов, один из которых в пробке. Снейдер спал рядом, как ребенок, прислонившись с надувной подушкой к стеклу, безо всяких акупунктурных иголок, воткнутых в руки. Видимо, его укачало. Ни следа мигрени или кластерной головной боли. Высадив его в «Меркуре», Сабина поехала к сестре и тихонько пробралась в спальню к девочкам.

И вот уже младшая Конни, заспанная и с растрепанными волосами, протопала в кухню. Ее пижама была измята, словно девочка всю ночь проворочалась. В руке девочка держала плюшевого мишку, который выглядел таким же потрепанным. Когда Конни заметила Сабину, ее глаза округлились от удивления.

– Ты ночевала сегодня у нас, тетя Бина?

– Да, но вчера пришла поздно, и ты уже сладко спала, мое сокровище. – Сабина поставила на стол три чашки какао.

Вошли Керстин и Фиона и сели на свои стулья.

– Ты останешься сегодня у нас? – спросили они.

– С удовольствием, но у меня дежурство. – У Сабины начинал болеть живот, когда она думала о бюро. Коллеги из ЛКА оставили на ее голосовой почте несколько сообщений, которые с каждым разом становились все раздраженнее. Сразу после завтрака она отправится в ЛКА на Майлингерштрассе и будет объяснять, почему запрашивала информацию об убийствах в церквах через «Дедал». Правда, сначала ей прочтут лекцию, потому что она не перезвонила вчера ночью на обратном пути из Дрездена. Но после ужасной находки в склепе дрезденского собора у нее не было настроения выслушивать за рулем упреки сотрудника ЛКА. Вид убитой женщины врезался в ее сознание. По крайней мере, у Сабины есть одна почти уважительная причина отсутствия в участке – командировочное удостоверение от БКА в

Висбадене. Но сегодня Снейдер уже не сможет спасти ее от допроса. Это дело нужно завершить.

Сабина и девочки проглотили хлопья, блинчики и хрустящие мюсли. После чего кухня стала походять на настоящее поле битвы. Моника в банном халате и с полотенцем на голове села за стол и намазала масло на кусок цельнозернового хлеба. Выглядела она не очень хорошо. Ей предстоит тяжелый день в музее. Сабина беспокоилась о сестре. В отличие от нее Мони, видимо, весь день думала о смерти матери. Сабина, конечно, тоже думала, но по-другому. Следственные действия не давали ей покоя и направляли ее мысли в конкретное русло. Хотя Снейдер был высокомерным козлом, которому она желала разных напастей из-за некоторых его комментариев, работа с ним оказалась для нее сродни терапии.

Так как у Сабины не было времени, Моника сама должна сегодня позвонить бывшему мужу, который все еще выступал в качестве адвоката отца. Если повезет, папу выпустят сегодня из следственного изолятора.

– Что у тебя сейчас по плану? – спросила Керстин.

Каносское унижение^[19].

– Я должна кое в чем признаться коллегам и начальству... – Сотовый телефон Сабины запищал. Пришло СМС-сообщение. Она быстро пробежала глазами по тексту.

«Устроил ваше участие в расследовании БКА и сегодня. Рейс в Вену в 9:30. Зарегистрировал нас обоих онлайн. Ваш посадочный талон лежит на стойке информации «Эйр Берлин». Не опаздывайте на посадку. М. С. С».

– Не может быть, – пробормотала она и перечитала текст.

Конни подперла руками голову и сонно посмотрела в ее сторону.

– Что опять случилось? – не по возрасту озабоченно спросила она.

Фиона, самая старшая, перегнулась через стол, чтобы взглянуть на экран.

Сабина захлопнула телефон-раскладушку.

– Мне нужно в Вену.

Моника прищурилась и скептически оглядела ее.

Неожиданно с девочек сон как рукой сняло.

– На задание с собаками, вертолетами и пуленепробиваемым жилетом? – закричали они.

Сабина улыбнулась.

– На одно *исключительно тайное* задание! С прибором ночного видения и тепловизионной камерой, – прошептала она. – По полной программе.

– А нам с тобой можно?

Она нерешительно покачала головой.

– Слишком опасно. Кроме того, со мной будет один сумасшедший из Голландии. Его зовут Мартен Снейдер.

Конни открыла рот от изумления.

Вообще-то это Сабина была с ним, но девочкам это знать не обязательно. На детских лицах было написано множество вопросов, но, прежде чем хоть одна успела открыть рот, Моника хлопнула в ладоши:

– Оп-оп! Поднимайтесь! Чистить зубы и одеваться! Я отведу вас в детский сад и школу. Нам нужно выйти через пятнадцать минут. Автобус ждать не станет.

Девочки встали и побежали в ванную, только Фиона осталась сидеть за столом.

– Ты правда поедешь в Вену? – серьезно спросила она, когда сестры исчезли. – Это связано со смертью бабушки?

Сабина взглянула на сестру.

– Она единственная знает, – объяснила Моника. – Вчера случайно услышала мой телефонный разговор с ее отцом, но я убедила ее пока ничего не рассказывать сестрам.

Сабина кивнула.

– Я выясню, почему умерла бабушка, – а сейчас иди в ванную.

Фиона подпрыгнула, поцеловала Сабину и убежала. Моника сняла с головы полотенце и принялась сушить им волосы.

– Ты вот так подрываешься и несешься, стоит этому типу щелкнуть пальцами? После смерти мамы здесь и так полно дел.

Как будто она сама не знает! Сабина посмотрела в коридор, чтобы убедиться, не подслушивает ли Фиона.

– Снейдер ближе всех к разгадке убийства нашей мамы.

– А, снова этот Снейдер. – Моника закатила глаза. – Вчера я долго разговаривала с Габриелем по телефону, и говорю тебе: отец имеет какое-то отношение к ее смерти.

– Глупости!

– Вспомни, что случилось десять лет назад. Таинственный пожар в школе! Отец был как-то с этим связан. Затем развод родителей, – озлобленно проговорила Моника. – Это его вина. Как и многолетняя вражда, которая измотала маму. Наверняка он ей изменил и хотел уклониться от алиментов.

Сабина не хотела снова ссориться из-за этого с Моникой. Сестра была слишком упряма, чтобы признать: в разводе всегда есть две стороны, и в основном мама развернула кампанию ненависти против отца. Все, что Сабина теперь знала, позволяло сделать заключение, что он никак не мог быть убийцей. Иначе это он должен был бросить женщину в колодец в Дрездене, сжечь учительницу в звоннице в Лейпциге и отдать еще одну женщину в Кельне на растерзание собакам. У их отца на такое не хватило бы нервов. В отличие от настоящего убийцы. Интуиция подсказывала Сабине, что скоро тот снова заявит о себе.

Возможно, уже заявил. Она подумала о полете в Вену.

Два часа спустя Сабина сидела рядом с Мартеном Снейдером в бизнес-классе самолета авиакомпании «Флай Ники». Как и вчера, на Снейдере был темный пиджак и черная водолазка. Со своей лысиной он был похож на смерть. Сабина особо не наряжалась: джинсы, кеды и серый термосвитер. В отсеке для ручной клади лежала дорожная сумка, в которую она быстро запихнула самое необходимое. В том числе и срочное письмо от ЛКА с вызовом на допрос.

Сразу после взлета начали разносить напитки. Сабина взяла стакан апельсинового сока, Снейдер заказал двойной виски. Сабина ожидала, что он скорее выберет морковный сок или соевый молочный напиток, потому что виски как-то не вязался с его слабостью к акупунктуре, дзен-буддизму и марихуане. Но ей было все равно – Снейдер достаточно взрослый и может вливать в себя все, что считает правильным.

Знак «пристегните ремни» погас. Снейдер печатал какое-то сообщение в своем айфоне.

– Вы мне наконец раскроете, что мы будем делать в Вене? – прервала его Сабина.

– Уж точно не смотреть на панд в зоопарке Шенбрунн, – ответил Снейдер, не поднимая глаз.

Как смешно! Сабина откинулась в кресле и сложила руки на груди. В тот же момент у нее заложило уши. Она надела наушники, выбрала музыкальный канал и закрыла глаза. Может, ей удастся хотя бы несколько минут не думать о родителях, Штрувельпетере или коллегах из ЛКА.

Через полчаса Снейдер разобрался со своей корреспонденцией и растормошил спящую Сабину. Вытащил у нее из ушей наушники и сунул их в отделение перед собой.

Он вообще в своем уме?

– Я кое-что выяснил о Карле Бони, – заявил он как ни в чем не бывало.

– О, как мило, мы снова разговариваем друг с другом?

– Послушайте, прекратите эти бабские штучки. – Он откинулся назад и закрыл на секунду глаза.

Бабские штучки! Она хотела что-нибудь на это ответить, но Снейдер выглядел ужасно. На лбу выступил пот, а цвет лица напоминал белые облицовочные панели в кабине. Руки лежали на подлокотниках. В обеих кистях – по акупунктурной игле. Удивительно, что его пустили в самолет с этими иголками. С их помощью он мог бы убить пилота, захватить самолет и направить его в какой-нибудь небоскреб. Но этого можно не опасаться – у Снейдера нет даже водительских прав.

– Хотите обезболивающую таблетку? – спросила она.

Он отказался.

– Мне станет лучше, как только мы приземлимся. – Он повернул голову к Сабине и понизил голос. – Карл родился в Вене, посещал там детский сад, в Кельне ходил в начальную школу, в Лейпциге – в среднюю, а в Дрездене выучился на автомеханика. Ваша мать преподавала ему в Кельне, а Эльфрида Никич была его учительницей в Лейпциге. Во время учебы в Дрездене он жил у тети Лоры.

Пазл сложился и выглядел почти правдоподобно.

– Но где связь с убитой помощницей адвоката в Кельне?

– Семья Бони жила рядом с кельнским собором. Вальтрауд Нессельбергер жила в том же доме – она была их соседкой и иногда присматривала за мальчиком, если родителей не было дома.

Две учительницы, соседка и тетя, резюмировала Сабина. Она вспомнила лицо светловолосого мальчика на фотографии матери. Этот

Карл Бони убил и ее.

– Я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете, – сказал Снейдер. – Но пока мы не знаем причин, не нужно делать поспешных выводов.

– Он убил в Вене свою воспитательницу?

Снейдер помотал головой:

– Нет, но я сумел выяснить его местонахождение. После смерти отца три года назад он снова живет в Вене. Как и его мать. У нее небольшой домик на окраине города.

Как только Сабина это услышала, она почувствовала странное покалывание внутри.

– Нам стоит...

– Я уже распорядился, – перебил ее Снейдер. – Я попросил венскую уголовную полицию немедленно взять фрау Бони под личную защиту, пока мы с ней не переговорим.

Сабина заподозрила что-то неладное.

– Но это оказалось невозможно. Она исчезла два месяца назад.

– Два месяца назад? – вырвалось у Сабины. – Карла Бони разыскивают?

Снейдер постучал пальцами по своему айфону.

– Уже где-то четверть часа.

Стало ясно: убийства продолжались. Сабина поднялась, открыла отсек для ручной клади и порылась в сумке.

Снейдер с бледным лицом наблюдал за ней.

– Хотите сойти раньше?

Она бы с удовольствием это сделала: из-за одних только его глупых комментариев.

– Я хочу кое-что с вами обсудить. – Сабина вытащила из сумки книгу «Штрувельпетер» и снова села. – Порядок убийств. – Она открыла книгу.

– Первую жертву Штрувельпетера растерзали собаки – это первая история про злого Фридриха. Его вторая жертва сгорела – это вторая история про Паулину со спичками. Третью жертву нашли в колодце, что соответствует четвертой истории про дикого охотника. А моя мама, жертва номер четыре, захлебнулась чернилами – это третья история про Чернушек.

Снейдер повернул иглу и моргнул.

– Это я уже заметил, – пробормотал он. – Наш дружок убивает не в том порядке, в каком истории рассказаны в книге.

– Но это не похоже на психопата, который все точно планирует.

– Конечно, похоже! – возразил он. – Но мы в любом случае еще не все знаем. Только когда у нас будет полная картина, мы поймем, к чему все это приведет.

Сабина перелистала страницы, переходя к следующей истории.

– Именно. Это меня и пугает. – По спине у нее побежали мурашки.

В пятой истории Штрувельпетер должен будет предстать в роли портного, который врывается в комнату и своими огромными ножницами отрезает маленькому Конраду оба больших пальца. «Стоит он весь в слезах – больших нет пальцев на руках». Режущими инструментами можно натворить много бед.

А что по сюжету затем? Каспар, который не хотел есть суп, умер от голода, Вертушка-Филипп был заживо погребен под горой посуды, Ганс-разиня свалился с крутого берега в реку, а Роберта-самолета унес штормовой ветер. Сабине вспомнился комментарий Снейдера на диктофонной записи, что убийца обладает незаурядным интеллектом. Девять историй – девять трупов. Сейчас нет еще и половины – или, как это сформулировал Снейдер, у них нет пока полной картины.

За обсуждением этого дела время прошло быстро. Во время посадки зазвонил айфон Снейдера. Тот невозмутимо ответил.

– Вы с ума сошли? – прошипела Сабина. – Выключите телефон!

Снейдер махнул рукой, призывая ее замолчать, и продолжил разговор. Потом положил трубку и принялся писать эсэмэс. Самолет снижался. Все пассажиры уже несколько минут сидели пристегнутыми на своих местах. От давления у Сабины заложило уши. В конце концов стюардесса подскочила со своего места и бросилась к ним.

– Немедленно выключите телефон! – закричала она. – Такое допускается только в экстренных случаях!

– Это и есть экстренный случай! – пробормотал Снейдер. Он дописал эсэмэс, отправил и убрал телефон. – А вам лучше сесть и пристегнуться.

В тот же момент шасси коснулись взлетно-посадочной полосы. Стюардессу качнуло назад, и она ухватилась за отсек для ручной

клади.

Снейдер как ни в чем не бывало повернулся к Сабине.

– Это была уголовная полиция Вены, – объяснил он. – Через час они встретят нас в аэропорту. Я отправил нашему контактному лицу эсэмэс. Его зовут Бен Колер.

Зачем кому-то похищать психотерапевта, калечить и потом втягивать в эту историю другого человека? Этот вопрос вот уже несколько часов не давал покоя Хелен. Игра сумасшедшего выглядела так, словно он хотел столкнуть их с Розой. До недавнего времени Хелен еще думала, что с этой женщиной ее связывают только профессиональные отношения терапевта и клиента. Однако из-за измены Франка выяснилось, что Хелен делит с Розой, ведущей непонятную двойную игру, больше, чем ей хотелось бы.

Похититель Розы Харман должен был ненавидеть психотерапевтов, вот в этом сомнений нет. Иначе стал бы он калечить одну женщину и возлагать ответственность на другую? Вначале Хелен подозревала кого-то из собственных клиентов. Сейчас она была уверена, что за всем этим стоит один из пациентов доктора Харман. Чтобы узнать правду, ей придется проникнуть в кабинет Розы Харман.

Она припарковалась в аллее Бах, где уже была вчера. Только не перед тем гиперсовременным жилым комплексом со стеклянным лифтом и велнес-центром, в котором жила Анна Ленер, а за несколько домов до него. Прямо перед табличкой, мимо которой проехала вчера и которая указывала на практику Харман. Между двумя небольшими домами с садиками пряталось одноэтажное здание в форме бунгало – идеальное место для частной практики в этом фешенебельном районе. Напротив бунгало раскинулся парк, вниз по улице находилась автобусная остановка.

Хелен взяла Дасти на поводок и перешла через дорогу. Внимательно изучила табличку на двери.

«Логотерапия и экзистенциальный анализ
По Виктору Е. Франклу
Психотерапевтическая практика
Доктор медицины Роза Харман
Дипломированный врач
Аллея Бах, 17»

Над степенью доктора была приклеена жвачка. Хелен надеялась, что обойдет вокруг здания и сзади наткнется на дверь террасы. Недолго думая она разбила бы камнем стекло и проникла внутрь; Хелен была уже на все готова. Но попасть внутрь не представлялось возможным. На массивной двери из дерева – надежный замок для магнитного ключа. Хелен отодвинула ногтем резиновую прокладку между дверью и рамой. Ничего не разглядела, но не сомневалась, что дверь запиралась не на один засов, а как минимум на пять-шесть штифтов. Эту дверь ей ни за что не открыть.

– Черт! – выругалась она и посмотрела на Дасти. – Не волнуйся, малыш, у твоей хозяйки есть еще план В.

Ее сотовый лежал выключенным в кармане спортивного костюма. Хелен не осмеливалась включить его, так как сумасшедший мог позвонить в любую секунду. В конце концов она сделала поводок покороче и побежала вместе с Дасти вниз по улице к желтой двойной телефонной будке. В одной кабине у трубки был оборван телефонный кабель, в другой все работало.

Хелен набрала рабочий номер Бена Колера. Она хотела попросить его прислать какого-нибудь коллегу, который открыл бы кабинет Розы Харман, чтобы Хелен могла взглянуть на ее документы и записи. Но секретарша сказала, что он занят, а вскоре поедет в аэропорт. На его сотовом включалась голосовая почта. *Проклятье!* Она позвонила в третий раз и попросила соединить с его коллегой Оливером Брандштеттером, которому объяснила, что хочет осмотреть практику пропавшего психотерапевта.

– Ты с ума сошла? – прошипел Оливер в трубку. – Я не могу этого сделать!

– Тогда я попрошу кого-нибудь другого.

– Хелен, милая, – снисходительно сказал он. – Никто не согласится тебе помочь. Процесс был всего три года назад. И его никто не забыл. После твоих обвинений в адрес уголовной полиции и прокуратуры у тебя не осталось друзей в участке. – Он понизил голос. – Многим было бы на руку уличить тебя в противозаконных действиях.

– Спасибо, что напомнил мне об этом!

– Я просто хочу уберечь тебя от глупости.

– Неужели ты не можешь...

– Я всегда рад тебе помочь, только если это не касается текущего расследования.

Черт!

Хелен со всей силы опустила трубку на рычаг. Время медленно утекало. Она должна попасть в этот кабинет. Постепенно идеи иссякали – но существовала еще одна возможность. План С. Ведь есть же связка ключей Франка от квартиры Анны Ленер, которую Хелен носила с собой.

Она побежала к современному жилому дому и поднялась с Дасти на лифте на шестой этаж. На пути к квартире Анны Ленер ей встретился седой мужчина в банном халате, который, очевидно, собирался в сауну. На его замечание «Собакам сюда нельзя!» Хелен лишь виновато улыбнулась.

В холле квартиры Анны она нашла целую доску-вешалку для ключей. На ней висел ключ от «смарта», подвала и почтового ящика. Некоторые напоминали ключи от чемоданов, велосипедных или висячих замков. Наконец Хелен нашла то, что искала. Серебряный магнитный ключ компании «EVVA»! На четырех круглых магнитных пластинках был записан код.

Она сунула ключ в карман и вместе с Дасти покинула многоэтажный дом.

Через четверть часа она дошла до практики доктора Розы Харман. На дверной табличке все еще была приклеена отвратительная жвачка. Магнитный ключ подошел. Хелен закрыла за собой дверь. Дасти был возбужден не меньше хозяйки. Он стоял в холле и обнюхивал ковры и туфли.

Хелен сдвинула штору в сторону и выглянула в окно. Никто не заметил, как она проникла внутрь. На парковке рядом с практикой ни души. Только «смарт» цвета зеленый металлик стоял рядом с контейнером для макулатуры. Автомобиль Розы Харман! На нем она приезжала в Грискирхен как Анна Ленер. Теперь Хелен даже вспомнила венский номерной знак. *Черт возьми, кто же ты на самом деле?*

На стенах холла она впервые увидела фотографии Розы. Обрамленные вырезки из газет и снимки с различных конгрессов, съездов и церемоний награждений. Роза выглядела именно так, как ее

описал гинеколог доктор Раховский: высокая, спортивная, сексуальная, около сорока лет, с зелеными глазами и модной прической на коротких каштановых волосах. Она излучала такую уверенность в себе, что можно было умереть от зависти. Неудивительно, что Франк нашел эту женщину привлекательной.

Хелен пришли на память слова гинеколога. «Она даже чем-то похожа на вас». Он был прав. На первый взгляд они принадлежали к одному типу женщин. Парадоксально, но этот факт немного утешил Хелен. Если уж Франк изменил ей, то хотя бы с красавицей, а не с достойной сожаления серой мышью. Невероятно, что Хелен повелась на ее легенду незаметной помощницы в аптеке, ведущей одинокую жизнь. Это не очень хорошо характеризовало Хелен как психотерапевта, которая вообще-то в силу своей профессии должна видеть клиентов насквозь. Но даже психотерапевты иногда ошибаются в людях. Кроме того, Роза Харман сама опытный терапевт – и, очевидно, хорошая актриса.

Крупный снимок Розы за кафедрой докладчика особенно заинтересовал Хелен. Она изучала черты лица этой многоликой женщины. Роза производила впечатление красноречивого и независимого человека. Но в седом парике, роговых очках, с большим слоем пудры на лице и сгорбленной спиной она будет выглядеть старше и очень походить на клиентку Анну Ленер.

У Хелен застучало в висках, когда она попыталась додумать недостающие части пазла. Эмблема на трибуне указывала на заседание Министерства внутренних дел. Возможно, Роза делала психологические заключения для суда. Как прокурор, Франк, вероятно, работал с Розой над общими делами. Должно быть, так они и познакомились. В конце концов, Хелен тоже наткнулась на Франка в ходе собственного процесса. Возможно, эти отношения длятся уже много лет, даже дольше, чем их брак. На фотографиях Роза выглядела как женщина, которая своего не упустит.

Хелен могла объяснить себе все это только следующим образом: когда Роза забеременела – намеренно или нет, – она захотела привязать к себе Франка. Решила выжить Хелен и под видом застенчивой стареющей женщины начала проходить терапию у своей соперницы, чтобы шпионить за ней. У такого коварного человека наверняка много

врагов. И сейчас один из них каждый час отрезает Розе по одному пальцу.

Дасти затывкали.

– Все хорошо, малыш. – Хелен присела на корточки и погладила терьера по шее. – Мы побудем здесь какое-то время. Тут становится все интереснее.

Левая дверь вела в комнату для сеансов терапии – светлое помещение с диваном, стеклянным столом и эркерным окном с видом на парк. На столе лежали диктофон и блокнот для записей. Будильник смотрел в другую сторону. *Умно!* Чтобы клиент инстинктивно садился на диван. Напротив находился кабинет Розы. Дверь была открыта. *Тоже умно!* Чтобы у клиента не возникало чувства, будто Роза что-то скрывает. Изощренная женщина.

Комната для терапии не интересовала Хелен. Чего не скажешь о Дасти. Он вбежал внутрь, прыгнул на диван и вытянулся, как будто хотел один занять все сиденья. В отличие от него Хелен было не по себе, когда она открывала шкафы в чужой кухонной нише. Наконец нашла глубокую тарелку, налила в нее воду и поставила перед Дасти на пол. Затем вошла в прилегающий кабинет.

– Давай поищем твоего похитителя, – пробормотала она и взглянула на настольный календарь на письменном столе Розы.

Она полистала последние недели. Всего около двадцати людей, у которых с Розой была назначена встреча. Хелен пока не знала, что именно ищет, но это выяснится в ближайшие минуты. В шкафах она нашла папки к каждому из указанных в календаре имен и заглянула в них. Детей и женщин сразу исключила. Уже скоро она поняла систему, которую Роза использовала для хранения документов. На полке с зелеными папками находились случаи клиентов с тяжелыми расстройствами личности без шансов на выздоровление. Как известно, зеленый цвет означает надежду – возможно, это подсказка доктора Харман. *Никогда не терять надежду и пытаться сделать для клиентов все возможное.* Хелен хотела посмотреть все дела и открыла первую папку с надписью *Клинические расстройства личности, начавшиеся в детском возрасте.* Интуиция подсказывала ей, что нужно искать мужчину от двадцати до тридцати лет с травмой

развития, который проходил психотерапию у доктора Харман в последние полгода.

Она торопливо перебирала зеленые разделители. Ульф Ланг, сорок два года, машинист поезда, проблема завоевания авторитета у своего начальника. Венский нотариус Томас Пробст то и дело пытается причинить себе увечья, а бизнес-консультант Кристиан Гарке никак не может справиться со своими наклонностями педофила. Значит, с такими людьми Роза тоже работает! Однако внутренний голос подсказывал Хелен: эти мужчины слишком старые. Просмотрев документы еще десяти клиентов, она наткнулась на дело двадцатитрехлетнего автомеханика. Его фамилия невольно напомнила ей французское слово *bon* – хороший. Но такое сравнение было неуместно. Слишком сильное противоречие: то, что Хелен прочла в документах, выглядело не очень хорошо. Карл Бони пришел к доктору Харман не по собственному желанию. Он получил три года условно за хранение наркотиков, домогательства и нанесение телесных повреждений. Однако суд заменил ему тюремное заключение на сеансы психотерапии. Если бы Карл еще и торговал кокаином, этого бы не случилось. Карлу невероятно повезло, что ему вынесли такой мягкий приговор. Возможно, на горе Розе.

Хелен закрыла папку. Много указывало на то, что именно Карл Бони был тем чудовищем, кто похитил и изувечил Розу. Его ненависть к женщинам, принудительная психотерапия и домогательства вписывались в картину, как части пазла, – но пока это не больше чем робкое предположение. Недостаточно, чтобы записать сообщение голосовой почты. В принципе, Хелен должна признаться себе, что знает так же мало, как и прежде.

Из соседней комнаты доносилось тихое похрапывание Дасти. Она присела к терьеру на диван и погладила его по шее. Дасти перевернулся во сне на спину и вытянул все четыре лапы.

Спустя какое-то время Хелен поднялась и оглядела комнату для сеансов терапии. Специализированная литература по логотерапии, пластинки Майлза Дейвиса и Дюка Эллингтона, большое количество дисков с медленной джазовой музыкой и романы времен битников^[20] и эры наркотиков. Чуть постарше – и Роза Харман была бы типичной представительницей семидесятых, которая плывет против течения и нарушает общественные устои. В принципе, Хелен могла бы даже

отнестись к этой женщине с симпатией, если бы не ее лживость и коварство. А так в ее глазах Роза была обычной карьеристкой, ревнивой и помешанной на сексе ведьмой, которая разрушала жизнь других людей.

Прежде чем Хелен вышла из комнаты, чтобы продолжить поиски, ее взгляд упал на комод. Сверху лежал надорванный конверт. Самого письма не было, но получатель ее заинтересовал. Письмо было адресовано судье Петре Лугретти. Хелен ее знала. Это бывшая жена Франка, раньше она занималась преступлениями несовершеннолетних. Под конвертом лежал стандартный формуляр для оценки текущей психотерапии. На нем было указано только имя клиента: Карл Бони. Круг сужался.

Рядом на комодке стоял бокал с отпечатками розовой губной помады. Хелен понюхала – апероль. Ладно, о чем это ей говорит? Роза Харман хотела составить письмо для суда с заключением или отзывом о терапии Карла Бони – что бы то ни было. Но, очевидно, это письмо так и не было отправлено. Похоже, именно Петра Лугретти направила клиента к Розе. Возможно, Роза уже раньше работала с судьей Лугретти и через нее познакомилась с ее бывшим мужем Франком. Существует много разных возможностей. Мир тесен!

Забудь же наконец о Франке, напомнила она себе. Сосредоточься на Карле Бони. Возможно, он совсем не тот, кто тебе нужен!

Хелен вернулась в кабинет и снова открыла дело Карла. В учетном плане нашла дату его последнего визита: пятница 20 мая. У Хелен похолодело сердце. Значит, сеанс психотерапии состоялся за три дня до похищения Харман. В тот самый день, когда она, переодетая Анной Ленер, была у Хелен.

Она полистала записи Розы. Доктор Харман была не первым психотерапевтом, кто пытался работать с Карлом, – но пока она преуспела в этом лучше других. Судя по ее комментариям, доктор Харман была невысокого мнения о простом лечении симптомов, а предпочитала долгосрочные методы. Она хотела добраться до сути расстройства личности Карла и раскрыть ему глаза на истинные причины его поведения. Рискованный путь. В рукописных заметках сообщалось, что случай Карла Бони одновременно интересен и опасен. Возможно, поэтому в разделе «Метод» стояла пометка: «Аудиозапись». Харман записывала сеансы на диктофон!

Хелен почувствовала, что она на верном пути. Обычно к аудиозаписям прибегают во время тяжелых сеансов психотерапии или если нужно составить щекотливое судебное заключение. Она пооткрывала все ящики и шкафы. Наконец нашла коробку с узкими кассетами для диктофона. Всего она обнаружила девять кассет с записями вводной беседы и восьми встреч.

В той же самой пластиковой коробке лежали еще пять кассет, подписанные «Размышления К. Б.». Надпись смазана вправо. Хелен уставилась на этикетки. По спине побежали мурашки. Это почерк левши, который она уже видела на адресованных ей коробочках с отрезанными пальцами.

Она наплевала на все предостережения и включила свой сотовый. Следующий полный час еще не начался. Торопливо написала эсэмэс и отправила на личный номер Бена Колера. «Карл Бони похитил Розу Харман!» Потом снова отключила телефон. Как только Бен прочитает эсэмэс, уголовная полиция начнет поиски Бони. Но зачем он похитил и изувечил своего психотерапевта? У Хелен оставалось чуть больше шести часов, чтобы это выяснить. Ответ скрывается в кассетах. Ей лучше взять папку, диктофон и кассеты и поехать домой? Она лишь потеряет драгоценное время. Да и Франк не даст покоя и будет нервировать подготовкой к своей вечеринке. А зачем ей это случилось?

Хелен решила остаться. Она вытащила коробку из ящика и пошла в комнату для сеансов психотерапии, где безмятежно дремал Дасти. Села на диван и вставила первую кассету в диктофон.

«Вторник двадцать восьмое декабря. Сеанс психотерапии с Карлом Бони. Сейчас почти три часа дня. Я жду его прихода с минуты на минуту. Надеюсь, он не тот, за кого я его принимаю...»

Сомнений быть не может! Хелен узнала голос своей клиентки Анны Ленер. Тот же самый голос, который по телефону похитителя умолял спасти ей жизнь.

Сабина сидела в кофейне с чашкой эспрессо и круассаном и наблюдала за залом прилета венского аэропорта. Постоянно открывалась автоматическая дверь, и люди устремлялись из зоны таможенного контроля наружу. Путешественники с рюкзаками, менеджеры с портфелями и загорелые семьи в соломенных шляпах и разноцветных футболках. Почти всех кто-то встречал. Больше всех радовались собаки, они подпрыгивали от возбуждения, виляли хвостом и радостно приветствовали своих хозяев.

Снейдеру нужно было что-то уладить в кабинете таможенников. Потом и он вышел из раскрывшихся автоматических дверей – толкая перед собой свой огромный огненно-красный чемодан «Самсонайт». Увидев в аэропорту филиал «Гаитал», он просигнализировал Сабине, что хочет туда, и направился к книжному магазину, как верблюд, учуявший воду. Пусть там и ждет Бена Колера.

Сабина достала сотовый и поговорила сначала с Моникой, потом с Доктором Глазом, любимым зятем, а затем со своим шефом Колоновичем. Ее начальник уже знал о командировке со Снейдером. Что касается отца, хороших новостей не было. ЛКА хотели выпустить его из следственного изолятора лишь после того, как Сабина поговорит с сотрудниками полиции. Она вытащила срочное письмо и позвонила указанному там коллеге. Но тот хотел лично встретиться с ней в участке. Заочно никаких решений приниматься не будет. Сабина положила трубку. *Козел!* Теперь она к тому же виновата в том, что отца не отпускают из-под стражи, а это лишь ухудшало настроение.

Через сорок пять минут Сабина расплатилась и тоже направилась в книжный магазин. Снейдер шел навстречу ей по проходу между полками. Одной рукой он катил тяжелый чемодан, в другой держал книгу.

– Вы вообще не читаете? – спросил он.

– Времени нет. Мое – это скорее слушать аудиокниги в машине.

Когда они вышли из магазина через вертящуюся дверь, молодой человек перегородил Снейдеру дорогу и сунул ему под нос какое-то удостоверение.

– Служба контроля магазина. Пожалуйста, пройдемте со мной.

У Сабины на мгновение замерло сердце. Ее первой мыслью было: Снейдер украл книгу.

Снейдер оставался невозмутимым.

– В чем дело?

– Пожалуйста, пройдемте со мной в бюро, – повторил парень.

Снейдер помахал книгой, которую держал в руке.

– Из-за этого?

– Вы можете предъявить на нее чек?

Снейдер не торопясь поставил чемодан рядом с собой. С выдвижной ручкой тот был около полутора метров высотой. О господи, подумала Сабина. Сейчас повторится такая же неловкая сцена, как со стюардессой в самолете. Но, на удивление, Снейдер молча вручил книгу охраннику.

Сабина взглянула на обложку. Биография писательницы Бригитты Швайгер. В первой трети книги была вложена закладка, некоторые страницы были загнуты, а сзади красовалась печать с фамилией Снейдера. Сабина даже разглядела номер экслибриса: 398. Под ним находилась дарственная надпись от руки.

– Простите, – извинился детектив и вернул книгу Снейдеру.

Тот, не говоря ни слова, взял ее и сунул в наружный карман чемодана. Затем они пошли дальше.

– Вы читаете только биографии? – спросила Сабина.

– В основном. Швайгер утопилась в Дунае.

– Как и Вирджиния Вульф, – заметила Сабина. – Вас завораживает мысль о суициде?

– В психиатрии Швайгер часто говорила о более коротком пути, который хотела выбрать. Вы правы, добровольная смерть – это завораживающая тема. – Снейдер огляделся. Наконец кивнул в сторону выхода, который вел к стоянке такси. Там стоял широкоплечий мужчина с короткими светлыми волосами и в черной ветровке «Jack Wofskin» и оглядывался. – Это наш парень. Следователей я за версту чую.

Они направились к блондину.

– Полагаю, вы Бен Колер, – сказал Снейдер.

Мужчина повернулся и с удивлением посмотрел на него.

– Вы Мартен Снейдер?

– Мартен С. Снейдер, – поправил тот. – Это моя коллега Сабина Немез. БКА Висбадена и уголовная полиция Мюнхена.

Сабина Х. Немез, мысленно проговорила она про себя. Как по-идиотски это звучит!

Они обменялись рукопожатиями. Колер изучал Сабину. Его взгляд задержался на ее серебристой пряди и груди – но не слишком долго, чтобы ей стало неприятно. Сабина от всей души надеялась, что Снейдер будет вежлив. Она по опыту знала, какая аллергия может быть у сотрудников полиции на иностранных коллег – особенно если те ведут себя надменно. А Снейдер этим грешил.

– Хотите поехать в участок? – спросил Колер.

– Что нам там делать? – возразил Снейдер. – Хотите пригласить нас на кофе меланж и торт «Захер»? С превеликим удовольствием! – сымитировал он венский диалект. – Я отправил вам из самолета эсэмэс о том, *что* вы должны подготовить.

Колер пожал плечами:

– Значит, не повезло. Голосовая почта моего старого телефона полна под завязку. К тому же аккумулятор, как правило, не заряжен. Хотите не хотите, но вам придется говорить со мной.

– Хорошо, тогда я предлагаю вам наконец-то пошевелить своей задницей и отвезти нас прямо в квартиру Карла Бони.

Сабина глубоко вздохнула. Вот и вся вежливость.

– Два часа назад коллеги перевернули квартиру вверх дном, – сдержанно ответил Колер.

– Тогда мы обыщем ее еще раз!

– Зачем?

– Чтобы поважничать! – ответил Снейдер. – Теперь отнесите мой чемодан в машину, чтобы не терять еще больше времени.

Сабине хотелось провалиться сквозь землю. Лучше бы она осталась дома и пошла на допрос к коллегам.

– Само собой разумеется. – Колер оставался все таким же дружелюбным. – Мадам! – Он взял у Сабины дорожную сумку, повесил на плечо и пошел вперед. Снейдера с его большим красным «Самсонайтом» он проигнорировал.

Это и есть знаменитый венский шарм? Сабина улыбнулась. Возможно, она здесь все же в хороших руках.

Приблизительно через сто метров они дошли до машины Колера, припаркованной в зоне запрещенной стоянки перед залом прилета. Под лобовым стеклом лежало его удостоверение сотрудника уголовной полиции. А именно – главного инспектора. Качая головой, он смял штрафную квитанцию. В это время Снейдер запихнул свой чемодан в багажник «ауди», где почти не осталось свободного места. Открыл чемодан и расстегнул молнию на лежащей сверху черной кожаной сумочке. В ней лежала коричневая кожаная кобура с блестящим «глоком-17». Снейдер снял пиджак, надел наплечную кобуру и вставил магазин в рукоятку пистолета.

У Сабины чуть глаза на лоб не полезли. Сумасшедший! Взять оружие с собой за границу.

– Вы приехали с «глоком»? – сухо заметил Колер, с трудом утрамбовывая сумку Сабины в багажник.

– Как всегда. Я регистрирую пистолет, его безопасно транспортируют, и таможенники выдают его мне по прилете.

– Процедура мне известна. – Колер открыл Сабине дверцу автомобиля. Улыбаясь, она села на переднее пассажирское сиденье. Значит, Снейдеру придется ехать сзади.

– «Глок» – хорошая модель, – сказал Колер.

– Это правда, – согласился Снейдер. – Хотя и австрийский пистолет.

Сабина закатила глаза. Очевидно, между Колером и Снейдером возникла любовь с первого взгляда. Но австриец несколько не спасовал, в отличие от ее коллеги Симона. Мужчины сели в машину, Колер вырулил с места парковки и нажал на газ.

– Я как-то раз стрелял из голландского боевого пистолета, – сказал Колер и посмотрел на Снейдера в зеркало заднего вида. – Но «Королева Вильгельмина» ненадежная модель. Ствол длинный, но неточный и слабый.

«О боже, – подумала Сабина, – вот это будет поездочка».

Снейдер никак на это не отреагировал. Вытащил из сумки кисет для табака и скрутил сигарету.

– Не возражаете, если я скручу самокрутку?

– Нет, пожалуйста, – ответил Колер. – Только если не будете курить.

– Вы что, святой самаритянин?

Сабина смотрела в окно и разглядывала башню, мимо которой они как раз проезжали.

– Я даже впереди чувствую запах марихуаны.

– Скажете, что никогда не курили травку?

– Не на службе, – ответил Колер. – Она замедляет реакцию.

Снейдер наклонился вперед между сиденьями.

– И подавляет влияние окружающей среды. Благодаря этому иногда отчетливо выкристаллизовывается какая-нибудь мельчайшая деталь со всеми своими гранями, которую раньше не замечали. Это усиливает ассоциативное мышление.

– Тугодумам может быть очень полезно, – прокомментировал Колер.

– Все туго соображают. Просто этого никто не замечает по той же самой причине. – Снейдер снова откинулся назад. – На службе травка очень помогает.

– Этим вы наверняка снискали расположение начальства.

Снейдер вяло улыбнулся.

– Все директора БКА меня терпеть не могли. Но я воспринимаю это как комплимент.

Сабина повернулась к мужчинам.

– Мы можем прекратить этот детский сад и разговаривать друг с другом по-человечески?

Оба замолчали.

Стоял теплый день, и солнце освещало силуэты приближающегося города. Они ехали по автобану, ведущему к Вене. Колер опустил боковое стекло, чтобы теплый воздух проникал в салон машины.

– Ваши коллеги уже нашли Карла Бони? – спросила Сабина.

– Оперативники ищут, но он бесследно исчез. – Колер достал из бардачка узкие солнечные очки и надел их. – Уже почти два месяца не появлялся на работе. «Рубен и сыновья». Сомнительная автомастерская, которая торгует не тачками, а каким-то металлоломом. Старый Рубен даже не заявил об исчезновении своего механика.

– Мать Карла пропала в то же время? – уточнила она.

– Спустя два дня. Возможно, они скрылись вместе.

Сабина подозревала другое.

Снейдер снова наклонился вперед.

– Маловероятно. За последние два месяца из окружения Карла были похищены, а вскоре и убиты четыре женщины. Две учительницы, соседка и его тетя. Предположительно, его мать мертва уже два месяца, а вы просто еще не обнаружили ее труп.

– Что вы предлагаете? – спросил Колер.

– Где он живет?

– Во втором районе, на улице Лассаля, скверная местность. Мы будем там через двадцать минут. – Колер съехал с автобана и пересек перекресток, когда светофор уже переключился с желтого сигнала на красный. Не обращая внимания на сигнализирующих водителей, он резко повернул, так что чемодан Снейдера ударился о стенку багажника.

– Не теряйте времени, – сказал Снейдер. – Позвоните и направьте несколько поисковых групп. Пусть обыщут подвалы собора Святого Стефана и склепы венских церквей, именно там может быть труп.

Колер бросил на него скептический взгляд поверх солнечных очков, но достал мобильный.

– Надеюсь, вы ошибаетесь.

Второй район находился между Дунаем и Дунайским каналом и напоминал остров. Венцы называли эту часть города «Месопотамией», как объяснил им Колер. Районы по другую сторону Дуная назывались «Трансданубией»^[21]. У жителей Вены было странное чувство юмора. Колер въехал на улицу Лассаля и припарковался вторым рядом. Старые недействующие трамвайные рельсы заросли травой и сорняками, которые пробивались между камнями на булыжной мостовой. Карл жил в старом доме. Пятиэтажное здание с серым осыпающимся фасадом и частично треснувшими оконными стеклами напоминало наследие послевоенного времени. Некоторые квартиры наверняка пустовали. На углу дома находилась парикмахерская, рядом торговали овощами. Видимо, в Вене недавно прошел дождь. Пахло собачьим пометом и гнилыми фруктами. Колер направился к открытым двухстворчатым воротам из дерева в арке дома.

Но Снейдер остановился и молча указал на заржавевший автофургон, припаркованный в десяти метрах от входа. Эмблема «Рубен и сыновья» красовалась сбоку на кузове.

– Возможно, Карл украл машину. – Он посмотрел на крышу дома. – И наверняка сейчас наверху. Вперед!

Они побежали через ворота. Дорожка вела во внутренний двор, справа вверх уходила винтовая лестница с кривыми мраморными ступенями.

– Квартира находится на втором этаже, дверь с номером девять.

Сабина и Снейдер последовали за полицейским. С нижним этажом и мезонином получалось вообще-то три этажа. Чего еще ожидать в Вене! Лифт – установленное сравнительно недавно чудовище из стали, с крохотной кабиной и решетчатой дверью – не работал, о чем сообщала висящая на нем табличка.

Квартира Карла, с пожелтевшей девяткой под глазком, была уже вскрыта венским научно-экспертным отделом по распоряжению Снейдера. Дверной замок закрывала пломба. Правда, разорванная.

Снейдер ногтем раздвинул бумагу.

– Полагаю, это не ваши коллеги возвращались, потому что что-то забыли? – прошептал он.

Колер помотал головой и достал пистолет из кобуры. В этот момент кто-то вызвал лифт. Сабина посмотрела наверх и заметила старую женщину с пустой сумкой для покупок в руке. Лифт работал, вопреки висящей на его двери табличке.

Когда кабина проезжала мимо них, Снейдер тоже вытащил оружие и осторожно нажал на ручку двери. Не заперто! Снейдер вошел внутрь, за ним Колер. Сабина зашла в квартиру последней.

В прихожей было темно. Окна квартиры выходили в узкий серый внутренний дворик. Трехметровые потолки. Обои с цветочками наверняка сохранились еще с шестидесятых годов. Электрическая проводка шла прямо по стенам. В прихожей с потолка свисала унылая лампочка без абажура. Сабина хотела нажать на выключатель, но Колер знаком запретил ей это делать.

Они тихо прокрались на кухню. Аскетичная обстановка – плита, стол и угловой диванчик. Пахло мочой. На полу рядом с кучей цветных обрезков поролона лежал ручной фонарик и подкладное судно. Снейдер поморщил нос. Перешагнул через судно и потрогал пальцем влажную землю в цветочном горшке на подоконнике. Потом открыл посудомоечную машину. Тарелки грязные, но стоят там точно не два месяца. Колер повернул к себе пакет молока рядом с раковиной и указал на дату – срок годности истекал в июне. Карл Бони по-прежнему жил здесь.

Тут из соседней комнаты послышался какой-то шум. Словно повернули оконную ручку.

Снейдер бросился мимо Сабины в комнату. За ним Колер.

– Руки за голову, на колени и не двигаться! – прогремел голос Снейдера.

Сабина побежала в комнату. В гостиной находились комод, диван и столик с компьютером. Монитор мерцал. Перед открытым окном стоял поджарый высокий парень в голубом комбинезоне и ботинках со стальными носками. Под испачканной маслом белой футболкой вырисовывались плечи и мускулистые руки. На вид Сабина дала бы ему около двадцати трех лет. В этот момент в голове у нее крутилась одна-единственная мысль: *Ты убил мою маму!* Она хотела броситься на него, но парень держал в руке пистолет. Ствол был направлен на Снейдера.

– Спокойно, дружок, – сказал Снейдер. – Мы просто хотим с тобой поговорить. Опустить оружие!

Мужчина не отреагировал. Рядом с окном была металлическая лестница, ведущая на крышу. Он ведь не собирается сбежать по крыше? Или хочет перебраться по широкому карнизу в квартиру соседей?

– Я выйду в это окно, – спокойно произнес парень. – Если кто-нибудь вздумает мне помешать, я застрелю малышку – вам решать. – Он наставил пистолет на Сабину.

Во рту у нее пересохло, а ладони вспотели. Он не может скрыться, пока она не получит от него ответы на вопросы! *Почему ты, сукин сын, убил мою маму? Что она тебе сделала? Учила тебя в начальной школе? Это ее единственная ошибка?*

Колер встал перед Сабиной.

– Вы арестованы!

– Мудаки...

Прогремел выстрел. Пуля просвистела рядом с головой Сабины и попала в дверную раму. Щепки и цемент полетели Сабине в лицо. Инстинктивно она вскинула руки и упала на пол.

Снейдер выстрелил и попал Карлу в правое плечо. Карла резко развернуло. Его следующая пуля полетела через лампу в потолок. На пол посыпались осколки стекла и штукатурка. Снейдер побежал к Карлу, но тот шатнулся назад, потерял равновесие и хотел ухватиться

за оконную створку. Но не успел и полетел вниз. На секунду Снейдер схватил его за штанину, но ткань порвалась и выскользнула у него из пальцев.

Снизу донеслись крик и глухой удар. Снейдер перегнулся через подоконник.

– *Verdomme!*^[22] Он ударился головой о мусорный бак. Вызовите скорую помощь! – Снейдер выбежал мимо Сабины из квартиры.

Колер выглянул из окна, потом позвонил в неотложку. А Сабина поспешила за своим коллегой вниз по лестнице. Тяжело дыша, выбежала во внутренний двор. Он был небольшой, всего несколько квадратных метров, – места хватало для мусорных баков, велосипедов, детских колясок и песка для посыпки дорожек зимой.

– Он жив? – крикнул сверху Колер.

– Да. – Снейдер вытащил у Карла из руки малокалиберный пистолет и сунул себе за пояс.

Карл Бони лежал в луже крови. В плече застряла пуля Снейдера. Но травма головы выглядела намного хуже. Из рваной раны на затылке так сильно хлестала кровь, что Снейдер снял пиджак, смял его и приложил к ране.

– Он без сознания. Идите сюда и зажмите ему плечо!

Сабина колебалась. Почему она должна помогать и спасти жизнь этому мерзавцу? Да пусть подыхает! Как умерли женщины, которых он пытал.

– Подойдите!

Ее руки дрожали. Она с огромным удовольствием застрелила бы этого ублюдка на месте. Но если Карл сейчас умрет, она никогда не получит ответа на свои вопросы.

– Ну же!

Она опустилась на колени рядом с Карлом и ладонью зажала пулевое отверстие. Глаза Карла дергались под веками, словно он спал и переживал самый ужасный ночной кошмар в своей жизни. Но все только начинается. Это я тебе гарантирую!

Через несколько минут послышалась сирена машины скорой помощи. Голубой свет мигалки озарял внутренний дворик. Врач и два санитаря с носилками уже бежали к ним. Между тем пять или шесть жильцов высунулись из окон. Колер сдерживал любопытных зевак.

– Рваная рана на затылке, сломанное ребро и пулевое ранение в плечо, – объяснял Снейдер врачу.

Доктор, пятидесятилетний мужчина с густой седой бородой, порывисто отгеснил Снейдера в сторону.

– Спасибо, но я делаю это не в первый раз.

– Как только мужчина придет в сознание, мы должны его допросить.

– Ясно, – буркнул врач, что больше походило на «Проваливай!». Он сделал Карлу укол в плечо. Увидев рану на затылке, поморщился. Потом быстро наложил повязку на голову. Санитары подняли Карла на носилки, откинули ножки с колесиками и покатали его к карете скорой помощи. На булыжной мостовой осталась только лужа крови и испачканный пиджак Снейдера.

– Мужчина был только что арестован и опасен, – сказал Колер доктору. – Я поеду с вами в больницу.

Прежде чем Колер исчез, Снейдер вручил ему пистолет Карла.

– Если он придет в себя, спросите его, где он спрятал труп своей матери.

Колер взял оружие.

– БКА Вены находится недалеко отсюда. В девятом районе, площадь Йозефа Холаубека. Встретимся там через час. – Он последовал за доктором в заднюю часть кузова кареты скорой помощи. Сирена завывала, и машина, визжа покрывками, укатила.

Снейдер не произнес ни слова.

Сабина вытерла окровавленные ладони о джинсы.

– Вот и все.

– Возможно, для вас, потому что этот парень почти наверняка убил вашу маму. – Снейдер покачал головой. – Но не все так однозначно. – Он сунул в рот самокрутку и, закрыв глаза, вдохнул дым. Крошки табака прилипли к его губе, он смахнул их рукой. Люди все еще пялились из окон.

Сабина почувствовала запах травки, и ее начало подташнивать.

– Что васстораживает?

Какое-то время Снейдер ничего не говорил. Он ждал, пока подействует марихуана. Наконец открыл глаза.

– Могу вам сказать. Почему Карл держал пистолет наготове, если просто сидел за компьютером? И почему хотел сбежать из собственной

квартиры через окно, когда услышал, как открылась дверь?

– Это же ясно. Потому что уголовная полиция обыскала его квартиру и наложила на дверь пломбу, которую ему пришлось сорвать, – ответила Сабина. Почему Снейдер так туго соображает?

Он наморщил лоб.

– Возможно – но маловероятно.

– Давайте посмотрим, что у него на жестком диске компьютера, – предложила Сабина.

Снейдер мотнул головой, словно компьютер интересовал его не больше, чем предстоящая месса папы в честь Святой Троицы.

– Вы заметили на кухне судно?

– Да, им недавно пользовались. Отвратительная вонь, – ответила она.

– Рядом лежали лоскуты материи, кабельные стяжки и разрезанный на кусочки поролон.

Кабельных стяжек Сабина не заметила, остальное видела.

– Когда кого-то приковывают к трубе или решетке, то сначала оборачивают металлические части поролоном, чтобы по ним нельзя было стучать костяшками пальцев.

– А тряпки служат кляпом? – спросила Сабина.

Снейдер еще раз затыкнулся.

– Возможно.

Предположение показалась ей притянутым за уши.

– Вы считаете, что он держит свою мать в подвалах какой-то близлежащей церкви?

Снейдер покачал головой.

– Судно говорит о том, что его жертва находится где-то рядом. – Он бросил окурок на пол и затушил ботинком. – Белочка, давайте проверим подвал дома.

Лестница, ведущая в подвал старого дома на улице Лассалья, была узкой, как спуск в какое-нибудь средневековое подземелье. Пахло картофелем, морковью и гнилью. Влажность, словно паразит, въелась в штукатурку. Электропроводка была проложена прямо по стенам, на лампах накаливания засох конденсат от заржавевших патронов, отчего проход перед Сабиной казался красновато-коричневого цвета. Удивительно, что предохранители не вылетели из допотопного электрощита, как пиротехнические ракеты.

Снейдер шел за ней. Где-то на глубине трех метров они наткнулись на деревянную решетку с навесным замком. Дверные петли скрипели. За дверью тянулся коридор со сводчатым каменным потолком, уходящий куда-то в темноту.

Снейдер поковырял пальцем покрытую трещинами стену.

– Старое бомбоубежище времен войны, – определил он. – В Роттердаме таких десятки. Фундамент здания вместе с подвалом должны быть взяты под охрану, как исторический памятник, – но, я полагаю, в Вене сотни подобных домов.

Внезапно Сабина вспомнила трупный запах в колодце дрезденского собора. Она не могла идти дальше: внутри ее все противилось. Она больше не хотела находить мертвецов. Снейдер протиснулся мимо нее и пошел вперед. Стук его подбитых подошв зловеще раздавался в коридоре, отражаясь от стен. Нехотя Сабина пошла следом.

Снейдер остановился перед деревянной дверью. Подвальный отсек номер девять. На деревянной раме была наклеена пломба. Он сорвал ее, открыл дверь, просунул руку внутрь и щелкнул выключателем. На потолке зажглась грязная лампочка в двадцать пять ватт. Хуже освещение вряд ли возможно. В узком помещении были навалены автопокрышки, канистры, выхлопные трубы и старые бензиновые двигатели.

– Ложная тревога, – пробормотал Снейдер.

Сабина рассматривала подвальные отсеки с номерами от одного до восьми. Все они были в два раза больше подвала Карла. Почему именно у механика со всем этим хламом самое маленькое подвальное

помещение? Отсеки с номерами от десяти до шестнадцати тоже были в два раза больше. Сабина подошла к двери узкой кладовки, которая примыкала к отсеку Карла. Номера нет!

– Взгляните, – сказала она. – Карл мог построить внутреннюю стенку и установить дополнительную дверь.

Снейдер прижался ухом к двери.

– Ничего не слышно... но чувствуете запах?

Сабина кивнула. Едкий запах мочи просачивался через щели в двери, и это точно не крысы. Снейдер подергал ручку – забрякал тяжелый амбарный замок. Эта рама не была опломбирована. Значит, сотрудники уголовной полиции не проверили, что там за дверь без номера. Снейдер сделал шаг назад, размахнулся и пнул по двери. Дерево затрещало. Рама погнулась. Еще удар по двери. Снейдер оказался сильнее, чем думала Сабина. Видимо, охота на убийцу спровоцировала основательный выброс адреналина. С третьей попытки полетели деревянные щепки, и дверь открылась.

Тусклый свет из коридора проникал в помещение. Снейдер ощупью нашел выключатель и щелкнул им, но внутри не стало светлее. Постепенно глаза Сабины привыкли к темноте. В дальнем углу на полу лежал матрас, на нем она разглядела силуэт человека. Сабину затошнило. Но она должна преодолеть себя! Она вошла и присела на корточки рядом с матрасом. Жуткий невыносимый запах мочи и кала. Сабина протянула руку и нащупала холодные голые и тощие ноги человека.

– Здесь кто-то лежит, – прошептала она.

– Ни к чему не прикасайтесь! – приказал Снейдер. – На кухне у Карла лежит фонарик. Я сейчас вернусь.

– Подождите! – невольно прошептала Сабина. Она вытащила из кармана джинсов сотовый телефон и активировала дисплей. – Подержите!

Снейдер схватил телефон и осветил на матрас: там лежала женщина лет сорока с длинными свалывшимися волосами, в трусиках и майке на тонких бретельках – и то и другое было в поту и угольной пыли. Женщина не двигалась. Во рту у нее торчал кляп. Снейдер осветил ее конечности. Руки и ноги были связаны и прикованы к двум тяжелым бетонным опорам для садового шатра. Как он и предполагал,

металлические штыри были обмотаны поролоном. Женщина лежала на матрасе, как на пыточной скамье.

Сабина нащупала у нее на шее сонную артерию. Это было невероятно.

– Она жива.

Снейдер осветил ее лицо. Глаза закрыты. Никакой реакции. Лицо такое же осунувшееся, как и все тело. Выступающие скулы, потрескавшиеся губы. Наверняка она ничего не ела несколько недель.

Сабина осторожно вытащила у нее изо рта кляп. За ним оказался еще какой-то лоскут. Она просунула тонкие пальцы в глотку и достала размякшую тряпку. Она была влажная и пахла рвотой. Просто чудо, что женщина не задохнулась.

Сабина повернулась к Снейдеру:

– Нужно вызвать скорую помощь.

– Осторожно!

Краем глаза Сабина заметила, как голова женщины дернулась вперед. Потом она ощутила укус. Зубы со всей силы впились ей в руку. Сабина вскрикнула. Резкая боль отдалась во всем теле. Снейдер тут же подскочил к ней. Он схватил голову женщины и нажал большим пальцем ей за ухом. Но челюсти женщины были как клещи. Зубы все глубже врезались в плоть Сабины. По запястью потекла кровь.

– Сделайте же что-нибудь! – закричала Сабина.

Снейдер надавил сильнее. Медленно женщина разжала челюсти. Сабина отдернула руку, и голова женщины упала обратно на матрас. У нее начался кашель, который затем перешел в рвотные позывы. Снейдер посветил дисплеем телефона на рану Сабины. Отпечатки зубов виднелись на запястье и ладони у основания большого пальца. Из раны текла кровь.

– Ничего, – сказала она.

Снейдер осветил дисплеем свое лицо.

– Мы здесь, чтобы освободить вас, сейчас вы в безопасности.

Глаза женщины, выделявшиеся на исхудавшем лице, зафиксировали Снейдера. Потом зрачки повернулись в сторону, и она покосилась на Сабину.

– Мы вызовем врача и поможем вам, – сказала Сабина.

Снейдер сунул руку в задний карман брюк, вытащил узкий кожаный футляр и открыл его. В свете дисплея Сабина увидела набор с

отмычкой, мини-пилочкой, ножницами для ногтей и перочинным ножом.

– Это лучше, чем швейцарский складной нож.

– Тогда зачем вы сломали дверь?

– Я никогда не умел управляться с отмычкой. – Он разрезал ножницами кабельные стяжки.

Женщина застонала от боли, когда края пластиковых полосок врезались в раны на ее запястьях.

– Осталось совсем немного, потерпите. Как вас зовут?

– Урсула... – простонала она.

– Вы отлично держитесь, Урсула. Очень мужественно. Еще чуть-чуть.

Она приподнялась, когда он освободил ей лодыжки.

Снейдер обратился к Сабине:

– Здесь внизу телефон не ловит сеть. – Он дал ей сотовый. – Поднимитесь наверх и вызовите скорую помощь. Наберите номер службы спасения, сто двенадцать. Там вас соединят со скорой помощью. Когда будете спускаться, захватите с собой покрывало и бутылку воды.

Сабина вышла из подвального отсека, оставив Снейдера в темноте.

– Не бойтесь, Урсула. Сейчас придет помощь. Вы в безопасности, – слышала она его спокойный и деликатный голос. – Только не пугайтесь, Урсула. Я прощупаю вас, чтобы определить, нет ли переломов или внутренних повреждений...

Такого тона Сабина от него не ожидала. Когда Снейдер хотел, он мог быть даже милым.

Она поднялась во внутренний двор и жадно вдыхала свежий воздух. Любопытные зеваки к тому времени уже разошлись по квартирам. Она набрала номер службы экстренной помощи и попросила прислать врача и машину для обезвоженной и исхудавшей женщины. Назвав свою фамилию и венский адрес, она повесила трубку.

Сабина стояла рядом с мусорным баком и смотрела на лужу крови, которая натекла из ран Карла Бони. Испачканный пиджак Снейдера все еще лежал на земле. Когда она его подняла, из внутреннего кармана выпало портмоне. Из отделения для визиток

вылетело несколько карточек. Сабина нагнулась и собрала их. Они были идентичны. На всех значилось «Мартен Сомерсет Снейдер». Сомерсет? Странное второе имя. Ниже был указан его адрес в Висбадене и порядковый номер. Сабина раздвинула карточки. Экслибрис 399, 400, 401 и так далее. Для визиток бумага слишком тонкая. Она перевернула карточки. Это были самоклеящиеся этикетки для лазерного принтера.

Сабина положила все обратно в кошелек и сунула в карман пиджака рядом с айфоном. Затем направилась в квартиру Карла, чтобы поискать покрывало и бутылку воды.

Прошло четверть часа, прежде чем карета скорой помощи подъехала к старинному зданию на улице Лассаля. Из машины вышел тот же самый врач с седой бородой, который увез Карла Бони.

– Были бы у меня без вас пациенты? – цинично спросил он, проходя мимо Снейдера.

Снейдер молчал. Но его взгляд все говорил. Через десять минут из подвала вышли санитары и опустили носилки с женщиной на разложенную каталку. Врач вставил ей в локтевой сгиб канюлю-бабочку. На палке болтался пакет с физраствором.

Когда санитары провезли каталку мимо Сабины к карете скорой помощи, она увидела ужасающе бледное и истощенное лицо женщины. Сколько же Урсулу держали в этой дыре? Пять-шесть дней? Или еще дольше?

Задние двери машины скорой помощи захлопнулись, и Снейдер подошел к Сабине.

– Непривычная ситуация, – пробормотал он. – Обычно, когда я приезжал на место преступления, вызывали судмедэксперта, чтобы осмотреть труп.

– Она наверняка справится, – успокаивала себя Сабина.

– Покажите-ка. – Снейдер взял ее руку и рассмотрел рану от укуса. – Врач должен был и вам оказать первую помощь.

– Да все нормально. Что вам удалось выяснить?

Снейдер выпустил ее руку.

– Ее зовут Урсула Цехетнер, замужем, сорок один год. Она понятия не имеет, кто ее похитил, и не знает никого по имени Карл Бони.

– Профессия?

– Воспитательница в детском саду.

Сабине не нужно было долго думать.

– Карл ходил в Вене в детский сад. Тогда ей было двадцать два.

Сходится.

– Возможно. – Снейдер ощупал карманы брюк в поисках чего-то.

Сабина протянула ему пиджак.

– Ваше портмоне выпало.

– Спасибо. – Он накинул пиджак с уже высохшими пятнами крови и достал из бокового кармана табак и папиросную бумагу.

– Мне кажется, вы не покупаете в «Гаитал» книги, а воруете их, – сказала она в лоб.

Снейдер замер. И вдруг натянул свою знаменитую любезно-презрительную улыбочку.

– С чего вы взяли?

– Вы наклеиваете этикетку на форзаце, загибаете уголки нескольких страниц, пишете дарственную надпись, перегибаете книгу, чтобы корешок помялся, и кладете внутрь закладку.

– Вы сумасшедшая.

– Это какая-то ошибка, господин детектив, – спародировала его голос Сабина. – Книга принадлежит мне. Я уже две недели читаю эту биографию.

– Вы сумасшедшая, – повторил он.

– Я думаю, скорее вы сумасшедший! Не надо морочить мне голову! Если бы я не умела наблюдать и делать выводы, вряд ли меня взяли бы в уголовную полицию. Вы вошли в книжный магазин в Мюнхене с пустыми руками, а вышли с книгой. Точно так же, как и в венском аэропорту.

Снейдер невозмутимо скрутил себе сигарету.

– Зачем мне это?

– Полагаю, вас интересуют исключительно филиалы «Гаитал».

Что означают номера на этикетках?

– Как что? Это экслибрисы.

– Поверить не могу! За все время вы украли четыреста книг?

– Триста девяносто восемь, – поправил он. Слова прозвучали как признание, и Снейдер, видимо, этим гордился.

– У вас такая мизерная зарплата, что приходится воровать книги?

– Вам не понять. – Он вышел с внутреннего двора и направился на улицу, вытаскивая айфон из кармана пиджака. – Наш багаж в машине Колера, а ключа от автомобиля нет.

– И отмычкой вы пользоваться не умеете, – добавила она.

– Правильно. – Снейдер поднял глаза вверх. Небо было по-прежнему в облаках. Лишь кое-где пробивались солнечные лучи. – Пойдемте в отдел уголовного розыска на площади Йозефа Холаубека. – Он наклонил айфон и увеличил изображение планировщика маршрута, который показывал им путь через Вену.

Сабина последовала за Снейдером и какое-то время молчала. Они добрались до поперечной улицы и пошли вдоль трамвайных рельсов. Старый трамвай продребезжал мимо, искря проводами. У отца от такой картины быстрее забилося бы сердце.

– Буква «С» означает Сомерсет? – наконец спросила она.

– Никто из моих коллег не знает, что она означает, – ответил он.

Прозвучало как угроза.

Сабина злорадно улыбнулась.

– Не волнуйтесь, я никому не выдам вашу тайну – Сомерсет.

– Мой отец дал мне это имя в честь Уильяма Сомерсета Моэма. Сомерсет был писателем, тайным агентом и врачом.

– И вором?

– *Vervloekt!*^[23] – Снейдер потер виски. В следующий момент он снова взял себя в руки. – У отца в Роттердаме была маленькая книжная лавка. Бизнес шел не очень хорошо. За год до объединения Германии мы уехали из Нидерландов. Отец открыл в Дуйсбурге новый книжный магазин и специализировался на лирике, подарочных изданиях и литературе для взыскательного читателя. Дело процветало, пока на той же улице не открылся филиал «Гаитал».

– Это не преступление.

– Вы понятия не имеете, – пробурчал он. – Эта сельская баварская наивность мешает вам мыслить широко. «Гаитал» – концерн, который преследует одну-единственную цель: увеличивать прибыль! Руководство оказывает давление на конкурентов, пока не уничтожит их. Так разоряются маленькие семейные предприятия, а «Гаитал», как спрут, раскидывает щупальца по всему книжному рынку. Но вы со своими аудиокнигами об этом и не подозреваете.

Баварская наивность! Она была готова ему шею свернуть.

– Вы-то, конечно, наносите им непоправимый ущерб своими выходками, – иронично заметила она. – Четыреста книг – это около четырех или пяти тысяч евро убытка. Две месячные зарплаты продавщицы, включая дополнительные расходы. Думаете, их это волнует?

– Скорее четыре месячные зарплаты. Кроме того, все дело в принципе. Я должен это делать.

– Вам следовало бы полечить ваш невроз навязчивых состояний.

Снейдер не ответил. Ничего другого Сабина и не ожидала.

Она огляделась.

– На том углу мы должны были свернуть. – Сабина взяла у Снейдера айфон, взглянула на карту города и направилась обратно к парку, мимо которого они только что прошли. В этот момент телефон зазвонил. На дисплее высветилось имя Бена Колера.

– Ответьте на звонок! – крикнул Снейдер ей вслед.

Сабина провела пальцем по дисплею.

– Где вы сейчас? – спросил Колер.

Сабина посмотрела через кованый забор, за которым тянулась двухметровая живая изгородь.

– Мы проходим мимо парка «Аугартен».

– Только сейчас?

Она объяснила ему, что они проверили второй подвальный бокс Карла и нашли воспитательницу детского сада Урсулу Цехетнер, лежащую на матрасе, связанную и истощенную; сейчас она уже на пути в больницу.

– Второй подвальный бокс? – переспросил Колер. Вероятно, у него в голове мелькнула та же мысль, что и у Сабины, – сотрудники венской полиции могли бы обнаружить женщину уже четыре часа назад, если бы провели обыск дома более тщательно. – Отличная работа, – наконец сказал он. – Урсулу Цехетнер разыскивают... – он застучал по клавиатуре, – семь дней. Сейчас у меня нет времени объяснять. Идите к мосту Фриденсбрюке у Дунайского канала. Машина заберет вас там через десять минут.

– Вы не можете сразу послать машину, которая отвезет нас в участок...

– Вы поедете не в участок, – перебил ее Колер. – Водитель отвезет вас на площадь Святой Марии в первом районе.

– Что, экскурсия по городу? – спросила Сабина и тут же вздрогнула. Она что, перенимает циничный тон Снейдера? Ей больше нельзя работать с этим человеком, иначе она утратит свою баварскую наивность и станет такой же, как он.

– Нет, не экскурсия. – Голос Колера звучал подавленно. – Только до церкви Святой Марии, одной из старейших построек в центре города, которой уже восемьсот лет. – Он сделал паузу. – Да, иду... – крикнул он кому-то, потом снова обратился к Сабине: – К сожалению, Снейдер оказался прав. Наши сотрудники нашли в подвальном склепе труп женщины.

Хелен сидела на полу комнаты для психотерапии и смотрела на разложенные вокруг себя записи Розы Харман.

Эта женщина сумасшедшая! Во время спонтанного сеанса погружения в транс она выудила у Карла информацию, потом надела на него, доводя до вопроса, и в конце концов отправила домой, не дав прийти в себя. При мысли об этой бессовестной женщине она вспомнила о Франке. *Вечеринка!*

Было два часа дня. Нужно еще так много всего организовать, о чем Франк даже понятия не имеет. Наверное, он уже десять раз пытался дозвониться ей на сотовый. Но празднование его дня рождения волновало ее сейчас меньше всего.

Хелен уставилась на безжизненный дисплей своего телефона. Для того чтобы записать правильный ответ на голосовую почту, она еще слишком мало знала. Почему Карл Бони похитил своего психотерапевта? У нее оставалось всего три часа времени. Ответ на кассетах. Прежде чем заняться монологами Карла, Хелен хотела послушать запись восьмого и одновременно последнего сеанса в марте. Она вставила кассету в диктофон.

Хелен невольно закусила губу и сжала руку в кулак. Не услышать депрессивные нотки в тоне Розы было просто невозможно. В этот раз голос психотерапевта звучал отстраненно, почти испуганно...

29. Восьмой сеанс психотерапии

Двумя месяцами ранее

Туман стелился по полям, мелкая изморось пылью висела в воздухе, а солнце пряталось за облаками. В этот холодный день Розе хотелось устроиться поудобнее на диване с пледом и хорошей книгой. Но только не по беременности, подготовке к родам или воспитанию детей. Месяц назад она уложила всю эту литературу в коробку, запаковала и поставила в самый дальний угол подвала. При следующем сборе пожертвований для Красного Креста она избавится от коробки, которая навсегда исчезнет из ее жизни вместе со всеми мыслями о неродившемся ребенке. Малышу в ее животе было почти три месяца. Три месяца! Потом вдруг начались сильные спазмы и кровотечение, которое привело к выкидышу. Она чувствовала, что это был мальчик. Он даже не успел открыть глаза, чтобы взглянуть на мир там, снаружи. Его должны были звать Даниэлем. Как библейского пророка, который выжил в логове львов. Но ее Даниэль прожил всего три месяца в околоплодных водах. Он мог стать таксистом, журналистом или врачом. Может быть, женился, сам стал бы отцом и однажды читал бы со своей счастливой женой книги по беременности. Она этого уже никогда не узнает.

На следующий день она рассказала обо всем отцу ребенка, и тот нежно обнял ее. Он был заботлив, но Розе все равно показалось, что она заметила облегчение, словно у него камень с души свалился. Возможно, это просто паранойя. По крайней мере, по нему это ударило не так сильно, как по ней. С тех пор они больше никогда не говорили на эту тему. Она читала ранние работы Джека Керуака и специализированную литературу о травмах и психозах и пыталась подавить в себе всякую мысль о ребенке.

Но не только это служило причиной ее плохого настроения. Недавно Роза выяснила, что Карл Бони часто слоняется вблизи ее приемной – даже в те дни, когда у них нет сеансов. Зачем? Он следит за ней? Раскрыл ее маленькую тайну? Не мог простить ей тот случай с гипнозом – а это, конечно, был самый настоящий сеанс гипноза. Его склонность навязываться и вмешиваться в чужую жизнь была

неискоренима, как ядовитое жало скорпиона. Он просто не мог по-другому. Он должен был проникать в жизнь других, чтобы как-нибудь завоевать расположение. Но почему?

Если она не будет начеку, он превратится в ее сталкера. Нужно или отказаться от этого клиента, как уже поступили три ее предшественника, или довести терапию до успешного завершения. И побыстрее! Не просто из любопытства или тщеславия, как вначале, – скорее следуя инстинкту самосохранения. Чем больше часов она тратит на бесполезные упражнения, тем глубже Карл проникает в ее жизнь. В тот самый момент, когда она особенно уязвима и переживает эмоциональный спад. Она должна докопаться до сути проблемы Карла – вылечить его, насколько вообще возможно так быстро вылечить человека с психологической травмой. Она планировала это уже на последнем сеансе, но не справилась.

В этот раз обязательно! Роза поклялась себе. Решающую роль сыграло то, что Карл всю ночь кружил по парковке рядом с ее «смартом». Следующие пятьдесят минут покажут, насколько у нее хватит мужества.

Термостат, который поддерживал в помещении температуру двадцать один градус, включился. В батарее забулькало. На Розе была длинная юбка кремового цвета, блузка, поверх нее вязаная жилетка. Она сидела в своем кресле, диктофон лежал на столе.

– Вы выглядите не так, как обычно, – заметил Карл. – Вам нехорошо?

– Нет, все отлично, – ответила она.

Все отлично! Да ей хотелось разрыдаться. Она была на грани депрессии.

Роза включила диктофон.

– Пятница восемнадцатое марта, шестнадцать часов. Восьмой сеанс с Карлом Бони.

Она сделала паузу.

– Во время наших последних встреч вы познакомились с разными техниками управления агрессии. Как вы себя чувствуете сегодня?

На Карле были джинсы с масляными пятнами, футболка в рубчик и тонкая ветровка. Он поморщился.

– Не очень.

– Хотите об этом поговорить?

Он помотал головой.

– Хорошо, тогда я предлагаю...

– Прежде чем мы начнем, – перебил он, – я хотел бы вам кое-что дать. – Он полез в карман куртки.

Сердце Розы забилося быстрее. Чего-то подобного она боялась уже несколько недель.

Карл поставил на стол мягкую игрушку – маленького полосатого тигра, примерно такого же по величине, как медвежонок у нее в машине под лобовым стеклом.

– Чтобы Винни-Пуху не было так одиноко.

Она потянулась за зверьком, и Карл пододвинул того ближе к Розе. Детская плюшевая игрушка улыбалась ей. «Возьми меня! Прижми к себе!» Роза была готова расплакаться на месте.

– Я расцениваю это как знак уважения. Но я не приму подарок.

Карл растерянно ахнул:

– Я купил это для вас!

Роза вздохнула:

– Подумайте о границах, которые мы с вами обсуждали.

– Вас не переубедить?

Она покачала головой.

– Но все равно спасибо за жест.

Карл откинулся назад, в этот момент он выглядел еще более раздавленным, чем раньше.

– Вы сказали, что неважно себя чувствуете. У вас снова были ночные кошмары?

– Нет.

– Какие мысли вас сейчас занимают?

– А вы как думаете?

– Но вопрос звучит: что вы думаете?

Карл потер глаза, воспаленные и красные, словно он плохо спал последние несколько недель. Его легкая трехдневная небритость превратилась в жесткую щетину.

– Вы мой психотерапевт, – возразил он. – Что вы думаете?

– Ну ладно, – вздохнула она. – Я думаю, вам не дает покоя вопрос, почему ваша мама угрожала бросить семью.

– Возможно. – Он медленно кивнул. – К сожалению, я уже не могу спросить ее об этом.

Роза выпрямилась в кресле:

– Простите?

– Два дня назад у нее случился инсульт.

Роза коротко взглянула на мягкую игрушку на столе и почувствовала угрызения совести.

– Мне очень жаль. Как она себя чувствует?

Он пожал плечами.

– Она лежит в отделении интенсивной терапии. Пока известно лишь то, что она не реагирует на речь и останется парализованной на одну сторону. Если она выйдет из больницы, то будет нуждаться в постоянном уходе.

– О, мне ужасно жаль! – Роза видела боль на лице Карла. Но интуиция все равно подсказывала ей: что-то не так. Неужели он лгал? – Почему вы не позвонили мне? Мы бы перенесли встречу на другой день.

– Что это изменит? – Он поднялся ненадолго, потянул ноги и пересел на другую сторону дивана, словно хотел начать все сначала. – Я готов. Как планируете одурачить меня сегодня?

– То есть вы считаете, я одурачила вас с сеансом транса?

– А по-вашему, как это называется? Вы спровоцировали меня и выудили информацию путем гипноза.

Несмотря на обиду, он принес ей подарок. Но она просто не может принять эту мягкую игрушку! Так Карл только еще больше запутается в своих чувствах.

– Это был сеанс транса или глубокой релаксации, – поправила она его. – Но если хотите, можете называть его гипнозом. Факт остается фактом: вы сами назвали мне отправную точку, ваш седьмой день рождения.

– В моих воспоминаниях это был чудесный день... до сих пор.

– Я не разрушала это воспоминание, оно по-прежнему с вами. Просто вы вытеснили из памяти событие, случившееся после. Теперь оно проявилось.

– Я хочу, чтобы это воспоминание снова исчезло.

– Как уже исчезало однажды?

Он не ответил.

– Разве не лучше воспользоваться этим знанием? – предложила Роза. – И задать вопрос?

– Почему моя мать угрожала оставить семью?

Роза помотала головой.

– Ответ на этот вопрос мы уже знаем. Она угрожала бросить вашего отца, если ее сын не будет слушаться. Вопрос, который мы должны поставить, звучит скорее так: почему она боялась, что ее мальчик будет себя плохо вести?

Карл поднял руки и бессильно уронил их.

– Чепуха какая-то! Почему она должна была меня бояться?

Этим утром Роза была в магистрате, в отделе по вопросам миграции, регистрации актов гражданского состояния и получения гражданства и навела справки о семье Бони. Вообще-то она никогда не получила бы доступа к этим данным, но судья Петра Лугретти, которой она обязана своим клиентом Карлом Бони, была знакома с руководительницей отдела. И Роза вот уже несколько часов считала, что знает ответ на вопрос. Однако сложность заключалась в том, чтобы помочь Карлу самому дойти до этого.

– Ваша мать боялась не вас, а непослушного ребенка, – поправила она. – Это большая разница.

Карл нахмурился:

– Не понимаю.

Впереди ее ждет еще много работы. Роза оперлась локтями о стол, переплела пальцы и опустила на них голову.

– Давайте сначала обсудим другую тему, – предложила она. – Во время вводной беседы вы сказали мне, что вас зовут Карл Бони и что вы единственный ребенок в семье.

Он кивнул.

Роза вынула из папки копию медицинского обследования Карла. Формуляр автоматически заполнялся компьютерной программой на основе данных банковской карточки и социальной страховки. Она протянула ему лист.

– Взгляните.

– Я уже видел эту писанину. Я сам передал вам бумажонку.

– Взгляните на ваши личные данные, – настаивала она.

– Карл Бони, родился шестого ноября в Вене, проживает на улице Лассаля...

– Неправильно, – перебила она его. – Как звучит ваше полное имя? Что там написано?

– Карл Мария Бони. – Он сделал глубокий вдох. – Да, но ко мне так не обращаются. Все зовут меня Карлом.

– Это так, но ваше второе имя Мария.

Его лицо покрылось красными пятнами.

– Слушайте, это неприятно. Никто не называет меня Карл Мария.

– Вам не нужно стесняться. У многих известных людей такое второе имя. Клаус Мария Брандауэр^[24], Эрих Мария Ремарк, Райнер Мария Рильке, – начала перечислять она. – Но не волнуйтесь, я не буду вас так называть.

– Ах, большое спасибо, – иронизировал он. – Тогда почему вы привязались к этому?

– Потому что мне это кажется важным. – Она сделала это открытие лишь вчера, когда перекладывала материалы по Карлу в зеленую папку к сложным, но интересным случаям. – По какой причине родители дали вам такое второе имя? В семье кого-то так зовут? Может, вашу крестную, бабушку или сестру вашего отца?

– Ее зовут Лора, крестным был мой отец... и нет, никого так не зовут.

– Странно. Иногда вторым именем выбирают имя сестры или брата, – подсказывала она. – Но вы сказали, что были единственным ребенком.

– Да, я вырос без братьев и сестер.

Он знает!

Сердце Розы снова забилось быстрее. *Или у Карла есть только смутное представление о правде, а его сознание вытеснило из памяти все остальное?* Нужно как-то выяснить, сколько он знает, не ошарашив его.

– Почему ваши родители выбрали именно такое имя – Мария?

– Откуда мне знать? Может, из-за Марии-Антуанетты? Без понятия!

– Вы сказали, что выросли без братьев и сестер. Но это не означает, что их нет.

Карла явно бросило в жар. Он теребил ворот футболки.

– Я все-таки хотел бы перенести нашу встречу на другой день.

– Отличная идея, – тут же отреагировала Роза. – Тем временем вы могли бы сходить в тридцать пятый отдел Венского магистрата и узнать там, не...

– Проклятье, да! – повысил он голос на Розу. – Мария существовала. Но я ее никогда не знал.

– Кто она была?

– Понятия не имею. Она умерла до моего рождения.

В возрасте пяти лет. Возможно, Карл не знал эту деталь.

– Мария была вашей сестрой?

Он пожал плечами:

– Может быть. Я не знаю... наверное. Отец и мать никогда об этом не говорили.

– Тогда как вы узнали про Марию?

– Фух! – Он задумался. – Когда мне было десять, я копался в тумбочке матери и нашел ее фотографию.

– Сколько лет ей было на снимке?

– Четыре или пять.

– Вы знаете, отчего она умерла?

Он надул щеки.

– Это было задолго до моего рождения.

Год и три месяца. Шестого августа, если быть точной.

– Я могу поставить себя на ваше место, – сказала Роза. – И поверьте мне: я знаю, такую ситуацию нелегко осознать.

– Что тут осознавать? – напустился на нее Карл. – Я ее даже не знал.

– Верно, но вы получили ее имя, пусть и в качестве второго, а вместе с ним большую ответственность – за мертвого члена семьи, с которым никогда не были знакомы.

– С меня хватит. – Он помотал головой. – Я здесь совсем по другой причине. Какое отношение эта девчонка имеет ко мне, моей наркозависимости, агрессии или тому, что я преследую женщин?

Самое непосредственное.

Сомнений нет – они стоят перед самой разгадкой, но Карл снова блокирует последний шаг. Сильнее, чем обычно. Пора переключиться на более низкую передачу и подойти к проблеме с другой стороны.

– Вы правы. Если хотите, мы снова можем поговорить о вашей наркозависимости.

– Хорошо. – Карл опустил плечи. В отличие от истории его семьи против этой темы он не возражал.

– Какие наркотики вы принимали? – спросила Роза.

– Вы же знаете! Экстези.

Роза подождала, но он больше ничего не добавил.

– Это все? Он кивнул.

– Да бросьте, из-за экстези не дают три года условно.

– И кокаин.

Это уже больше походило на правду. До этого момента они никогда не говорили о тяжелых наркотиках.

– Героин?

– Я не колюсь.

– Героин можно и нюхать, – ответила она, – но, думаю, вы это знаете.

– Да, героин тоже, – пробормотал он.

– ЛСД?

На этот раз он помотал головой.

– К этой дряни я ни за что не притронусь.

– У ЛСД всегда была плохая репутация, но раньше его даже использовали в глубинно-психологических исследованиях, – объяснила она.

– Серьезно?

– В пятидесятых годах алкоголиков лечили ЛСД.

– Лучше остаться алкоголиком.

– Само собой. – Роза ухмыльнулась. – Тогда его применяли даже в психиатрии. Станислав Гроф использовал его в особо тяжелых случаях. Существуют также результаты лечения пациентов, больных раком или страдающих кластерной головной болью.

– Хорошо, может быть, но какое отношение ЛСД имеет к психотерапии?

– Он расширяет сознание и снимает ментальный блок.

Карл громко рассмеялся.

– Пять стаканов виски имеют тот же эффект. Неужели вы предпочтете ЛСД?

– В качестве научного эксперимента? – Роза посмотрела на книжную полку, где стояли романы Уильяма Берроуза и Джека Керуака. – Почему нет?

– Вы же обманываете меня.

– Ни в коем случае, – солгала она.

– Черт, я не верю. Вы такая добропорядочная и все равно стали бы предлагать своим пациентам ЛСД?

– Если он поможет. Вообще-то мы используем психотропное средство под названием «торрексин», слабая форма ЛСД.

Карл зажмурился.

– Вы разводите меня. Психотерапевты не могут прописывать медикаменты!

– Но врачи могут – а я изучала медицину.

Карл кусал ногти. Он заглотил наживку и теперь был на крючке у Розы. Она посмотрела на часы. Еще почти двадцать пять минут. Нельзя все испортить. Это был единственный путь, обещавший успех, которым еще можно воспользоваться с Карлом. Очередной сеанс глубокой релаксации ничего не даст, как и домашние аудиозаписи, попытки воссоздать психологическую сцену с помощью фигурок или придать чувствам какой-то образ, например, представить агрессию в виде белой голубки. Ее методы были почти исчерпаны – Карл все их отклонил. Остался только этот. Хотя прием не имел никакого отношения к психотерапии, Роза во что бы то ни стало хотела помочь Карлу – хотя бы отдалить от себя.

– Что такое торрексин? – спросил он.

– Вообще-то я не должна говорить с вами об этом. Тем более что у вас есть опыт употребления наркотиков, и именно поэтому вы проходите у меня терапию.

– Да ладно вам, я могу и в Гугле посмотреть, если вы мне не расскажете.

– Ну хорошо, в профессиональных кругах мы называем это таблеткой правды. Она снимает ментальный блок в голове, так что человек может свободно говорить обо всем, и сознание не цензурирует его слова.

Карл пододвинулся ближе.

– Какую реакцию торрексин вызовет у меня?

– Вы дадите волю вытесненным чувствам по отношению к вашей матери и мертвой сестре.

– Для чего это?

– Вы могли бы сказать абсолютно все и потом не стыдиться. В этом преимущество торрексина. Выговариваетесь и больше не

испытываете угрызений совести. Иногда это приводит к прорыву в психотерапии.

– И почему же это волшебное средство не используют постоянно?

– Торрексин дорогой. Прием лекарства возможен только на добровольной основе. Ни одного клиента нельзя к этому принудить. Кроме того, большинство никогда не узнают о существовании такого препарата. Вы же сами выудили у меня эту информацию.

– Как выглядят таблетки?

– Давайте сменим тему, – предложила она.

– Как выглядят таблетки?

– У вас предрасположенность. Если вы не возражаете, я не буду их вам показывать. Нам лучше сменить тему и...

– А, да бросьте. – Он придвинулся к краю дивана. – Покажите мне эту чудесную штуку.

– Хорошо, иначе вы не оставите меня в покое. – Роза поднялась и открыла запертый шкаф для лекарств. Передала Карлу упаковку торрексина с голубым логотипом.

Он рассматривал пачку. *Десять таблеток, по 300 мг, действующее вещество: методоксиновая кислота. Действие наступает в течение пяти минут, принимать не более одной таблетки в неделю. Противопоказано при беременности!*

Карл открыл упаковку и вытащил блистер. Маленькие бледно-голубые драже. Семи таблеток в ячейках уже не было.

– Ничего себе, фрау доктор! – присвистнул он. – Вы снабдили допингом уже кучу клиентов.

– Торрексин не допинг, – возразила она. – Во многих случаях это помогает.

– Инструкция по применению отсутствует, – заметил он.

– Ее вообще нет, – ответила она. – Вы не можете просто так купить торрексин в аптеке, как какой-нибудь слабительный чай.

Карл выломал одну таблетку.

– Вам не стоит этого делать! – Роза хотела забрать упаковку, но Карл отвел руку назад. – Немедленно верните мне таблетки!

– Ой-ой-ой... зачем так нервничать, фрау доктор? – Карл хитро улыбнулся. – Такой возбужденной я вас еще не видел. – Он покрутил таблетку между пальцами. – Какой эффект эта пилюля вызовет у меня?

– Никакого. Вы уже принимали более сильные наркотики, торрексин не подействует.

– Вы лжете!

– Нет, это как предлагать пациенту с кластерной болью пол таблетки аспирина от мигрени.

– Тогда ничего не случится... – Карл положил таблетку в рот и запил водой.

– Черт побери! – вскипела Роза. – Что вы себе позволяете? Одна таблетка стоит пятьдесят евро!

– Внесите эти расходы в счет для суда.

Роза на несколько секунд закрыла глаза и постаралась успокоиться.

– Верните мне упаковку.

Он подтолкнул пачку через стол, и Роза спрятала ее в кармане жилетки.

– Ну, давайте, спросите меня о чем-нибудь! – потребовал он.

– Зачем вы это сделали?

– Нет, что-нибудь серьезное!

– Зачем вы это сделали? – повторила она.

– Чтобы доказать вам, что вы лжете и что эта таблетка подействует на меня так же, как и на всех других клиентов! Я чист!

– Хорошо, тогда расскажите мне что-нибудь о вашей сестре.

– Не хочу. Кроме того, эта дрянь мне не сестра!

– Неправда. Она ваша родная сестра.

– Нет, я ее даже не знал.

– Вы вините себя в ее смерти?

– Что? – вскрикнул он. – Она умерла до моего рождения!

– Вы вините себя в ее смерти? – повторила Роза.

– Чушь! – Он сжал руку в кулак.

– Вам кажется, что, если бы Мария не умерла, вас сегодня вообще бы не было?

– Что это за бред? – Артерии на шее Карла заметно пульсировали.

– Может, ваши родители хотели только одного ребенка. Мария должна была умереть, чтобы вы могли родиться.

Карл подвинулся вперед.

– Я не виноват, что девчонка утонула в пруду! – Он залпом допил остатки воды. Дрожащей рукой поставил стакан на стол.

Роза спокойно дышала и не показывала своего удивления. Следующий вопрос она намеренно задала тихим голосом:

– Ваша мать так и не смирилась со смертью Марии, верно?

– Маленькая Мария была такой чистой и невинной, – язвительно сказал он. – Такой и осталась у всех в памяти. Будь она сегодня жива, наверное, ходила бы в пирсинге и татуировках, кололась бы грязным героином на каком-нибудь вонючем дворе и сделала бы уже больше аборт, чем тетя Лора.

Невольно Роза подумала о белой голубке, которая олицетворяла агрессию Карла.

– Видимо, для вашей матери Мария была святой. Вы носите ее имя.

– Я не ношу ее имя! – возразил он. – Никто меня так не называет.

– В вас – Карле Марии Бони – живет частица вашей сестры.

– Проклятье, нет! – воскликнул он. – Я парень! Парень, черт возьми! Я не моя сестра! Хоть тысячу раз назовите меня так, я не имею ничего общего с этой тупой овцой, даже если мама оплакивает ее по сей день. Я ее сын!

Роза поднялась и встала позади дивана. На несколько секунд положила руку Карлу на плечо. Этот жест категорически запрещен, но в этот момент она просто не могла по-другому. На мгновение она почувствовала, как голова Карла наклонилась и коснулась ее руки. Она погладила его по плечу, словно хотела снять напряжение в его теле, затем снова села на свой стул.

– Успокойтесь, Карл. – Она взглянула на диктофон. – Дышите глубже.

– Я не могу... не могу... – Он расплакался. – Эта дерьмовая таблетка!

Роза протянула ему бумажный платок.

– Действие скоро ослабнет. – Диктофон все еще работал. Нужно позаботиться о том, чтобы эта запись никогда не попала в руки сотрудников комиссии по этике. Хорошо, что никто из них не присутствовал сейчас на ее сеансе. Иначе ее разрешение на работу психотерапевтом исчезло бы так же быстро, как облако дыма при урагане.

Она подождала минуту, пока дыхание Карла не выровнялось.

– Мария не послушалась маму, не так ли?

– Я не знаю, – вздохнул он.

– Она озорничала, побежала к озеру и утонула, – предположила Роза. – Больше всего родители боятся потерять ребенка. – Она уже знала по собственному опыту. – Этот страх может стать таким сильным, что они лучше запрут ребенка в клетке, чем согласятся подвергнуть опасности, пусть даже выдуманной.

Карл вытер слезы.

– Я знаю, что вы хотите сказать, но моя мама не боялась за меня. Наоборот! Ей было все равно, когда отец меня бил.

Роза покачала головой:

– Ваша мама дико боялась за вас. Она даже угрожала уйти из семьи, если с вами что-нибудь случится. Каждый по-своему справляется со страхами. Парализующий ужас, боязнь пережить травму во второй раз толкали ее на отношения с другими мужчинами. Этого не мог изменить даже ваш отец, который пытался начинать все сначала в новом городе. Мужчины в Вене, Кельне, Лейпциге или где бы то ни было не виноваты в ситуации вашей матери – проблема заключалась в ней самой. Она привозила ее с собой в каждый новый город.

– Это противоречит само себе!

– Нисколько. Ваша мать не пережила бы потерю еще одного ребенка. Страх был настолько велик, что она скорее бросила бы семью. А отец обожал вашу мать...

– ...и поэтому ежедневно бил меня? – цинично спросил Карл.

– Чтобы вы не баловались и слушались маму.

Пока что он отказывался понимать эти взаимосвязи. Необходимо еще много сеансов, чтобы Карл осознал: его вспышки гнева подсознательно направлены против умершей сестры, которую он винил за жестокие воспитательные меры отца. Он ненавидел женщин... свою религиозную тетку-ханжу, свою мать и, в первую очередь, свою сестру. Кульминацией агрессии стали два случая, когда он нанес телесные повреждения молодым женщинам, которых преследовал. Скорее всего, его склонность к домогательствам объяснялась желанием добиться того, чего ему всегда не хватало: чувства защищенности и поощрения. Слабое утешение за мучения, пережитые в детстве.

– Думаю, действие таблетки ослабло, – сказала Роза. – Наше время вышло, но вы можете еще посидеть здесь.

Карл кивнул.

– Спасибо, но я думаю, что уже могу вести машину. – Он поднялся. – И больше никогда не давайте мне это дерьмо! – Схватил мягкую игрушку и демонстративно сунул в карман куртки, словно хотел наказать Розу таким лишением любви.

– Хорошо, мне очень жаль. – Бессмысленно спорить с Карлом, что он принял таблетку против ее воли. Ему просто нужно найти виноватого в своем эмоциональном срыве – и в этом случае Роза с удовольствием станет козлом отпущения.

Карл направился к двери.

– Господин Бони, нам не следует затягивать со следующим сеансом.

Он шумно выдохнул.

– Моя мать лежит в реанимации. Не знаю, будет ли у меня время в ближайшие дни.

– Понимаю. Как насчет следующей пятницы? – предложила она.

– Я должен уделить время матери. Я вам позвоню.

– Да, конечно. – Она отложила органайзер в сторону. – Сегодня была слишком насыщенная встреча. Дайте информации немного «осесть». Несколько дней – и ваше подсознание сделает за вас всю работу.

Он кивнул и взялся за дверную ручку.

Все, что сказала Роза, была правда. Смерть сестры, которая утонула в пруду в пойме Дуная и о чем Роза узнала в 35-м отделе Венского магистрата, не стала для него новостью – правда, до сих пор он старался не думать об этом. Но теперь все прорвалось, и он, наверное, впервые в жизни, произнес это вслух – хотя по-прежнему отказывался видеть в случившемся причину своих проблем.

Роза вцепилась в упаковку торрексина в кармане жилета. Фокус с дешевым плацебо без всякого действующего вещества сработал. С тем же успехом можно было подсунуть Карлу жевательного мишку.

Роза надеялась, что он никогда не узнает о ее обмане.

Сотрудник венской уголовной полиции, представившийся Оливером Брандштеттером, напарником Колера, отвез Снейдера и Сабину на патрульном автомобиле к площади Святой Марии в центре города и остановился рядом с машиной судмедэксперта. Сабина вышла из автомобиля и взглянула на удостоверение патологоанатома, которое лежало под лобовым стеклом. Некая Ирена Никински из Венской многопрофильной больницы занималась трупом в склепе.

Снейдер тоже вылез из машины.

– Ненавижу оказываться правым. Это как проклятье.

Брандштеттер понес криминалистический чемодан своим коллегам, а Снейдер направился к церкви Святой Марии. Здание с вычурным фасадом пепельно-серого цвета. Рядом с входом шесть колонн, которые венчал остроугольный фронто́н со скульптурами. Выше находилось узкое, метров семь в высоту, арочное окно. Башня церкви одиноко уходила в небо. Над циферблатом часов виднелась лишь остроконечная крыша, которая напоминала Сабине шляпу ведьмы с крестом.

По обе стороны улицы на ветру шуршали оградительные ленты. Полицейские отгородили площадь и установили знаки с указанием объездного пути. Несколько сотрудников проверяли мусорные баки соседних зданий. Колокол на башне пробил два часа пополудни. У Сабины урчало в животе, но предстоящий осмотр места преступления заставил ее забыть о голоде.

К ним навстречу уже спешил Колер. Хотя над церковью собирались темные тучи, он непринужденно повязал черную ветровку вокруг пояса. Солнечные очки блестели в коротко остриженных волосах. Как и Снейдер, он носил табельное оружие в наплечной кобуре. Под черной футболкой в рубчик выделялись бицепсы, из-под рукава наполовину виднелась татуировка. Сабина не любила татуировки. Большинство или выглядели глупо, или были плохо сделаны.

– Карл в сознании? – спросил Снейдер, прежде чем Колер успел что-либо сказать.

– Врачам пришлось ввести его в состояние медикаментозного сна. – Колер подошел ближе. Вместе они пошли к церкви. – Один из моих сотрудников находится у Урсулы Цехетнер в больнице. Он подтвердил ее личность. Наши люди еще проверяют, знала ли она Карла Бони, в чем мы почти уверены. Карл ходил в католический детский сад на Лейштрассе, где она раньше работала. Период времени тоже совпадает.

Он зацепил очки за горловину футболки и провел ладонью по коротким волосам. Тут Сабина заметила, что на татуировке изображен гриф, символ венского спецподразделения «Вега».

– У вас какой-то вопрос? – спросил он.

– Вы служили в «Веге»? – поинтересовалась она.

– Разбираетесь в спецподразделениях? – удивился Колер. – Это было давно.

– Не хочу перебивать, – вмешался Снейдер. – Но вы сказали, что эту воспитательницу разыскивают семь дней, – резюмировал он. – Полагаю, кто-то из окружения Урсулы Цехетнер контактировал с похитителем? Будьте кратки. – Пока они шли к церкви, он поднял вверх три пальца. – Самое важное в трех предложениях!

Колер сверкнул на Снейдера глазами, словно пытаясь оценить, как много может рассказать им по этому делу. Наконец сделал над собой усилие.

– В день исчезновения Цехетнер ее мужу позвонили. Сообщение было кратким: если в течение сорока восьми часов он выяснит, почему его жену похитили, она останется в живых. Если нет – умрет. Он сразу же обратился в полицию, но похититель прервал с ним контакт.

– Женщина могла быть уже давно мертва, но она выжила, – вставила Сабина.

– Но как раз это и укладывается в схему, – сказал Снейдер. – Он хотел уморить ее голодом, но мы его опередили. Какую подсказку похититель дал господину Цехетнеру? Ну же, говорите!

Колер нахмурил брови, его взгляд помрачнел.

– Старая расписная супница из фарфора. Откуда вы об этом знаете?

– Моя работа знать такие вещи. – Снейдер бросил взгляд на Сабину. – История номер шесть – рассказ о Каспаре, который не хотел есть суп и умер от голода.

Они подошли к воротам церкви. Снейдер уже положил руку на тяжелую латунную ручку, но Колер преградил ему путь.

– Послушайте меня две секунды. – Он постучал Снейдера по груди. – Вы хорошо поработали, но я не обязан пускать вас сюда. Я мог бы арестовать вас за ношение оружия, взлом, нанесение телесных повреждений и препятствование текущему расследованию. Мой начальник не очень воодушевлен тем, что немецкий коллега приезжает в Вену, палит из «глока» и выбивает двери в подвалах. Просто хочу, чтобы вам это было ясно. – Он опустил руку.

Снейдера эти обвинения не особо впечатлили, как будто он слышал их не в первый раз.

– Но, в отличие от вашего босса, вы можете отличить хороших полицейских от плохих? – спросил он.

– Могу, – ответил Колер. – Поэтому пускаю вас в эту церковь взглянуть на место преступления. А вы тогда расскажите мне, с чем мы имеем дело.

Сабина бросила Снейдеру умоляющий взгляд:

– Честное предложение.

Наконец Снейдер кивнул:

– Пойдемте.

Колер открыл ворота. Они вошли в церковь и быстро проследовали мимо алтаря, за которым к куполу поднималась большая статуя архангела Михаила. Рядом с сакристией находилась узкая шахта с каменными ступенями, которая вела куда-то в темноту. Пока они спускались, Сабина рассказывала о похищениях, убийствах, подарках и телефонных загадках в Кельне, Мюнхене, Дрездене и Лейпциге. Она описывала места преступлений, раскрывала причины смерти и объясняла, как жертвы связаны с Карлом Бони и историями Штрувельпетера.

Колер надел свою куртку, которая все это время была завязана у него вокруг пояса. Здесь под землей было гораздо холоднее, чем наверху. Сабина видела собственное дыхание. К счастью, на ней был термосвитер. В воздухе пахло известью и гнилью, как в ветхом жилище Карла. Почему Колер притащил их сюда? Наверняка это убийство тоже на совести Карла. Очевидно, он не только испытывает слабость к старым церквям, но и любит полуразрушенные кирпичные стены. Водопроводные трубы были протянуты прямо по потолку, из

стен торчали пустые цоколи: лампочки давно выкрутили. В этом склепе больше не было электричества. Следователи подключили кабельные удлинители и установили осветительные лампы. Путь в склеп проходил мимо маленьких штифтов, торчащих из земли, на которые была натянута веревка.

– Передвигайтесь только внутри этой дорожки, – предупредил Колер.

Сабина была знакома с процедурой. Сотрудники криминалистического отдела сделали эту маркировку для следователей, чтобы те случайно не уничтожили никаких следов.

Снейдер быстро обернулся к Сабине:

– Все в порядке?

Она кивнула и туже затянула завязки пуловера. Одним быстрым движением Снейдер поправил ей воротник. Почти заботливо, словно решил взять ее под свое крыло. Все равно он мерзавец, напомнила себе Сабина. Даже если и перестал обращаться с ней, как с маленьким ребенком.

– Если убийца инсценирует истории из книги о Штрувельпетере, – вслух размышлял Колер, – то на этот раз его вдохновила глава о *Вертушке-Филиппе*.

Сабина почувствовала, как леденеют ее пальцы.

– Что он сделал с женщиной?

– Забетонировал ее живьем.

Дорожка вела через крипту, где, нагроможденные друг на друга, лежали сгнившие деревянные гробы.

Колер указал на нишу:

– Пастор рассказал, что эти гробы богатых и знатных жителей остались еще со времен эпидемии чумы в 1680 году, когда болезнь почти полностью уничтожила население Вены.

Большинство каменных ниш были замурованы. В одном арочном проеме стояли тележки, ведра, деревянные рейки и гробы, сверху лежали шпатели, зажимы и скомканная бумага от мешков с цементом. За ними громоздились кучи песка и красные кирпичи.

Колер кивнул на материалы:

– Осталось от ремонта, проходившего десять лет назад.

Сабина подняла глаза на растрескавшийся свод.

– Не похоже, чтобы работы закончили.

– Иначе свод уже давно рухнул бы вместе со всей церковью. Каждый год здание опускается на несколько миллиметров.

В конце лестницы находился вход в комнатку. Металлическая дверь стояла открытой: полицейские сняли тяжелую цепь и навесной замок. Из помещения доносились голоса. Мелькали вспышки света.

Снейдер остановился перед входом и указал на навесной замок:

– Такой же, как и в подвале Карла.

Данная улика еще ничего не доказывала, но между тем уже слишком многое говорило не в пользу Карла Бони. Сабина заглянула между Колером и Снейдером в помещение. Этот участок подвалов был размером около пятнадцати квадратных метров. Красные кирпичи. Без штукатурки. В центре стоял двухметровый бетонный столб, из которого свисали две пластиковые трубки, другими концами они уходили в жестяные ведра. К потолку крепилось грузоподъемное устройство из веревок и блоков. Привычного сладковатого запаха разложения не было. Вместо этого невыносимо несло мочой, фекалиями, рвотой и гниением.

Прожекторы освещали все углы помещения. Экран из алюминиевой фольги отражал свет. На месте преступления работал криминалист в латексных перчатках и голубых бахилах; конец галстука был заправлен между пуговицами натянутой на животе рубашки. Сотрудник был очень полный и наклонялся с большим трудом. Он как раз опустил шпатель в полиэтиленовый кулек, пронумеровал его и отметил место находки флажком. Затем сфотографировал место и положил кулек на гору пакетов, которые лежали за ним в углу.

– Шпатель – отпечатков пальцев нет, – пробормотал он в диктофон. – Пятна ржавчины, прогнившая ручка. Расстояние до трупа... – Он посмотрел на рулетку, которая лежала на полу. – Два метра сорок сантиметров. Номер восемь.

– Глудовац, можно нам осмотреть место преступления? – крикнул Колер внутрь комнаты.

Криминалист тяжело поднялся.

– Как я должен здесь работать? – Его двойной подбородок затрясся. – На Тристерштрассе в час пик движения меньше. Если можно, ни к чему не прикасайтесь. И наденьте это! – Он сунул Колеру

пачку голубых бахил, и Сабина заметила золотой «Ролекс» у него на запястье.

Колер подождал, пока криминалист протиснется мимо них, потом натянул бахилы на ботинки и передал другие Сабине и Снейдеру.

– Вашего коллегу зовут Глудовац? – прошептала Сабина, когда криминалист уже не мог их услышать.

Колер кивнул.

– Брюзга. Шурин начальника полиции.

Теперь ей кое-что стало ясно.

– Поэтому он носит золотые часы?

– Нет, по другой причине. – Колер достал из кармана штанов баночку с ментоловой мазью и передал Сабине. Она нанесла себе немного под нос.

Снейдер отказался.

– Я знаю, как пахнут трупы.

– Это не из-за трупа, – пояснил Колер. – Женщина умерла не так давно. Возьмите.

Снейдер помазал мазью под носом. Затем они последовали за Колером в склеп.

– О боже! – вырвалось у Сабины.

Колер грустно улыбнулся. Несмотря на ментоловую мазь, вонь из жестяных ведер была невыносимая – а ведь Сабина выросла на ферме с коровами, свиньями и курами.

По отмеченной дорожке она обошла вокруг столба, увернувшись от цепи, которая свисала с потолка. На конце болталось зеркало – наверняка часть оборудования криминалиста. У цоколя бетонной колонны стояла раскрытая медицинская сумка. За цоколем показалась женщина в белом халате, которая со скальпелем и медицинским зеркальцем обследовала труп. Эту работу можно было сделать только сейчас. Если бы техники уголовной полиции сначала вырезали труп из бетонного блока, все покрыла бы цементная пыль толщиной несколько сантиметров.

– Доктор Ирена Никински, – представил Колер женщину.

– Да, – подтвердила врач, не поднимая глаз. Это была высокая блондинка с веснушками на лице и длинной заплетенной косой. – Ты постоянно таскаешь сюда новых людей. Словно на экскурсию по Шенбрунну, – сухо сказала она.

– Коллеги из висбаденского БКА и мюнхенской уголовной полиции, – представил их Колер.

– Тебе виднее. – Она взяла маленький фонарик в зубы. – Твой шеф наверняка поймет, если твои посетители здесь все вытопчут, – прошепелявила она.

На удивление, Снейдер не сказал ни слова. Сабина встала рядом с патологоанатомом, чтобы взглянуть на колонну с другой стороны. Примерно на уровне головы из бетонного блока выступало лицо. Луч света от фонарика танцевал по нему. Ткань на скулах уже распухла, глаза ввалились, зрелище было ужасное. Сабина почувствовала позыв к рвоте и отвела взгляд. Краем глаза она видела, как Снейдер изучает каждую деталь, словно его завораживала больная фантазия Штрувельпетера.

– Женщина мертва около двадцати четырех часов, максимум тридцать, – пояснила судебный врач. – Влажная атмосфера здесь ускоряет процесс разложения.

Снейдер подошел ближе.

– Тридцать часов? Вы на сто процентов уверены?

Доктор Никински по-прежнему держала фонарик в зубах. Она опустила голову и направила луч света на ведро.

– Убедитесь сами и потрогайте рукой. Последнему калу не больше тридцати часов.

– Нужно выяснить, кто эта женщина, – сказал Снейдер.

– Мы уже знаем, – вмешался Колер. Он указал на двухсантиметровый шрам на подбородке жертвы под нижней губой – вероятно, от какого-то давнего пореза.

– Когда сегодня утром вы написали, что ваш приезд связан с Карлом Бони, я запросил материалы по нему. Оказалось, его мать пропала два месяца назад.

Сабина сглотнула.

– Это она?

Колер кивнул.

– Кармен Бони. Мы смогли идентифицировать ее по этому шраму. Кроме того, согласно медкарте дантиста, внизу слева у нее установлен мост.

– Точно, – подтвердила патологоанатом. Она посветила лампой в рот убитой и медицинским зеркальцем отодвинула щеку в сторону. –

Отличная работа, вероятно Восточная Германия.

Насколько Сабина могла разглядеть, полость рта склеилась от засохшей крови. Язык казался оторванным.

– Она ведь не пробыла в этом бетонном блоке два месяца? – спросила Сабина.

– Почти наверняка. – Словно для наглядности патологоанатом посветила в другой конец комнаты, где в ряд стояло несколько ведер. – Для кала и мочи. Видимо, женщина получала в основном жидкое питание плюс слабительное. – Она внимательно посмотрела на руку Сабина. – Нужно как можно скорее обработать эти раны от укуса.

– Ничего страшного.

Снейдер бросил взгляд на Колера.

– Наш убийца Карл Бони. Забетонировать кого-то живым – это его методы, – продолжил он. – Но хронология не соответствует историям в книге. Если исходить из того, что запланированная голодная смерть воспитательницы должна была изображать историю о Каспаре и супе, а убийство матери – историю о Вертушке-Филиппе, то между ними не хватает еще одной.

– Про мальчика, который сосал пальцы, – прохрипела Сабина. – Мама запрещала своему сыну Конраду сосать большие пальчики, когда ее нет дома, иначе придет портной с ножницами и отрежет их, словно бумажные. – Она немного подумала. – Или он уже разрезал свою следующую жертву ножницами, или порядок не соблюдается.

– Или он не хотел, чтобы мы сейчас обнаружили, что он убил мать, потому что собирался презентовать нам ее труп позже, – размышлял Снейдер. – Как бы там ни было – с хронологией что-то не так...

– Вы охотитесь за больным типом, – заявила доктор Никински. – Но в одном вы не правы: по сути, эту женщину не убивали.

– Органы отказали? – предположил Снейдер. – Обезвоживание?

– Она покончила с собой, – прозвучал краткий ответ Никински.

Снейдер приподнял бровь:

– В этом блоке?

Сабина подумала о количестве запекшейся крови во рту у женщины.

– Мне в голову приходит только один способ, как это можно сделать. В отчаянии, приложив нечеловеческие усилия, она откусила

себе язык и захлебнулась собственной кровью.

– Правильно, – ответила Никински. – Очень находчивая женщина.

– Она по профессии врач? – спросил Снейдер.

– Медсестра и ассистент отделения патологической анатомии в многопрофильной больнице.

Они немного помолчали. Никински выключила фонарик.

– Почему лишь сейчас, спустя два месяца? – пробормотал Колер. – Я и двух дней не вынес бы в этом блоке, сразу бы свихнулся.

Полностью обездвиженная и с двумя катетерами в теле, подумала Сабина. *Она наверняка обезумела.* Лицо мертвой женщины находилось в тени. Сабина посмотрела в застывшие глаза и попыталась угадать ее последнюю мысль.

– Надежда умирает последней, – прошептала она. – Ее собственный сын украл у нее два месяца жизни и хотел медленно ее убить. Наверное, он давал ей пить только раз в день, а кормил еще реже. Единственной возможностью избавиться от него и прекратить мучения была смерть. Альтернативы не существовало. – Сабина на секунду закрыла глаза. Слезы подступили к горлу. Какое безумие! Если бы эта женщина продержалась еще пару дней!

– Хороший анализ, – похвалил ее Снейдер.

Сабина тряхнула головой, отгоняя эту мысль. Она не хотела уметь хорошо анализировать больной ход мыслей сумасшедшего – но хотела узнать причину, почему он вставил ее матери в горло трубку, влил два литра чернил, а потом играл на органе произведение Баха, в то время как беспомощная, прикованная цепями жертва ловила ртом воздух и задыхалась оттого, что ее легкие наполнялись жидкостью. Причем единственной ошибкой матери было то, что она переехала в Кельн и стала учительницей Карла. Почему этот ублюдок не мог выбрать кого-то другого? Дворника, уборщицу или учителя физкультуры? Каким же извергом должен быть Бони?

При взгляде на мертвую женщину Сабину охватила безграничная ярость. Если бы Снейдер сразу не ранил его, она бы с радостью столкнула Карла с подоконника во двор. Еще лучше – сорвать с него в больнице кислородную маску, чтобы посмотреть, как он будет умирать. Ее руки дрожали. *Боже мой, соберись!* Она сжала кулак и ощутила холод в костях.

– Вы ведь психолог-криминалист, – пробормотала Сабина. – Почему больной ублюдок это делает?

Снейдер грустно взглянул на нее.

– Правда в том, что мы этого точно не знаем. – Он посмотрел на бетонный столб. – Возможно, Карл Бони еще не в курсе, что его мать покончила жизнь самоубийством и мы нашли ее труп.

– А даже если и знает. – Сабина не поняла ход мыслей Снейдера. Карл ведь погружен в медикаментозную кому.

– Пойдемте наверх, – предложил Снейдер. – У меня есть идея, но она сработает, только если мы будем действовать быстро.

Пока они поднимались по узкой лестнице, Снейдер обратился к Колеру:

– Когда сдается в печать вечерний выпуск газеты?

Колер взглянул на наручные часы.

– Примерно через час.

– Отлично. – Снейдер шагнул через две ступени. – Кармен Бони вдова. Кроме сына у нее есть другие родственники?

– Насколько я знаю, нет. После смерти мужа у нее был спутник жизни, на много лет старше ее. Не очень успешный художник. Он умер полгода назад.

– То обстоятельство, что она одинока, может сыграть нам на руку... – пробормотал Снейдер.

– Что вы задумали?

– Проактивный метод расследования.

Колер скорчил гримасу.

– Какую ложную информацию вы хотите подсунуть прессе?

– Что Кармен Бони еще жива.

– Зачем это нужно? – вырвалось у Колера. – К тому же нам такое сделать никто не позволит.

Снейдер втянул голову и скользнул в дверь, которая вела в неф.

– Да, Карл Бони сейчас под стражей, но посмотрите на место преступления. Чтобы устроить такое, необходимы время и отличная организация логистики. Возможно, у Карла есть сообщник.

– Который все еще бежит на свободе и продолжает убивать? – цинично спросил Колер. – Я вас умоляю!

– Вы готовы так рисковать?

Колер не ответил.

– Сами подумайте: у нас есть пробел в хронологии историй. Кроме того, убийства не соответствуют порядку рассказов в книге. На мой взгляд, что-то не так. Нам не хватает слишком многих деталей, чтобы понять всю картину.

Сабина буквально видела, как Колер шевелит извилинами, пытаясь найти решение.

– Если вы хотите газетной уткой выманить возможного сообщника и надеетесь, что он совершит ошибку, все может пойти наперекосяк, – предупредил Колер.

– Воспитательница Карла Бони действительно жива, но у них не было никакого контакта уже семнадцать лет. – Снейдер поднял руку. – Чего не скажешь о его матери. Она два месяца провела у него в плену. Подумайте: предположим, Кармен Бони жива и получит психиатрическое лечение, тогда она могла бы описать нам его сообщника.

– В этом что-то есть, – согласилась с коллегой Сабина.

– Вы понятия не имеете, какие здесь отношения между уголовной полицией и прессой. Это ни за что не сработает! Журналисты не идиоты. Они смекнут, в чем дело! К тому же мой начальник не благословит такой метод.

Снейдер взорвался:

– Кто руководит расследованием? Вы или какой-то парень за письменным столом, для кого жертвы убийств всего лишь статистические данные на бумаге?

– Вам лучше сейчас помолчать! – прикрикнул на него Колер.

Через ворота церкви они вышли на площадь Святой Марии. Небо потемнело от туч. Вдалеке слышались раскаты грома. Но все равно было душно. У Колера по затылку струйками стекал пот. Он снова обвязал ветровку вокруг бедер и глубоко вдохнул, с нетерпением ожидая приближающегося дождя.

Как раз прибыла команда техников-криминалистов и прошла через ограждение. Как только доктор Никински и сотрудники экспертно-криминалистического отдела закончат работу по сбору улик, труп вырежут из бетонного блока и доставят в патологоанатомическое отделение. За полицейскими ограждениями уже толкались журналисты, человек десять. Когда рабочие с фрезерными машинами направились к церкви, защелкали фотокамеры и засверкали яркие вспышки.

Снейдер наблюдал за репортерами.

– Они еще понятия не имеют, в чем дело. Выдумают какую-нибудь историю, которая через час уйдет в печать. Это наш шанс подсунуть им что-нибудь.

Колер не отреагировал.

– *Godverdomme!*^[25] Я сам пойду к ним.

Колер потянулся к кобуре:

– Тогда мне придется вас арестовать.

– Послушайте меня, пожалуйста, – сказала Сабина как можно мягче. Колер взглянул на нее. – То, что Кармен Бони покончила с собой и мы преждевременно нашли ее труп, было наверняка не запланировано. Если у Карла действительно есть помощник, а мать Карла была бы жива и могла раскрыть его личность, это выбило бы его из колеи.

Сабина бросила на Снейдера требовательный взгляд.

Он заговорил так же спокойно, как она:

– Садисты и психопаты великолепно все планируют и могут отлично манипулировать другими. Структурированные люди всегда хотят достичь определенной цели. Для них хуже всего, если какая-то случайность перечеркивает их план.

Колер убрал руку с оружия.

– Откуда нам знать, какотреагирует сообщник?

– Самые большие ошибки допускают, когда хотят исправить предыдущую, – сказал Снейдер. – Соучастник попытается уничтожить свои следы. Возможно, даже заявится в больницу.

– Даже если я пойду на это без одобрения начальства, пресса не поведется. Я еще никогда не выдавал стервятникам никакой информации. С какой стати буду делать это именно сейчас?

– Так это не работает. – Снейдер посмотрел на журналистов. – Корруптированный коллега должен из-под полы продать информацию только одному клоуну от прессы.

Брови Колера полезли вверх.

– Это можно устроить.

В этот момент толстый эксперт-криминалист протиснулся мимо них, встал в дверном проеме и вытащил из сумки латексные перчатки.

– Надеюсь, вы не бросили мусор вниз.

– Глудовац, – деликатно обратился к нему Колер. – Хочешь заработать на новый «ролекс»?

На этот раз Снейдер сидел на переднем пассажирском сиденье, когда Колер вез их в участок на своей машине. Сабину это не обидело – наоборот. Она была рада, что мужчины больше не дерутся, как дикие

коты за свою территорию, а сотрудничают. Она знала по собственному опыту, как сложно сработаться со Снейдером.

Колер быстро взглянул на Снейдера. Вероятно, он заметил, что тот впился ногтем в тыльную сторону кисти.

– Боли?

– У меня сейчас голова расколется. – Снейдер вытер пот со лба. Потом посмотрел в окно. – До сих пор мы думали, что все началось в первых числах апреля с убийства Вальтрауд Нессельбергер. Чепуха! Карл Бони занялся планированием уже в конце марта и выбрал свою мать в качестве первой жертвы. Но, вероятно, хотел презентовать нам ее после смерти своей воспитательницы, как труп номер шесть.

Сабина подалась вперед.

– Когда сообщили об исчезновении его матери?

– Предположительно, ее похитили вечером двадцатого марта.

– Снова двадцатое число, – пробормотала она. Все укладывалось в схему.

Снейдер обернулся к ней:

– Отличная работа, Белочка.

– Белочка? – переспросил Колер.

– Немедленно забудьте это, – потребовала Сабина. Какой же Снейдер все-таки идиот! Ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Ей бросилось в глаза, что Карл Бони похищает своих жертв шестого или двадцатого числа, – объяснил Снейдер. – Магические даты. Карл родился шестого ноября, а его отец умер двадцатого декабря. – Он снова посмотрел в окно. – Весь этот кошмар начался с похищения Кармен Бони. Но в этом случае поведение Штрувельпетера не вписывается в привычную схему... – Казалось, Снейдер разговаривал уже сам с собой. – Он заживо замуровывает мать в бетонный столб и держит ее в таком состоянии, чтобы свести с ума. Но никому не сообщает. Ни звонка, ни телефонной загадки, ни подсказки, ни подарка. Почему она на особом положении?

– Очевидно, чтобы у матери не было ни единого шанса на спасение, – предположила Сабина.

– Вот это решающий момент. – Снейдер посмотрел вперед. – Как бы он отреагировал, разгадай кто-то телефонную загадку за сорок восемь часов? Он действительно рискнул бы и оставил жертву в

живых? – Снейдер повернулся к Колеру. – Мы должны проанализировать жизнь Карла Бони. Все его контакты.

– Думаете, мы сидим сложа руки? – пробурчал Колер. Он пересек площадь, на которой возвышалось современное стеклянное здание, и заехал в подземный гараж. – В настоящий момент кроме меня этим делом занимаются еще пять коллег. Возможно, в бюро нас уже ждет полное досье на него.

В полицейском участке дежурный врач продезинфицировал и перевязал Сабине раны от укусов. Теперь она сидела со Снейдером в столовой Федерального уголовного ведомства Вены и ела из алюминиевой миски холодные голубцы, которые буквально утопали в соусе. И запивала диетической колой. Попробовав гомеопатический кофе из автомата, Сабина отставила его подальше. Колер попросил принести их вещи из машины. Сумка Сабины стояла у подоконника. Время от времени она смотрела на площадь Йозефа Холаубека, а мысли вертелись вокруг сестры и родителей. Как дела у Моники и девочек? Как там отец? Но больше всего ее беспокоило другое. До сих пор она по-настоящему не скорбела о матери. *Почему ты не плачешь? Ты ведь должна пережить сильнее? Неужели ты не любила свою маму? Ты плохая дочь?*

Стук клавиш прервал ее размышления. Снейдер открыл свой красный чемодан «Самсонит», включил ноутбук и воткнул шесть длинных игл в болевые точки на тыльной стороне ладоней. Он напоминал дикобраза, печатающего на клавиатуре. Кроме того, он попросил чайник ванильного чая, но получил только ромашковый. От еды отказался – неудивительно, что он такой худой.

– Я отправил в БКА в Висбадене короткий отчет, что четыре убийства в Германии и два случая в Австрии связаны между собой, подозреваемый арестован и мы продолжаем расследование, – объявил Снейдер. – Кстати, вашего отца отпустят из следственного изолятора уже сегодня.

– Спасибо. – Сабина уставилась на свой мобильник. Ни одного сообщения. Ее бывший зять мог хотя бы позвонить ей. Но, возможно, он сам еще ничего не знал об освобождении.

Она увидела, что в чемодане Снейдера поверх костюма и галстуков лежат несколько книг. Биографии с помятыми корешками.

Добыча его последних походов в филиалы «Гаитал». Она ничего не сказала. Однажды Снейдера поймают на краже, и тогда его ненависть к книжной сети станет еще сильнее. Этот человек был одержим и срочно нуждался в помощи, только он не примет эту помощь – кто бы ее ни предложил.

К тому же ему необходима помощь и другого характера – это стало ясно, когда он закурил самокрутку. Сладковатый запах марихуаны распространился по всей столовой. Но у Сабины в голове крутилось слишком много мыслей, чтобы раздражаться по этому поводу.

Через тонкие стены до них уже десять минут доносились громкие голоса. Вскоре в комнату вошел Колер. Он выглядел подавленным.

В руке он держал папку.

– Я как раз... – Как громом пораженный, Колер остановился в дверях и принюхался. – Вы что, спятили? – Он бросился через всю столовую и распахнул окно. – Затушите это немедленно. Можете курить травку в гостиничном номере, но не в полицейском участке. Проклятье, босс и так уже устроил мне из-за вас взбучку! – Колер помахал папкой, разгоняя дым в комнате. – А когда ему в руки попадет вечерний выпуск газеты, нам вообще не поздоровится.

Снейдер потушил сигарету и устало взглянул вверх.

– Это досье Карла? Можно?

– Нет! – грубо осадил его Колер. Он подсел к Сабине и положил руку на папку. – Мы выяснили, что Урсула Цехетнер действительно была воспитательницей Карла в детском саду. Думаю, мы продвинулись на шаг вперед, но этот кошмар не заканчивается.

Снейдер захлопнул ноутбук и повернулся к ним:

– Дайте я угадаю. Недостающее звено в цепи.

– Точно. Полгода назад Карл Бони получил три года условно за домогательства, хранение кокаина и агрессивное поведение по отношению к женщинам. Однако суд разрешил заменить наказание психотерапией. Его психотерапевт доктор Роза Харман.

– Мы должны с ней поговорить, – предложила Сабина. Снейдер поморщился, словно о чем-то догадался.

– Ее похитили из собственной квартиры более двух суток назад, – сообщил Колер.

– *Vervloekt!*^[26] – вырвалось у Снейдера. – Тогда ее уже нет в живых.

– Возможно. Однако никто не получал от похитителя ни звонка, ни загадки, ни подарка, как это было в случае с Урсулой Цехетнер и жертвами в Германии...

– По крайней мере, нам об этом неизвестно, – уточнил Снейдер.

Колер кусал нижнюю губу.

– Вы знаете что-то еще! – настаивал Снейдер.

И не только, подумала Сабина. Похоже, Колер серьезно переживал.

– Здесь может быть замешана моя бывшая подруга, – с отсутствующим видом пробормотал Колер. – Хелен Бергер, психотерапевт. Три года назад она работала судебным психологом и сотрудничала с отделом по расследованию убийств. В последние дни она два раза звонила мне по поводу Розы Харман.

Снейдер подскочил.

– И вы не насторожились?

– Тогда я еще ничего не знал о Штравельпетере, – раздраженно ответил Колер, но тут же взял себя в руки. – В настоящий момент Хелен единственная, кто может привести нас к сообщнику Карла, но я не могу до нее дозвониться. – Он ударил ладонью по папке.

Снейдер положил ноутбук в чемодан и защелкнул замок.

– Вместо того чтобы сидеть здесь, нам нужно поехать в приемную доктора Харман.

Они снова катились по Вене в машине Колера. Сабина сидела сзади. Приемная доктора Харман находилась в Зибенхиртене, самом южном районе города. Нужно было проехать через весь центр, прорвавшись через хаос автомобилей, автобусов, такси и трамваев.

– Нельзя ли побыстрее? – торопил Снейдер.

– Вечерний трафик, – буркнул Колер.

– Попробуйте дозвониться до Хелен Бергер, – предложил Снейдер.

– Ее сотовый выключен.

– Может, она отправила вам сообщение, – не отставал Снейдер. – А вы не можете его получить, потому что ящик голосовой почты вашего доисторического телефона полон.

– Вы действуете на нервы! – Колер вытащил действительно допотопный аппарат и принялся сражаться с меню телефона.

– Осторожно, смотрите на дорогу!

– Да, черт возьми, я делаю это не в первый раз! – Колер что-то печатал.

Сабина нагнулась вперед между сиденьями и увидела, что он удалил последние сообщения. Спустя какое-то время раздался звук входящей эсэмэс.

– Сообщение, которое я отправил из самолета, – сухо прокомментировал Снейдер.

Пищание не прекращалось. Оказалось, что Колер очень востребован.

– Вот дерьмо! – не сдержался он. – Эсэмэс от Хелен, сегодня около одиннадцати утра. «Карл Бони похитил Розу Харман!» – прочитал он.

Снейдер вымученно улыбнулся.

– Эта женщина соображает лучше вас.

Оставшаяся часть поездки прошла в молчании. Сорок пять минут спустя они повернули в аллею. В этом удаленном от центра районе уже не было высотных домов, только особняки с садиками и высокими туями. Колер остановился перед парком. Черные тягостные тучи тяжелым покровом закрыли небо над Веной. Духота казалась почти осязаемой. Подобно запертому в клетке зверю, который не может освободиться, жара скапливалась под низко висящими облаками.

Снейдер вышел из машины и затыкнул косячком. Холодным взглядом он рассматривал машины перед домом, словно запоминал номерные знаки. Вероятно, рефлекс, по-другому он просто не мог. Потом Снейдер указал на бунгало на противоположной стороне:

– Это, должно быть, и есть приемная.

Сабина последовала за марихуановым облаком через дорогу.

– Харман работает на аллее Бах^[27], – пробормотал Снейдер.

Сабина сразу подумала о композиторе. Без комментария Снейдера эта ассоциация у нее бы не возникла.

Колер запер машину.

– И что в этом особенного?

– Бах! – воскликнул Снейдер, удивляясь непонятливости Колера. – Отец Карла Бони был церковным органистом и специализировался на

произведениях Баха. А его сын пошел к психотерапевту на аллее Бах.

– Имеется в виду всего лишь ручей в парке за нами.

– Пусть так. – Снейдер затаился и изобразил свою презрительную улыбку. – Вы всерьез полагаете, что Карл думал о каком-то ручейке в кустах, когда стоял перед этим домом, разглядывал табличку и паниковал, потому что инженер человеческих душ собирался за пятьдесят минут, как бульдозером, перекопать его прошлое? – Он внимательно рассмотрел замок. – Несколько запорных ригелей. Поэтому он похитил ее из квартиры. Как мы попадем внутрь?

– Судебного ордера на обыск нам придется ждать целую вечность. – Колер поднял камень с цветочной клумбы и бросил в окно. – Но так как очевидны следы взлома, медлить опасно, поэтому мы зайдем внутрь без решения суда. – Он достал из сумки отмычку.

Вот как, значит, работает венская уголовная полиция.

– Вы что, даже умеете обращаться с этой штукой? – спросил Снейдер.

– Конечно. Поубавьте пыл.

Сабина подошла к Колеру:

– Вы могли бы научить моего коллегу пользоваться этим. Тогда ему больше не придется выбивать двери ногами.

Снейдер глубоко затаился и раздавил окурочек ботинком перед входной дверью.

– Белочка, прежде чем я выбиваю двери или окна, я проверяю, заперто или нет.

– Очень смешно... – Колер замолчал, когда дверь отворилась без каких-либо усилий с его стороны.

Она оказалась не заперта. Снейдер тут же схватился за оружие.

– Не спешите! – прошептал Колер и тоже достал пистолет.

Из глубины дома доносился глухой искаженный голос, от которого у Сабины по спине побежали мурашки.

Хелен сидела на диване. Она прослушала запись последнего сеанса с Розой Харман, а потом монологи Карла. Кассета еще не закончилась, но катушки вращались медленно. Слабая батарейка искажала голос Карла, словно в каком-то жутком радиоспектакле.

Хелен все еще не могла поверить. То, что делала психотерапевт с этим молодым человеком, было ужасно! Никакого медикамента под названием торрексин не существовало. Выдать пустышку за психотропное средство и всучить клиенту – это граничило с профессиональным самоубийством. Если эти документы попадут в комиссию по этике, на будущем психотерапевта Харман можно ставить крест! Почему она так далеко зашла? Из тщеславия? Или из страха перед реакцией клиента, если ей не удастся своевременно и успешно закончить терапию?

Все факты подтверждали подозрение Хелен, что Карл похитил своего психотерапевта. И Хелен знала причину. Она взглянула на часы. Последний срок истекал через тридцать минут. Значит, у Розы оставался еще один палец. При этой мысли ей стало плохо. Но все равно Роза еще жива, если Карл сдержал слово. Пора записать текст на голосовую почту, чтобы, по крайней мере, спасти жизнь женщине, даже если Хелен и ненавидела ее всей душой.

Вдруг Дасти наострил уши и посмотрел на дверь. В следующий момент раздался звон разбившегося стекла и что-то тяжелое упало на пол. Хелен вскочила с дивана. В ее голове лихорадочно мелькали мысли.

Карл здесь!

Нужно найти где спрятаться или какое-нибудь оружие! Она побежала в ванную и открыла шкафчик. Оттуда вывалились щетки, помада и контейнеры для линз. Хелен поспешно перерывала ящики в поисках ножниц или пилочки для ногтей. Скрежет замка заставил ее замереть на месте. Проклятье, нужно было запереться на замок и спрятать ключ! Но дверь уже открылась.

Дасти, рыча, побежал в прихожую.

– Ко мне! – шикнула Хелен, но пса уже и след простыл.

В дом вошли несколько человек. Тут раздался знакомый голос:

– Дасти, старина! Что ты здесь делаешь? Где твоя хозяйка?

Бен? Хелен с облегчением вздохнула и опустила пилку для ногтей.

– Хелен? – окликнул Бен.

Он бросился в комнату для сеансов психотерапии, за ним следовал высокий мужчина с лысиной и бледным лицом. Он тоже держал в руке пистолет.

– Отбой! – крикнул Бен своему коллеге, когда увидел Хелен. – Все в порядке?

Хелен кивнула.

– Это ты разбил окно?

– Несчастный случай. – На Бене была черная ветровка. Волосы все такие же светлые, как раньше, только короче. Он направился к ней, а лысый и молодая спортивного сложения женщина с серебристой прядью в волосах осматривали другие помещения.

Бен убрал оружие в кобуру и кивнул на маникюрную пилочку:

– Осторожно, убери это.

Хелен уронила ее в раковину и сжала дрожащие пальцы в кулак.

– Что ты здесь делаешь?

– У тебя совсем нервы сдали. – Бен сделал шаг к ней. На секунду Хелен показалось, что он хотел обнять ее, но в последний момент передумал. – Я волновался. Ты отключила сотовый.

– Чтобы сконцентрироваться и спокойно поработать, – солгала она.

– Над вопросом, почему похитили Розу Харман?

Она кивнула. Дасти пролез у нее между ног и терся мордочкой о голень Бена. Вдруг пес зарычал и уставился на дверь.

В комнату для терапии вошел лысый в сопровождении молодой женщины. И напрямик направился к Хелен.

– Меня зовут Мартен С. Снейдер, я аналитик из БКА в Висбадене. Это моя коллега Сабина Немез. Мы... – Он сделал шаг назад. – Можете взять пса на поводок?

Мужчина говорил с голландским акцентом. Дасти сидел, оскалив зубы, перед ним, готовый в любой момент наброситься.

– Дасти, фу! – приказала Хелен. Терьер замолчал, но не сводил со Снейдера взгляда.

Сабина Немез коротко кивнула Хелен. По ее лицу было видно, что ей неловко за поведение коллеги.

– Я знаю, что раньше вы работали судебным психологом, – сказал Снейдер. – Поэтому, пожалуйста, избавьте меня от ненужной психологической болтовни. Только факты! Похититель контактировал с вами?

Какой душка! Ему повезло, что она отложила пилку для ногтей.

– Да, – пробормотала она.

– Когда в первый раз?

– В понедельник утром, между восемью и девятью.

– Пятьдесят шесть часов назад. Тогда Роза Харман уже мертва.

– Нет, – возразила Хелен. – Сегодня утром я выторговала еще восемь часов. Срок истекает через полчаса – в семнадцать часов.

От удивления у Снейдера брови полезли на лоб.

– С киллером можно торговаться?

– С каким киллером? – Хелен знала только о похищении.

Снейдер рассматривал разбросанные по полу документы и аудиокассеты.

– Вы без сомнения умная женщина. Сумеете резюмировать все в трех понятных предложениях?

Внутри у Хелен все кипело от негодования. Комментарий Снейдера прозвучал, как язвительный намек.

– А если нет? – спросила она.

– Тогда вы украдете мое время. – Он показал ей три пальца. – Три предложения!

В ответ Хелен тоже показала Снейдеру палец – средний.

Он спокойно это воспринял.

– Значит, я ошибся в вас.

– Надеюсь, у вас хороший психотерапевт.

Сабина Немез подошла к ней и бросила извиняющийся и одновременно умоляющий взгляд:

– Пожалуйста!

– Тогда объясните мне сначала, что здесь происходит, – попросила Хелен. – Я ничего не знаю ни о каком киллере. У нас осталось еще тридцать минут, чтобы спасти Розе жизнь.

Сабина не стала ждать согласия коллеги, а сразу начала рассказывать:

– Мы предполагаем, что Карл Бони совершил несколько убийств...

В следующие несколько минут Хелен узнала, что Карл похитил шесть женщин в Кельне, Мюнхене, Лейпциге, Дрездене и Вене и пять из них убил. После каждого похищения он связывался с кем-то из знакомых жертвы, посылал подсказку и ждал сорок восемь часов, за которые нужно было разгадать причину похищения – если только кто-то не обращался в полицию. Потом он убивал женщин, вольно интерпретируя истории из детской книжки «Штрувельпетер».

– ...И доктор Харман его седьмая, и пока последняя, жертва, – закончила свой рассказ Сабина.

«Штрувельпетер»! Хелен знала эту книжку с картинками. На аудиозаписях о ней не было ни слова, но вот откуда пытки, которым подвергал Карла отец. *Пять убийств за столь короткое время!* Она должна сначала переварить все это. В голове вертелись одновременно десятки вопросов.

– Откуда у Карла время, чтобы устроить столько убийств всего за два месяца?

– Он бросил работу автомеханика, – ответил Снейдер.

– А откуда взялись деньги на его двухмесячный поход мести?

Лицо Снейдера казалось окаменевшим.

– Мы не знаем.

– На этот раз его вдохновила история про мальчика, сосущего пальцы, – сказала Хелен. – Он отрезает доктору Харман пальцы – предположительно тупыми садовыми ножницами.

Снейдер подошел ближе.

– Теперь вы расскажите. Все, что о нем знаете. – Его голос уже не звучал так властно, как раньше.

Хелен посмотрела на наручные часы. Еще пятнадцать минут до того, как истечет время. Она села на диван. Дасти прыгнул к ней.

– Мать Карла в первый раз забеременела в семнадцать лет. Через пять лет, шестого августа, она потеряла ребенка. Маленькая Мария не послушалась ее, убежала к пруду и утонула. Мать Карла так и не смогла это пережить. Измучив себя упреками, она заводила беспорядочные интрижки в надежде, что муж бросит ее. Но он этого не сделал. Она забеременела Карлом, но так и не избавилась от страха, что потеряет и этого ребенка. Угрожала уйти из семьи, в ответ на это

отец наказывал сына, требуя от него абсолютного послушания. Мучения начались в Вене и продолжались во всех других городах.

– Но по какой причине Карл убивает всех женщин, с которыми контактировал в детстве и подростковом возрасте? – спросил Бен.

После всех прослушанных кассет ответ лежал на поверхности.

– Замещенная ненависть к сестре, которую он не знал.

– А почему он похитил своего психотерапевта?

Только теперь Хелен осознала, что Карл Бони не просто угрожал убить женщину, а уже был многократным убийцей. И начала торопливо рассказывать.

– В пять утра он пришел к моему дому, положил ее палец в почтовый ящик и потребовал от меня выяснить, почему он это сделал, – всхлипывала она. – Он хотел убить ее и переложить ответственность за это на меня... – Одиночество практически свело ее с ума, а сейчас словно камень упал с души. Наконец-то она могла поделиться с кем-то своими переживаниями и рассказать, что пережила за последние сорок восемь часов. – Я не знала, могу ли... – Слезы навернулись ей на глаза.

– Все хорошо! – Бен присел к ней на диван и обнял ее за плечи.

Хелен ощущала его тепло, запах кожи, одеколону. Этот аромат придавал ей уверенность, которую никогда не мог дать Франк. Она закрыла глаза и заплакала, уткнувшись Бену в плечо, как ребенок. Он терпеливо ждал и гладил ее по волосам.

Дасти забрался к ней на колени, касался лапами, скулил и лизал лицо. Его усы щекотали Хелен. Наконец она улыбнулась.

– Все в порядке, малыш. – Она высвободилась из объятий Бена и почесала Дасти за ухом.

Снейдер откашлялся. Еще одно его идиотское замечание, и она снова разрыдается. Но он выбрал мягкий тон:

– Вы не должны себя ни в чем упрекать. Насколько мы знаем, Карл Бони убивает свою жертву, как только кто-то нарушает его правила и сообщает в полицию.

Хелен вытерла слезы. Только сейчас она заметила, что щеки молодой сотрудницы полиции горели. Казалось, она вот-вот расплачется. Господи, нужно взять себя в руки, иначе она всех в этой комнате доведет до слез.

– Я только сейчас выяснила причину похищения, – всхлипнула она. – Харман хотела проявить себя, быстро добившись положительных результатов. Карл доверился ей. Но она два раза обманула его – с гипнозом и таблеткой правды. Он попался как наивный ребенок, и его эмоциональный мир превратился в неконтролируемый хаос. Его ненависть распространилась не только на нее, но на всех женщин из его детства.

– У вас есть какое-нибудь предположение, почему Карл выбрал именно вас для этой игры?

Потому что узнал, что мой муж спит с его психотерапевтом!

– Она наблюдалась у меня, – коротко ответила Хелен. То же самое она сказала Бену по телефону. Хелен скорее язык себе откусит, чем скажет больше.

Снейдер обратился к своей коллеге:

– Белочка, в нашей теории ошибка. Дата похищений, шестое число, связана не с днем рождения Карла, а со смертью его сестры. Двадцатого декабря умер его отец. Речь идет исключительно о смерти. Две памятные даты. Белочка?

Казалось, Сабина Немез витала в облаках. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль. Глаза покраснели.

– Я подумала о маме... В воскресенье, в полвосьмого вечера, Карл приковал ее к органу в мюнхенском соборе и утопил в чернилах. Потом он должен был как угорелый мчаться в Вену. Чтобы успеть отрезать Розе Харман палец, который он подбросил в пять утра в почтовый ящик, нужно было похитить ее из квартиры около половины четвертого. Он работает в цейтноте!

– Ваша мама была одной из его жертв? – спросила Хелен. – О господи, мне очень жаль. – Теперь многое стало понятно. Три дня назад эта женщина потеряла мать. Пока другие скорбели, она приехала в Вену, чтобы охотиться за фантомом, который и дальше будет убивать, если его не остановить.

– Карл Бони не теряет время, – согласился Снейдер. – Интервалы становятся все короче, его игра подходит к концу.

– Это не игра, – поправила его Хелен, – а изощренная месть. – Она взглянула на часы, потом включила сотовый телефон. – Я должна оставить на своей голосовой почте сообщение, иначе он убьет Розу Харман.

– Момент! – Снейдер зажмурился. – Вы считаете возможным, что у Карла Бони есть сообщник?

Она помотала головой.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Его доверием злоупотребили. Карла Бони обманули, и теперь он по-своему перерабатывает детские мучения и пытки. Он никого не стал бы посвящать в свои планы. Карл одинок, насколько может быть одинок человек. Словно крик о помощи, он просит родственников жертвы разгадать причину его поступков. Возможно, он и сам ее не знает, и правильный ответ не остановит его мести.

– Значит, никакого сообщника, – резюмировал Бен. – Тогда можно было не утруждаться с газетной уткой.

– О чем вы говорите, черт возьми? – воскликнула Хелен.

– Несколько часов назад Карла Бони ранили и арестовали, – объяснила Сабина Немез. – Но он лежит в медикаментозной коме, и мы не знаем, где он держит доктора Харман.

Хелен опустила руку с телефоном.

– Арестовали? – переспросила она. Этого не может быть! Зачем она старалась и выясняла все о Карле Бони, если полиция схватила его несколько часов назад?

Хелен посмотрела на часы. Время только что вышло. Значит, монстра поймали.

Ее зазвонивший сотовый заставил всех вздрогнуть.

Неизвестный номер.

– Это он, – выдавила из себя Хелен.

– Это не может быть он! – возразил Бен. – Карл лежит в реанимации многопрофильной больницы – под охраной трех полицейских.

– Это он, – повторила Хелен. Она это чувствовала. Как только ответит на звонок, услышит искаженный электронный голос Карла Бони. Его надменный тон и вопрос, выяснила ли она причину похищения. Она знала еще кое-что: Карл Бони отрубил Розе Харман уже все пальцы.

Бен схватил ее за руку.

– Успокойся. Карла Бони схватили.

Нет, черт возьми! Ты ошибаешься! Звонок сводил ее с ума.

– Кто бы это ни был, – вмешался Снейдер, – включите громкую связь и ответьте на звонок, пока не поздно.

Хелен положила сотовый на стол и произнесла безэмоциональным голосом:

– Алло?

В следующий момент они вздрогнули.

– Ваш дополнительный срок истек! – произнес электронный голос.

Дасти прижал уши, но не издал ни звука. Бен, Мартен Снейдер и Сабина Немез стояли вокруг стола и слушали. Снейдер поднес руку к уху, потом указал наверх. Бен тут же схватился за свой мобильник и вышел из комнаты.

– Почему вы подошли к телефону? – спросил мужчина. – Я думал, у нас договоренность.

– Я как раз хотела записать сообщение на голосовую почту.

– Ладно, – буркнул он. – Я на громкой связи?

– Нет, я стою в ванной комнате. Поэтому такой гулкой звук, – солгала Хелен.

– В каком доме?

– В приемной Розы Харман.

Мужчина даже не удивился.

– Кто еще с вами?

Руки Хелен дрожали.

– Только моя собака. – Этот разговор был не такой, как предыдущие. Теперь она знала, что говорит с убийцей, который расправился с пятью женщинами. Он не позволит тянуть время и долго водить себя за нос. – Я выяснила то, что вы хотите знать, – быстро добавила Хелен.

– У вас есть одна минута.

Снейдер показал мягким движением руки, чтобы Хелен отвечала медленно и не теряла самообладание. Краем глаза она видела, что Бен стоит в коридоре и, прикрыв рукой рот, бормочет что-то в телефон. Вероятно, диктовал номер ее телефона, чтобы сотрудники могли отследить звонок. Она должна выиграть время.

Хелен сделала глубокий вдох.

– Вы похитили Розу Харман. Она была вашим психотерапевтом. Суд заменил вам наказание на психотерапию. – Она сделала паузу. Мужчина слушал. – Я могу вас понять. Роза вам солгала, обвела вокруг пальца и злоупотребила вашим доверием. В настоящий момент вы испытываете амбивалентные, противоречивые чувства.

Снейдер взял блокнот со стола и написал что-то на листке бумаги.

«ЭТО КАРЛ БОНИ?»

Хелен кивнула, что поняла.

– Карл Бони, я знаю, как вы себя чувствуете. Роза должна была всего лишь помочь вам справиться с агрессивным отношением к женщинам, но она разворошила ваше прошлое, напомнила о жестокости отца, любовных связях вашей матери, смерти сестры...

– У нее не было на это права! – перебил ее мужчина.

– Именно, – подтвердила Хелен. – Прежде всего потому, что Роза сама завела роман с женатым мужчиной и потеряла ребенка, как мы оба знаем. Я могу вам помочь.

– Мне не нужна помощь шарлатанов, у которых настолько рыльце в пушку, что их самих нужно изолировать.

Бен закончил телефонный разговор, вернулся в комнату и поднял большой палец вверх. Снейдер бросил на него серьезный взгляд. Видимо, он наконец понял, что мужчина в больнице не Карл Бони.

Пока Хелен раздумывала, что сказать дальше, Снейдер написал еще два слова.

«ПРАВИЛА ИГРЫ!»

Хелен сразу сообразила.

– Карл, я выяснила, почему вы похитили Розу. Благодаря вашему вмешательству вскрылись ее ошибки. Стало известно о любовной связи. Розе придется ответить за свои поступки, как в личной, так и в профессиональной жизни. вспомните ваши правила игры!

– Какие правила?

– Я разгадала вашу загадку. Вы обещали отпустить Розу. Пожалуйста, отвезите ее в ближайшую больницу! Ей нужна медицинская помощь.

Снейдер стремительно писал что-то на новом листке бумаги, который положил перед Хелен.

«КАРЛ НЕ РАССЧИТЫВАЛ, ЧТО ВЫ ВСЕ ВЫЯСНИТЕ. ПОБОЛЬШЕ ДЕЛИКАТНОСТИ!!!»

– Вы правы, – раздалось из телефона. – Поэтому у игры появилось дополнительное правило, которое до сих пор никогда не требовалось.

– Какое дополнительное правило?

Снейдер покачал головой, как будто имел дело с дилетантом. Быстро подсунул ей новый листок.

«РАССПРОСИТЕ!»

О господи, как она могла забыть!

– Что вы имеете в виду, говоря «до сих пор никогда не требовалось»? – быстро добавила она. – Вы уже играли в эту игру?

Она почти выдала, что находится в контакте с полицией и уже знает об убийствах.

– Видимо, вы еще не все знаете. – В его голосе слышалось удовлетворение. – Перейдем к следующей фазе игры. Если загадку разгадали, похищенная женщина остается в живых, как и обещано. Но ее место занимает тот, кто разгадал загадку.

На секунду у Хелен перед глазами потемнело. Внутри все перевернулось. Дасти ткнулся в нее носом.

Снейдер положил перед ней на стол еще один листок.

«ИГРАЙТЕ!»

Хелен помотала головой. Выражение лица Снейдера стало каменным. Он указал пальцем на листок.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – спросила Хелен.

– Вы разгадали загадку и спасли жизнь Розе Харман. Теперь мы с вами играем дальше – и уже ваша жизнь в руках другого человека.

Нет, вертелось у Хелен на языке, но Снейдер однозначно ткнул пальцем в листок.

– Я дам вам адрес. Если приедете, то Роза будет свободна.

– И я должна вам доверять? – закричала Хелен.

– Хотите быть виноватой в смерти доктора Харман?

– Вы знаете, что мне сделала эта женщина!

– Без меня вы бы никогда этого не узнали. Думаю, у вас передо мной должок. Кроме того, я ни разу вас не обманул.

– Я хочу доказательства, что Роза жива.

Снейдер поморщился.

– Через полчаса я позвоню на стационарный телефон приемной доктора Харман, – сказал он. – И назову место, куда вы должны приехать.

В телефоне щелкнуло, и связь прервалась.

– *Vervloekt!* – зарычал Снейдер. – Вы чуть все не испортили!

– Ничего подобного. – Хелен сохраняла спокойствие. – Думаете, он не почувствует неладное, если я соглашусь не раздумывая?

– Паранойя, в которой он живет, всего лишь другая форма реальности. Он бы этого не заметил. – Снейдер опустил напряженные плечи. – Это был тот же измененный голос, который вы слышали два дня назад?

Хелен кивнула.

– Хотя бы что-то. – Он повернулся к Бену: – Мы можем за тридцать минут установить ловушку, чтобы засечь звонок?

– Без судебного решения о подключении к телефонной линии? Невозможно, – ответил Бен. – Плевать, мы все равно это сделаем. – Он переговорил с коллегами из Федерального уголовного ведомства. – Все будет.

Вскоре зазвонил его сотовый. Разговор длился всего одну минуту, потом Бен положил трубку.

– Мы уже выяснили, с какого номера звонили, – сообщил Бен. – Это предоплаченная сим-карта, что нам не поможет.

– Место? – спросил Снейдер.

Бен покачал головой.

– Чтобы выяснить у Телекома, к какой сотовой вышке подключался мобильный телефон, нам нужно больше времени. Между тем он может оказаться уже где угодно.

– Все равно распорядитесь о пеленговании телефона! – настаивал Снейдер.

– На это я даже не рассчитываю. Через двадцать пять минут мы и так узнаем место передачи. Затем мы поедem туда и...

– Мы? – Хелен поднялась. – Если вы знаете, где этот парень, можете его и так схватить, а я умываю руки.

Бен с пониманием посмотрел на нее.

– Само собой. Спасибо, что ты вообще подыграла.

Снейдер подошел к ней.

– Я не могу заставить вас участвовать – и никогда бы этого не сделал. Но наше преимущество в том, что Карл Бони не знает, что вы сотрудничаете с нами. – Он соединил большой и указательный пальцы. – Мы вот настолько близки к тому, чтобы поймать этого парня. Я прошу вас попритворяться еще один час, что вы играете по его правилам, пока мы не схватим подонка и не освободим Розу Харман. Определенные риски существуют, но их можно устранить.

Она бросила скептический взгляд на Бена.

Тот пожал плечами.

– В твоих же интересах, чтобы мы его поймали, – аргументировал он. – Карл Бони знает, где ты живешь, и ты в его черном списке. С твоей помощью мы могли бы наконец-то схватить его. Но это не безопасно.

Только Сабина Немез сделала несчастное лицо. Хелен показалось, что она едва заметно покачала головой.

– У нас еще есть время, – сказала Хелен. – Я подумаю.

Хелен стояла в кухонной нише приемной Розы Харман, слушала, как мужчины разговаривают по телефону в соседней комнате, и перебирала в уме события двух последних дней. Дасти свернулся клубком на полу и положил голову ей на ноги. Она смотрела на экран своего телефона. Бен два раза пытался дозвониться до нее, а Франк – пять. Наверное, он как злобный гном Румпельштильцхен скачет по участку, потому что должен в одиночку заниматься своим праздником. Плевать! Другого он не заслужил!

Сабина Немез вошла на кухню и встала напротив Хелен, прислонившись к плите.

– Вы не обязаны это делать.

– Я знаю.

– Можно вас кое о чем спросить? – Она дождалась, пока Хелен кивнула. – Почему Карл Бони убил мою мать?

– А что думает ваш коллега, психолог-криминалист?

Сабина наморщила лоб.

– Я не уверена. Может, Снейдер и гений, но он живет в своем собственном мире, где он центр Вселенной. – Слова прозвучали без воодушевления.

– По моему мнению, Карл чрезвычайно умен, но не способен испытывать сочувствие, – объяснила Хелен. – У него нет сознания вины. Он не учится на собственном опыте, не может представить себя на месте других, не в состоянии поддерживать продолжительные отношения и не уважает никакие социальные нормы и правила. К тому же эта устойчивость к фрустрации. Его отец много раз до полусмерти избивал Карла в страхе, что жена, которая регулярно ему изменяла, бросит семью из-за сына. – Думаю, будет лучше, если я сейчас...

– Пожалуйста, продолжайте.

– Хорошо. – Хелен немного подумала. – Представьте себе, как социопсихопат воспринимает общество, и усильте эту систему во много раз. Тогда получите приблизительную картину мира, в которой живет Карл. Он ненавидит двуличие, лицемерные отношения и людей, которые изменяют своим партнерам. Ложь и фальшь привели к тому, что он много лет жил в насилии. Сеансы психотерапии Розы Харман открыли в нем какой-то клапан. Полагаю, ваша мама была одной из учительниц Карла.

Сабина кивнула:

– Спасибо.

Хелен сменила тему:

– Как вы ладите с вашим начальником?

– Снейдер не мой начальник. Я работаю в оперативном отделе мюнхенской полиции. Он разрешил помочь ему в расследовании.

– Вы не ответили на мой вопрос, как вы с ним ладите.

– Внешне он производит впечатление подонка, но, думаю, в глубине души он не такой уж мерзкий тип.

– Раньше я работала психологом-экспертом в уголовной полиции – по некоторым делам даже с Беном Колером, – рассказала Хелен. – Я встречала разных чудаков, но еще никогда такого циника, который убежден, что является мерилом всего.

Сабина горько улыбнулась.

– Вы достаточно хорошо знаете людей.

– Это моя работа, – ответила Хелен. *Но с собственным мужем и клиенткой это знание не помогло.*

На кухню вошел Бен.

– Еще десять минут – и Карл позвонит.

Сабина протиснулась мимо него.

– Я оставлю вас.

Бен коснулся плеча Хелен.

– Я не хочу, чтобы ты сделала что-то необдуманное.

– Да ладно тебе, мы достаточно работали вместе. Я когда-нибудь теряла самообладание? – спросила она.

Бен покачал головой.

– Что с подготовкой?

– Отряд «Вега» в полной боевой готовности и ждет данных о пункте передачи. Кроме того, команда от ведомства уголовной полиции будет следить за всеми подъездными дорогами к месту встречи. Мне не хочется использовать тебя как приманку. У нас неплохие шансы схватить его и без твоей помощи.

– Тогда Роза Харман, наверное, умрет. – Вообще-то, эта женщина должна быть безразлична Хелен. Но Анна Ленер приходила к ней как клиентка, пусть и введя Хелен в заблуждение. Парадоксально, но Хелен чувствовала ответственность за любовницу своего мужа.

Неожиданно зазвонил допотопный телефон Бена. Он взглянул на экран.

– Твой муж, – кратко сказал он и ответил на звонок.

– Добрый вечер, господин прокурор... нет, мне очень жаль, я не смогу приехать к вам на вечеринку. Срочный вызов... Ваша жена? – Он бросил на Хелен вопросительный взгляд.

Она помотала головой.

– Я не знаю, где она... да, я сообщу, если что-нибудь узнаю. Спасибо, до свидания. – Он нажал на кнопку и закончил разговор.

Бен молчал. Она не должна была ему ничего объяснять. Он не дурак и наверняка догадывался, что ее брак в плачевном состоянии.

– Ты обрезала волосы, – наконец сказал он. – Новая прическа тебе идет.

– Ты заметил?

– Недавно я заходил на твою веб-страничку. Хотел посмотреть, действителен ли твой старый номер телефона и принимаешь ли ты по-прежнему в Грискирхене.

– Я не люблю перемен.

– Знаю. На странице все еще висит старое фото с Ибицы.

О боже, эта фотография! Шесть лет назад во время отпуска Бен щелкнул ее в тот момент, когда ветер растрепал ее длинные черные волосы. Хелен почувствовала, как в груди стало тепло.

– Я по-прежнему ношу снимок в портмоне. – Он улыбнулся, потом сжал губы. – Почему ты не обновила фотографию?

– Мне эта нравится, она красивая.

– Не такая уж и красивая.

– Вот подлец! – Она пихнула Бена в бок, он наигранно охнул. На мгновение все стало как раньше, когда она еще не была замужем за Франком.

Тут в кухню вошли Снейдер и Сабина.

– Не хочется мешать молодым, – усмехнулся Снейдер, – но ваше время на размышление истекло.

Как мило!

Бен взглянул на Снейдера, словно хотел задушить.

В этот момент у Хелен завибрировал телефон. Она посмотрела на дисплей:

– Эсэмэс.

Бен и Снейдер подошли ближе.

– Переулок Кобенцльгассе, – прочитала вслух Хелен. – Номер дома двадцать четыре. Через полчаса.

– Вот хитрый *подлец!* – воскликнул Снейдер. – Посылает эсэмэс, вместо того чтобы позвонить на стационарный телефон. Где этот Кобенцльгассе?

– В отдаленном районе на западной окраине Вены, – объяснил Бен. – Мать Карла Бони жила там в маленьком доме с садом. – Он

взглянул на часы. – Если поедем по внешнему кольцу, то за тридцать минут доберемся до Дебинга.

Он набрал номер своего участка, передал описание внешности Карла Бони и Розы Харман и направил команду вести наблюдение за переулком Кобенцльгассе. Потом сделал еще один звонок.

– Хорошо, – сказал он, убрав сотовый в карман. – Подъездные дороги к переулку будут перекрыты. Оперативная группа «Вега» прибудет на место через двадцать пять минут и будет ждать команды к действию.

– Двадцать пять минут? – Снейдер посмотрел на часы. – Речь идет об убийстве и вооруженном захвате заложницы, а у ваших коллег такая скорость, что по сравнению с ними мертвый опоссум кажется живым! – Он запрокинул голову так, что хрустнули позвонки, словно хотел таким способом выместить злобу. Потом повернулся к Хелен: – Ну?

Ей не нравился цинизм Снейдера. Но еще сильнее она ненавидела Франка: из-за его интрижки она оказалась в таком положении.

– Я сделаю это, – глухо произнесла она.

Снейдер с облегчением кивнул.

– Вы не только умная, но еще и храбрая. Спасибо.

– Как все будет проходить? – спросила она.

Бен грустно вздохнул. От нее он не мог скрыть свои переживания.

– Ты сядешь в автомобиль и поедешь по указанному адресу. Мы незаметно будем следовать за тобой. Ты нас не увидишь.

Она бросила на него скептический взгляд.

– Мои бывшие коллеги из «Веги» ожидают тебя там, – попытался успокоить ее Бен. – В сущности, с тобой ничего не может случиться.

Хелен знала, что означает это «в сущности» – что ситуация по десяткам причин может выйти из-под контроля. И именно эти сомнения она увидела во взгляде Сабины.

Примерно в половине шестого Бен, Сабина и Снейдер покинули приемную доктора Розы Харман. Хелен последовала за ними и заперла входную дверь. Полицейские пошли к служебной машине Бена, она – к своему автомобилю. Дасти бежал позади нее. В воздухе пахло приближающимся дождем. Из-за туч было уже совсем темно – и это в конце мая, подумала она.

Хелен открыла дверцу и взглянула на машину Бена, которая была припаркована метрах в тридцати. Дасти зарычал.

– Не бойся, малыш, они знают, что делают.

Дасти не успокаивался. Она это сказала, только чтобы подбодрить себя. Хелен быстро села в машину и завела мотор. Тут же заиграло радио. Дасти стоял на тротуаре и скалил зубы.

– Фу! – крикнула Хелен и пристегнула ремень безопасности. – Ну, давай, запрыгивай! – Она похлопала по пассажирскому сиденью. Наконец Дасти перепрыгнул через нее, но продолжал тявкать. После очередной команды он неохотно свернулся на сиденье. Но губы пса оставались приподняты, а уши прижаты к голове. Что на него нашло?

Только Хелен захлопнула дверь, как услышала шорох на заднем сиденье. Дасти снова зарычал, и тут она почувствовала острый кончик ножа между ребрами. Рефлективно вскинула руки вверх. Ремень безопасности тут же затянулся вокруг нее. Сердце заколотилось как бешеное. Хелен взглянула в зеркало заднего вида. Бен и другие сели в машину. Затем темная фигура в капюшоне на заднем сиденье закрыла ей обзор.

– Лезвие двенадцать сантиметров в длину, и оно разрежет ваше легкое как масло. Не пройдет и минуты, как вы захлебнетесь собственной кровью. Так что включайте поворотник и трогайтесь. Медленно! – приказал мужчина. Его голос был звонким и знакомым.

Дасти залаял.

– Фу! – Голос Хелен дрожал. Она чувствовала дыхание мужчины. В зеркале она видела, что его капюшон находится прямо за ее подголовником. Ему не нужно даже пригибаться. С позиции Бена и Снейдера невозможно рассмотреть, что кроме нее в машине находится кто-то еще.

Она покосилась на автомобильный гудок. Стоит рискнуть? Хелен посмотрела в зеркало заднего вида. Глаза мужчины следили за ней.

– Даже не думайте!

– Вы ведь Карл Бони, верно? – пробормотала Хелен, но вопрос был излишним. Она знала голос Карла и восточнонемецкий акцент по аудиозаписям Розы Харман.

– Поезжайте! – прошипел он.

Хелен включила поворотник и выехала с парковочного места. Дасти по-прежнему рычал. Она погладила терьера.

– Все хорошо, малыш.

– Руки на руль!

Теперь ей стало понятно, почему мужчина открылся не во время поездки. От ужаса она потеряла бы управление. В зеркале заднего вида Хелен наблюдала, как закрылись дверцы автомобиля Бена. Но машина не двигалась с места. *Проклятье, почему они стоят на месте?*

– Смотрите вперед!

Она послушалась, но косилась в боковое зеркало. Двери открылись, Бен вышел из автомобиля и помахал Хелен.

– Взгляд прямо перед собой! – Острие ножа прошло сквозь спортивный костюм и вонзилось ей между ребрами. – Выключите радио!

Хелен повернула ручку, и музыка замолкла. В машине стало тихо – было слышно только дыхание мужчины и рычание Дасти. Он заставил ее повернуть сначала в переулок Кетцергассе, потом налево на Тристерштрассе. Сельскую местность вскоре сменили торговые центры и серые многоэтажные дома. Они подъехали к оживленному перекрестку, по которому дребезжал трамвай. На подъездной дороге выстроились в ряд грузовики.

– Медленнее, – приказал мужчина.

На светофоре загорелся красный свет, и Хелен остановилась. Мужчина протиснулся между сиденьями вперед и сильнее прижал нож, который больно врезался ей в бок. Впервые Хелен отчетливо увидела его глаза. Интенсивный голубой цвет и длинные загнутые ресницы гипнотизировали. Ему было около двадцати трех лет, узкое сухощавое лицо и светлые, почти соломенные волосы. Дасти заскулил, когда мужчина схватил его за ошейник и заставил спрыгнуть с сиденья на пол.

– Пожалуйста, не делайте ничего собаке, – взмолилась Хелен.

Он открыл дверь и ногой подтолкнул Дасти к проему. Терьер хотел схватить его за штанину, но мужчина пинком выбросил того на дорогу. Потом захлопнул дверь и упал на пассажирское сиденье.

– Нет, пожалуйста! – Хелен хотела выйти из машины, но мужчина положил руку на защелку ремня безопасности. И еще глубже вонзил нож ей между ребер.

– Вы меня обманули. Если не будете слушаться, я воткну нож.

Дасти стоял рядом с машиной. Хелен его не видела, но слышала, как он скулит и царапает лапой дверь.

– Пожалуйста, не оставляйте собаку там одну, – заплакала Хелен.

Светофор по-прежнему горел красным светом.

– Дайте мне ваш сотовый! – Он чуть опустил стекло. – Ну же!

Теперь скуление Дасти стало громче. Она передала телефон, и мужчина выбросил его через щель наружу. Хелен вытерла слезы. Неужели ни один пешеход не замечает, что здесь происходит? Затуманенным взглядом она посмотрела в зеркало заднего вида – за ними не было ни одного автомобиля.

Где они застряли?

Светофор загорелся желтым, а потом зеленым.

– Поехали! – Он ткнул ее ножом. Хелен вскрикнула. Включила передачу и тронулась с места. Быстро обогнала трамвай. В боковом зеркале Хелен видела, как Дасти бежит за машиной рядом с трамваем. О господи, пес наудачу мчался через перекресток.

– Быстрее!

Теперь все светофоры как назло горели зеленым светом. Через несколько поперечных улиц Дасти отстал и присел на обочине. У Хелен разрывалось сердце, когда она увидела своего пса одного на перекрестке, как он приподнялся и смотрел вслед машине. Дрожащими пальцами она включила навигатор.

– Я сказал, руки на руле!

– Мне нужен навигатор, – всхлипнула она. – Я не знаю, как доехать до переулочка Кобенцльгассе.

Мужчина выключил прибор. По ветровому стеклу застучали первые капли дождя.

– Вы ведь не думаете, что мы действительно поедем в Кобенцльгассе?

Сабина подошла к Бену Колеру, который орудовал кабелями, стоя перед открытым капотом. Она нервно посмотрела вслед удаляющейся машине Хелен Бергер.

– Что с автомобилем?

– А вы как думаете? – Снейдер медленно выбрался наружу. – Хотите услышать мое мнение?

– Проклятье, нет! – выругался Колер.

Снейдер сохранял спокойствие.

– У каждого должно быть право на собственное мнение. Вы...

– Заткнитесь! – Колер вытер испачканные машинным маслом руки о штаны.

Даже в такой момент Снейдер вел себя надменно. Сабина чувствовала, что вот-вот взорвется.

– Мы стоим здесь, как кучка идиотов.

Снейдер подошел ближе.

– Пока мы сидели в доме и ждали его звонка, мерзавец побывал здесь и сделал из нас посмешище.

– Должно быть, он взломал чем-то дверцу водителя и открыл изнутри капот, – сказал Колер. – Реле включения насоса выдернуто из блока предохранителей.

– Вы сможете починить? – спросила Сабина.

– Если у вас есть реле.

– Вы должны объявить машину Бергер в розыск, – торопил Снейдер.

Свет от задних фар автомобиля как раз исчез в конце переулка, в темноте собирающегося на горизонте шторма.

– Что-то не так, – прошептала Сабина. – Бергер не останавливается.

– Я знаю! Проклятье! Я не должен был разрешать ей ехать! – Колер захлопнул капот и позвонил по сотовому своим коллегам.

– Мне нужна штатская машина, которая будет преследовать маленькую «тойоту» синего цвета с венскими номерами. Угол аллеи Бах и переулка Кетцегассе, предположительно в направлении центра города, к Тристерштрассе... нет, сейчас, немедленно! – Он сделал

паузу. – Вторая машина должна забрать нас по адресу аллея Бах, семнадцать. – Потом он долго ничего не говорил и слушал.

Вдали на небе сверкнула молния, вскоре после вспышки прогремел гром. Отдельные тяжелые капли западали на землю – от горячего асфальта тут же пошел пар. Пуловер Сабины был весь влажный от пота. Когда, наконец, начнется настоящий дождь?

– Спасибо, – буркнул Колер и убрал телефон. Он сел на капот радиатора и уставился на дорогу. Они действительно кучка идиотов.

Снейдер подошел к нему и сунул себе в рот сигарету.

– Ну, что?

– Еще два месяца назад Карл работал в одной автомастерской. Мои коллеги присмотрелись к ней. Оказалось, что старый владелец, Рубен, торгует не только подлатанным металлоломом, но и кокаином. Получает товар из Чехии и снабжает ночные клубы в центре города. Карл был курьером. Все очень просто: ты или делаешь, что тебе говорят, или лишишься работы. Когда Карл попался при полицейской облаве, ему навязали терапию.

– Как нам это поможет? – спросила Сабина.

Колер сжал кулаки.

– Два месяца назад Карл бросил работу. Перед этим спустил запасы кокаина в туалет и стащил деньги из черной кассы.

Снейдер выпустил облако дыма.

– И так финансировал свои поездки в Мюнхен, Кельн, Лейпциг и Дрезден.

Мюнхен!

Сабина отвернулась. Казалось, город находится где-то очень далеко, в десяти тысячах километрах. Уже несколько дней они находят труп за трупом. Место преступления одно причудливее другого. Забетонированная в колонне женщина, которая подавилась собственным откушенным языком; чуть не умершая от голода несчастная в подвальном боксе; труп в колодце Дрезденского собора... и ее мать с катетером в легком, которая захлебнулась двумя литрами чернил.

Для Снейдера и всех других смерть ее матери была лишь звеном в длинной цепочке ужасных убийств. Но Сабина потеряла часть жизни. Ничего уже не будет как прежде. Она никогда больше не сможет даже поговорить с мамой. На глаза набежали слезы. Сабина пыталась

заставить себя подумать о чем-то хорошем, но на ум приходил только ее предстоящий день рождения – который будет омрачен похоронами. Потом она вспомнила о пакете в голубой подарочной бумаге с желтой лентой и об адресованной ей открытке, которые нашла в мамином шкафу. Что мама хотела ей подарить? Толстый альбом с репродукциями?

Колер взглянул на наручные часы.

– Дежурная машина приедет через пять минут. – Он спрыгнул с капота и пошел вниз по улице.

Снейдер изучал Сабину.

– О чем вы думаете?

– О книгах, – пробормотала она.

– Никак не можете выбросить из головы филиал «Гаитал».

– Что? Нет, я...

– Если бы вы знали, как действует концерн, вы бы меня поняли.

Этот зазнавшийся идиот воображает, что все вертится вокруг него. Колер был уже далеко и не мог их слышать.

– «Гаитал» оказывает давление на дистрибьюторов, чтобы те не работали с маленькими книжными магазинами, – продолжил Снейдер. – Потом «Гаитал» предлагает сделку, чтобы закрыть магазинчик. Если предложение отклоняют, на бойкот отвечают моббингом. «Гаитал» нанимает безработных, которые ошиваются в книжном магазинчике. Имидж портится, клиенты исчезают.

Сабина не хотела слушать всю эту чушь, но Снейдера было не остановить.

– Они подкупают администрацию города – и неожиданно начинается ремонт канализации и замена электросетей магазина. Временное электричество обеспечивается дизель-генератором, а перед входной дверью красуется стройка. Через неделю рабочих переводят на другой участок, но трещащий генератор и деревянные доски, закрывающие дыру в асфальте, остаются. Через два месяца семья разорена.

– Вы сами в это не верите, – пробормотала Сабина. Ничто и никто не сможет помочь Снейдеру. Мужчина не только ожесточен, но и страдает паранойей. – Вы должны перестать читать биографии людей, которые покончили жизнь самоубийством.

– Вам легко говорить, ваш отец не повесился, – буркнул он.

Сабина почувствовала кислый привкус во рту.

– Мне жаль. – Мимо проехал автобус, за ним две машины, но ни одна не остановилась. Колер все еще стоял вдалеке и разговаривал по телефону. До Сабины донесся сладковатый запах. – Вы поэтому курите травку?

– Я делаю это, чтобы забыть другую боль.

Сабина повернулась к нему. Снейдер выглядел жалко.

– Кластерные головные боли?

Тот презрительно скривил рот. Удерживая сигарету в уголке губ, он что-то печатал в своем айфоне.

– Мой партнер умер от иммунодефицита много лет назад.

О господи! Когда наконец за ними придет машина?

– Послушайте, – перебила она его. – Мне ужасно жаль, что все это случилось с вами. Но я не ваш психотерапевт. Вы не должны мне это рассказывать.

– Это не тайна. – Он пожал плечами, перевернул айфон и продолжил что-то печатать. – Мои коллеги в Висбадене все знают.

Невозможно поверить, что Снейдер вот так выложил ей все интимные детали. Ему просто нужен собеседник, потому что он провалил такую акцию?

– Я надоедаю вам, верно?

Она не ответила на вопрос.

– Что вы там делаете?

Пальцы Снейдера мелькали по клавиатуре.

– Я рассматриваю интернет-страницу Хелен Бергер. Симпатичная фотография – с Ибицы.

Невероятно! Пока уголовная полиция ищет Бергер, он просматривает фотографии на ее странице.

Колер сунул сотовый в карман и подбежал к ним.

– Есть новости, – крикнул он. – Мужчина, которого вы ранили в квартире Карла Бони, был прооперирован и сейчас находится в посленаркозной палате. Его личность установлена. Его зовут Эдуард Вилчинг, он ровесник Карла, работает в автомастерской Рубена. Автофургон, который мы видели перед домом Карла, принадлежит ему.

Снейдер выпрямился:

– Сообщник Карла?

Колер помотал головой:

– Там дело в другом. В свой последний рабочий день Карл смылся с деньгами из черной кассы Рубена, заработанными на продаже наркотиков. Тридцать пять тысяч евро! Вилчинг проник в квартиру Карла и искал деньги, когда мы застали его врасплох.

– Поэтому он хотел сбежать через окно и схватился за оружие, – заключила Сабина.

Снейдер затушил окурок о землю.

– Тогда ваш бывший судебный психолог права: Карл убийца-одиночка и все еще на свободе. Полагаю, вот наша машина.

Черный «ауди» подкатил к ним и остановился перед практикой Харман. За рулем сидел шатен примерно одного с Колером возраста с темными, пронзительными глазами как у сокола. Он махнул рукой. Когда Колер сел на переднее пассажирское сиденье, мужчина ему что-то буркнул.

– Поторопитесь, у меня есть дела поважнее, чем разыгрывать для вас шофера.

Сабина и Снейдер сели в машину.

– Это мой коллега Оливер Брандштеттер. Очарователен, как всегда! – представил Колер своего напарника.

– Мы уже знакомы, – сказала Сабина.

Бранштеттер повернулся и кивнул ей.

– Я отвозил вас к площади Святой Марии. Милая небольшая поездка по городу. – Он подмигнул Сабине, как будто они были давними друзьями. Сунув Колеру в руку вечерний выпуск газеты, он сказал уже серьезным голосом: – Это тебе от шефа. Таким сердитым я его еще никогда не видел.

«ЗАБЕТОНИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА СПАСЕНА ЖИВОЙ» гласил заголовок.

Колер молча передал газетенку назад. На одной фотографии была изображена церковь Святой Марии снаружи, на второй – мать Бони в больничной одежде.

– Этой газетной уткой мы разбудили монстра, которого не можем больше контролировать.

И не только, подумала Сабина. Сейчас во власти Карла уже две женщины.

– Этот Бони обвел нас вокруг пальца, – заключил Брандштеттер.

– Жми на газ! – поторопил Колер своего коллегу. – Гони как можно быстрее в Дебинг, Кобенцльгассе.

Брандштеттер переключил передачу. Сабину вжало в кресло: «ауди» помчался по аллее Бах.

– Стой! – крикнул Снейдер.

Брандштеттер резко затормозил. Сабину швырнуло вперед.

– В доме Кармен Бони мы ничего не найдем, – заявил Снейдер.

– Поехали дальше! – рывкнул Колер. – Почему я должен вас слушать?

– Потому что я прав.

– Дом матери единственное место, где Карл может укрыться, – возразил Колер.

Брандштеттер поехал дальше.

– *Verdomme!*^[28] – Снейдер протиснулся вперед между сиденьями. – Сами подумайте! Карл Бони знал, что Хелен Бергер контактирует с нами. Он произвел какие-то манипуляции с нашей машиной и, вероятно, похитил Хелен Бергер. Возможно, он уже сидел на заднем сиденье ее машины. Он механик – ему это ничего не стоит. Кроме того, это он предложил нам место передачи в переулке Кобенцльгассе. Бони просто пытается пустить нас по ложному пути. Поговорите с командой наблюдения или командиром спецподразделения «Вега». Спорю на месячный оклад, что ни он, ни Хелен Бергер там не появятся.

Колер обратился к напарнику:

– Стой.

Брандштеттер остановился перед автобусной остановкой. С неба все еще падали отдельные дождевые капли, словно природа ждала решающего сигнала. Прохожие забились под навес и с любопытством разглядывали машину.

Колер повернулся.

– Куда он ее тогда везет?

– Это мы должны выяснить, коллега. У матери Карла было второе место жительства, о котором мы не знаем?

Колер помотал головой.

– Но у нее был спутник жизни, этот пожилой художник-неудачник, – вспомнила Сабина.

– Который умер полгода назад, – закончил Снейдер. – Если у него не было детей, вероятно, наследство получила Кармен Бони. Он владел ателье, галереей, квартирой или домом?

– А неудачник может такое иметь? – буркнул Колер. Тем не менее схватился за сотовый.

Пока он звонил в участок, машину сзади закрыла огромная тень. Автобус подкатился к ним почти вплотную, до самого бампера. Водитель сигналил и жестикулировал, а пассажиры улыбались.

Брандштеттер сохранял спокойствие.

– Еще немного, и они окажутся у нас в машине.

Колер слушал, что ему говорили на том конце провода. Затем спрятал телефон в карман.

– Хитценхаммер умер в возрасте семидесяти восьми лет. Вы оказались правы – он владел квартирой, которую дочь продала сразу после его смерти. Кармен получила только квартирку в мансарде одного старинного здания, которую он использовал как ателье. – Он повернулся к напарнику: – Двадцатый район. Переулок Трайзенгассе, восемнадцать. Знаешь, где это?

– Еще бы... – Брандштеттер развернул машину, колеса заскрипели. – Дерьмовая местность недалеко от туннеля.

Когда Хелен открыла глаза, она поняла, что лежит. Затылок болел, во рту был кислый привкус рвоты. Она попыталась подняться, но при малейшем движении боль в голове становилась невыносимой, поэтому она опустила обратно.

Вспышка молнии озарила все вокруг, за ней тут же последовал раскат грома. Из-за электричества в воздухе тонкие волоски на ее руках поднялись и топорщились. Она повернула голову насколько это было возможно. Вокруг нее с потолка свешивались белые простыни. Вероятно, она лежала на скамье или рабочем столе: Хелен чувствовала запах старого дерева и кожаных ремней. Когда она попыталась высвободить руки, ремешки врезались ей в тело.

Потом всплыло воспоминание. После того как Карл Бони выбросил из машины Дасти и ее телефон, они ехали еще около получаса. С ножом между ребрами она даже не отваживалась глубоко вздохнуть. Хелен постоянно думала о Дасти и совсем перестала ориентироваться. Они остановились в каком-то захудалом районе города, над которым нависали черные тучи. Удивительным образом она помнила одну незначительную деталь: гром где-то вдалеке, который предвещал проливной дождь. *Дасти*. Хелен надеялась, что он найдет убежище. *Только бы он не попал под машину или под трамвай*. На красном сигнале светофора она почувствовала укол в шею, и ее голова опустилась на руль.

Сколько времени прошло с того момента? Как далеко увез ее Карл? Почему его никто не видел и не позвал на помощь?

Между тем началась гроза. Инстинктивно Хелен чувствовала, что находится в подвале. Никакого уличного освещения, только свет от вспышки молнии проникал через люк и создавал причудливые тени на простыни. Во время следующей вспышки она повернула голову в другую сторону. На тумбочке стоял почкообразный тазик со старомодными орудиями пыток. Зажимы для рта, стоматологические инструменты, тиски для пальцев, костная пила и несметное количество скальпелей, ножей и ножниц. Больше всего ее испугал секатор с пружиной и изогнутыми лезвиями, которые походили на клюв попугая. Ее мысли путались.

– Ножик, ножницы, хлопушка – детям это не игрушка.

Она вздрогнула.

Простыня отодвинулась в сторону. К столу подошел Карл Бони. Худощавая фигура с длинными руками и тонкими пальцами. Он все еще был одет в черный пуловер с капюшоном.

– Выспались? Тогда можем начинать.

Он взял секатор и зажал ее большой палец между лезвиями.

Сердце Хелен екнуло. Она попыталась приподняться.

– Подождите! – проскрежетала она.

Он опустил ее голову на скамью.

– Вы солгали и нарушили правила.

Но я разгадала твою загадку, проклятый ублюдок! – хотела крикнуть она, но это еще больше взбесило бы Карла. *Сохраняй спокойствие*, приказала она себе. *Ты читала протоколы Розы Харман, ты знаешь, что она с ним сотворила. Ты слышала аудиозаписи сеансов и кассеты, которые наговорил Карл.* Все равно он оставался для нее закрытой книгой, хрупким и сложным созданием, одно неправильное слово могло стоить ей жизни.

– Вы загадали мне загадку, и я изучила вас. Я могу вас понять... я знаю, кто вы.

– Неужели? – Он повесил на потолочный крючок керосиновую лампу. – Перебои со светом. К сожалению, сегодня придется оперировать так. – Он покрутил регулятор, и стало светлее. – И кто же я? – Он стянул с головы капюшон.

Его светлые волосы, мокрые от дождя, липли ко лбу и завивались на висках. Голубые глаза с длинными ресницами – и этот пронзительный взгляд! Психопат с внешностью ангела.

– Кто я? – Он сильнее сдавил ножницами палец.

– Штрувельпетер.

На его лице не отразилось никакой реакции, но давление ножниц ослабло.

– Кто? Вы меня за сумасшедшего держите?

Хелен сглотнула. Много бы она отдала сейчас за стакан воды, чтобы избавиться от отвратительного вкуса во рту и собраться с мыслями. В комнате для сеансов терапии этот разговор с Карлом не представлял бы никакой трудности, но здесь ее мысли скакали как бешеные.

– У вас остались ужасные воспоминания о строгом воспитании в детстве. Вы сохранили не только душевные, но и телесные шрамы. Вам никогда этого не забыть. Но вы хотите их внутренне переработать, справиться с ними. – Хелен подумала о перечисленных Сабиной Немез убийствах. – Поэтому вы примерили на себя роль Штрувельпетера. Он помогает вам избавиться от жестоких рассказов из детской книги, которые засели у вас в голове.

– Чушь!

Хелен знала, что она на правильном пути.

– Вы инсценировали истории, разыгрывали сцены и переносили незабываемые страдания на других. И это работало.

– По крайней мере, какое-то время, – прошептал он.

– Это естественно. Я могу вас понять.

– Ни хрена вы не можете! – Давление ножниц снова усилилось.

– Можно я вам кое-что скажу? – прохрипела она. – Обычно насилие – это результат подавляемых чувств. В вашем случае все наоборот. Доктор Харман своей терапией привела вас в такое состояние, словно со сковородки сорвали крышку. – Хелен подождала, пока информация уляжется в голове Карла и его взгляд снова станет ясным. – Насилие, которое вы применяете к своим жертвам, есть результат высвобожденных хаотических чувств – запертых воспоминаний о вашем детстве.

– Я не виноват в этом.

– Карл, я знаю. – Хелен попыталась улыбнуться, но у нее не получилось. Он бросил Дасту одного на улице, и больше всего ей хотелось всадить ему в грудь скальпель. – Доктор Харман своей слишком короткой интенсивной терапией спутала все ваши чувства...

...и произвела монстра.

– И чтобы это исправить, вы выбрали меня для вашей игры.

– Нет, я выбрал вас потому, что Роза спит с вашим мужем.

Хелен закрыла на миг глаза и подумала о Франке, этом мерзавце. Он будет сейчас разыгрывать из себя джентльмена на празднике, даже не подозревая, где она. Вспоминает ли он о ней вообще, кроме того, что он считает, что жена пренебрегла своими обязанностями хозяйки?

– Правильно. Роза меня обманула точно так же, как и вас. Но есть еще причина. Ваше подсознание выбрало меня, чтобы решить эту

загадку, потому что в глубине души вы ищете спасения. Настоящей помощи.

– И вы всерьез считаете, что можете мне это дать?

– Ключевое слово – месть, правильно?

Карл опустил секатор. Лезвия сошлись, и он со всего размаха воткнул ножницы в дерево рядом с головой Хелен.

– Вы убеждены, что месть женщинам, которые встретились вам на жизненном пути, приведет к очищению.

– А вы в чем убеждены? – спросил он.

– Ваша месть катализатор. Вы открыли мне глаза на мужа. Не только женщины лгут и изменяют. Мужчины тоже! У моего мужа есть любовница, и ваша месть подталкивает меня к разводу...

...и к новому началу – если Карл оставит меня в живых.

– Я не мстительный, – возразил он.

– Я не имею в виду месть из алчности или зависти. Месть может стать для жертвы освобождающим чувством.

При слове «жертва» что-то изменилось в лице Карла. С потерянными взглядом он произнес:

– Бывают дни, когда мне кажется, что я взаперти. Слово передо мной тысячи прутьев, в которые постоянно упирается мой взгляд. За ними ничего нет. Время от времени прутья расходятся на один миг и вновь смыкаются – как зрачки кошки. Тогда я вижу, что там. – Карл замолчал и уставился на свет керосиновой лампы. Вспышка молнии отбросила тень на простыню. Карл, казалось, не заметил громового разряда.

Услышав последние слова Карла, Хелен невольно подумала о стихотворении Райнера Марии Рильке. Возможно, из-за различных травматических событий в своей жизни они испытывали похожие чувства.

– Да, я жертва, – прошептал он. – Я должен это сделать. – Он выдернул попугаевидные ножницы из деревянной скамьи.

– Карл, будьте благоразумны. Даже если мы не поехали в переулок Кобенцльгассе, полиция найдет этот подвал.

Карл не выглядел обеспокоенным. Где бы они ни находились, в доме его матери или в другом месте, Бен и следователи из Германии найдут их. Она просто должна выиграть время.

Карл опустил на нее взгляд.

– Не надейтесь. Мы не в подвале. – Он приглушил свет керосиновой лампы.

Хелен инстинктивно уставилась вверх. Крюк для лампы крепился к дереву. Только сейчас она заметила балки, которые проходили под крышей. Куда, черт возьми, он ее затащил? Глухой стук заставил ее вздрогнуть. На этот раз не раскат грома. Какой-то треск, словно порыв ветра захлопнул тяжелую дверь. Но этот шум донесся не снаружи... а снизу. Дверь хлопнула снова. Эхо загудело вверх по этажам через лестничные пролеты.

Он держит меня на чердаке!

– Я сейчас вернусь, и начнется веселье.

Карл сунул ей в рот кляп и исчез за простыней.

Дверь открылась и потом захлопнулась. Скрипучие шаги затихли где-то внизу.

Ножницы он, как назло, унес с собой.

Старое здание в переулке Трайзенгассе выглядело как серый бункер межвоенного периода. В этом извилистом строении с эркерами, арочными проемами и внутренними двориками располагалось не менее пятидесяти квартир. Стекающая по ржавым водосточным желобам дождевая вода за все эти годы оставила на стенах черные склизкие полосы. На окнах покосившиеся ставни, белая краска давно отслоилась. Но почти у каждого окна, выходящего во двор, висела спутниковая тарелка. Вероятно, жители дома проводили большую часть времени перед телевизором.

Сабина стояла во втором внутреннем дворике. На деревянной скамейке лежали два сдутых кожаных футбольных мяча. Начинающийся дождь усиливал запах гнили и собачьей мочи. У туннеля, где Брандштеттер припарковал машину, пахло так же. Напарник Колера ждал там и по рации сообщил в участок об их местонахождении.

Сабина задавалась вопросом, по какой причине Кармен Бони оставила себе ателье своего сожителя в такой отвратительной местности. Вряд ли это можно считать удачной инвестицией. Скорее потому, что не смогла найти покупателя. Не хватало только бельевых веревок, и эта развалюха, которая годилась под снос, могла бы стоять где-нибудь на задворках Неаполя.

Снейдер и Колер вошли во внутренний двор. В следующий момент начался долгожданный ливень. Они спрятались под козырьком дома номер 18с. Дверь была открыта, но ветер со всего маха захлопнул ее у Сабины за спиной. Через несколько секунд вода уже собралась лужей в подъезде и стекала по шаткой лестнице на нижний этаж.

– Туда! – Колер устремился в подвал.

Сабина и Снейдер последовали за ним. В бельевой комнате стояла духота, так что лысина Снейдера тут же покрылась испариной. Колер как сумасшедший проверял все помещения. Внизу, под сводом из необработанного камня, стояли только велосипеды и стол с множеством пепельниц и ведрами, в которые собиралась дождевая вода.

– Здесь ничего нет, идем наверх, – задыхаясь, произнес Колер. – Ателье Антона Хитценхаммера на последнем этаже.

Сабина чувствовала себя в этом здании как постороннее тело. По сравнению с этой дырой дом, где располагалась квартира Карла, казался роскошной виллой. На шестом этаже было только две квартирных двери. На одной стояло *Хельга Груволь*. Туалет находился в общем коридоре. Рядом с дверью Хитценхаммера со стены свешивались засохшие вьюнки, которые вместе с водопроводными трубами образовывали странный симбиоз из ржавчины, извести и листьев. Пока Колер вскрывал замок отмычкой, Снейдер вытащил табельное оружие.

– Откуда мы знаем, может, Кармен продала или сдала это помещение? – прошептала Сабина.

Снейдер снял «глок» с предохранителя.

– Какая нам разница?

– Кто купит здесь квартиру? – пробормотал Колер.

Он был прав. Вероятно, никто. Петли деревянной двери закрипели. Квартира состояла из двух комнат, спальной зоны, мини-кухни и умывальной. Наверное, Хитценхаммер использовал помещение как ателье из-за высоких окон и уклона крыши. Но сейчас квартира была затемнена текстильными рулонными шторами. Пахло масляными красками и терпентином. Паркет вздулся и напоминал небрежно брошенный ковер. В стенном шкафу в прихожей были только пустые крючки для одежды. Другие комнаты тоже казались нежилыми. К стенам были прислонены мольберты, на полу валялись тряпки, шпатели, палитры и засохшие кисти. Похоже, со смерти Хитценхаммера здесь ничего не изменилось.

Колер поднял штору и открыл окно. Небо над Веной было черным как ночь. Совсем рядом грохотали раскаты грома. Дождевые капли, как хлопущие, разрывались на жестяном подоконнике. Ливень гнал в комнату холодный воздух.

– Ничего, – сказал Колер.

– Не совсем. – Снейдер вышел из спальни с какой-то книгой. Сдвинул с низкого рабочего столика кисти, тюбики красок и скотч и осторожно положил тонкое издание в твердом переплете. «Забавные истории и потешные картинки» было написано старинным готическим шрифтом на пожелтевшей бумаге. Ниже: «с 15 цветными

иллюстрациями для детей в возрасте 3–6 лет». На обложке была изображена измененная, по всей видимости, старинная версия Штрувельпетера с нечесаной гривой и длинными загнутыми ногтями. Но имя Штрувельпетер нигде не встречалось. Кроме того, как автор был указан некий Реймерих Киндерлиб.

Снейдер присел на обшарпанный диван и раскрыл книгу. Волнистый пергамент захрустел.

– Это лежало под покрывалом на кровати.

Сабина села рядом. Первая история в картинках рассказывала об эпизоде Вертушки-Филиппа, только со старыми, неуклюжими рисунками.

– Так это с него Хайнрих Хоффман скопировал своего Штрувельпетера?

– Первое издание книги Хоффмана появилось под псевдонимом в 1845 году в издательстве «Захарий Левенталь».

Видимо, Сабина слишком удивленно посмотрела на Снейдера, потому что тот раздраженно вздохнул.

– Когда вы обратили мое внимание на книгу, я занялся изучением темы. – Снейдер указал на выходные данные. – В этой редакции книга вышла тиражом полторы тысячи экземпляров. Сегодня почти нереально найти хоть один. К тому же в такой халупе.

– Почему под псевдонимом?

Снейдер приподнял левую бровь.

– Такое никак не вязалось с его профессией. Он был детским психиатром и врачом во франкфуртском морге. Позднее стал директором лечебного учреждения для умалишенных и эпилептиков. Изначально он сочинил и иллюстрировал эту книгу для своего сына. Видимо, хотел подарить что-нибудь особенное на Рождество.

Сабина полистала книгу.

– Истории расположены не в той последовательности, в какой печатают в современном издании, – но зато в порядке убийств.

После мальчика, который сосал пальчики, шли еще две истории: Ганс-разиня и Роберт-самолет. Если Карл вырос на этой книге, он мог вовсе и не слышать названия «Штрувельпетер». Нарисованные картинки выглядели страшнее распространенной версии, которую Сабина знала с детства. Какое же все-таки безумие, если подумать, что эту книгу написал детский психиатр.

– Почему Карла восхитили именно эти истории в стихах, а, например, не проделки Макса и Морица? – спросила она.

– Вы должны сформулировать вопрос по-другому, – ответил Снейдер. – Почему Карл выбирает роль именно безобразного неряшливого ребенка? Это о многом говорит. Взгляните... – Он вытащил вложенный между страницами лист бумаги. На нем стояли выцветшие от времени четверостишия.

Солнце сияло, но было темно,
Зеленел заснеженный луг,
Мчалась машина и медленно
Завернула за угол вдруг.

В ней двое сидели стоя,
И молча вели разговор,
Заяц, застреленный кем-то,
Вдруг пробежал через двор.

На заднем сиденье лежала
Старуха семнадцати лет
В ящике темно-синем,
Покрашенном в черный цвет.

На нем белобрысый мальчишка
Прыгал, на вид как старик,
Чьи иссиня-черные волосы
Стали седыми вмиг.

Снейдер нахмурил лоб. По выражению лица было видно, как он отчаянно ищет объяснение.

– В «Штрувельпетере» речь о том, что непослушных детей наказывают. Они тонут, сгорают, умирают от голода, или их кусают. При чем тут это стихотворение?

– Ни при чем, – ответила Сабина. – Это детская считалочка, которой сто лет.

Ответ, похоже, не удовлетворил Снейдера. Он захлопнул книгу, когда к ним подошел Колер.

– Я нашел это в кухонной нише. – На шариковой ручке висел прибор размером с монету с застежкой-липучкой, который Колер опустил на журнальный столик.

Снейдер рассматривал штуковину, не прикасаясь к ней.

– Преобразователь голоса, который крепится к гортани. Так Карлу удавалось превращаться в другую, более сильную личность, которая и должна была мстить.

Колер отмахнулся от рассуждений Снейдера, давая понять, что его не интересует вся эта психоболтовня.

– Это означает, что Карл был здесь, когда говорил с Хелен по телефону час назад. Она сказала ему, где находится, и он полчаса удерживал ее там. За это время он поехал к приемной Розы, повредил нашу машину и, вероятно, все остальные перед домом – кроме автомобиля Хелен. И лишь затем отправил ей эсэмэс. – Его челюсти двигались, словно он хотел разгрызть свинцовую пластинку.

– Вполне возможно – но есть две загвоздки, – перебил его Снейдер. – Если он действительно был здесь и это его тайное убежище, то Хелен Бергер тоже должна находиться здесь – но ее нет. – Он показал второй палец. – Где он сейчас и куда увез Хелен? Здесь их в любом случае нет.

– Проклятье. – Колер подошел к окну и позвонил командиру спецподразделения «Вега», чья команда ждала в переулке Кобенцльгассе перед домом Кармен Бони. Потом раздраженно сунул телефон в карман. – Там тоже ничего не происходит. Тепловизоры ничего не показывают. Он нас надул. – Колер закрыл окно. На секунду громыхание дождя по жестяному наружному подоконнику затихло. – Сваливаем. Мы...

– Тихо! – шикнула Сабина.

Колер замер в движении. Он и Снейдер вопросительно на нее посмотрели.

– Разве вы не слышите? – шепнула она.

Снейдер посмотрел наверх. Над потолком раздавались тихие глухие удары.

– Там кто-то на чердаке. – Колер пробежал по комнатам и осмотрел потолок, но нигде не нашел люка.

Сабина вспомнила чердак в доме ее матери в Мюнхене, где искала классные журналы.

– Вход на этот чердак точно не из ателье, – сказала она и выбежала из квартиры.

Снейдер последовал за ней на лестничную клетку. Но и там они не нашли выдвижной лестницы, которая вела бы наверх. Колер остался искать в ателье.

– Какие-нибудь идеи? – спросил Снейдер.

Сабина взглянула на дверь Хельги Груволь.

– Должен же быть какой-то вход.

Одновременно они посмотрели в сторону общего туалета в коридоре. Снейдер первым бросился туда и распахнул дверь. Унитаз с керамическим сливным бачком, раковина и открытый навесной шкаф с туалетной бумагой – больше там ничего не было.

Рядом с выключателем из стены торчала одинокая лампочка. На потолке виднелись очертания чердачного люка. Снейдер встал на стульчак, ухватился за ручку, открыл люк и опустил трехсекционную складную лестницу. С оружием в руке он полез вверх по ступенькам.

– Колер! – Сабина махнула следователю рукой и последовала за Снейдером.

Чердак был такой высокий, что там можно было выпрямиться во весь рост. Сабине потребовалось несколько секунд, чтобы ее глаза привыкли к темноте. Чердак простирался на весь этаж. Пробковые перегородки высотой около полутора метров разделяли помещение на много отсеков. Повсюду лежали пенопластовые плиты и стекловата. Судя по всему, планируемая перестройка так и не была реализована. В той части, под которой находилось ателье Хитценхаммера, были натянуты бельевые веревки, с которых до самого пола свисали белые простыни. Еще несколько висели на деревянных балках наклонной крыши. Конструкция напоминала куб. Кто-то выгородил здесь изолированную зону, как в больнице. За простынями горела лампа, на ткань проецировалась тень кровати с лежащим на ней человеком.

Снейдер передал Сабине «глок».

– Проверьте чердак! – Он подошел к простыням и отдернул их.

Сабина огляделась и заглянула за соседние перегородки. Никаких следов Карла Бони. В этот момент в люке на полу появилась голова Колера.

– Вызовите скорую! – крикнул Снейдер.

Колер схватился за сотовый телефон.

– Как она? – крикнул в ответ Колер, набирая номер.

– Выберется.

У Сабины сжался желудок. Она еще раз огляделась по сторонам и потом побежала к нише. Женщина, лежащая на металлических пружинах раскладушки, была в сознании. Связанная и с кляпом во рту, она испуганно отвернулась.

– Я же велел вам проверить чердак! – напустился на свою помощницу Снейдер. – Никогда больше не игнорируйте мои указания!

Сабина не обратила внимания на его упреки. Женщине срочно была нужна медицинская помощь. На крючке, вбитом в стену, висели садовые ножницы с длинными ручками.

– Это не Хелен Бергер, – прошептала Сабина и бросила взгляд на Колера, который стоял на лестнице и разговаривал по телефону.

– Сам вижу.

У женщины не хватало девяти пальцев, они были отрублены у пястной кости. Сабина заглянула в ведро, стоящее под кроватью. Женщина потеряла много крови – она стекала с кожаных ремней на пол, где уже была засохшая черная лужица.

Сабина стянула с себя термосвитер и черный топ, разорвала его на две части и перевязала обе кисти женщины, чтобы остановить кровотечение. Снейдер мельком взглянул на ее черный бюстгальтер, потом вытащил у женщины изо рта кляп.

– Все в порядке, вы в безопасности, – шепнул он.

– Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я не знаю, – всхлипнула она, не поворачивая головы. Потом расплакалась. – Я не знаю, что это означает.

Сабина прижала повязки к ранам.

– Чего вы не знаете?

Женщина повернула голову, ее взгляд был затуманен. Как загипнотизированная она смотрела в потолок. Ее губы вытянулись, и она прошептала:

– Солнце сияло, но было темно...

Эти проклятые кожаные ремни никак не поддавались... Чем больше Хелен пыталась высвободить кисти, тем сильнее потела, и материал стягивался вокруг запястий как плотоядное растение. Ее кожа уже стерлась до ран, каждое движение причиняло боль. Так как руки были вывернуты и зафиксированы вдоль боковин скамьи, мускулы сводило судорогой. Пот стекал у нее по вискам.

Больше всего ей хотелось выплюнуть кляп, но он был так глубоко засунут в глотку, что желудок постоянно сжимался от рвотного рефлекса.

Хлопанье двери на нижнем этаже прекратилось. На лестничной клетке снова слышались шаги Карла. Дверь открылась, и при вспышке молнии на простыне возникла тень, которая становилась все больше. Карл отодвинул простыню в сторону и осмотрел кляп и ремни.

Нежно погладил ее запястья, покрытые ссадинами.

– Вы только причиняете себе ненужную боль. – Он наклонил голову и улыбнулся Хелен. – Послушай, Конрад, мне пора идти сейчас же со двора. – Неожиданно его голос зазвучал звонко и ласково, как у девочки. – А ты, дружок, мне обещаешь, пока приду домой, быть пай. Как кроткое дитя играть, отнюдь же пальцев не сосать! А то как раз придет портной с большими ножницами, злой, и пальчики тебе он вдруг отрежет от обеих рук.

Его глаза потемнели.

– А вы были кроткой?

Хелен хотела ответить, но у нее вырвался только стон.

Он вытащил кляп.

– Вы были послушной?

Хелен закашлялась.

– Вы сказали, что я перехожу на место Розы Харман и кто-то другой должен будет спасти меня.

– Так было до того, как вы меня обманули.

Она догадалась, что в этот раз уже не будет ни игры, ни подарка, ни звонка, ни загадки и никакой отсрочки. Но у нее оставался еще один шанс.

– Почему по телефону вы изменяли голос?

Ответа не последовало. Без каких-либо эмоций он рассматривал секатор в руке.

– Где ваш преобразователь голоса? – прошептала она.

– Он мне больше не нужен. Сейчас слишком опасно идти за ним.

Если ваши коллеги не дураки, они уже давно его нашли.

Игры не будет! Тем важнее выиграть время.

– Где я?

– Там, где полиция будет искать убийцу в последнюю очередь.

Убийцу!

– Карл, вы не убийца. Я могу вам помочь. Мы найдем выход.

– С какой целью?

– Чтобы избавиться от кошмаров детства.

Он равнодушно точил ножницы о камень. Монотонный звук сводил Хелен с ума.

– О, вы и так поможете мне избавиться от страхов, – подтвердил он. – По крайней мере, на какое-то время. – Он встал к ней спиной и начал сортировать инструменты в тазике. Неожиданно развернулся без предупреждения, зажал ее большой палец левой руки ножницами и надавил.

Хелен дернулась и приподнялась, насколько позволяли ремни.

– Нет!

Она видела его напряженное лицо. Скулы выступили вперед, пока он пытался соединить лезвия ножниц. Боль пронзила руку и ударила Хелен в голову. Потом ножницы лязгнули, и что-то упало на пол.

Боль была невыносимой.

– Я же хочу вам помочь! – рыдала она.

– Именно это вы и делаете, – ласково ответил он. Потом изменил свой тон. – Я или стану сильнее, или погибну.

Хелен откинулась назад на скамью. Зажмурилась и стиснула зубы. Говорить с ним было бесполезно.

Ты должна продержаться!

Инстинктивно она сжала левую руку в кулак, чтобы уменьшить кровотечение. Нелепая попытка, но это единственное, что она могла сделать. Хелен почувствовала, что большого пальца нет.

Большие пальцы твоя самая маленькая проблема! Он тебя сначала изувечит, а потом убьет! Тебе нужно продержаться! Нужно

выиграть время!

Хелен старалась дышать спокойно. Но это оказалось не так-то просто. Все ее тело было напряжено.

– Крик-крак! Вдруг отворилась дверь, портной влетел, как лютый зверь.

Карл зажал ножницами большой палец ее правой руки. Хелен даже не вздрогнула. Сейчас он отрежет ей второй палец. Ее глаза оставались закрытыми, она дышала глубоко и ровно.

Держись!

Карл немного свел лезвия, словно хотел проверить ее реакцию. Наклонил голову ниже, так что Хелен ощущала его дыхание на своей щеке.

– К Конраду подбежал – и чик! – Ему отрезал пальцы вмиг! – шептал Карл. – Кричит Конрад: «Ай, ай, ай!» В другой раз слушаться ты знай. Стоит наш Конрад весь в слезах, больших нет пальцев на руках.

Но Хелен не кричала. За все это она должна благодарить Франка! Ее чистенькому муженьку обязательно нужно было спать с другой. С повернутой на карьере сумасшедшей, которая проводила интенсивную терапию с парнем, подвергшимся насилию, и пробудила его любопытство тем, что ездила к Хелен в очках и парике. И тем самым привела Карла прямо к ее дому.

– Чик! – повторил Карл.

Хелен никак не отреагировала.

– У нас есть время. – Он отложил ножницы.

Она слышала, как он пододвинул стул и сел рядом. Точа лезвия о камень, Карл говорил тихим голосом, который прерывали только раскаты грома.

– Мои родители познакомились в больнице. Отец был церковным органистом и был приглашен сыграть в венском соборе Святого Стефана.

Заткнись! Меня это не интересует! Но Хелен не произнесла ни слова. Пока Карл говорит, он не причинит ей боли. *Найдите же наконец этот чердак!* Ее мысли отвлеклись. Карл продолжал рассказывать. Его голос звучал где-то далеко.

– Вы меня слушаете? – толкнул он ее.

Рефлективно она открыла на один миг глаза, но тут же снова закрыла, чтобы не видеть его лица.

– В венском соборе в конце мессы со стены отвалилась статуя Марии, упала на орган и сломала моему отцу руку. Сложный перелом локтевой и лучевой костей. Моя молоденькая мать как раз училась на медсестру. Она ухаживала за ним, и так они стали парой. Отец не вернулся в ГДР. Они жили в Вене. Сначала родилась эта дрянь, через пять лет я.

Лязгающие звуки сводили Хелен с ума.

– Не сломай статуя Марии отцу руку, все пошло бы по-другому. Меня бы здесь не было – и вас тоже. Разве не ирония? Святая Дева Мария сама вмешалась и определила ход событий. Но зачем? Чтобы мучить меня всю жизнь?

Он неистово шлифовал лезвия ножниц, пока они не заблестели.

– Может, все это был ее план? Она была девой – и, конечно, не одобряла измену. Доктор Харман раскрыла мне глаза. Если бы моя мать не изменяла отцу, мы были бы гармоничной семьей. Но она обманывала его, как делают все женщины. Измены сводят меня с ума! Я просто поступал с женщинами так, как отец поступал со мной из-за моей матери.

– Но вы не можете наказывать всех женщин!

– Только определенных...

Она услышала, как он переложил камень в другую руку и продолжил точить.

Шырц... шырц...

Его взгляд стал отсутствующим.

– У нашей соседки в Кельне был роман с начальником. Женатым адвокатом. Моя мать слышала, когда он приходил в гости. Она даже знала его жену, но ничего ей не рассказала, даже словом не обмолвилась. Наверняка я сделал его жене одолжение, когда питбультерьер перегрыз этой шлюхе глотку.

Шырц... шырц...

– Моя школьная учительница в Лейпциге спала с учителем физкультуры. Пока мы бегали по кругу, они исчезали в раздевалке.

Шырц... шырц...

– А любимая тетя Лора... я как раз учился на автомеханика... в присутствии отца была меня деревянной поварешкой по затылку, если

я не молился во время еды. Вы считаете это нормальным? При этом сама два раза делала аборт, чтобы не рожать без мужа.

Шырц... шырц...

– У моей воспитательницы детского сада наверняка тоже была любовная интрижка. Определенно. Она постоянно носила короткие юбки, сильно красила губы красной помадой и всегда так закидывала ногу на ногу...

Шырц... шырц...

– Ах да, и Мюнхен. – Он тихо засмеялся. – Было сложно отыскать мою учительницу начальных классов из Кельна. Маленькая, изящная женщина, но у нее тоже была связь... иногда я думаю, что весь мир сошел с ума.

Хотя обрубок на месте большого пальца горел как сумасшедший, рана беспрерывно пульсировала, и кровь текла по запястью, Хелен прислушалась. Она пыталась ничем себя не выдать. Сабина Немез из Мюнхена – он говорил о ее матери. *Шырц... шырц...*

– А потом из-за этого еще и школа сгорела, как она рассказала мне перед смертью.

Шырц... шырц...

– Я вижу по вашей реакции, что этот случай вам интересен.

Хелен открыла глаза и уставилась на горящую керосиновую лампу. Во рту у нее пересохло. Она раскрыла губы.

– Мой муж мне изменил. Я могу себе представить ваши чувства.

– Вы только тогда это узнаете, когда испытаете ту же боль, что чувствовал я. – Он перестал точить ножницы. Хелен ощутила запах горячего от трения камня. – Хелен, вам не нужно притворяться и разыгрывать понимание. Я ведь могу называть вас Хелен? Вы связались с полицией и обманули меня. Это была ваша идея сказать прессе, что мою мать нашли живой?

– О чем вы говорите?

– Хелен, она была мертва. Мертвее некуда. Она откусила себе язык! Вы за дурака меня держите? Чего вы добиваетесь этой ложью?

Хелен молчала. И ненавидела себя! Зачем она только раскрыла рот?

Карл встал и зажал ее большой палец между лезвиями ножниц. Металл был горячий, почти раскаленный.

– Нет, пожалуйста, не надо... – взмолилась она.

– «Нет, пожалуйста, не надо», – передразнил он. – Я загадаю вам загадку. Не сможете разгадать, я отрежу вам большой палец. Что это означает? «Солнце сияло, но было темно...»

39. Последний сеанс психотерапии

Пятью днями ранее

Роза проводила клиентку до двери и попрощалась с ней. Из парка напротив чудесно пахло весной. Молодая женщина, страдающая нарушением пищевого поведения, направилась в сторону парковки, и Хелен заперла за ней дверь.

Последняя клиентка на сегодня. Роза взглянула на настенные часы. Пятница, скоро час дня. Прошедшая неделя была напряженной, но сейчас наконец-то начнутся расслабленные выходные. Сначала визит к лучшей подруге, потом аюрведический массаж в велнес-центре прямо в ее жилом комплексе, кайпиринья в баре при сауне, маникюр, стрижка и вечером ужин при свечах в отеле «Мариотт» с ним.

Она включила CD-плеер. Из колонок тихо зазвучал саксофон. Роза двигалась под музыку и смешивала себе «Апероль Шприц». Но не как в дешевом ресторанчике, а с полноценным белым вином и кубиком льда. Только Роза сделала глоток, как в дверь позвонили. Она машинально обвела комнату взглядом. Клиентка ничего не забыла.

Роза прошла в прихожую. В гардеробе тоже ни пальто, ни шляпы.

Она открыла дверь.

– Встречаются два психолога, и один говорит другому: «И как же у меня дела?»

Опираясь на дверной косяк, на пороге стоял Карл. Он не смеялся своей шутке. Его лицо было серьезным. Он перекатывал во рту жвачку. Палец все еще давил на звонок.

– Вы выпили, – догадалась Роза.

Карл закрыл глаза и повел носом.

– Вы тоже! Уу, фрау доктор пьет вино.

На нем были джинсы и легкая кожаная куртка. Роза заметила, что его ногти и подушечки пальцев не были, как обычно, испачканы машинным маслом.

– Господин Бони, – официально обратилась она к нему. – У нас сегодня нет сеанса.

Он убрал руку с кнопки звонка и бесцеремонно разглядывал Розу: ее узкие джинсы, блузку, коричневую накидку на плечах, которую она сама связала. Его взгляд остановился на модных деревянных бусах, которые частично закрывали ее декольте.

– Я пытаюсь связаться с вами уже в течение двух месяцев с нашего последнего сеанса, – продолжила Роза. – Вы не подходите к телефону, не отвечаете на сообщения, которые я оставляю на автоответчике, и даже не реагируете на мои письма.

– Вот же я.

– Вижу. Хорошо! Однако даже ваш работодатель не знает, где вы. Карл поднял брови.

– Вы позвонили Рубену?

– Он не очень-то лестно о вас отзывается.

– Да пошел он. Я уволился два месяца назад. Он очень разозлился. Видели бы вы его лицо. – Карл оставался по-прежнему серьезным. Он сплюнул в клумбу рядом с входной дверью.

В голове у Розы вертелось множество мыслей. Наверняка Рубен знал, что суд заменил его механику тюремное наказание на психотерапию. Но странным образом он не уведомил суд об увольнении Карла. Иначе судья Лугретти связалась бы с ней. Но это еще возможно. Если выяснится, что Карл уже два месяца безработный и не приходит на сеансы психотерапии, суд обязательно захочет его допросить и затребует записи Розы. Тогда придется подделать документы, чтобы никто не узнал, что она обманула Карла с плацебо.

Роза огляделась. Ее клиентка с нарушением пищевого поведения уже уехала. На парковке никого не было. Видавшего вида автофургона из мастерской Рубена она тоже не заметила.

– Вы пешком сюда добрались?

– На моей новой машине. – Он два раза нажал на кнопку на радиобрелке. Темно-синий двухдверный «форд-фиеста» мигнул фарами.

Роза заметила сильно обкусанные ногти Карла. В некоторых местах даже засохла кровь. Плохой знак.

– Я уже собиралась писать заключение для суда, потому что вы не выполняли своих обязательств и не приходили на сеансы. Я рассматриваю это как прекращение терапии.

Вообще-то она уже напечатала отчет для Петры Лугретти, но не отправила, надеясь, что Карл еще объявится. В противном случае будет издан приказ о его аресте, Карла разыщут, и суд, скорее всего, решит, что он должен отсидеть свои три года. К счастью, он появился – хотя и не в самый удобный момент.

– Тогда мы должны как можно быстрее наверстать последний сеанс, – предложил он.

– Хорошее решение – но не сейчас.

– Нет? Вас даже не интересует, как хреново мне было в последние два месяца? – спросил он. – Или фрау доктор хочет узнать это из газет?

Она отошла в сторону.

– Входите.

– О, спасибо. – Он прилепил жвачку над докторским званием на входной двери и вошел в прихожую. – И нет, спасибо, вино не предлагать.

Он расселся на диване в комнате, словно был у себя дома.

– Что за дерьмо вы слушаете?

Роза выключила CD-плеер и тоже села.

– Давайте договоримся о двух новых сеансах, – предложила она.

– Не нужно.

– Не нужно? – переспросила она. – Почему?

Он ухмыльнулся.

– Если бы вы знали причину, как бы она звучала?

Роза чувствовала, что он издевается над ней. Кроме того, ей не хотелось меняться с пьяным клиентом ролями.

– Могла бы причина звучать так: потому что вы сделали из меня посмешище? – спросил он.

Розе стало не по себе.

– Могла бы причина быть в том, что вы меня обманули и злоупотребили моим доверием? – продолжал он.

Кровь ударила Розе в голову.

– Вы имеете в виду торрексин, – спокойно заявила она.

– Верно. Торрексин. Одна таблетка стоит пятьдесят евро. Такое дорогое психотропное средство! – передразнил он ее тон. – Его дают только особенным пациентам.

– Мне очень жаль.

– Да ну! – Он резко поднялся с дивана. – Вы меня обманули, провели. Представляете, каким дураком я себя почувствовал, когда выяснил, что этого дерьмового лекарства не существует? А каким придурком я предстал перед вами, когда плача рассказывал о своей сестре? Карл Мария залил вам слезами весь кабинет!

Роза положила руки на колени – ладони вспотели. Карл походил на тикающую бомбу. Его ненависть к женщинам должна быть колоссальной – и теперь Роза навлекла эту ненависть на себя таблеткой правды.

– Вы ведь не боитесь? – прошептал он.

Роза не ответила. У нее было чувство, что какая-то невидимая рука сжимает ей горло. Она даже не могла сглотнуть.

– Вам не нужно бояться, Роза, – успокоил он ее. – Я нашел способ, как переработать пережитое на последних сеансах по-своему.

– Это хорошо.

– Да, это хорошо – мне тоже нравится. – Он снова стал кусать ногти.

Она должна справиться с нервозностью. Но в настоящий момент Роза была напряжена сильнее его. Во рту у нее пересохло. Боже, сейчас не повредил бы какой-нибудь крепкий напиток.

– Хотите узнать, как мне это удалось?

– Конечно, расскажите мне, пожалуйста, – попросила она.

– Вы не правы. Мой отец не был садистом.

– Нет, не был, – подтвердила она.

– Ему не нравилось жечь меня утюгом. Но мы оба знали причину, почему он все равно это делал. Он был болен. Моя мать довела его до такого состояния. После того как она переспала со всеми мужиками в городе, чтобы забыть свою дочь, эту маленькую чертову дрянью, она пригрозила отцу, что бросит его, если я буду непослушным. Так ведь все было, да?

– Ваша мать...

– Но я был послушным! – прокричал он. – И все равно каждую неделю он душил меня пластиковым пакетом. Этот бесподобный органист, который был таким верующим, смиренным и почтительным. Этот пример для подражания для всех прихожан, которые восхищались его божественной игрой на органе. Но со мной этот святоша, этот сукин сын, играл совсем в другую игру. Он загадывал

мне загадки. Задания, которые я ни разу не смог решить в отведенное время. Я был слишком мал для них!

На глазах у него блестели слезы. Раньше он никогда не рассказывал об этом. Роза не помнила, чтобы Карл упоминал загадки на кассетах, которые наговорил для нее.

– Какие загадки? – спросила она.

– Типа интеллектуальной игры... – Он вытер слезы. Его зрачки блестели. – Кто сочинил пять важнейших пасторальных месс? Из скольких тактов состоит рождественская оратория Баха? Какая правильная последовательность литургии? Пока мой отец играл, у меня было время подумать над ответом. Но есть ли шанс у десятилетнего мальчика выяснить такое за сорок минут? Незнание приравнивалось к непослушанию. Иногда я все еще слышу его мучительные вопросы, неразрешимые задачи, замечания, упреки и душевные страдания! «Солнце сияло, но было темно...» – Он зажал себе уши руками.

Роза вспомнила, что он упоминал на кассетах стихотворение, которое его отец повторял, наказывая Карла.

– О каком стихотворении идет речь?

– Было несколько стишков. – Он зажмурился, и его голос превратился в монотонное пение. – Если дети хороши – все довольны от души. За столом иль за игрой, ночью, днем – от них покой. Шумных, озорных детей, чей ум полон злых затей, кто спесив, ленив в истоме, знай, никто не любит в доме...

– Карл! – перебила его Роза.

Он открыл глаза.

– Смысл одного стишка я не понял и по сей день. «Солнце сияло, но было темно...» Черт, я ничего не понимаю.

– Карл! Вы сказали, что нашли способ переработать эту травму, – напомнила она ему. – Расскажите мне об этом.

На его губах заиграла улыбка. В этот раз улыбались и глаза. На лице сразу появилось счастливое выражение.

– Я был в Дрездене, на могиле отца. Я сидел перед мраморной плитой и разговаривал с ним. Я сказал, что знаю, почему он так поступал. Сейчас мне ясно, *что* он хотел сообщить мне перед смертью... я простил его.

– Это хорошо. – Роза взяла его за руку.

Его пальцы были холодными. Карл улыбнулся. Она быстро выпустила его ладонь.

– Пожалуйста, простите мне, что я злоупотребила вашим доверием.

– Мне тоже очень жаль, но я не могу простить вас... Вы женщина!

Роза снова запаниковала. Зачем он пришел, что замышляет? Ее руки дрожали.

Карл поднялся и направился к двери. Прежде чем выйти из комнаты, он огляделся по сторонам, словно хотел попрощаться с определенным периодом своей жизни. И его взгляд упал на комод.

Письмо! Сердце Розы забилось быстрее.

Он взял его, покрутил в пальцах и прочитал имя получателя.

– Это, видимо, отчет для суда, который вы якобы еще не написали?

– Я хотела отправить его после того, как поговорю с вами.

– Роза, вы меня снова обманули. Вы ничему не учитесь! – Он даже не казался разочарованным, словно не ожидал от нее ничего другого.

Карл раскрыл конверт, вытащил письмо и сунул во внутренний карман куртки.

– Ах да, вы спрашивали, что я собираюсь делать. Я еду сегодня в Мюнхен. Навещу одну старую знакомую. Пришлось ее долго разыскивать, раньше она жила в Кельне. Я рад нашей скорой встрече. Наверняка она меня вспомнит.

Роза проводила его до входной двери. Он перешагнул через порог, но потом обернулся к ней:

– Когда я вернусь, проведем еще один, последний сеанс, согласны?

– Согласна. – Она сглотнула. – Желаю вам повеселиться в Германии.

– О, непременно.

Роза проводила его взглядом до автомобиля. Тяжело выдохнула, ее плечи поникли. За прошедшие минуты могло произойти все, что угодно. У нее задрожали колени. Роза заперла дверь и вернулась в комнату для сеансов терапии. Трясущейся рукой она схватила бокал и одним глотком выпила коктейль. Потом посмотрела в окно. Карл

действительно сел в синий «форд-фиесту», развернулся на парковке и уехал.

– О господи. – Она смешала еще один коктейль, на этот раз безо льда, и залпом осушила бокал.

Розе потребовалось четверть часа, чтобы успокоить нервы: она просто сидела уставившись на стену. Она должна сообщить в суд о визите Карла. Чем быстрее, тем лучше. Если ее методы терапии вскроются, значит, вскроются. В любом случае лучше, чем быть преследуемой сумасшедшим.

Она взглянула на часы. Почти половина третьего. Она должна посетить свою лучшую подругу. Лучшую подругу! Как остроумно! Глупая игра слов, которую она усвоила в последние месяцы.

В ванной рядом с терапевтической комнатой она стерла тени и помаду с лица, вынула контактные линзы из глаз и положила их в контейнер. Пудра замаскировала ее загар из солярия. Из туалетного шкафчика она достала очки в роговой оправе, которым было не меньше двадцати лет. Роза посмотрела на свое отражение в зеркале и вяло опустила уголки губ.

– Отвратительно выглядишь, старушка! – проскрипела она низким голосом.

Потом сняла одежду и натянула серые брюки, темный свитер с высоким воротом и поношенные туфли на плоской подошве.

Вернувшись в ванную, взяла седой парик, закрепила свои натуральные рыжие, модно остриженные волосы гелем для волос и надела сверху парик своей матери, который пожилая дама носила в семидесятих.

– В нем ты выглядишь на десять лет старше, бедная, несчастная, больная раком аптекарша.

С коричневой сумочкой в руке она вышла из дома и направилась к машине.

Практика этой тупой овцы находилась в двадцати минутах езды на автомобиле. Она еще успеет вовремя на прием. О чем они будут говорить в этот раз? О ее несчастной связи с женатым мужчиной? Что же эта деревенщина из Грискирхена посоветует ей сегодня? Правда, психотерапевт оказалась профессиональнее, чем ожидала Роза, – ее сложно раскусить, она не много рассказывает о себе. Но, возможно,

сейчас Роза узнает о ней что-то новое. Каждая женщина неосознанно делится своим опытом, когда дает советы другой женщине. И эта не исключение.

До ужина с Франком у нее еще будет время на аюрведу, маникюр и прическу. На этот раз он сможет остаться до половины двенадцатого, и после «Мариотта» они поедут к ней домой. Ему нравилось, когда на проигрывателе крутились ее старые джазовые пластинки, Франк покусывал мочку ее уха, а она читала вслух непристойные стихи Уильяма Берроуза. Она обожала, когда он шептал ей на ухо, что она говорит, как монашка, и целуется, как дьявол. Этот мужчина не заслуживал никакой другой женщины, кроме нее.

В своих роговых очках на диоптрию меньше Роза была так сосредоточена на том, чтобы не устроить аварию, что не заметила темно-синий двухдверный «форд-фиесту», который следовал за ней.

Дождь лил как из ведра. Сабина стояла на подъездной дорожке к старому дому. Ее термосвитер промок насквозь. Коллега из венской полиции дал ей дождевик с отражающими желтыми полосками.

Задние двери машины скорой помощи захлопнулись, и, не теряя времени, она понеслась прочь с мигалкой и сиреной. Вода из выбоин фонтанами брызгала во все стороны. Пока машина мчалась по туннелю, вой сирены гулко отдавался от стен. Через несколько секунд Сабина видела лишь, как голубой свет мигалки отражался на стенах домов и в лужах.

Она посмотрела на другую сторону улицы, на дом номер 18. Уже четверть часа Мартен Снейдер, Бен Колер и Оливер Брандштеттер ругались там с другими полицейскими. Группа стояла перед входом в дом, в окружении патрульных машин. Несмотря на дождь, голоса казались громкими. Одни мужчины. Поэтому Сабина и отошла. Она может обойтись без грубостей, замашек мачо и обоюдных обвинений. Среди сотрудников полиции была какая-то большая шишка, седой мужчина в бежевом костюме, в очках и с залысиной. Наверное, начальник Колера. Эмоции зашкаливали.

Сабину не интересовало, что обсуждали типы. В настоящий момент ее голова была занята другими проблемами. Ее чемодан стоял в столовой Федерального уголовного ведомства Вены, а Сабина понятия не имела, где они со Снейдером должны ночевать. Аккумулятор ее сотового вот-вот разрядится, возможно, его еще хватит на короткий разговор с сестрой. Убийца мамы все еще на свободе, а коллеги из Мюнхенского Земельного уголовного ведомства, которые понятия не имеют, что произошло в Вене за последние двенадцать часов, по-прежнему ждут ее визита. Мужчина в бежевом двубортном пиджаке наверняка свяжется с Мюнхеном. После этой блестящей операции, в результате которой они потеряли Хелен Бергер, работа Сабины в оперативном отделе полиции висела на волоске – об обучении в БКА она вообще может забыть. Мерзкая погода как нельзя лучше подходила к ее настроению.

До нее донесся голос Снейдера. Он говорил тихо, но выразительно. В тот же момент другие мужчины замолчали. Затем он

оставил группу и направился к ней. Дождевая вода текла по его лысине. Во вспышках молний, которые каждую минуту освещали крыши домов, его лицо казалось смертельно бледным.

– Вставайте ко мне под козырек, – предложила она.

– Спасибо. – Снейдер вытер лицо. – Перевес не в нашу пользу, Белочка. То, что мы можем спасти очередную жертву Карла, их не интересует. Хелен Бергер пропала. Это моя вина! И я понятия не имею, куда этот ублюдок мог ее увезти.

– А как там Роза Харман?

– Карл отрезал ей девять пальцев. Семь из них лежали в ведре. Реаниматолог не верит, что хирурги смогут спасти хотя бы один. У нее началась гангрена и заражение крови. Возможно, ей даже придется... – Звонок айфона перебил Снейдера. Он тут же ответил и какое-то время молча слушал. – Какая секторная антенна? – Наконец спросил он. – Ага... а другое? ...Хорошо, спасибо.

Сабина не поняла ни слова. Когда он убрал телефон, к ним подбежал Колер.

– Снейдер, мне очень жаль, я должен забрать у вас оружие, загранпаспорт и служебное удостоверение до выяснений обстоятельств дела. Потом я отвезу вас обоих в участок. Там напишем протокол.

– Вы, должно быть, шутите. – Снейдер зажмурил глаза. – Только посмейте ко мне прикоснуться...

– Это не мое решение! – закричал на него Колер. – Вы вмешались в текущее расследование, и теперь мы потеряли свидетельницу.

– Текущее расследование? – прыснул Снейдер. – Текущим оно стало только после нашего прибытия в Вену. – Он пренебрежительно указал рукой на группу мужчин в отдалении. – Что они предпримут, чтобы найти Хелен Бергер?

Колер состроил недовольную гримасу.

– Это личное дело начальника полиции. Поиски Хелен не обязательно в списке его приоритетных задач.

– Если вы мне доверитесь, мы ее найдем.

– Довериться вам? – Колер сжал губы. – Поверьте мне, я бы с удовольствием. Но я не могу. – Он вытер лицо от дождевых капель. – Для вас все закончилось. Пойдемте.

Снейдер остался стоять на месте.

– Забудьте на секунду бюрократическую ерунду и просто выслушайте меня. Я распорядился сделать пеленгование сотового телефона Карла Бони.

У Колера от удивления расширились глаза. Но он тут же покачал головой:

– Это невозможно.

– Я знаю, что ваш Телеком не выдает полиции список телефонных звонков, даже если вмешивается прокурор. Вашим коллегам приходится ждать, пока Телеком не закроет квартал. Мы работаем иначе.

– Мы? Что, IT-специалисты висбаденского БКА проводят хакерские атаки на Телеком?

– Нет, но Федеральная служба разведки взламывает любую программу.

– Откуда у вас номер Карла?

– Его отследили: в семнадцать ноль одну он звонил Хелен Бергер.

– А откуда у вас номер телефона Хелен?

– Боже мой. – Снейдер вскинул руки вверх. Потом хлопнул себя по нагрудному карману пиджака, где лежал его айфон. – Он же указан на веб-странице Хелен в разделе «Контакты».

Теперь Сабина поняла. Снейдер не бездействовал все это время.

– И когда вы все это организовали?

– В кабинете Харман, когда мы ждали запасной автомобиль.

– Если я расскажу это шефу, он оторвет мне голову.

– Черт побери! – фыркнул Снейдер. – Если вы расскажете это своему шефу, я сам оторву вам голову! Теперь вам интересно, *что* я выяснил, или вы и дальше будете читать мне лекцию о бюрократии?

Колер колебался. В этот момент с противоположной стороны улицы к ним подобрался лучик карманного фонарика. Группа медленно расходилась. Оливер Брандштеттер направился к ним.

– Колер, Брандштеттер! В участок! Немедленно! – рявкнул мужчина в бежевом костюме.

– Черт бы его побрал, – пробормотал Брандштеттер, подходя к ним.

Сабина наблюдала за выражением лица Колера. На его скулах ходили желваки. Что же он решит?

– Да, сейчас! – крикнул он в ответ. Потом тихо сказал Снейдеру: – Ладно, выкладывайте!

– Нам нужна карта Вены.

– Хорошо, идемте.

Они пошли к черному «ауди», который все еще стоял перед туннелем. Пока полицейские расползались во все стороны, они сели в машину.

– Что вы задумали? – спросил Брандштеттер.

– А сам как думаешь? У тебя в бардачке есть карта? – спросил Колер.

Брандштеттер удивленно помотал головой.

– Да кто сегодня пользуется картами? Может, только твоя бабушка. Вот это гораздо лучше. – Он включил навигатор.

– Наконец-то кто-то сообщает. – Снейдер нагнулся вперед. – В настоящий момент мобильный телефон Карла подключен к станции сотовой связи два-четыре-один-восемь.

Карл растерянно уставился на показания навигатора.

– В Вене полторы тысячи точек сотовой связи, а станций в два раза больше. Нам необходим перечень всех точек.

– Станция расположена в переулке Сенсенгассе, – спокойно ответил Снейдер. – Мобильный Карла подключился к антенне с сектором сто двадцать градусов на юг. Радиус действия около шестидесяти метров.

Брандштеттеру больше ничего не пришлось объяснять. Он быстро вбил данные в навигатор и вывел на монитор карту нужного района города. Ряды домов выглядели как соты. Между ними простирались парки и зеленые насаждения.

Сабина тоже наклонилась вперед, пытаясь разобрать названия.

– Здание судебной медицины Медицинского университета, кампус Венского университета и... Башня дураков? – На внутреннем дворе этого высокого круглого сооружения возвышалась башня.

– Раньше Башня дураков была психиатрической лечебницей, сегодня всего лишь патологический музей, – объяснил Колер. – Это здание старой многопрофильной больницы. Чтобы обыскать его, нам потребуется несколько дней. – Он обернулся назад. – Ваши коллеги ведь могут запеленговать и сотовый телефон Хелен?

– Уже сделали, – ответил Снейдер. – Он подключен к другой секторной антенне. Предположительно, Карл уже сидел в машине Хелен, когда она отъехала от приемной Харман, – и выбросил ее сотовый телефон из автомобиля на Тристерштрассе, где он и лежит.

– Вот дерьмо. – Колер коснулся пальцем монитора и увеличил картинку.

– Куда мы едем? – спросил Брандштеттер.

– В любом случае не в участок.

– Когда шеф это узнает, он лопнет от ярости...

– Мы знаем! – хором воскликнули Колер и Снейдер.

– О'кей, только спокойствие, – побормотал Брандштеттер. – Раз уж вы втянули меня в это дело, я хотел бы, по крайней мере, узнать, что происходит.

В нескольких предложениях Колер объяснил своему напарнику то, что они знали. Взгляд Брандштеттера оставался скептическим.

– Три года назад я уже терял Хелен, когда ей в одиночку пришлось противостоять прокурору, суду и уголовной полиции, – фыркнул Колер. – Такой ошибки я больше не повторю. Ты со мной или нет?

– Послушай, дружище. – Брандштеттер ткнул Колера указательным пальцем в грудь. – Я и тогда не бросил бы Хелен в беде. Конечно, я с тобой.

На мгновение воцарилась тишина.

– Мать Карла Бони была медсестрой, – сказала Сабина.

– И работала ассистенткой в гинекологическом отделении Института патологической анатомии Венского университета – вот оно! – повысил голос Колер.

– Отлично, – похвалил Снейдер. – Он отвез Хелен в одно из зданий Института патологической анатомии старой больницы. – Похлопал Брандштеттера по плечу. – Поехали, чего вы ждете?

Хелен зажмурила глаза и не хотела больше слушать этот бред, но навязчивое пение Карла проникало ей в мозг.

– «Солнце сияло, но было темно...»

Он декламировал четырехстрочное стихотворение о старой тетке в гробу и мальчике с седыми волосами.

– Что это означает? – спросил он наконец.

Она не хотела и не могла ответить.

– В чем смысл этих слов?

– Это одна из загадок, которые ваш отец?..

– Не важно! – рявкнул он. – Что это означает, черт возьми?

– Я не знаю.

– От вас никакого толка! – Он сильнее сдвинул ножницами ее палец. – Пожалуйста... – тяжело дыша, проговорил он. – Помогите мне! Что это означает? – Его голос сорвался на молящий тон.

– Это просто глупый стишок, – вырвалось у Хелен, – который дети рассказывают уже много десятилетий. Я знаю его с детства. Он ужасно старый и, наверное, был придуман еще во времена Гете.

– А смысл? – закричал он.

– Это языковая игра, у него нет никакого смысла!

– Но он должен быть! – Карл надавил на ножницы.

Хелен вскрикнула.

– Это парадокс, – выдавила она. – Стихотворение состоит из одних противоречий.

– В чем смысл этих противоречий?

– В оксюмороне нет смысла. – *Господи, что он хочет услышать?*

– Это столкновение двух противоположных, противоречащих друг другу понятий. Как старый мальчик...

– ...или любовь-ненависть, – медленно продолжил он. Его взгляд помрачнел. – Роза Харман сказала, что моя мать меня любила, хотя ужасно ненавидела... – Он замолчал. Потом вдруг уставился на Хелен прояснившимся взглядом. – Я ее разгадал. Я нашел свой смысл. – Он удивленно посмотрел на Хелен, затем стал рассматривать лезвия ножниц. – Речи замолкают, улыбки исчезают с губ, потому здесь то место, где смерть с радостью послужит жизни, – процитировал он.

Хелен молчала. Она не имела понятия, о чем он говорит.

– Вы ведь хотели знать, где находитесь, Хелен. Джованни Морганьи был основателем современной патологической анатомии.

Патологическая анатомия?

– Я разгадал для себя эту загадку – но вы все еще не понимаете смысла. – Он улыбнулся и снова засунул ей кляп в рот. Еще глубже. – Мне жаль, но вы не справились с заданием.

Карл схватил ножницы и отрезал ей другой большой палец.

Линяло-серое каменное здание судебной медицины возвышалось, словно какой-то монстр. Дождевая вода лилась по водосточным желобам и стекала хаотичными струйками по узким оконным переплетам. В такую погоду на углу Шпитальгассе и Сенсенгассе было мало движения. Видимо, куда-то молния все-таки попала, потому что освещение на этой стороне улицы отключилось. Несколькими кварталами дальше дома и вовсе были обесточены.

Под самой крышей здания судебной медицины на стене красовалась длинная латинская надпись большими буквами. Когда небо озарила молния, Сабина разобрала два слова: *STUDIIS ANATOMICIS*. Остальное находилось в тени.

Брандштеттер подбежал к ним, заслоняя глаза от дождя рукой. В другой он держал два фонарика.

– Откуда начнем? – громко спросил Колер, чтобы перекричать гром.

– Территорию кампуса можно опустить, – сказал Снейдер. – Остается или здание судебной медицины, или Башня дураков.

Колер схватил Снейдера за плечо.

– Что подсказывает ваша интуиция?

– Расскажите мне побольше о Башне. Коротко и ясно. – Снейдер поднял три пальца.

– Я знаю о ней не больше вашего.

– В семнадцатом веке в башне располагалась первая лечебница для двухсот душевнобольных, – прокричал Брандштеттер. – Сегодня это патологоанатомический музей аномалий развития с любопытными экспонатами. Моя невестка чистит там витрины. Башня охраняется как исторический памятник и принадлежит Венскому университету.

– Он в Башне дураков, – прошептал Снейдер.

– Насколько вы уверены? – спросил Колер.

– На девяносто процентов. Круглое, охраняемое как памятник здание может защитить и его. По крайней мере, он так думает. Башня располагается в отдаленном месте и не граничит ни с каким другим зданием. К тому же музей в это время закрыт, и Штрувельпетеру никто не мешает.

– Если вы ошибаетесь...

– Вам лучше вызвать подкрепление, – предложила Сабина.

– Чтобы они забрали нас отсюда и отвезли в участок? – Колер вытащил сотовый. Вместо того чтобы сообщать в Федеральное уголовное ведомство Вены, где они находятся, он позвонил командиру спецподразделения «Вега».

Насколько Сабина поняла из слов Колера, парни как раз собирались оставить пост у дома Кармен Бони. Объяснив своему бывшему коллеге ситуацию, он направил группу к зданию судебной медицины, чтобы обыскать его сверху донизу в поисках Хелен и Карла Бони. Посередине предложения связь прервалась.

– Алло... алло?

Колер сунул телефон в карман.

– Зарядки как раз хватило. Парни возьмут это на себя. – Он взялся за пистолет. – А мы займемся башней.

Башня дураков возвышалась на поляне, которая из-за ливня превратилась в какую-то вязкую жижу. Рядом располагались здания старого университета. К входу вела узкая дорожка, выложенная каменными плитами. По бокам в глубоких бороздках скапливалась вода. Недавно здесь проехал автомобиль! Колер осветил фонариком следы протекторов шин, затем луч света уперся в «тойоту», припаркованную рядом с башней. Они не ошиблись. Колер побежал к зданию. Сабина, Снейдер и Брандштеттер бросились за ним.

В непосредственной близости постройка напоминала средневековую крепость. Вспыхивающие молнии вырывали ее из мрака. Круглое здание с кирпичными неоштукатуренными стенами и узкими окнами насчитывало пять этажей. Нижний ряд окон был зарешечен. Через арочный проем они попали в маленький внутренний двор. Отсюда башня выглядела особенно впечатляющей. Какая сумасшедшая конструкция!

– В круглом здании располагались общежитие медсестер и служебные квартиры врачей, – объяснил Брандштеттер. – Мы с Беном проверим там. – Он передал Снейдеру свой карманный фонарик. – Вы осмотрите саму башню. – В следующий момент оба исчезли.

Снейдер передал фонарик Сабине, чтобы достать оружие.

– Посветите мне.

Они побежали под дождем к входу в башню. Полукруглая арка опиралась на массивный цоколь. Над мощными деревянными воротами висел фонарь, который сильно раскачивался на ветру. С талантом Снейдера открывать двери им ни за что не попасть внутрь.

Сабина посветила на замок. К счастью, он был взломан: свежие следы стамески впечатались в дерево и кирпичную кладку. Ветер приоткрывал дверь, и она шумно билась о раму. Карл Бони умел вскрывать автомобили, но не двери домов.

Снейдер обернулся.

– Он здесь! – крикнул он приглушенным голосом в непогоду, но его слова перекрыл ветер и гром. – *Vervloekt!*

Колер и Брандштеттер давно исчезли в круглом здании. Снейдер уставился на свой пистолет.

– Выстрел, конечно, заставит Колера вернуться, но и спугнет Карла, – заметила Сабина.

– Верно. Идемте. – Он толкнул дверь.

В башне горело тусклое аварийное освещение, которого едва хватало, чтобы разглядеть стрелку, указывающую на выход. Остальное здание находилось в тени. В нише тикал дизель-генератор.

Снейдер взял у нее из рук фонарик и закрепил его на пистолете, как оптический прицел.

– Снимите дождевик, – прошептал он. – Вы светитесь, как праздничная карусель.

Сабина стянула с себя куртку и бросила ее на пол. В своем сером термосвитере она сразу слилась с темнотой.

– Достаньте из моего бокового кармана айфон, – велел он ей. – Попробуйте дозвониться до Колера. Он и Брандштеттер должны прийти сюда.

Сабина нашла номер Колера среди последних исходящих звонков, но после первого гудка включилась голосовая почта.

– У него разрядился аккумулятор.

– Допотопное *Klootzak!*^[29] – выругался Снейдер. – Ладно, я позабочусь о Карле. А вы выведите Хелен наружу в безопасное место. – Он кивнул на узкую винтовую лестницу. И с пистолетом на изготовку пошел вперед.

Сабина нажимала на ручку каждой двери, мимо которой они проходили. Все заперты. Нигде не видно следов взлома. В башне не

было подвала, значит, Карл должен быть наверху.

Свет фонарика Снейдера отражался в стеклянных витринах. У Сабины несколько раз сердце уходило в пятки, когда рядом с ней вырастала какая-нибудь фигура. Но это оказывались всего лишь деформированные скелеты детей и подростков. Когда вспышки молний через узкие окна освещали помещение, она видела рисунки и черно-белые фотографии, выставленные на стендах. Наверное, было ужасно владеть существованием в этой башне и не иметь возможности вырваться отсюда. При очередном раскате грома ей послышались крики сумасшедших, которых здесь сто лет назад привязывали кожаными ремнями к кроватям и лечили водой и электрическим током.

Чем выше они поднимались, тем уже становилась винтовая лестница. Мраморные ступени с годами просели, криво выступали из стены и были такими гладкими, что приходилось соблюдать осторожность, чтобы не подскользнуться. Коридоры тоже сужались. На следующем этаже на полу валялись осколки стеклянной витрины. Снейдер жестом предупредил Сабину, чтобы она не наступила на них. За исключением старинных инструментов зубного врача, деревянные полки были пусты. Что бы там ни лежало – Карл это забрал.

На следующем ярусе Снейдер выглянул в окно. Они находились на высоте гонтовой крыши круглого здания. Значит, это последний этаж. Сабина взглянула наверх. Над головой крепилась конструкция из стропильных балок.

В окнах на противоположной стороне мелькнул свет фонарика. Колер и Брандштеттер ничего там не найдут. Карл находится в этой башне. Сабина все еще сжимала в руке телефон Снейдера. Еще раз набрала номер Колера. Безрезультатно. Она сунула айфон в карман. Погруженная в свои мысли, нажала на очередную дверную ручку и отпрянула, когда та подалась и дверь приоткрылась внутрь.

Снейдер тут же наставил пистолет на щель. Но ничего не произошло. Из комнаты не доносилось ни звука. Снейдер следил за тем, чтобы свет фонарика не проникал в комнату. Одним взглядом дал понять Сабине, чтобы та вела себя тихо, и как вкопанный продолжал стоять перед дверью.

Чего он ждет?

В этот момент она пожалела, что оставила свое оружие в Мюнхене. На ней даже не было ее кевларового жилета, и Сабина

чувствовала себя беззащитной как никогда.

Какого черта он выжидает?

Блеснула молния. Секунду спустя загрохотал гром, так что в башне задрожал пол. У Сабины по рукам побежали мурашки. В этот момент Снейдер открыл дверь и бесшумно проник в комнату. Сабина на автомате последовала за ним. Помещение было узким и вытянутым. Луч фонарика обследовал каждый угол: в комнате стояли стулья, шкафы и столы. На стенах висели плакаты.

– Проверьте шкафы и следите за дверью! – приказал он и побежал в другой конец комнаты, где с потолка свисала белая простыня.

В шкафах было пусто, в коридоре тоже никого. Сабина посмотрела на Снейдера. Он сдернул простыню. На потолке болталась погасшая керосиновая лампа. Под ней стояла деревянная скамья с кожаными ремнями. Сабина подошла ближе.

Снейдер взглянул на нее.

– В коридоре кто-нибудь есть?

Она помотала головой. В жестяной миске на столике лежали допотопные хирургические инструменты. Снейдер положил руку на лампу.

– Еще теплая... Осторожно!

Сабина замерла. Под столом блестели две свежие лужицы крови.

– Господи...

Снейдер осветил фонариком – в них плавали два отрезанных больших пальца. Он присел на корточки и опустил палец в кровь.

– Прошло не более пяти минут, – прошептал он.

В этот момент дверь за ними с грохотом захлопнулась. Снаружи забрякал ключ и дважды провернулся в замке.

Сабина взглянула на Снейдера. Больше всего ей хотелось залепить пощечину себе самой.

– Я все запорола. Я ужасная напарница.

Снейдер подбежал с пистолетом к двери.

– Запомните одну вещь: не бывает плохих напарников – только неопытные! Возможно, Карл убил бы вас снаружи. – Он поднял пистолет и приказал: – Встаньте за мной!

Он трижды выстрелил по замку. Затем распахнул дверь. В коридоре было темно. Снейдер осветил на стены, потом прижался к дверной раме и опустил фонарик в узкий лестничный проход.

– Он побежал вниз. – Снейдер кивнул на карман брюк Сабины, где лежал его айфон. – Сообщите в Федеральное уголовное ведомство Вены. Пусть перекроют все улицы в радиусе километра вокруг этого здания и пришлют сюда машину скорой помощи на случай, если мы найдем Хелен Бергер живой. Я пойду вниз.

Он начал было спускаться, но Сабина остановила его:

– Подождите!

Она сама не знала, почему это сделала, но интуиция подсказывала ей, что Снейдер принял неправильное решение. В его вопросительном взгляде читалось нетерпение.

– Если в первом акте пьесы на сцене висит ружье, оно обязательно выстрелит, – процитировала она его предложение.

Снейдер смотрел на Сабину, как будто она рехнулась.

– Книга, – прошептала она. – После рассказа о мальчике, который сосал пальцы, есть еще две истории Штрувельпетера. Ганс-разиня и Роберт-самолет.

Невольно Снейдер посмотрел на деревянный потолок:

– Вы думаете, он наверху? На крыше?

– В течение двух месяцев он педантично следует этой книге. Почему он должен менять что-то сейчас?

– Умно, Белочка. – Он осветил на потолок. Луч света замер на табличке рядом с люком: «Посторонним вход запрещен!»

Крепление замка было выломано из деревянной балки. Рядом с люком на стене висела лестница. Снейдер сунул пистолет в кобуру,

зажал фонарик в зубах и полез по перекладинам наверх. Люк легко открылся. Верхняя половина туловища Снейдера исчезла в темноте. Сабина полезла вслед за ним и очутилась в узком чердачном помещении. На полу повсюду лежали деревянные балки, рубероид и гвозди. Пахло влажными опилками. Посередине этой свалки вверх уходила винтовая лестница, которая напоминала лесенку на колокольню. Снейдер полез наверх, стараясь не звенеть металлическими пластинками на подошвах.

Когда Сабина услышала два глухих выстрела, она машинально упала на пол. Снейдер на лестнице перед ней сжался.

Он быстро вытащил пистолет и обернулся к Сабине:

– Все в порядке?

Она кивнула.

– Стреляли снаружи. – Он указал наверх, где лестница упиралась в противопожарную дверь. – Вперед!

Снейдер полез дальше и осмотрел дверь. В двух местах металл был помят. Здесь замок тоже взломали стамеской. За дверью бушевала непогода. Дождь, не переставая, барабанил по жестяной поверхности, вспышки молний мелькали в щелях гонтовой кровли. Чердак в очередной раз содрогнулся от грома. Снейдер распахнул дверь – дождевая вода начала хлестать внутрь. На улице стояла мрачная ночь. В следующий момент дверь с силой захлопнули, и Снейдера откинуло назад.

– Он снаружи! – Снейдер навалился на дверь.

Сабина помогала ему. Как только дверь немного приоткрылась, Снейдер просунул в щель дуло пистолета и выстрелил. От грохота у Сабины заложило уши. При вспышке выстрела она увидела, как фигура отшатнулась и исчезла в темноте. Снейдер начал отодвигать дверь: чем шире он ее открывал, тем громче становились женские стоны.

– Хелен? – крикнул он.

В ответ послышался приглушенный стон. Женщина находилась за дверью. Когда Снейдер полностью открыл противопожарную дверь, раздался измученный крик психотерапевта.

– Позаботьтесь о Хелен! – распорядился Снейдер.

Сабина вышла на плоскую крышу. Из-за непогоды почти ничего не было видно. Свет от фонарика Снейдера пометался в нескольких

метра от нее, а потом исчез в темноте. Сабина зашла с другой стороны двери – и при очередной вспышке молнии у нее перехватило дыхание от вида Хелен. Она была прижата грудью и лицом к двери, руки подняты, без обуви, в одних только спортивных штанах и свитере. Хелен повернула голову набок так сильно, как только смогла. Мокрые волосы падали ей на лицо. Во рту торчал кляп. Сабина вытащила его, и Хелен принялась жадно хватать ртом воздух. Ее запястья и лодыжки были связаны кабельными стяжками. Больших пальцев не было. Дождь размывал кровь по рукам. Но самое страшное – стальные штифты, которые торчали у нее из кистей.

При следующей вспышке молнии Сабина заметила на полу гвоздезабивной пистолет и катушку девятисантиметровых металлических штифтов. Карл насквозь пробил кисти Хелен, пригвоздив к двери. Чтобы ветер больше не раскачивал дверь, причиняя Хелен нечеловеческую боль, Сабина опустила стопор.

– Вы в безопасности! – крикнула она как можно громче, чтобы перекрыть шум дождя. Какая низкая ложь!

Хелен поморщилась от боли.

– Карл увидел в окно, что вы идете к башне с фонариком, и перетащил меня наверх.

Из темноты к ним вернулся Снейдер со вскинутым пистолетом и заслонил обеих женщин спиной, словно хотел защитить.

– Где он теперь?

Хелен повернула голову в сторону плоской кровли.

– Где-то здесь... я не могу больше стоять.

Снейдер выключил фонарик.

– Моя коллега позаботится о вас. Я пойду искать парня. – В следующий момент он снова исчез в темноте.

Сабина осмотрела раны Хелен. Обе кисти были прибиты к двери, запястья связаны крест-накрест. С тыльной стороны каждой ладони торчал гвоздь. Они вошли в металлическую дверь приблизительно на один сантиметр.

– Я сейчас вернусь... схожу вниз и принесу клещи. Потом вытащу вас отсюда.

– Нет! – истерично закричала Хелен. – Не оставляйте меня одну!

– Хорошо. – Сабина осталась. Но без оружия, инструментов или аптечки она не могла ничего сделать для Хелен. Сабина вытащила из

кармана айфон, набрала номер службы спасения и вызвала врача и бригаду скорой помощи. Когда положила трубку, услышала шаги на винтовой лестнице. В дверном проходе появился луч света. Вскоре на крышу вышел Колер.

– Сюда! – крикнула Сабина.

Он обошел дверь и увидел обеих женщин.

– О господи, Хелен! – Он тут же снял с себя ветровку и набросил ее на плечи Хелен. – Мы слышали выстрелы и сразу прибежали. Оливер тоже здесь, охраняет вход.

– Бен, – всхлипнула Хелен. – Ты должен найти Дасти. Он на перекрестке Кетцергассе и Тристерштрассе.

– Не волнуйся, мы его найдем. – Он взглянул на Сабину: – Я позабочусь о ней.

Инстинктивно Сабина схватила гвоздезабивной пистолет и побежала по плоской кровле в дождь.

Крыши венских домов выглядели таинственно, почти призрачно. То и дело освещаемые вспышками молний, красные гонтовые крыши напоминали кили кораблей, потерпевших крушение в Море Дождей и выброшенных на берег.

Из-за бокового ветра дождь шел почти горизонтально, так что капли, как иголки, впивались Сабине в щеки. Всего за несколько секунд ее термосвитер промок насквозь и мешком повис на ней. К тому же ничего не было видно. Фонарик Снейдера был выключен, и она понятия не имела, где находится.

Стоять...

Ветер донес до нее голоса. Инстинктивно она направилась на звуки, сжимая в руке гвоздезабивной пневматический пистолет и катушку гвоздей.

Голоса становились громче. На краю крыши, на пологом участке с водосточным желобом, стоял Карл Бони. На нем был темный пуловер. Ветер трепал капюшон и волосы. В трех метрах от Карла стоял Снейдер и целился в него, сжимая «глок» двумя руками. Карл маленькими шажками перемещался вдоль водосточного желоба.

– Не двигаться! – крикнул Снейдер.

Карл проигнорировал приказ и двигался дальше. При вспышке молнии Сабина поняла причину: метрах в двух виднелись поручни пожарной лестницы. Несмотря на наставленный на него пистолет, он хотел сбежать.

Сабина приблизилась к Карлу с другой стороны и вскинула тяжелый гвоздезабивной пистолет:

– Стоять, чертов сукин сын!

Карл повернул к ней голову. Краем глаза Сабина видела, что Снейдер не двигался. Он держал Карла под прицелом, не отводя от него взгляда.

– Кто это у нас здесь? – насмешливо выкрикнул Карл.

– Имя Ханна Немез говорит вам что-нибудь?

– А если и так! – крикнул он в ответ. – Вы, наверное, одна из ее девчонок? – Он зажмурился. – Та, что с мороженым сидит у отца на плечах? Ну и как, понравился отпуск на море?

Мерзавец хорошо помнил фотографии на комодe ее матери. Гвоздезабивный пистолет в руке становился все тяжелее. Сабина чувствовала боль в плече. Но продолжала целиться Карлу в голову. Она могла бы сейчас нажать на спуск. Возможно, траектория пойдет вниз – тогда она, по крайней мере, попадет ему в шею или грудь.

– Вот это семейка! – ухмыльнулся он. – Ваша мать получила по заслугам. К сожалению, все длилось не долго.

Поговори мне еще, ублюдок! Палец Сабины обхватил спусковой рычаг, она уже чувствовала сопротивление. Небольшое движение, и гвоздь, как настоящая пуля, вылетит из ствола.

Снейдер подошел к ней.

– Сабина, – мягко обратился он. – Он у меня на прицеле. Отложите этот прибор. Немедленно!

Карл сделал еще один шаг к пожарной лестнице. Сабина прицелилась чуть выше и нажала на спуск. Гвоздь со свистом вылетел и задел ухо Карла. Он покачнулся. Рефлекторно схватился рукой за щеку.

– Я сказала: стоять! – крикнула она.

– Белочка! Отставить! – не унимался Снейдер.

– Нет.

Не для того она рисковала, нарушила служебную дисциплину и так далеко уехала, чтобы наблюдать, как убийца ее матери уйдет от них по пожарной лестнице. И лишь потому, что у Снейдера не хватает мужества нажать на спуск. Она не позволит Карлу безнаказанно скрыться после тех страданий, которые он причинил всем этим женщинам.

– Хорошо, – сказал Снейдер.

Ужасный грохот прокатился по крышам. Краем глаза она увидела, что Снейдер протягивает ей пистолет.

– Если вам необходимо это сделать, то из моего оружия.

Он действительно это предложил? Сабина схватила «глок» и одновременно опустила гвоздезабивной пистолет. Когда инструмент упал к ее ногам, она уже снова держала Карла на мушке. Сделала два шага вперед. Теперь их разделяло не более двух метров. Сабина прицелилась ему между глаз.

Взгляд Карла лихорадочно бегал.

– Что это будет?

Она чувствовала, что Снейдер стоит прямо за ней.

– Я понимаю вас, – прошептал он. – Мы похожи. Вы хотите отомстить за смерть вашей матери.

– Замолчите! – Сабина должна сохранить ясную голову. *Этот ублюдок приковал маму к церковному органу и воткнул ей в легкое катетер! Она захлебнулась двумя литрами чернил!*

Сабина сделала шаг вперед. Палец лег на спусковой крючок. Он убил столько женщин, заживо забетонировал собственную мать и держал ее так два месяца! Этот сумасшедший заслужил только смерть!

– Жмите, – прошептал Снейдер. – Иначе это сделаю я.

– Тихо!

Да, она это сделает.

Только заткнись, наконец! Я выстрелю, потому что сама хочу.

Но Снейдер не успокаивался:

– У нас больше общего, чем вы думаете. Вам тоже хочется уничтожить убийцу. Чего вы ждете? Жмите на спуск!

«Глок» тяжелил руку. Почему она не может выстрелить? Это же так легко. Она выпустила тысячи пуль из своего «вальтера» на стрельбищах, а теперь даже не в состоянии нажать на спуск. Проклятье, что с ней такое?

– Сделайте это! – торопил Снейдер.

Тут дождевую пелену прорезали лучи сразу нескольких карманных фонарей. Где-то раздался металлический голос из мегафона. Сабина опустила пистолет. В тот же момент его перехватил Снейдер. Все кончено, Карл попался. Но в свете прожекторов она увидела его торжествующий взгляд. Карл раскинул руки в стороны и стал медленно падать назад.

Роберт-самолет, осенило Сабину, и она кинулась к нему. Водосточная труба сломалась под ногами Карла, но его тело даже не вздрогнуло. Прямой как доска, он полностью отдался падению. Но в этот момент Сабина подскочила к нему и схватила за пуловер и штаны.

– Нет! – закричала она.

Она вцепилась пальцами в его мокрый свитер. Ее кроссовки скользили по влажной крыше башни. Сверкнула молния – и Сабина посмотрела Карлу в глаза. Какой насыщенный голубой цвет! Его взгляд пронзил ее, словно Карл видел ее насквозь. Его рот раскрылся. Сабина ничего не услышала, лишь прочитала движения его губ.

Мария.

Потом он упал. Ей пришлось отпустить его, иначе Карл увлек бы ее за собой. Сабина осталась стоять на краю крыши, размахивая руками и пытаясь удержать равновесие. Прогремел гром. Устремив взгляд в небо и раскинув руки, Карл летел вниз. С прямым телом, не пытаясь скорчиться или как-то изогнуться. Очертания его тела приняли форму креста, который затем исчез в темноте.

Снейдер подошел к Сабине и притянул ее к себе.

– Все закончилось.

В свете молнии она видела крохотного Карла, неподвижно лежащего в грязи. Сабина повернулась к Снейдеру, и тот обнял ее. Слезы текли у нее по лицу. Она так сильно всхлипывала, что ей не хватало воздуха. Снейдер прижал ее к себе. До сих пор Сабина не позволяла себе скорбеть по маме. Но сейчас наконец могла дать волю эмоциям и плакать, плакать, плакать...

Она не знала, как долго они со Снейдером стояли вот так под дождем, но казалось, что прошла целая вечность. Когда Сабина подняла голову, она увидела внизу мигалки полицейских машин. Тем временем уже прибыли сотрудники спецподразделения «Вега» и оцепили башню. Наверняка они тоже слышали выстрелы. Несколько мужчин в шлемах с забралом и в черной униформе укладывали труп Карла на носилки.

– Все в порядке? – Снейдер дождался ее кивка. – Хорошо, тогда мне пора. – И он оставил ее стоять на крыше башни.

Сабина озябла. Нужно позвонить отцу и сказать, что все закончилось. Когда она посмотрела вниз, ее тело охватила приятная прохлада. На какой-то миг все стало совершенно ясно. Этот мир абсолютно сумасшедший и нелогичный. Она рисковала карьерой, чтобы отправиться в Вену с коллегой, которого терпеть не могла. Вместо того чтобы оплакивать мать, она бросилась в погоню за ее убийцей. А когда тот оказался у нее на прицеле, не смогла нажать на спусковой крючок. Все это так нереально. Она даже хотела спасти жизнь того мужчины, который убил ее мать. Сейчас ей было жаль его почти так же, как и маму.

Сабина уставилась перед собой в дождь, который расчерчивал темноту прямыми ровными линиями. И вдруг осознала смысл всех этих противоречий. Мир – странное место, полное

противоположностей, которые не просто понять. Но именно поэтому все идет своим чередом.

Как в том сумасбродном стишке.

– Солнце сияло, но было темно, зеленел заснеженный луг, мчалась машина и медленно завернула за угол вдруг...

Эпилог

Ресторан «Мотто ам флюс», расположенный на Дунайском канале, напоминал роскошный лайнер. Столик нужно было заказывать за две недели. Такой же шикарной была и атмосфера внутри – со свечами и тихой фортепианной музыкой.

Хелен открывался чудесный вид на реку и Шведский мост. После истории с Карлом она еще никуда не выбиралась. И сегодня впервые отважилась показаться на людях. На Хелен было голубое коктейльное платье и палантин. На левой руке повязка, на правой – перебинтованная фиксирующая шина. Если посмотреть на отражение в стекле, то казалось, что она в белых перчатках. Хирурги Венской больницы смогли спасти только большой палец на правой руке. Вчера ей сняли швы, но палец нельзя нагружать еще шесть недель, пока не срастется кость. Хелен знала, что последующая восстановительная терапия будет мучительной.

Бен Колер сидел напротив, в элегантном узком смокинге. Как всегда, выглядел великолепно. Бен разрезал пополам тортеллони^[30] на ее тарелке. Хелен пока была практически беспомощна.

Он сделал небольшой глоток коктейля и наклонился к ней через стол:

– В журнале «Ньюз» вчера вышла статья о тебе.

Она вздохнула:

– Я знаю.

– Все коллеги в участке прочли ее. Насколько я знаю, даже твой старый друг, начальник полиции. Оливер послал ему статью в конверте по внутренней почте.

Хелен засмеялась:

– Серьезно?

Потом вспомнила обвинения по делу Винклера и как уголовная полиция пыталась разрушить ее репутацию и переложить на нее вину за неудавшийся арест.

Бен откинулся назад.

– Ты разгадала загадку похитителя, спасла Розу Харман и разоблачила Штравельпетера. Все это подчеркивает твой

профессионализм как психотерапевта и бывшего судебного психолога.

Хелен молчала. В обмен на это ей пришлось очень болезненным способом узнать правду о своем идеальном муже Франке, красноречивом прокуроре. Изорудованная левая рука и шрамы на обеих кистях будут всю жизнь напоминать ей о событиях двухнедельной давности. Но Розе Харман еще хуже. Врачам пришлось ампутировать ей кисть. На другой руке остался только один палец. После двух недель в реанимации Розе назначили психиатрическое лечение с последующим курсом реабилитации. Хелен знала, что уже никогда не увидит Анну Ленер. Как и не узнает, навещал ли Франк свою любовницу. Вероятно, он уже подыскивал замену.

Пока Хелен лежала в больнице, Франк приходил к ней. Всего один раз! Он хотел обнять ее, но Хелен оттолкнула его руку. Она дала ему три дня, чтобы покинуть ее дом. Еще находясь в больнице, подала документы на развод – и обратила внимание Бена на то, что мучило ее уже несколько дней.

В ходе разговора с Розой, Беном, психиатром и сотрудниками уголовной полиции выяснилось, что Франк снабжал свою беременную любовницу бионапитками со вкусом лайма. Он специально готовил этот сок. Франк протыкал иглой крышку и вспрыскивал в бутылочку высококонцентрированный раствор антибиотика. Понадобилось всего пять доз в течение трех дней, чтобы вызвать у Розы кровотечение и спазмы в брюшной полости. Возможно, Хелен и смогла бы простить мужу любовную связь, но убийство нерожденного ребенка – никогда. Правовые последствия еще не были определены, но одно не вызывало сомнения: Франк лишится должности прокурора.

– Хелен? – позвал ее Бен.

Она взглянула на него.

– Я говорю, твой муж больше не ездит на службу на «ламборгини».

Бывший муж, мысленно поправила она.

– Знаю, я собираюсь продать машину на аукционе. А все вырученные деньги передам детскому дому.

Он улыбнулся:

– Серьезно?

Она помотала головой:

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

– Хорошо. – Он взял кусок говядины со своей тарелки и опустил руку под стол.

– Прекрати! – шикнула она и покосилась на официанта. С ума сойти!

– Да я ничего не делаю.

– Только задабриваешь собаку. – Хелен слышала, как Дасти схватил под столом мясо. Как только скорая помощь забрала Хелен в больницу, Бен отправился разыскивать Дасти. В конце концов обнаружил его в приюте для животных. Дети подобрали его на улице во время грозы – напуганного, мокрого и грязного – и принесли туда.

Бен вытер руки о салфетку и достал из сумки небольшую коробку.

– Кстати, я получил это из Висбадена. – Он открыл крышку и достал новехонький айфон с запасным аккумулятором. И красно-белосиним чехлом, как голландский флаг. – Знаешь, Снейдер не такой уж мерзкий тип.

– По крайней мере, у него милая коллега.

– Она не его коллега.

Хелен улыбнулась:

– Ну, как знать.

– Да, как знать. – Неожиданно он протянул руку через стол и нежно взял Хелен за запястье.

О господи, что он собирается сказать?

– Пожалуйста, прости мне мое поведение три года назад.

– Ты был настоящим говнюком!

– Мне очень жаль.

Она тут же пожалела о своих словах.

– Я часто думаю о Фло. Я знаю, потерять сына ужасно, но я прошла бы с тобой через этот ад.

– Мне его так не хватает, это по-прежнему ад... – Он сглотнул. – Но мы можем справиться вместе.

Глаза Хелен расширились. Это предложение было таким неожиданным. Она всего неделю жила одна с Дасти в доме в Грискирхене.

– Я... да, вообще...

– Обдумай это спокойно, – попросил он.

Да я уже давно это сделала!

Моника приготовила две чашки горячего какао и села к Сабине на диван в гостиной.

– Ты еще не рассказала мне, как нашла убийцу мамы.

Было одиннадцать вечера. Керстин, Конни и Фиона уже давно спали в своей двухместной кровати. И наверное, видели сны о новой полицейской операции с вертолетами, собаками-ищейками и своей игрушечной аппаратурой.

Сабина подобрала под себя ноги, устроилась в углу дивана и отпила из кружки.

– С помощью школьных фотографий, которые нашла на чердаке у мамы. – Она рассказала сестре все от начала и до конца.

– Значит, фотографии маминых классов, – вслух размышляла Моника. – Между прочим, отец помог мне освободить квартиру. Он уладил все бюрократические формальности и присмотрел за детьми.

Сабина знала, что от Габриеля, бывшего мужа сестры, мало толка. Поэтому обрадовалась, когда на прошлой неделе отец снял номер в отеле. Пока он и Моника занимались мамиными похоронами, Сабина чуть не лишилась работы. Она застряла еще на три дня в Вене, с ней многократно беседовали сотрудники Федерального уголовного ведомства Австрии, а затем допрашивали в прокуратуре и Земельном уголовном ведомстве в Мюнхене. В общем и целом для Сабины все закончилось вполне благополучно, потому что против нее не имелось никаких конкретных подозрений в совершении преступления. Хотя она нашла и обезвредила Карла Бони, на поощрение рассчитывать было нечего. Сабина могла счесть за счастье, что сохранила свое место в оперативном отделе уголовной полиции.

– Ах да, кстати. – Моника потянулась к столику и достала из отсека для журналов пакет, завернутый в голубую подарочную бумагу и перевязанный желтой лентой. – Мы нашли это в маминой квартире. Тебе от мамы. Завтра твой день рождения. Всего тебе самого лучшего. – Она поцеловала сестру.

– Спасибо. – Сабина прижала пакет к груди. – Ты все еще ненавидишь отца?

Глаза Моника увлажнились.

– Ты знаешь, из-за чего десять лет назад в кельнской начальной школе начался пожар?

Сабина удивленно помотала головой. Обычно Монику непросто заставить обсуждать эту тему. Очень не похоже на сестру.

Моника тоже устроилась с ногами на диване.

– Отец рассказал мне. Вообще-то, он обещал маме молчать, но после ее смерти клятва потеряла силу. – Она поболтала какао в чашке. – Как-то вечером он зашел за мамой в школу. Отец знал, что она проверяет классные работы. И вдруг застукал ее в кабинете директора с другой учительницей. Дошло до ссоры. Расставленные для романтической атмосферы свечи опрокинулись во время потасовки, начался пожар. В ту ночь родители вернулись домой все в саже. Дело о пожаре замяли, представив все как несчастный случай. Остальное ты знаешь сама.

Сабина всегда подозревала нечто подобное. Но учительница?

– А ты думала, что это у отца был роман на стороне.

– На самом деле все наоборот, – вздохнула Моника. – Все эти годы я игнорировала его и не давала общаться с внучками. – Она вытерла слезы. – Он никогда мне этого не простит.

Сабина обняла сестру.

– Да он уже простил.

Тут Моника принялась безудержно плакать.

– Я пригласила его на следующие выходные, – всхлипнула она. – Он дал понять, что, возможно, совсем переедет в Мюнхен, чтобы чаще бывать у нас.

Сабина улыбнулась.

– Видишь. – Она это уже знала. Вчера разговаривала с отцом, и он сказал, что мог бы заниматься своим хобби, реставрацией старых поездов, и в Мюнхене.

Сотовый телефон Сабины зажужжал. Еще одно эсэмэс? Так поздно? Она открыла сообщение.

– Что там?

Сабина показала сестре текст.

«Можете завтра приехать в Дрезден? Жду вас в 10:45 у главного входа на городское кладбище. Не опаздывайте. М. С. С.

Р. S. С днем рождения!»

Все-таки Снейдер сумасшедший! Сабина еще очень хорошо помнила реакцию Моника, когда Снейдер эсэмэской приказал ей явиться в мюнхенский аэропорт, чтобы лететь с ним в Вену. «Ты вот

так подрываешься и несешься, стоит этому типу щелкнуть пальцами?» Да, именно так она и поступила.

Но в этот раз Моника ничего подобного не сказала. Вместо этого погладила Сабину по щеке.

– Пойдем спать. Завтра тебе рано выезжать.

На следующий день около одиннадцати утра Сабина поставила свою машину на гостевой парковке напротив главного входа на Дрезденское городское кладбище. Рядом с воротами стоял полицейский автомобиль. Уже издалека рядом с кованым ограждением она заметила худую фигуру Снейдера в темном костюме. Он беседовал с молодым полицейским, который, вероятно, привез его сюда. Солнечные лучи отражались от его лысины. Увидев Сабину, он поднял солнечные очки выше бровей.

– Вы опоздали, – пробормотал он.

– В этот раз я не гнала, как в тот день, когда мы вместе поехали в Дрезден.

Он обвел неодобрительным взглядом ее блузку, туфли и летние льняные брюки.

– Кроме того, я была в центре города. Зашла в филиал «Гаитал», – оправдывалась она. – У меня для вас подарок.

Она знала, что Снейдера не так легко удивить, но на такое он точно не рассчитывал. Сабина молча протянула ему биографию Виктора Е. Франкла. Книга называлась «Сказать жизни «да». Корешок тонкой книжки был помят, углы некоторых страниц загнуты. Еще на первой странице стояла дарственная надпись: «Для Мартена».

– Вы что, украли книгу?

– Конечно. Иначе вы бы ее не приняли.

Он натянул любезную улыбочку.

– Спасибо. – Слово, которое Сабина слышала от него крайне редко.

– Я вижу, у вас все хорошо. – сказала она. Его лицо приобрело более здоровый цвет, а две точки-татуировки на тыльной стороне кистей больше не были расцарапаны акупунктурными иглами.

– Пойдемте со мной. – Он прошел через ворота.

Сабина шла следом по аллее. По обе стороны тянулись десятки рядов могил.

– После разоблачения преступника я всегда чувствую себя хорошо одну-две недели. Никаких кластерных головных болей, никакого чувства подавленности. Затем мне нужно новое дело. – Снейдер покосился на нее. – Неужели беспокоитесь за меня?

В его присутствии Сабина ни за что бы в этом не призналась. Тут ей в голову пришла одна история, которую она прочла в каком-то справочнике в «Гаитал».

– Вы знаете историю о двух монахах дзен? – спросила она. И, не дожидаясь ответа, начала рассказывать: – Однажды вечером сидели два монаха и говорили о двух духах, которые живут внутри человека и постоянно борются друг с другом. Один высокомерный, эгоистичный, ревнивый, полон желания мести и фальшивой гордости. Другой сильный, щедрый и умеет прощать.

Снейдер немного подумал.

– Это все? – наконец спросил он.

– Да.

– И какой дух побеждает?

– Тот, которого вы кормите.

Снейдер надул губы.

– О'кей, очень изощренно, Белочка. Я знаю, на что вы намекаете. Роза Харман пыталась шпионить за Хелен Бергер, чтобы отомстить жене своего любовника. Но эта месть привела к саморазрушению. – С отсутствующим видом он полистал книгу. – Моя месть «Гаитал» тоже может привести к саморазрушению. Вы ведь это хотели сказать?

– Возможно.

– Вы поэтому не выстрелили на крыше, когда я предоставил вам такую возможность?

Она думала над этим вопросом последние недели.

– Знаете, я не такая, как вы. Мечь не отравит мое сердце.

Улыбаясь, он свернул на боковую дорожку.

– Это хорошо.

– Хорошо? – переспросила Сабина. – И это говорите вы, после того как подстрекали меня прикончить Карла?

– А сейчас я расскажу вам историю. Мне было абсолютно наплевать, застрелите вы его или нет.

Что? Да он смеется над ней.

– Тогда почему вы дали мне свой пистолет?

– Я знал, что вы не нажмете на спусковой крючок, но должен был в этом убедиться.

Пульс Сабины ускорился.

– Вы хотели проверить меня? – напустилась она на Снейдера. – Какого черта? Я что, один из объектов ваших психологических исследований?

– Успокойтесь. – Он положил руку ей на плечо. – У меня были свои причины, потому что у меня для вас тоже есть подарок.

Должно быть, в этот момент Сабина выглядела действительно глупо и растерянно, потому Снейдер ухмыльнулся.

– Я нашел ваше последнее заявление о приеме в БКА.

У Сабины все сжалось внутри.

– И поговорил с директором Федерального ведомства. Он подлая канцелярская крыса и терпеть меня не может, но за ним был должок. У нас есть академия для особо одаренных молодых кадров. Я порекомендовал вас.

– Не может быть, – вырвалось у Сабины. – Но почему?

– Почему? Разве вы не понимаете? – воскликнул он. – Без вас я не смог бы за такое короткое время распутать это дело и спасти жизнь трем людям! Вполне возможно, Роза Харман, Хелен Бергер и воспитательница Карла, Урсула Цехетнер, были бы сейчас мертвы.

– Поэтому вы рекомендовали меня в БКА?

– И по многим другим причинам. Вы ведь не хотите их все сейчас услышать?

Без комментариев Сабина показала ему три пальца.

– *Verdomme!* – Он улыбнулся. – Потому что вы не выстрелили хладнокровно в Карла Бони и даже хотели спасти его от падения с крыши. Вами не руководит чувство мести. Вы бескомпромиссно делаете свою работу, и профессия еще не разрушила вас, как многих других. – Он сделал паузу. – БКА нужны молодые люди, как вы.

Фух! Она должна это сначала переварить.

– Куда мы вообще идем? – спросила Сабина спустя какое-то время.

– К могиле отца Карла Бони. – Снейдер свернул в сторону. – Вон там. – Через несколько шагов он остановился. – Итак, мы здесь, чтобы разгадать последнюю загадку.

Из земли выступал относительно свежий надгробный камень. На мраморе было высечено: *Йозеф Бони*. Он умер три года назад. Фотография изображала церковного органиста за пультом органа во время мессы. Сабина попыталась истолковать серьезное и ожесточенное выражение лица мужчины, чьи методы воспитания сделали из его сына убийцу.

Снейдер указал на надгробный фонарь:

– Ничего не замечаете?

За красным стеклянным стаканчиком с обгоревшей свечой торчал лист бумаги в сложенном пополам прозрачном файле. Сабина открыла фонарь и достала файл. На листе от руки было написано:

«Дорогой отец, если ты угадаешь, кого я похитил, человек останется в живых, – если нет, то умрет».

Сабина снова сложила файл пополам.

– Неразрешимая загадка.

– По крайней мере, для того, кто уже три года как мертв. – Снейдер поставил одну ногу на каменную ограду могилы. – Когда венские судмедэксперты закончат аутопсию Карла и его матери, их трупы отправят в Дрезден. И все они воссоединятся в семейной могиле.

– Как вы обнаружили это письмо? – спросила Сабина.

– Я был бы плохим следователем, если бы не проверил каждый след и не отработал каждую версию.

– Не бывает плохих следователей, только неопытные, – процитировала его Сабина. – В принципе, вы не такой уж и мерзкий тип, знаете это?

– Знаю, но если вы расскажете об этом кому-то, я собственноручно выброшу вас из академии. – Он улыбнулся. – Между прочим, в квартире Карла мы нашли свидетельства, указывающие на предпоследнюю историю из книжки о Штрувельпетере: Ганс-разиня. Если верить рисункам Карла, он планировал похитить жену своего бывшего учебного мастера в Дрездене. Эта ведьма до сих пор измывается над всеми учениками автомастерской. Карл хотел утопить ее в рукаве Эльбы. Свинцовые гири и брошюры о рыболовных бассейнах уже лежали у него в машине. Но он смог осуществить только последнюю историю: самоубийство.

– Тогда мы спасли жизнь четырем людям.

Снейдер кивнул.

– Отличная работа. – Он протянул Сабине руку. – Мне нужно в аэропорт и назад в Висбаден. Спасибо за то, что приехали, и за книгу, Белочка.

– Я рада, что угодила вам, Сомерсет.

Ухмыляясь, он направился к выходу. Сабина положила письмо в фонарь и посмотрела вслед Снейдеру. Потом тоже не торопясь пошла к выходу. Через несколько метров она вытащила из кармана брюк чек дрезденского филиала «Гаитал» и выбросила его в урну.

Перед входом на кладбище все еще стояла полицейская машина. Сабина издалека увидела, как Снейдер переговорил с полицейским и сел в BMW. На водительское сиденье! Через несколько секунд автомобиль уехал.

Сабина подошла к полицейскому.

– Извините, пожалуйста, – обратилась она к нему. – Этот мужчина только что уехал один?

– Да, он сказал, ему нужно в аэропорт.

– Вы привезли его сюда?

Полицейский помотал головой.

– Я жду коллег из экспертно-криминалистического отдела. Должен проводить их к могиле. А почему вы спрашиваете?

Сабина озадаченно смотрела вслед BMW, который вскоре исчез в потоке других машин. Как такое возможно?

– У него якобы нет водительских прав.

– Станный тип, не правда ли? – сказал коллега.

– Определенно, – подтвердила она. – Он спросил у вас, где находится филиал «Гаитал»?

– Что? – Полицейский наморщил лоб. – Нет, просто попросил у меня спички. Это ведь был Мартен Снейдер из Роттердама, верно?

Сабина помотала головой.

– Мартен С. Снейдер, – поправила она его.

Сабина шла по парковке к своей машине и думала о предложении Снейдера. Она никак не может переехать в Висбаден на два года или больше. Как Моника справится одна с тремя девочками? Но потом она вспомнила, что отец собирался перебраться в Мюнхен, чтобы помочь

Монике. Может, все так и должно быть. Она подумала о комиссаре-стажере БКА Эрике Дорфере, друге ее молодости, с которым она снова встретится в Висбадене. Из-за того кода доступа к «Дедалу» она в огромном долгу перед ним.

Сев в машину, Сабина откинула солнцезащитный козырек. Уже почти полдень. На небе ни облачка. Все-таки Старый город Дрездена чудесное место. Может, стоит задержаться здесь еще на несколько часов, прежде чем отправиться в Мюнхен. Ведь у нее выходной и полно времени. Кроме того, сегодня день ее рождения.

Она взяла мамин подарок, который лежал на пассажирском сиденье. Наконец-то его можно открыть. Она потянула за ленту и разорвала бумагу. На коленях у Сабины оказался иллюстрированный альбом о методах составления психологических портретов преступников, которые используют в БКА. На первой странице мама оставила дарственную надпись:

С днем рождения, надеюсь, твоя мечта сбудется.

«Ах, – подумала Сабина, – если бы ты могла сказать мне это сама...»

Благодарность

Я хочу выразить благодарность всем, кто поддерживал меня на длинном пути, с которого я наверняка и не раз бы сбился, не будь рядом замечательных людей, готовых указать на слабые стороны романа. В моем случае это Гюнтер Зуда, Хайдемари Грубер, Вероника Грагер, Юрген Пихлер, Роберт Фройхофер, Лео Шабауэр, Петер Хисс, Габи Вилхалм, Михаэль Адам и Магдалена Адам. Спасибо, что Вы так внимательно читали рукопись и безжалостно высказывали критику. Идея ввести в этот триллер тему психотерапии и сделать женщину-психотерапевта одной из героинь появилась у меня после спектакля *Equus*^[31] Петера Шафера. Поэтому больше всего информации пришлось собирать для психотерапевтической линии сюжета. За бесплатные консультации и беседы, через которые состоялось мое знакомство с психотерапией, я благодарю Монику Корбер, Ангелу Кунц, Ульрике Хадерер и Барбару Гройер-Валенту. Большое спасибо за возможность взглянуть на вашу грандиозную работу. За детальные ответы по психотерапии и подробные объяснения я прежде всего благодарю Уту Вебер-Грюнер, а Еву Грубер – за ее многочисленные идеи и за то, что, несмотря на плотный рабочий график, она несколько раз вычитывала и правила рукопись.

За медицинские ответы на мои бесконечные вопросы я благодарен д. м. н. Беттине Драйер и д. м. н. Кристиану Вергеттеру. По вопросам устройства церкви мне помогал Фольфганг Пазет, по техническим – г. Вагнер из объединения «Системы мобильной коммуникации», а по уголовно-полицейским вопросам – берлинский прокурор Франк Хеллер, полицейский Роберт Фройхофер и Ян Гегге из берлинского оперативного отдела уголовной полиции. Спасибо за время, которое вы уделили мне.

Джек-рассел-терьер Дасти существует на самом деле. Он долго ждал и наконец получил роль в романе. Венская Башня дураков, как и катакомбы венской церкви Святого Михаила, которые я перенес в выдуманную церковь Святой Марии, тоже существуют. Мне удалось побывать в обоих местах.

Некоторые цитаты, которые я вложил в уста моего героя Мартена Снейдера – извините, Мартена С. Снейдера, – принадлежат Сибелиусу^[32], Деттмару Крамеру^[33], Жану Полю^[34], Марку Твену, Михаэлю Марии Юнгу^[35], Марии фон Эбнер-Эшенбах^[36] и гениальному Харри Ровольту^[37]. Мне очень жаль, что пришлось бессовестным образом украсть эти афоризмы, но они слишком хороши, чтобы не позаимствовать их для романа.

Как и в *«Лете мести»*, хочу сказать отдельное спасибо Роману Хоке и доктору Уве Ноймару из международного литературного агентства AVA за доверие и отличное курирование.

Я абсолютно разделяю мнение Уильяма Фолкнера, который, получая Нобелевскую премию, сказал, что писатель работает «не ради славы и уж тем более не ради денег, но во имя того, чтобы из элементов человеческого духа создать нечто такое, что раньше не существовало». Поэтому я благодарю Ирис Гредлер из «Клуба Бертельсман»^[38], которая меня, так сказать, открыла и вместе со мной проработала материал для этого триллера. Она прочитала в общей сложности семь фрагментов и указала мне на слабые места, пока мы наконец не нашли этот сюжет. Большое спасибо за ваше невероятное, ангельское терпение. Надеюсь, все усилия того стоили.

---

notes

Примечания

1

Собор Пресвятой Девы Марии.

2

До встречи, милая! (*англ.*)

3

Пока!

4

Федеральное ведомство уголовной полиции (БКА – сокращение от Bundeskriminalamt).

5

Земельное уголовное ведомство (ЛКА – сокращение от Landeskriminalamt).

6

Спецподразделение полиции г. Вены.

7

Клариса Старлинг – агент ФБР из триллера «Молчание ягнят».

8

«Каритас» – католическая благотворительная организация.

9

Struwwelpeter (*нем.*) букв. – «Неряха Петер». Сборник из десяти назидательных стихотворений, написанных франкфуртским психиатром Генрихом Гофманом для своего сына в 1845 году. Сборник стал одной из первых в истории детских книжек с картинками. В России издавалась под названием «Степка-растрепка».

10

Услуга за услугу (*лат.*).

11

Исторический центральный район Мюнхена.

12

Измененная цитата из рок-оперы «Моцарт» – «знать тебя значит любить тебя».

13

Швабинг – район в Мюнхене.

«Наука отправила человека на Луну, религия – в церковные лавки». Высказывание Виктора Стенджера, американского астронома, специалиста в области физики элементарных частиц, философа, атеиста.

15

Кошютц – район Дрездена, на юге города.

Церковь Богородицы в Дрездене.

17

Земперопер – дрезденская государственная опера, построена по проекту Готфрида Земпера.

Берхтесгаден – община в Баварии.

19

Хождение в Каноссу – датированный 1077 годом эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римских пап с императорами Священной Римской империи.

Бит-поколение (the Beat Generation, иногда переводится как «разбитое поколение») – название группы американских авторов, работавших над прозой и поэзией в 1940–1960-х годах. Бит-поколение можно рассматривать в качестве девиза или символа революции американских нравов. На закате «поколения разбитых» в конце 1960-х большая часть данной группы претерпела трансформацию в движение хиппи.

Отсылка к региону Венгрии «Западная Трансданубия».

22

Черт! (*нидерл.*)

23

Проклятье! (*нидерл.*)

Брандауэр Клаус Мария – австрийский актер и режиссер.

25

Черт возьми! (*нидерл.*)

26

Проклятье! (*нидерл.*)

Bach – в переводе с немецкого ручей. В данном случае обыгрывается созвучная фамилия И. С. Баха.

28

Черт побери! (*нидерл.*)

29

Деръмо (*нидерл.*).

Тортеллони – итальянское блюдо, разновидность пельменей с начинкой из сыра рикотта и шпината.

31

Конь (*лат.*).

Сибелиус – финский композитор.

Крамер Деттмар – немецкий футболист и тренер «Баварии».

Поль Жан – немецкий писатель, сентименталист и преромантик.

Юнг Михаэль Мария – немецкий профессор, преподаватель, коучер.

Эбнер-Эшенбах Марияфон – австрийская писательница,
драматург.

Ровольт Харри – немецкий актер.

«Бертельсман» – международный медиаконцерн, контролирующий издательско-полиграфическую отрасль Германии.

Table of Contents

Андреас Грубер Смерть с уведомлением

Пролог

Часть первая Спустя два месяца С воскресенья 22 мая до
понедельника 23 мая

1

2

3

4

5

6

7. Вводная беседа

8

9

10

11

12

13. Четвертый сеанс психотерапии

Часть вторая Вторник, 24 мая

14

15

16

17

18

19

20. Пятый сеанс психотерапии

21

22

Часть третья Среда 25 мая

23

24

25

26

27

28

29. Восьмой сеанс психотерапии

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39. Последний сеанс психотерапии

40

41

42

43

44

Эпилог

Благодарность

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)

